БЕРЗАРИН

Василий Скоробогатов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин на завершающем этапе Второй мировой войны командовал войсками 5-й ударной армии, был первым советским комендантом поверженного Берлина и спасал германскую столицу от гуманитарной катастрофы. Берзарин — крупнейший, по-суворовски одаренный полководец, представивший высшему командованию оригинальный план взятия ставки Гитлера еще в начале апреля 1945 года. В ходе штурма Берлина этот план был успешно реализован и после взятия бункера фюрера гарнизон столицы коричневого рейха капитулировал.

Автор — журналист и писатель, полковник, ветеран 5-й ударной армии Василий Ефимович Скоробогатов был участником и очевидцем многих описываемых событий. Его книга об истинном воине-подвижнике, командарме Берзарине — дань великому подвигу всех героев Великой Отечественной войны.

-
-
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Вместо послесловия
- Приложение 1
- Приложение 2
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. Э. БЕРЗАРИНА
- ЛИТЕРАТУРА
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

○ 52
○ 53
○ 54
○ 55
○ 56
○ 57
○ 58
○ 59
○ 60
○ 61
○ 62
○ 63
○ 64
○ 65
○ 66
○ 67
○ 68
○ 69
○ 70
○ 71
○ 72
○ 73
○ 74
○ 75
○ 76
○ 77
○ 78
○ 79
○ 80
○ 81
○ 82
○ 83
○ 84
○ 85
○ 86
○ 87
○ 88
○ 89
○ 90
○ 91
○ 92

Подготовка к изданию книги о талантливом русском советском полководце генерале Н. Э. Берзарине началась после

того, как автор отметил свое 90-летие и был удостоен высшей награды Союза писателей России — ордена Владимира Маяковского. Создавая биографию, автор трудился в тесном контакте с ветеранами-фронтовиками, однополчанами. Его особая благодарность за активное сотрудничество ветеранам 5-й ударной армии — полковникам Владимиру Алексеевичу Жилкину и Андрею Филимоновичу Полтораку. Их материалы использованы на страницах издания.

Автор постоянно и своевременно получал всестороннюю и неустанную помощь своей супруги Раисы Викторовны, сына Владимира и его жены Ирины. Владимир Васильевич и Ирина Александровна — ученые-медики, врачи высшей категории, не жалели своих богатых знаний и творческого потенциала, откликаясь на просьбы автора. Внучки Аня и Катя старательно решали задачи компьютерного обеспечения.

Автор горячо и сердечно благодарит всех, кто участвовал в создании книги, и посвящает ее этим родным и светлым лицам.

> *Война осуждена Богом и проклинаема даже теми людьми, которые непосредственно участвуют в ней и которых она приводит в тайный ужас, а Земля взывает к Небесам лишь для того, чтобы испросить у них студеную воду для своих рек и прозрачную росу из утреннего тумана.*
>
> *Альфред де Виньи.*
> *Неволя и величие солдата*

ОТ АВТОРА

В канун 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов мой однополчанин разведчик 899-го стрелкового полка 248-й стрелковой Одесской Краснознаменной дивизии Виктор Андреевич Хоменко порадовал меня сообщением о том, что вышла в свет книга воспоминаний воинов-фронтовиков «Говорят герои Великой Победы: Диалог поколений». Ее подготовила к печати и издала редакция газеты «Аргументы недели» совместно с Ассоциацией общественных объединений города-героя Москвы и Советом ветеранов Министерства иностранных дел Российской Федерации. Книга напечатана для нынешнего времени довольно большим тиражом — десять тысяч

экземпляров.

Далее мой товарищ сказал, что праздничными мероприятиями 9 Мая предусмотрено передать эту книгу в дар учебным заведениям, военным частям и библиотекам. Персонально я, как журналист и литератор, смогу получить книгу от корреспондентки газеты, но от меня требуется дать интервью для этой милой представительницы СМИ.

Я охотно согласился, тем более что в избытке располагал свободным временем — напомнили о себе травмы войны, обострились простудные заболевания, и я оказался пациентом одной из палат госпиталя для ветеранов войн. Тут меня и настигла пресса в лице журналистки Елены Козиной, и я стал счастливым обладателем уникального издания. Кстати, чудесно оформленного, стилистически со вкусом отредактированного. Внимательно и с интересом прочел. Нашел в книге редкий эпизод, о котором хочется поведать здесь моим читателям. Речь идет о страничках воспоминаний офицера-гвардейца Сергея Романовцева «Ключи от Берлинских ворот нам сбросили с неба». Меня, познавшего, что такое уличные бои в столице гитлеровского рейха, описанный эпизод тронул и взволновал.

Старший лейтенант С. Д. Романовцев вспоминает:

«16 апреля 1945 года войска 1-го Белорусского фронта начали наступление на Берлин. Приятным сюрпризом в этот день стал поступок летчиков штурмовой авиации. Пролетая над нашими позициями, они сбросили букет цветов, огромный ключ и записку со словами: “Гвардейцы-друзья, к победе, вперед! Шлем вам ключ от Берлинских ворот. С вами авиаторы-гвардейцы генерала Белявина”».

Говоря казенным языком, сей факт действительно имел место. О нем есть строки в мемуарах маршала авиации С. И. Руденко, изданных в 1985 году. Маршал сообщает:

«…Комсомольцы гвардейского авиационного полка взялись изготовить увеличенную копию ключа от ворот германской столицы, добытого славными русскими воинами в Семилетней войне 1756–1763 годов. Было решено сбросить его гвардейцам генерала И. Дука, штурмовавшим Зееловские высоты в составе 8-й гвардейской армии.

16 апреля ключ к Берлину был вручен перед строем полка лучшему летчику-штурмовику Герою Советского Союза Н. И. Белавину».

Помню тот день (я его встречал в полевом госпитале, куда попал, будучи раненым). Весть о необычном подарке и письме авиаторов моментально облетела все наземные части и вызвала у наступающих воодушевление и прилив сил. Проникла и в

госпиталь, и в тот день я попросился у врачей о досрочной выписке в часть.

Эта необычная реликвия, наверное, побывала не в одних руках. Логично было бы, если б сей инструмент оказался у советского коменданта. Но обошлось без сего действия. Не догадались. А сам генерал Берзарин, человек скромный, на владение чем-то особенным не претендовал.

Нынче у меня иные раздумья. Я с грустью думаю о том, что вещи — увы! — намного долговечнее, чем люди. Из подаренного сборника узнаю, что в настоящее время символический ключ от Берлинских ворот находится в мемориальном музее «Зееловские высоты». А участников битвы по прорыву Зееловских твердынь нынче днем с огнем не сыщешь. Догадываюсь, что я, автор этой книги, — один из последних свидетелей и участников тех событий.

Конечно, мы, фронтовики, относимся к этой реальности и проблеме философски. Но нам понятны тревога и беспокойство юных книгоиздателей. Их волнует, что работа с ветеранами по сбору воспоминаний героев Победы проводится слабо. В предисловии к книге составители Андрей Марсий и Андрей Угланов без обиняков отмечают весьма прискорбную истину:

«…Каждый день уходят от нас ветераны, и очень скоро — мы даже не успеем оглянуться — нам не у кого будет спросить: “А как это было, расскажи…” И мы будем горько жалеть, что не успели задать этот вопрос чуть раньше, пока еще не было поздно».

Ценности нашего общества меняются со временем, но мы уверены, что, несмотря на потрясения 1990-х годов, напряженный ритм современной жизни, такие простые вещи, как уважение к старшим, знание истории своей семьи, чувство долга и собственного достоинства, возобладают над цинизмом и безразличием современности. Уже много сделано для улучшения жизни ветеранов войны со стороны государства, местных органов власти — нужно отдать им должное, но материальная помощь не заменит выражения искреннего, живого интереса детей к прошлому родителей. Задайте же и вы вопрос своим старикам о их тяжелом военном и послевоенном прошлом и узнайте о подвиге из первых уст, так как это сделали молодые журналисты «Аргументов недели».

Инициаторы сборника интервью и воспоминаний участников Великой Отечественной войны посвятили свой труд своим отцам и матерям, дедушкам и бабушкам, отстоявшим нашу свободу и благополучие ценой своей жизни и здоровья. Они заканчивают свое обращение к читателю словами: «И будем же мы — дети

достойны Великого Подвига героев Великой Отечественной, и будем помнить о них вечно, и помогать им, покуда они с нами».

Прочтя книгу, я подумал: от нас, ныне здравствующих фронтовиков, требуется встречное движение. И неважно, какой твой возраст, каково самочувствие.

В Союз журналистов я вступил в 1957 году, чуть позже — в Союз писателей. Являюсь автором десятка книг художественно-документального жанра. Последняя моя книга о боевом пути 5-й ударной армии издана в 2007 году.

Мой однополчанин Виктор Хоменко, художник, в те годы, когда еще здоровье позволяло мне участвовать во всевозможных акциях по воспитанию подрастающих поколений в духе любви к нашей родине, познакомил меня с персоналом и студентами Всемирного духовного университета «Брахма кумарис». Слушатели этого университета попросили меня рассказать о генералах Великой Отечественной войны. Я им рассказал о своем командарме. Рассказал, что мне довелось служить, пройти войну под командованием генерала Николая Эрастовича Берзарина, легендарной личности, командующего 5-й ударной армией, назначенного первым советским комендантом Берлина. Только что стихли массированные бомбежки и жестокие уличные бои, еще не остыли страсти с обеих сторон, у всех оружие, город в руинах, без воды, жители без крова и продовольствия.

В этой сложной обстановке Николай Эрастович Берзарин, боевой генерал, проявил себя не только прекрасным профессионалом и хозяйственником, но и истинным подвижником — твердым, но справедливым руководителем. Те, кто еще вчера взрывал мосты, сегодня трудились над их восстановлением; кто ловил серые мундиры в прорезь прицела, кормили на улицах всех без разбора русским борщом и кашей из котлов полевых кухонь.

Вот почему до сих пор в Берлине лучшая площадь города и одна из главных магистралей носят имя славного русского генерала и он значится в числе почетных граждан города.

Перед слушателями я выступал по случаю праздника с регалиями и в униформе офицера Всевеликого войска Донского, к которому имею честь принадлежать. И потому мне задали вопрос, мог ли я сделать военную карьеру. Я ответил, что, пожалуй, мог бы. Но после войны я сразу же попросился в запас. Поступил в Москве в престижный вуз на факультет журналистики. Окончил его и посвятил себя новой профессии — стал «служить пером». Это пришлось мне по душе.

Вернусь, однако, к истокам. Еще в школьные годы глубоко в сердце запали слова завещания Михаила Евграфовича Салтыкова-

Щедрина, обращенные к сыну: «Паче всего люби родную литературу и звание литератора предпочитай всякому другому».

А начинать надо «чернорабочим» — корреспондентом, репортером. И я работал на всех — на боевые листки, на стенгазету, на многотиражку, печатался в районке, в областной газете. Мне смешной казалась мысль — взяться за сочинение воспоминаний. Ее высказывали мне ветераны-однополчане. Я же ждал, когда выскажутся наши военачальники, командармы и комдивы, полководцы и флотоводцы. Для нас, более молодых, время еще не наступило. Мемуарное время. А вообще-то писать о пережитом приходилось.

А с чего началось? Помню, сразу же после перехода на мирные рельсы вышестоящее армейское начальство потребовало от штабных офицеров материалов с описанием боевых операций. Называлось это: «Обобщить опыт минувшей войны». Чтобы использовать его в боевой учебе. Такое задание было.

Потом от штабников потребовали подумать о создании истории части, соединения. Были те, кто постарался. Но кое-где работа шла ни шатко ни валко. В основном использовали только «Журнал боевых действий». Журнал такой интересен и ценен, но история полка, бригады, дивизии, корпуса — это вещь более сложная и масштабная, более объемная. Такая работа не каждому по плечу.

Мемуарная эпоха все же пришла. Было подготовлено к печати и издано много замечательных произведений, авторами таких трудов стали Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский… В такой работе приняли участие тысячи фронтовиков всех званий, должностей и возрастов. Книгу может написать каждый «бывалый человек» — это заметил Максим Горький. Мемуарная литература это подтвердила. Каждого, кто причастен к мемуарному жанру, не может не вдохновить тот факт, что основоположником мемуарной литературы является человек с военной косточкой, а именно Гай Юлий Цезарь. Именно он — автор произведений «Записки о галльской войне» (семь книг) и «Записки о гражданских войнах» (три книги). Сколько было последователей у Цезаря? Их не счесть.

Своей наивысшей точки, апогея наша мемуаристика достигла, по моему мнению, в 70–80-е годы минувшего века. Военное командование, политорганы, научная общественность вооруженных сил страны всемерно поощряли и поддерживали этот процесс.

Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР подвело тогда некоторые итоги работы. Воениздат большим тиражом выпустил в 1977 году книгу

— аннотированный сборник-указатель под названием «О войне, о товарищах, о себе».

В сборнике проаннотировано около девятисот мемуарных книг. Представьте себе: почти тысяча названий, почти тысяча имен авторов! Составители имели узкую цель — дать аннотации лишь на произведения тех участников войны, которые считались фронтовиками, сражались на поле боя в составе регулярных войск и партизанских формирований. Видимо, предполагали, что со временем найдутся энтузиасты, которые обратят внимание на мемуары подпольщиков, партизан и тружеников тыла страны о событиях 1941–1945 годов, а также на статьи участников войны, публиковавшиеся в журналах и других органах периодической печати. В такой акции имелась необходимость, но, к сожалению, кажется, за такую работу никто всерьез не взялся.

Первый аннотированный указатель был доброжелательно встречен читателями, интересующимися литературой о героическом прошлом нашего народа. Поэтому в 1982 году Воениздат выпустил новый сборник аннотаций книг, написанных ветеранами, опубликовавшими свои произведения в центральных и местных издательствах. В этой новой книге было проаннотировано 628 мемуарных сочинений.

Как было отмечено в этих книгах-указателях, в них включались лишь те издания, которые, по мнению составителей, давали объективную оценку событий войны и считались наиболее доступными для массового читателя.

Аннотированные указатели военно-мемуарной литературы «О войне, о товарищах, о себе» меня особенно порадовали. В них были помещены аннотации — краткие рецензии на четыре мои книжки. Назову их. Первая — «Главный экзамен», вторая — «И полк назвали Берлинским», третья — «Мы идем к тебе, Прут!», четвертая — «Отгремели залпы».

Разумеется, составители аннотированного указателя видели, что не все эти мемуарные произведения являются шедеврами. Тем не менее они не скупились на лестные оценки изданий. Ведь главное достоинство такого сочинения — его достоверность, свидетельство очевидца событий, стремление донести до читателя правду о народном подвиге. Такая моральная поддержка много значила для меня. Появилась уверенность в своих силах и возможностях. И я после этого опубликовал еще несколько книг, стал чаще выступать на страницах газет и журналов, участвовать в коллективных сборниках.

Горжусь тем, что вместе со многими ветеранами войны мы внесли свой вклад в фонды мемуарной литературы. У меня в числе таких книг есть и довольно памятные. Даже М. А. Шолохов

подарил мне свою книгу «Судьба человека» с автографом. Хранится в моей памяти и имя Ольги Берггольц. Она прославилась не только как поэтесса, но и как пламенный репортер. Могу сообщить, что и я, и Ольга Федоровна являемся воспитанниками одного редакционного коллектива — в свое время трудились в республиканской газете «Казахстанская правда». О том периоде Ольга Федоровна даже опубликовала книгу «Журналисты». Как поэтесса, она брала все новые и новые высоты. Ею написано талантливое стихотворение, где есть строка: «Никто не забыт, и ничто не забыто».

Ольга Берггольц как-то посоветовала нам, участникам войны, мне и Луке Чернодубровскому, сделать обращение к ветеранам, суть которого в призыве: «Пополним летопись Великой Отечественной войны!»

Мы с Лукой Григорьевичем распространили по ветеранским организациям соответствующее письмо, которое опубликовала газета «Ветеран». Результат получился весьма заметным. О числе публикаций, выступлений по радио и телевидению можно сказать: их было много. И правление Московского городского совета ветеранов наградило меня и незабвенного Л. Г. Чернодубровского почетными грамотами.

Время неумолимо движется от эпохи к эпохе. Минуло первое десятилетие XXI века. Для нас, ветеранов Великой Отечественной, пришли годы, о которых у Александра Сергеевича Пушкина сказано с невыразимой грустью: «Иных уж нет, а те далече…» Но нам руки опускать не следует. Есть еще порох в пороховницах. Еще можно кое-что сотворить. И я бесконечно благодарен руководству книжного издательства «Молодая гвардия», которое благожелательно восприняло заявку на издание в серии «Жизнь замечательных людей» моей книги о командарме 5-й ударной армии Николае Эрастовиче Берзарине.

В лице этого по-суворовски одаренного полководца в апреле 1945 года поверженный Берлин получил Главного военного коменданта. Берзарин был достойным учеником и соратником маршала Победы Георгия Константиновича Жукова.

Те бойцы, офицеры и генералы, которые имели счастье служить в войсках 5-й ударной армии, не забывали своего командарма до конца жизни.

И вот я, возможно, последний из участников Одерско-Берлинской стратегической боевой операции, из тех, кто имел встречи с Берзариным, кто выполнял его приказы, воспользовался счастливым случаем и, собрав остатки своих сил, написал воспоминания о воинских свершениях генерала Николая Эрастовича Берзарина. А уж о достоинствах и недостатках моего

скромного труда судите сами, дорогие читатели.

31 августа 2011 года,
Истра — Троицкое — Родники
Василий Скоробогатов

Глава первая
ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ?

Родители Коли Берзарина

Эраст Берзарин — мастеровой человек, рабочий, какими в основном в то время был населен Петергофский район Санкт-Петербурга. Он — рабочий-металлист, трудится токарем в механических мастерских компании «Сименс и Гальске». Компания слилась затем с машиностроительным и сталелитейным предприятием акционерного общества «Путиловские заводы»[1].

Историки считают Путиловский завод колыбелью рабочих организаций в России. Как человек семейный, Эраст Берзарин не проявлял заметного интереса ко всякого рода новациям в форме кружков, касс и т. п. Их участники всегда попадали в полицейские ловушки то зубатовщины[2], то гапоновщины. Доверились, к примеру, попу Гапону[3], а тот их под пули подставил.

Для Эраста Берзарина главным в жизни было дело, работа. Он считал, что токарю политика совсем не нужна. Ею занимаются невежи, ослушники и болтуны. Ценил свое место Эраст — семью кормить надо, а она растет. Дочка за дочкой, в семье уже три девочки. И тут долгожданное счастье — весной 1904 года родился первый сынишка, нарекли Николаем.

Дочки есть дочки, при матери, возле ее швейной машинки «Зингер» копошатся. А вот Коленька! Будущий помощник и наследник. Не лентяй. На пятом году читать научился, ножичком увлекся, молоточком стучит. Мастерит что-то. Как-то из картона вырезал наган, размахивает этой «пушкой», рожицей самурая изображает, наслушался маньчжурских историй от дядюшки Роберта или извозчиков. Словом — артист, непоседа, но серьезный парнишка. Может быть, хозяева завода со временем в цех на работу возьмут. Хорошо бы!

Девочки свои дни рождения любят отмечать. Мать-портниха к торжествам какую-нибудь обновку обязательно сошьет. А что нужно к празднику сынишке? Дело нешуточное. Поэтому перед днем рождения Коли, в последний день марта, отец советуется с сыном — что купить? Единодушно, всей семьей решили — купить толстую книжку с картинками. Фолиант.

Старый букварь, подаренный когда-то сестренками, Коля знает наизусть. Таблицу умножения вызубрил и на манер стишка

умеет ее декламировать. Иметь бы книжку с картинками, да потолще!

Мимо книжной лавки отец ходит на работу. На этот раз зашел он туда. Эраста встретил услужливый белобрысый парень с веселыми глазами. Заговорил: «Мальчонка грамоту знает? Вундеркинд? Найдем ему вещь. Айн момент!»

И стал выкладывать перед Эрастом книги. Продавец посоветовал сказку купить — «Конек-Горбунок» называется. Красивая, яркая книжка. Но тонкая. А Коля ждет фолиант. Пожалуйста, вот «Хрестоматия» — 600 страниц. Лавочник стал перелистывать книгу, показывать заголовки и картинки. Вот Александр Пушкин — «Песнь о вещем Олеге», «Зимний вечер». А вот Николай Гоголь — «Тарас Бульба», Михаил Лермонтов — «Бородино», Лев Толстой — «Кавказский пленник» и рассказ «Бог правду видит, да не скоро скажет», Антон Чехов — «Ванька Жуков».

Остановились на «Хрестоматии». Было сомнение у Эраста — не молод ли парнишка для такой книги? Лавочник успокоил.

— В самый раз! — с пафосом произнес он. — А то, что рано, пригодится на вырост.

Получив деньги и вручив книгу, приказчик согнулся в поклоне:

— Благодарю, сударь! Данке шён!

Коля, как и догадывался отец, обрадовался щедрому подарку. С того памятного дня книга для него — всё! Уткнет нос в книжку, читает и перечитывает. Молитвенник, а не сборник. Стихотворение «Бородино» выучил наизусть раньше других. Становится в горделивую позу перед сестренками и вдохновенно произносит:

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?

Те схватки роковые, о которых повествует поэт, происходили давным-давно. Но схватки с япошками на маньчжурской земле — совсем недавно. Жаль, что о войне с косоглазыми в «Хрестоматии» нет ни слова. А хотелось бы прочитать про Цусиму, Мукден, Порт-Артур. Сосед Берзариных, дядюшка Роберт, с кровавых маньчжурских полей возвратился без одной конечности. Усевшись в скверике напротив, показывал всем желающим на единственной ноге коричневые шрамы от осколков японского снаряда. Когда под окнами дома проходит строй солдат с оркестром, медные трубы рыдают мелодией «На сопках

Маньчжурии». Дядя Роберт матросом ходил на судне, много знает о крейсере «Варяг».

Крейсер… Как-то забежав после занятий в классе на территорию порта, Коля своими глазами увидел многотрубный корабль, грузчики-докеры называли его «крейсер». Пойти бы на него юнгой! Встречал Коля юнг, один из них хвастливо называл себя «боцманом». Он посвистывает, бороздит море вдоль да поперек. Сегодня здесь, а завтра там. Походка у «боцмана» морская, вразвалочку. На руке вытатуирован якорь. Смотреть на него любо-дорого!

Поделился Коля своими мыслями с отцом. Насчет юнги. Но отец пресек разговор на эту тему. «Еще этого не хватало! — насупившись, проворчал он хмуро. — Надо учиться делу. Немножко подрастешь, и поведу в цех, место твое — у станка…»

«Твое место — у станка!» Коля это слышал многократно. Эти слова его пугали. А отец решил даже показать сынишке свой цех в натуре. Сын же в цехе ничего привлекательного не заметил. Одно железо. Оно здесь повсюду. Скучная у отца работа. А дома он оказал отцу:

— Рабочие смотрели на нас с тобой с уважением. Токарей, металлистов ценят. Но чувствую, что хорошим мастером токарного или слесарного дела я не буду. Хочу простора…

— Дело твое, — ответил отец. — Неволить не стану. Но ты о нашем заводе хоть вот эту брошюрку прочти. Выпросил для тебя у механика. Хотя ты, по-моему, интересуешься только историей с географией.

В брошюрке, довольно занимательной, говорилось, что в России чугунолитейное производство первым затеял приглашенный Екатериной II шотландский инженер Чарлз Гаскойн. В его изделиях нуждалось кораблестроение.

А первые цеха по указу Павла I открылись в Кронштадте, чуть позже их перевели в столицу империи.

Начинание шотландца продолжил выпускник Морского кадетского корпуса Николай Иванович Путилов. При нем в Санкт-Петербурге действовал уже сталелитейный завод на Петергофском тракте. Завод производил рельсы, предназначенные для строящейся Николаевской железной дороги. Талантливый предприниматель пустил мартеновскую и построил сталелитейную мастерскую, начал производство железнодорожных вагонов, а затем и паровозов.

Отцу было чем гордиться! В 1900 году Путиловский завод занял первое место среди российских металлургических и машиностроительных заводов, а в Западной Европе уступал лишь заводам Круппа в Германии и Армстронга в Англии.

В брошюре был помещен портрет Н. И. Путилова и описывалась его внешность: «Собою Путилов был невзрачен, но при этом лицо его было чрезвычайно выразительным, так что не зная его и не поговорив с ним, но встретив впервые где-либо, непременно подумаешь и скажешь про себя: должно быть, это очень умный человек».

Николай отложил брошюру и задумался.

То, что Путилов был мудрым человеком, сомневаться не приходилось. Но посвятить свою жизнь без остатка одному только заводу Николаю не хотелось. Ведь мир так велик! Парнишка мечтал о просторах! Сухопутных или морских. И в то же время опасно потакать фантазиям. Коля однажды услышал от друзей в школе, что есть курсы, где во внеучебное время с ребятами занимается мастер печатного дела. Из типографии. Коля встрепенулся. Наверное, приятнее иметь дело не с железом, а с бумагой. Бумага рождает книгу! Было только обидно, что его взгляд на профессии не совпадает с отцовским.

Учась в начальных классах, Коля за одну зиму проскочил и первую, и вторую группу и стал учеником третьей. На следующую зиму друживший с семьей студент Радко Саввич вошел к мальчику в доверие и стал его задушевным другом. Вечерами он посвящал его в тайны геометрии и алгебры, научил извлекать корни. «Так держать! Полный вперед! — приободрил студент, подмигивая старшей сестренке Рите. — Фамилия у тебя знатная, варяжская. Расшифровка с варяжского: “горная ветвь”, “кряж”. В Лифляндии этим словом пользуются и нынче. Так-то — Берг-Зарин! А Николай — Ника — слово греческое. Означает оно — Побеждающий!»

Нравился студенту бойкий ученик. Такой устоит под ударами судьбы. Когда студент ушел, а Рита, принарядившись, пошла его провожать, отец осудил выдумку студента, пояснил, что Берзарины веками живут на Неве; дед и прадед работали на верфях. И всегда они были Берзариными, а не дикими варягами. Коля слушал отца внимательно. Этот студент Саввич сам, наверное, варяг. Потому и мудрит. Как бы Риту в варяги не переманил.

Первая книга

Из года в год «Хрестоматия» использовалась для вечернего чтения. Детей и родителей о многом заставил задуматься рассказ Льва Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет».

Измотанная тяжким трудом мать, в поте лица добывавшая с

отцом средства для существования, по праздникам аккуратно посещала церковь. Иногда брала с собой и Колю. Николай старался отойти от молящихся в сторонку. Простаивал возле иконы Николая Чудотворца или близ Богоматери. Наблюдал, как иные богомольцы с отрешенным взглядом трепетно прикладывались к краю иконы.

Наверное, батюшка, если его порасспросить, мог бы дать толкование толстовской истории. Веселый молодой купец из города Владимира Иван Дмитриевич Аксенов без вины пострадал. Полиция и суд обвинили его в убийстве соседа по гостиничному номеру, упекли в Сибирь, на каторгу. Несчастный не сумел доказать свою невиновность и провел в тюрьме 26 лет. И только после этого вскрылась истина. Убийца раскаялся и явился с повинной.

Рассказ-быль Льва Толстого заканчивается словами: «Когда вышло Аксенову разрешение вернуться, Аксенов уже умер».

«Бог правду видит, да не скоро скажет», — утверждал Лев Толстой. И старого и малого тревожит эта истина. И никто не в состоянии истолковать ее. Только на уроке по Закону Божьему, случайно, Николай нашел ответ в словах русской пословицы: «На Бога надейся, а сам не плошай».

Вспомнился Николаю Александр Невский. В «Хрестоматии» имелся его портрет. И текст жития святого. Вот кто не «плошал»! Подолгу рассматривал Коля богатыря в островерхом шлеме. Из жития узнал, что сразился он возле устья Невы с заморским рыцарем Биргером. Ударил рыцаря копьем в лицо и свалил с коня. А что произошло на Чудском озере? Псы-рыцари из Лифляндии хотели покорить княжество Александра, да не удалось. Русаки-русичи навалились на них, побили злодеев-пришельцев. Не спасли их железные панцири, они попятились, а лед затрещал.

Рыцари-лифляндцы сестренок не интересуют. С кем поделиться мыслями? Разве что с котом Васькой?

— Иди, Васёк, сюда!

Васёк на зов откликнулся, подбежал, прыгнул на колени. Замурлыкал. И Коля тихонечко стал рассказывать ему о прочитанном, о богатыре-князе, его храбрости, его мудрости.

Сестры такие рассказы если и слушают, то вполуха, а кот Васька выслушивает внимательно. И Коля откровенничает с пушистым рыжим дружком: «Мы с тобой, Васёк, русичи. Отлупим всякого там Биргера, если он полезет в драку». Котик не перечит, соглашается.

Постоянное общение с миром книг, наблюдательность сделали Колю широко мыслящим парнем. В любой книжке всегда

можно найти что-то полезное, даже перелистать скучный справочник полезно.

Подошел черный 1914 год. Над Россией нависла новая война — германская. С ее грозными тучами военных бедствий. Война встряхнула всю страну, а Питер — тем более. В городе все пришло в движение, многоцветье исчезло, его заполонили люди в военной форме.

Невыносимые горечь и боль поселились в сердце Николая с того дня, когда он понял: русские полки на полях сражений с немцами на этот раз побед не имеют. Карта в его учебнике по географии была испещрена карандашными пометками. Они появлялись, когда Коля после тщательного прочтения столбцов газеты, принесенной отцом, находил фронтовые сводки и пробовал установить, где находятся кайзеровские орды и где русские войска — пехота и казаки.

Николай собрал целую коллекцию портретов героев Отечественной войны 1812 года. Тогда французский император Наполеон Бонапарт все же сумел захватить Москву, однако на этой операции погорел. Знал, что это заслуга генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова, ученика и соратника генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Наглых турок колошматил в своем белом кителе Михаил Дмитриевич Скобелев. Не может того быть, чтобы у нас не появились победители, ведь уже надежды подает генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов. Славится казак Козьма Крючков. С такими мыслями Коля засыпал и просыпался.

Война встряхнула и Путиловский завод. Изменился производственный ритм, изменились конфигурации изделий. Эраста перевели в сборочный цех, где на конвейерах стали автомобили броней и пушками оснащать. Работать приходилось много, живот тяжестями надрывать. Почти три года надрывался.

Коля и его друзья по учебному классу не любили «Николашку-царя», в шумных толпах они ходили с красными бантами. В заводские корпуса тоже ворвался ветер перемен. Коля ждал лучшего, а пришла в семью беда. Тут надо сделать пояснения.

Некоторые биографы генерала Берзарина, говоря о смерти отца, указывают, что он скончался от инфаркта у своего станка. Но появились и другие источники. Неправда, что токарь Эраст Берзарин сторонился участия в рабочих демонстрациях. На самом деле он, хотя зря нигде не топтался и не шумел, все же поддерживал своих товарищей по цеху, когда они выдвигали перед хозяевами разумные требования. После одной из таких акций ему стало плохо и он умер.

Обстановка на фронтах, авантюрная политика правительства Керенского вогнали Россию к лету 1917 года в болото острого кризиса.

Столица государства вскипела. 3 (16) июля 1917 года в Петрограде вспыхнули стихийные демонстрации. Начали солдаты 1-го пулеметного полка, находившегося под сильным влиянием анархистов. Они призвали петроградских рабочих, а также солдат к антиправительственным вооруженным выступлениям. Замерли станки в цехах предприятий, в том числе и в цехах «Путиловца».

4 (17) июля 500 тысяч рабочих, солдат и матросов Балтфлота вышли на демонстрацию. Главнокомандующий Петроградским военным округом приказал юнкерам и казакам разогнать демонстрантов. Радикалы («Военная лига» и др.) организовали провокационные выстрелы и получили ответный огонь. Были убиты 56 человек, ранены 650.

Берзарин-старший, находившийся в колонне рабочих-путиловцев, стал жертвой кровавой провокации. Он упал на мостовую с пулевым ранением в бедренную кость. Раненого подобрали друзья, нашли извозчика, привезли домой. Спасти токаря и отца семейства не удалось. Эраст Берзарин умер от осложнений, связанных с ранением.

Беда, как известно, не ходит в одиночку. Мать поплакала-поплакала, и сама через год вслед ушла. Трудовой человек в жизни долго не задерживается.

Преодолев растерянность, Коля постепенно собрался с силами. Надо искать работу, куда-то идти. Может быть, на Путиловский завод, в цех, где трудился и скончался отец? Для Николая это оказалось невозможным. По душевному состоянию. Поискать работу в порту? На корабле? Отец не советовал.

Его бывший наставник, Радко Саввич, подпоручик, служит в каком-то штабе. Рита — его невеста, он иногда ее навещает.

— Насчет флота — исключено, — говорил он Николаю, — котлы остыли, угля нет. Подожди немного, я что-нибудь для тебя присмотрю.

Однажды Саввич пришел и рассказал, что есть работа в типографии, с которой связано его ведомство. Показал две афиши. На одной крупным шрифтом было написано: «Мир хижинам, война дворцам!» Лозунг этот, кажется, понятен каждому. Но вокруг него в конце концов не на шутку развернулась «дискуссия» с применением всех видов стрелкового оружия и артиллерии. На другой афише Коля увидел портрет курчавого человека с бородкой и слова: «Век расшатался — и скверней всего, что я рожден восстановить его!» Что-то было сказано о Шекспире, о Гамлете. Не сразу поймешь. Коля отложил

на книжную полку листок-афишу, чтобы с текстом разобраться позже, а сам лег спать. Договорились, что он пойдет в типографию с утра.

Колю предложение Саввича обрадовало. Он рассказал ему, что на днях побывал на многолюдном митинге на Дворцовой площади, который прошел бурно, со стрельбой.

— Убили какого-то дядьку с усами и подусниками.

— Все это, милок, прекрасно, — сказал Радко, — и называется войной гражданской. Но в эту кутерьму тебе встревать рановато. Надо подрасти. В типографии с работой ты справишься, и там есть что читать. Ты ведь любишь чтение? Оно полезно.

Колю взяли на работу в типографию. Определили в переплетный цех. Юноше место понравилось. В его цехе было сравнительно тихо, не то что в печатном, где что-то стучало, гремело, вертелось. Немало любопытного он увидел у наборщиков, которые его привечают, знакомят с наборной кассой. Ловко они с ней управляются. Металлические буквы разного сорта разложены по клеткам. Наборщик, словно фокусник, быстренько может сложить в верстачке слово, за ним — фразу. Так рождается текст, который после ряда манипуляций оттискивается и идет дальше, к людям. Когда-то такие вот кудесники сделали его «Хрестоматию». Кстати, о «Хрестоматии». Коля нашел время, чтобы одеть ее здесь в новый тканевый переплет. Девушки из цеха подобрали кофейный колер, и книжка получилась нарядной. Сестренки ею любовались, хвалили брата за обретенное мастерство.

Профессий в типографии много, и все довольно сложные. Некоторые сродни работе ювелира. Это в цинкографии, в граверной. Постигать их можно всю жизнь. Коля старался, вначале его ничто не тревожило, пока в печатном цехе не подобрал бракованную афишку с портретом. С нее глядел тот же человек, кудрявый, с бородкой, которого когда-то он видел на листке, принесенном подпоручиком Саввичем. И оказывается, что это вовсе не Гамлет и не Шекспир, а Лев Давыдович Троцкий, глава Реввоенсовета. Он создатель революционной армии. Афишка звала в эти новые войска молодежь.

Указывался адрес, куда может обратиться любой желающий вступить в ряды новой армии. Когда вечером по пути домой Николай увидел совсем молодых ребят с лицами, не знавшими лезвия бритвы, в шинелях и островерхих суконных шлемах, как у Александра Невского, только со звездами, сердце его не выдержало. Он решил разузнать: возьмут его или не возьмут?

Отпросившись у старшего переплетчика, Коля смотался в казармы. Ему показали штабное отделение. Штабом оказалась

обычная канцелярия с чиновниками за столами, заваленными бумагами, с машинистками и телефонным аппаратом на стене возле стола. Столоначальник — молодой человек, вроде Саввича, во френче английского покроя, со следами оторванных погон, в желтых крагах.

Окинув взглядом фигуру Николая, начальник улыбнулся, залюбовался парнем. Заинтересовали решимость в чертах лица, гордая посадка головы. Видно, знает себе цену! Сказал, как отрезал:

— Вот тебе, юнак, направление — побывай у доктора, справку принеси. А жизнь в армии вот что: не знаешь — научат, не хочешь — заставят! Понял?

Николай вытянулся в струнку, ответил громко:

— Так точно, понял!

Этим ответом пути к отступлению были отрезаны. Значит, иного ему не дано, такова воля судьбы.

Уход в армию Николая его товарищи по цеху восприняли с пониманием. Но для сестер такое решение брата было ударом. Они горько плакали. А расставание с питомцем, пушистым Васькой, оказалось еще тяжелее. Когда собирали в заплечный мешок дорожные вещички, котик норовил на мешок взобраться. Чувствовал неладное. Жалобно глядел на хозяина умными глазками. Потом, когда попрощались, царапал двери, подавая голосок.

— Жди, Васёк! Даст бог, увидимся! — сказал ему на прощание Николай. За плечами в сумке лежала книга французского писателя Альфреда де Виньи «Неволя и величие солдата», которой Николай последнее время зачитывался. Собственно, она и стала основной виновницей того, что Николай Берзарин оставил работу, родительское гнездышко, обжитые кварталы города. И отправился в пучину неизведанного…

Юный Коля — боец РККА

Крепкий парень, знающий алгебру и русскую литературу, историю, географию и физику, годится не просто в стрелки. Такого, развитого умом, упрямого, с широкими плечами, можно и в пулеметчики определить. Там, у станкового пулемета, кроме всего прочего, нужны крепкая спина и уверенная поступь.

Ствол, щит и станина тяжеловаты, а их приходится на горбу перетаскивать. Это для начала. Дальше — все зависит от него.

Колю и определили в пулеметчики. И дома, и в типографии он был приучен к аккуратности, порядку, чистоте. Пулеметные

механизмы надежно действуют в руках того, кто относится к ним, как к живому существу, нежно и преданно. С пулеметом надо уметь ладить, понимать его недуги. Небрежность означает смерть и для «максима», и для того, кому он доверен. В этом пулемете были душа Николая, его сердце, его чувства.

Первым номером становится тот, кто с завязанными глазами способен разобрать и собрать пулемет. Если ты и не достиг такой высоты, то к ней надо стремиться. Коля стремился. А когда достиг высот, получил отличную оценку на стрельбах — начальник команды взял его к себе в помощники. Помощник наставника пулеметчиков — это успех и ответственность. Начинают спрашивать с тебя за других, за бойцов, тебе подчиненных.

Пулеметная команда — одна в полку. Полный штат — более шестидесяти человек при восьми пулеметах.

Пулемет «максим» — иностранный, но прижился везде. Изобретен американцем Хайремом Стивенсоном Максимом (1840–1916). Впервые применен в Англо-бурской войне 1899–1902 годов. В Россию завезен во время Русско-японской войны. Тогда считалось достижением иметь один пулемет на целый полк. Треск пулемета мог вызвать панику невообразимую. Потому что пулемет — оружие массового поражения. Инструкцией предусматривалось, что в случае неудачного боя, натиска сильного врага пулеметчик отступает последним, отстреливаясь на ходу. Пулеметчиков в плен не брали, убивали на месте, расправляясь беспощадно. Так было. Ну а позже…

Я написал фразу: «Ну а позже…» Что имел в виду? К пулеметам опасно привыкли, как сейчас привыкают к атомной радиации. Армия с пулеметами — это вроде бы нормально. Но к «трещоткам», страшному орудию смерти, потянулись руки полиции, жандармов, охранников. Пистолет-пулемет из-под полы теперь можно купить даже на базаре. Автомат Калашникова — любимая игрушка ферганских и прочих боевиков и террористов.

Длительная война вгоняет каждую страну в каменный век. Созиданию служат серп и молот, плуг и сеялка. Черное знамя восстаний и мятежей долго полыхало над Россией.

Надо было преодолеть «детские болезни» революции, перевести страну на мирные рельсы. Эту задачу выполняла Красная армия. Ей дел хватало. Хозяйство разорено, ресурсы иссякли. Как выглядел солдат пехоты? Шинель, бушлат, куртка, промасленный и пропыленный пиджак. На ногах — сапоги, ботинки, опорки и даже лапти. Все это видит наш зритель на фотоснимках, на лентах кинохроники 1918–1920 годов.

Но Николай Берзарин — петроградец. А город Петра —

столица бывшей империи. Остались воинские склады. Там — армейское добро. Там — добротные шинели, сапоги, модные островерхие шлемы. Седла, конская сбруя, всевозможная амуниция.

Навестившего свой дом Николая сестры и кот Васька узнали с трудом. На нем новенькое с иголочки офицерское обмундирование, на плечах поскрипывали ремни портупеи. Он стремился быть полноценным воином. Интенданты видели это и позаботились о внешнем виде Николая. В нем исчезло все детское, подростковое. Весь двор ощупывал его, любовался. Ребята-одноклассники были в восторге. Он их в квартиру пригласил, угостил чаем с сахаром. Им захотелось пощупать револьвер. Коля позволил это, при них разобрал личное оружие на части и снова собрал. Ребятам все было в новинку. Санька Хорек, кореш, разоткровенничался.

— Мы на тебя дразнилку выдумали, — сказал он, — «Коля — Перекати-Поле». Теперь помолчим. Ты — настоящий красный офицер! Ать-два!

Николай улыбнулся и показал Саньке свой кулак. Смотри, врежу!

…Жить просто так, без определенной цели — даже безбедно — не в правилах людей с натурой Берзарина. Пусть крышей для него служит лишь небесный купол. Пусть пищей порой служит сухарь с кружкой кипятка, вобла или конина. Главное для него — возможность самоутверждения, самосовершенствования. Жить, чтобы обогащать себя духовно, проникать в непознанное. Где это возможно? Монастырь не в счет. Молодому, здоровому человеку все это предоставляет армия.

Ветры революции некоторое время носили Николая по кругу, в пределах прилегающих к Питеру губерний.

Заключение Брестского мира в 1918 году, выход России из коалиции побудили правящие круги стран Антанты перейти к открытой интервенции. На севере России интервенция осуществлялась в 1918–1922 годах Великобританией, США, Францией, Италией и Финляндией.

Вначале сюда были брошены вооруженные до зубов силы численностью до двадцати девяти тысяч человек, затем орды захватчиков умножились. Общее командование осуществлял английский генерал Ф. Пауль, руководил дипломатический корпус во главе с американским послом Д. Френсисом. Они установили вместе с марионеточным правительством эсера Н. В. Чайковского режим террора: тысячи людей были казнены, погибли от голода, болезней и истязаний. Расстреляны были руководители советских органов власти А. А. Каменев, Р. О.

Вицуп, П. Н. Малышев и др. Оккупанты вывезли материальных ценностей на сумму около 3,5 миллиона фунтов стерлингов.

Командованию потом понадобилось перебросить Колин полк на Северный фронт, прикрыть столицу и центр России от англо-американских интервентов и их пособников, наступавших из районов Архангельска, Онеги и Урала. Коля увидел географию в натуре — Белое море, его льды, скалистые берега. Родину русского гения Михайлы Ломоносова. Край суровый, удивительной красоты и свежести. Хищные пришельцы устраивали для поморов лагеря смерти. «Отличалась» здесь 339-я американская пехотная дивизия.

В штыковые атаки томми и янки, конечно, не ходили. Да, они могли в любой момент очень быстро куда угодно прибыть и каждую минуту были готовы к применению оружия. Боеприпасов у них навалом. Их основная тактика, выработанная веками, — ведение бесконтактных войн. Нанесение ударов по позициям, которые могут им воспрепятствовать. И это дает эффект. Но в новой России они столкнулись с воинами суворовских традиций — «обожающих штык» — по словам американского комдива. В ту же ночь они исчезли.

Откуда и почему появились на нашем Севере вооруженные иноземцы? В начале 1918 года в Архангельске сформировалось белое правительство эсера-трудовика Николая Васильевича Чайковского, который без иностранных штыков жить не мог. Его правительство опиралось на Антанту, и на мурманском побережье была санкционирована высадка английских, американских и французских войск под предлогом защиты Севера от немцев (всего в 1918–1919 годах там высадились около двадцати девяти тысяч англичан и шесть тысяч американцев). Заняв Мурманск, интервенты двинулись на юг: 2 июля они взяли Кемь, 31 июля — Онегу.

После распада царской армии, начавшегося с февраля 1917 года, в рядах совсем молодой Красной армии имелось всего 119 тысяч человек. Ей выпало защищать одну шестую часть земного шара! А это — размер всей поверхности Луны.

Белогвардейцам помогали также восставшие военнопленные чехословаки, а их было до сорока тысяч вооруженных человек. Они составили ядро сил, оккупировавших Транссибирскую железную дорогу. Возглавил мятеж генерал Р. Гайда[4]. Чехи в тот период «прославились» в наших краях как лютые злодеи, палачи. Была скорбная песня о русском парне:

Его чехи расстреляли
У тюремной у стены.

Когда приговор читали,
Знают звездочки одни.

20 июля 1918 года вышло распоряжение В. И. Ленина о немедленной мобилизации рабочих Петрограда на Восточный фронт. В нем говорилось: «…иначе мы слетим. Положение с чехословаками из рук вон плохо». Интервенты вывозили из России все, что представляло хотя бы какую-нибудь материальную ценность, истребляли население. Увезли украденный золотой запас.

В июне 1919 года на рейдах портов Мурманска и Архангельска трубы английских крейсеров «Глория» и «Кокрейн», французского крейсера «Адмирал Ооб» и американского «Олимпия» задымили. На корабли под напором красногвардейцев, красных курсантов и партизан спешно грузились остатки иноземных десантов, подразделений морской пехоты. Но еще месяц в Кемском уезде зверствовали банды белофиннов. С ними тоже, наконец, покончили. Страна Советов выстояла. Враг был разбит на всех фронтах, в том числе и на Северном.

Победу Красной армии обеспечила 6-я полевая армия под командованием А. А. Самойло (этого генерала враг знал еще со времен Первой мировой войны). Свою лепту внес и юный красноармеец Коля Берзарин. Питерцы-пулеметчики воевали под Шенкурском. Заморские вояки узнали, что такое пулеметный огонь «крестом» и «веером».

Имелись ли потери у красных войск? Конечно имелись: и людские, и материальные. Коля Берзарин не мог забыть «максимку» из первого взвода. В кожухе — четыре пробоины! Повреждения нешуточные. Хотели выбросить этот мертвый сломанный пулемет в болото. Но Николай пожалел. Нашли ветошь, вываляли в мокрой глине, обмотали кожух тряпкой и крепко затянули шпагатом. Заправили ленту и ударили по белякам. Атака врага захлебнулась.

Пулемет этот сберегли и доставили к месту постоянной дислокации. Его раны вызвали у бойцов немалый интерес.

Оккупантов прогнали. Победители-красноармейцы вернулись в Питер, чтобы продолжать обучение по планам боевой и политической подготовки. Иностранное вооружение Николай с однополчанами изучали теперь по трофейным образцам. В классах имелись американские винтовки «ремингтон», пулеметы «гочкис», «виккерс» и кое-что другое. И слышалось на маршах:

Белую армию Красная разбила,

Красную армию — никто не разобьет!

Красные курсанты

Год 1921-й начался уже без Колчака[5], без Пилсудского[6]. Сгинули Петлюра, Анненков, Семенов. И все же этот год не принес стране полного умиротворения. Молодую республику продолжали разорять мелкие и мельчайшие атаманы да шайки басмачей и абреков. Недовольными оставались крестьяне Тамбовщины, Урала, Сибири и Семиречья. Их не устраивала голая «диктатура пролетариата» в троцкистской упаковке. Они бунтовали. Местные власти не справлялись с такими «пожарами», гасить их приходилось регулярным войскам. Николаю Берзарину в это время, можно сказать, «всем чертям назло — очень повезло».

Его зачислили курсантом Смоленских пехотных курсов. Лекции, занятия в поле, политбеседы и дискуссии прочно вошли в его жизнь, а он об этом и мечтал. Над курсами шефствовал авторитетнейший в РККА командарм Михаил Николаевич Тухачевский[7]. На Смоленщине дислоцировалась его 7-я армия.

В курсантской казарме соседом Николая по койке оказался чернявый парень Петр Подкуйко, веселый, говорливый. Ротный запевала. Ему перевалило за двадцать, и он смотрел на «зеленого» Колю покровительственно. Учил его житейским мелочам, хотя сам в боевой учебе не блистал. До армии он работал в Киевском драматическом театре и здесь, в Смоленске, тянулся к артистическому миру. Обращался к ротному со словами: «Мне нужен вокал». Как же запевале без вокала! И ротный давал ему увольнительную для посещения театра. Ротный спрашивал его: «Где же твой вокал?» И тогда Петя запевал:

Из-за кулис актрису в белом платьице
На свет аплодисментами зови —
Она танцует и поет, а слезы катятся
От нераздельной и измученной любви…

Дальше он в своих откровениях в присутствии ротного не шел. А Николаю по секрету однажды рассказал, что видел в аристократической ложе самого Тухачевского. Точнее — его римский профиль. Петр поведал, что актерки от командарма без ума. Все в него влюблены. У них только и разговоров о его больших синих глазах.

— Только и всего? — разочарованно вздохнул Николай. — От

тебя, друг, несет пудрой.

— В театре иного и не бывает, — ответил Петя.

Его друг молчал. Тогда Петр набросил на свою физиономию маску чрезмерной серьезности и произнес:

— Революционный генерал Тухачевский, член Конвента[8]. Соизволил посетить драму. Член Конвента! Его даже Ленин с Троцким ценят и уважают. Скажи, нам этого мало?

Но продолжение разговора на эту тему было. Ночью, во время одного из дежурств. Они чистили картошку на кухне.

— А как зовут ее, ту, что «в белом платьице?» — спросил Коля.

— Леля. Но она несвободна. Я познакомился с Таней.

— И стихи ты, наверное, уже состряпал?

— Не состряпал, а сочинил, — обиделся Петр. — Конечно, сочинил. Вот послушай, мне сдается, что не хуже пушкинских:

> И останемся мы вдруг с Танюшей вдвоем,
> И уйдем вглубь вишневого сада.
> Там мы губы свои в поцелуе сольем.
> Таня шепчет: «Не надо… не надо…»

Коля дал такую оценку стишатам:

— Сие уж есть пошлость. Как ты можешь?! — произнес он с презрением в голосе. — У тебя двойка по рукопашному бою. А по химзащите — вообще пропуск в журнале. Так и с курсов вышибут. Куда пойдешь? Даже стройбату такие не нужны. А нас учат быть командирами и воспитателями бойцов. Бойцов придется обучать. Рота наша плетется в хвосте. А мы должны быть первыми. Милейший командир роты уважает тебя. Как же, ты и артист, и поэт. Комроты намекнул мне, чтобы тебя одернуть. Я просил же тебя: сочини «Марш курсантов». Ты уклонился. Навострился в «вишневый сад». Марша как не было у нас, так и сейчас нет…

Петр приуныл. Коля продолжал разъяснять приятелю свою позицию:

— Леля… Танюша… Я этот народ основательно изучил. У меня — три сестры! Целых три! С прошлой получки купил и подарил им юбочку «плиссе-гофре». Так они затеяли драку. Сначала между собой. Затем набросились с кулаками на меня. Надо нам держаться от юбок подальше. Видишь, что творится в стране! Не до фуро[9]. Нам нельзя расслабляться!

После этой размолвки они не разговаривали друг с другом почти месяц. Только обменивались репликами. Но Петя больше увольнительных у командира роты не просил. Потом он доверительно сказал Коле, что с любовными интрижками он

«завяжет». Петр понял, что главное для курсанта накануне выпуска — нормально закончить учебу. Достигнуть финиша — получить звание, назначение на должность, более или менее обустроиться в бытовом плане.

Николай одобрил запоздалое прозрение друга, поверил ему. Даже стал понемногу заниматься с ним, иначе ему не наверстать упущенное. Боевая учеба. Политзанятия. Каждая свободная минута должна быть израсходована в спортзале, на стрельбище, с лыжами, в библиотеке. Без этого курсант — не курсант.

Мятеж

Командные курсы Тухачевский посетил в канун Октябрьских торжеств. На собрании посоветовал ввести в учебный план тему «Крепостная артиллерия». Напомнил о требовании Владимира Ильича: «Учиться, учиться и учиться!»

— Это для нас всех — приказ! — заключил Михаил Николаевич. Пообещал приехать до февраля. Но не приехал, в конце февраля плановые занятия пришлось свернуть.

Местный делегат X съезда партии, побывавший в Петрограде, рассказал курсантам, что революционный Кронштадт, в старину — любимое детище Петра I, Кронштадт адмирала Макарова, наш основной опорный пункт на Балтике, может быть потерян для республики. Кронштадт попал в руки контры.

Комиссар курсов пояснил:

— Задача наша предельно ясна. Взять курс к городу на Неве. А девиз экспедиции таков: «Даешь Кронштадт!»

…История Кронштадтского мятежа, этого типичного бунта, по Пушкину, «бессмысленного и беспощадного», вкратце такова.

Командовал Балтийским флотом вчерашний гардемарин и мичман Федор Раскольников[10], довольно яркая в истории Октябрьской революции личность, публицист и драматург. Нельзя отрицать, что в морском деле он был профессионалом. В волны революции, где было немало «капитанских мостиков», он бросился безоглядно и стал перепрыгивать с одного «мостика» на другой. На флоте прославился как «красный адмирал».

Но для роли руководителя огромного коллектива военных моряков в мирное время, для рутинной будничной работы с людьми Раскольников не годился. Обеспечение продовольствием Балтфлота и его главной базы — Кронштадта хромало. Паек матроса (военмора) был скуден. Людей раздражало само поведение Раскольникова и его жены, экстравагантной Ларисы Рейснер. Супруги жили в роскошном особняке, не ограничивали

себя в комфорте, пользовались изысканным меню. Перехлестывало через край себялюбие. Видно было, что военморы для них — масса, литературные персонажи. Чека подозревала Раскольникова и его окружение в злоупотреблении служебным положением. Впоследствии, эмигрировав в 1939 году во Францию, Раскольников излил свою ненависть к чекистам в опубликованном в Париже «Открытом письме Сталину». За это и был убит по заданию органов безопасности.

Если взглянуть на те события шире, то тягостная обстановка в Кронштадте была следствием Гражданской войны, разорения и голода. Деревня оказалась не в состоянии обеспечить страну хлебом. Даже Петроград бедствовал. Рабочие Трубного и Балтийского заводов требовали увеличения продовольственных пайков, а заодно и демократизации Советов. Без этого всё, наверное, уладилось бы без кровопролития.

Другим фактором нарастания недовольства было пополнение флота новобранцами из разоренных деревень. Верных идеалам Октября моряков образца 1917 года почти не осталось. Души тех деревенских парней, которые на своей шкуре испытывали массу неудобств, глубоко задевали истерические возгласы на собраниях:

— Братцы, за что боролись?!

В ответ раздавался боевой клич: «Полундра!»

Паек военмора тощал, борщ с мясом превратился в недосягаемую мечту, но откуда-то появились излишки спирта. Чекистам-особистам попадали в руки наркокурьеры, проникавшие через Финляндию в Кронштадт. Кронштадт волновался. Но как снять напряжение? Этого власти не знали. Для Питера непререкаемым авторитетом был председатель ВЦИКа Михаил Иванович Калинин. Его и командировали в Кронштадт для разговора с военморами.

Ленин напутствовал Калинина словами, что такая форма контрреволюции «более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые». Кронштадтские мятежники сравнивали свой бунт с восстанием парижских коммунаров в 1871 году. Их цель, по словам бунтовщиков, — свергнуть большевистское засилье, но оставить советскую власть. Идея эта носилась и среди какой-то части петербуржцев.

М. И. Калинин прибыл в Кронштадт 1 марта 1921 года. Местное начальство встретило его с музыкой и доставило на городскую Манежную площадь. С появлением М. И. Калинина и комиссара Балтфлота Н. Н. Кузьмина шум, свист и ругань моряков утихли. Ожидавшие от представителя правительства каких-то откровений разочаровались. Он не высказал никаких дельных предложений, произносил общие слова о заслугах

моряков, о традициях и т. п. Оратор знал, что готовится решение о ликвидации продразверстки, но почему-то умолчал об этом.

Митинговавшие зачитали «всесоюзному старосте» «Резолюцию общего собрания команд 1-й и 2-й бригад линейных кораблей» от 1 марта 1921 года, принятую бригадным собранием единогласно при двух воздержавшихся и подавляющим большинством всего гарнизона Кронштадта:

«1. Ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы Советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.

2. Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий.

3. Свободу собраний и профессиональных союзов и крестьянских объединений.

4. Собрать не позднее 10 марта 1921 года беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов г. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губ.

5. Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.

6. Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концлагерях.

7. Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства на эти цели. Вместо них должны быть учреждены с мест выбранные культурно-просветительные комиссии, для которых средства должны отпускаться государством.

8. Немедленно снять все заградительные отряды.

9. Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.

10. Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства понадобятся, то можно назначить в воинских частях с рот, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих.

11. Дать полное право крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, то есть, не пользуясь наемным трудом.

12. Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.

13. Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены

печатью.

14. Назначить разъездное бюро для контроля.

15. Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом»[11].

После оглашения резолюция была тут же принята в присутствии шестнадцати тысяч граждан единогласно. Против резолюции вместе с Калининым голосуют председатель Кронштадтского исполкома Васильев и комиссар Кузьмин.

От такой «программы» у Михаила Ивановича передернуло лицо.

Калинин с Кузьминым переехали на Якорную площадь, где тоже было многолюдно. Там также, выслушав Михаила Ивановича, моряки гнули свое: «Долой!» На компромисс кронштадтцы не пошли. Со своими разговорами Калинин опоздал.

Гость из Кронштадта уехал, а митинги не затихали. К расправе над коммунистами пока не звали, но это подразумевалось. Успели разоружить и взять под стражу комиссара Кузьмина. Правда, его тут же освободили. Сотрудники военного трибунала и особого отдела скрылись.

Возник Кронштадтский ревком, город-крепость оказался в его руках. Бунт возглавили начальник артиллерии бывший генерал А. Н. Козловский[12] и С. М. Петриченко[13], грамотей из военморов, носивший ярлык «эсера». Военная мощь города-крепости вскружила голову им обоим.

Перед началом операции в Кронштадте насчитывалось 27 тысяч человек, способных воевать. Это личный состав кораблей, учебно-артиллерийского и учебно-минного отрядов, водолазной и минной школ, рабочие судостроительного и судоремонтного заводов, мастерских и т. п.

В руках мятежников насчитывалось 135 орудийных стволов и 68 пулеметов. Имелось достаточно боеприпасов, в том числе артиллерийских снарядов. Неважно обстояло дело с продовольствием, но генерал Козловский намекал: «Нам поможет заграница». Наверняка у него имелись связи с иностранной разведкой, не скупившейся на обещания. Козловский, Петриченко и иже с ними, взвинтив гарнизон, затеяли азартную игру с законными властями. А такая «игра», как правило, заканчивается скверно.

Пост М. И. Калинина соответствовал посту президента страны, и к его информации о положении дел в Кронштадте в Кремле отнеслись серьезно. 2 марта 1921 года Совет труда и обороны ввел в Петрограде осадное положение. Остановились на варианте подавить мятеж силой оружия. Но Кронштадт —

сильнейшая в мире крепость. Сию «фортецию» с партизанским опытом войны не возьмешь. Операцию по ликвидации мятежа в Кронштадте поручили признанному специалисту военного дела командарму М. Н. Тухачевскому.

Командующий войсками 7-й армии имел в своем распоряжении 40 тысяч штыков. Ему подчинили школу «красных юнкеров» числом до трех тысяч курсантов. Имелись и вспомогательные подразделения. Сил с избытком, но ими надо было распорядиться с умом. Оставалось исполнить девиз: «Воевать не числом, а умением».

Прежде всего, надо было занять и укрепить важные стратегические пункты — Красную Горку, Ораниенбаум, Лисий Нос, Сестрорецк, прочно заблокировать Кронштадт, что Тухачевский и сделал. У него уже были сведения, что у финских берегов сосредоточена английская военная эскадра, что в Кронштадте шныряют агенты американского Красного Креста и орудует весьма осведомленный авантюрист Вилькин, бывший командир одного из линкоров, снабжающий мятежников продуктами питания. Наступил март, весенняя погода могла вскоре разрушить ледовый покров. И тогда штурм крепости придется отложить. А это — катастрофа.

Тухачевский и его штаб разработали детальный план штурма. Для этого наличные силы разделили на две группы — Северную и Южную. Командующим Северной группой стал А. И. Седякин, военным комиссаром — К. Е. Ворошилов. Южную группу возглавили командующий Е. С. Казанский и комиссар Е. И. Вегер.

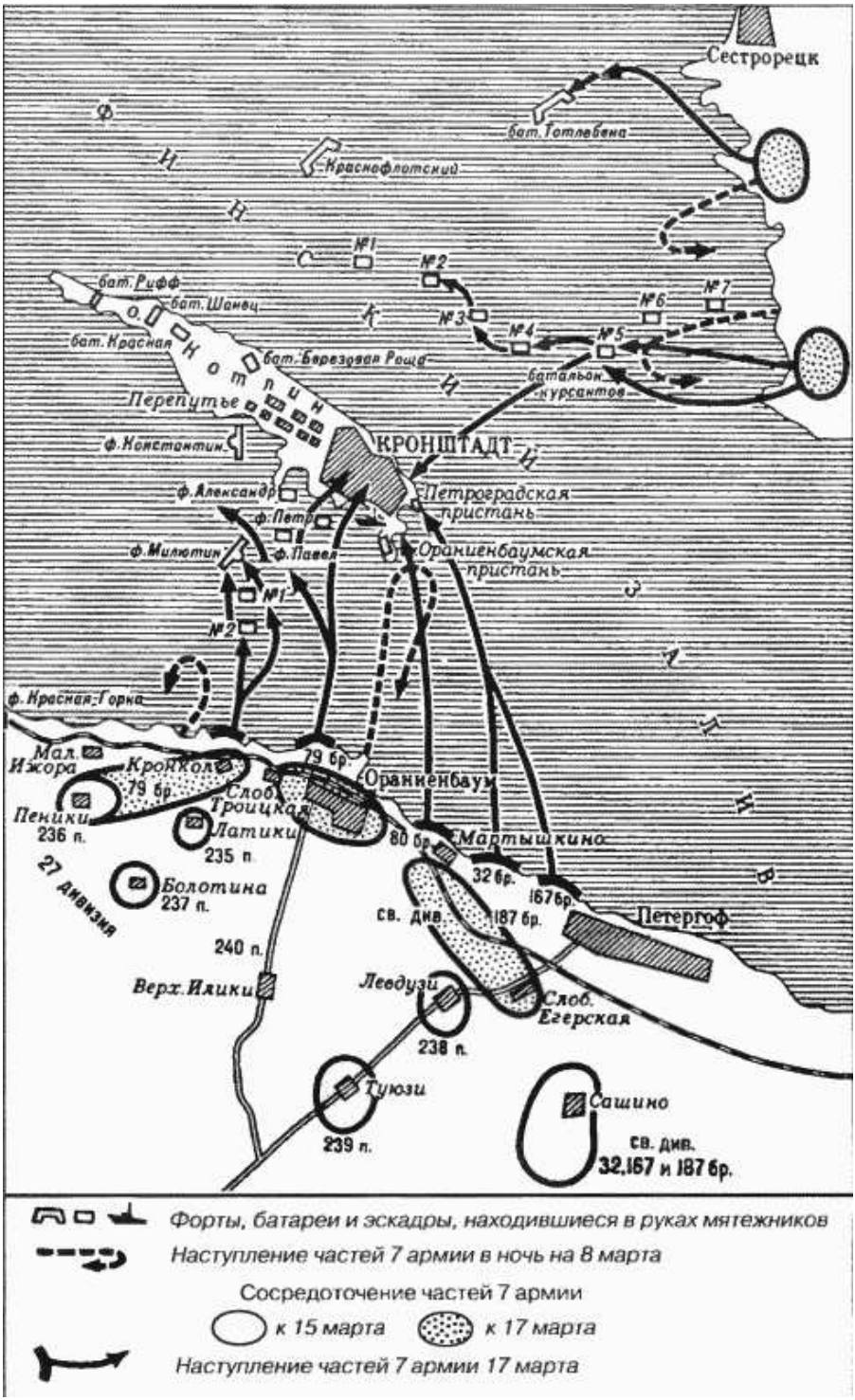
В план боевой операции по ликвидации мятежа вводились, естественно, такие понятия, как «концентрические удары», «охват» и т. п. Это свидетельствовало, что операция весьма и весьма ответственная и потому осуществляется по всем правилам военной науки.

Стержень штурмующих — Смоленские курсы красных командиров. Один из трех тысяч изготовившихся к атаке — Николай Берзарин.

Тухачевский и Федько

Курсантов доставили в окрестности Петрограда и вывели в места сосредоточения. И начались умопомрачительные тренировки по плану подготовки к штурму крепости. Курсанты, как уже сказано выше, включались в Северную группу. Петя Подкуйко запросился в расчет Николая Берзарина. «Тут — театр, но театр военных действий, — сказал Петр. — Откровенно

говорю: мне страшно. Поэтому хочу быть в твоем подчинении. В сравнении со мной ты потверже. Ты вроде бы в роли запевалы, а я — в роли подголоска. Буду держаться за полу твоей шинели. Не осуди!» Колю такое доверие тронуло. «Будем вместе! — ответил Николай другу. — Комбат обещал дать нам в расчет горца-осетина. Компания у нас сложится железная».



Ликвидация Кронштадтского мятежа в марте 1921 года

Почти у всех ребят-курсантов настроение было приподнятое. Командиров, с которыми придется пойти в бой, они уважали, верили им. Что и говорить! Тухачевский, Дыбенко, Федько — гордость Красной армии. Каждому курсанту, будущему командиру, хотелось кое-чему подучиться у них.

Совсем недавно, в феврале, они были в Смоленске. Тогда Николай впервые увидел их вместе. Курсантов выстроили во дворе военного городка, у клуба. Выступал Тухачевский, по-гвардейски собранный, подтянутый. Закончив речь, командарм сошел с помоста, и к нему подъехали со своими ординарцами именитые всадники… Грузно спешился бородатый Павел Дыбенко в морском бушлате. Легко спрыгнул с седла круглолицый с офицерскими усиками кавалерист Иван Федько[14]. На нем синяя венгерка, галифе из красного сукна, сапоги со шпорами. Шпоры редкие, «савеловские», издают особый звон — малиновый… Строй застыл, а командиры стали совещаться. Берзарин расслышал фразу Тухачевского:

— Добивайтесь положительной динамики!

Положительная динамика. В каком деле? Ответ один: во всем и везде!

И вот теперь они вместе готовятся к штурму. Тут как раз и желательна «положительная динамика». Штабники задумались: как проводить операцию? Одноразово или в два этапа? Штаб и политорганы предложили Тухачевскому двухэтапный вариант. Командарм согласился. Сначала надо дать понять мятежникам, что агитация закончилась и предстоит «разговор» окончательный. Кое-что из предложений мятежников можно учесть, но в принципе — капитуляция.

Остановились на том, что до введения в действие основного плана будет осуществлена атака авангарда — двух батальонов красных курсантов, поддержанных артиллерией. В атаке будут участвовать стрелковый полк, артдивизион… Если это не образумит мятежников, тогда следует сделать паузу во времени, затем принять решение о вводе в действие всех сил.

5 марта Лев Троцкий предложил сделать мятежникам последнее предупреждение. И в тот же день в 14 часов самолет, появившийся в небе над Кронштадтом, сбросил листовки. Текст гласил:

«Теперь вы видите, куда вели вас негодяи. Достукались. Из-за спины эсеров и меньшевиков уже выглянули оскаленные зубы бывших царских генералов… Все эти генералы Козловские, Бурскеры, все эти негодяи Петриченки и Туркины в последнюю минуту, конечно, убегут к белогвардейцам в Финляндию.

А вы, обманутые рядовые моряки и красноармейцы, куда

денетесь вы? Если вам обещают, что в Финляндии будут кормить — вас обманывают. Разве вы не слышали, как бывших врангелевцев увезли в Константинополь и как они там тысячами умирали как мухи от голода и болезней? Такая же участь ожидает и вас, если вы не опомнитесь тотчас же… Кто сдается немедленно — тому будет прощена его вина. Сдавайтесь немедленно! Если будете сопротивляться, вас перестреляют, как куропаток».

Листочек с воззванием где-то раздобыл Подкуйко. Николай прочитал его. Как воспримут эти слова мятежники? «Хорошо написано. Доходчиво. Только вот обозленная братва на острове уже, наверное, потеряла рассудок. Безумный человек не воспринимает голос разума, — сказал Бесагур Кантемиров. — У них в голове — дурь».

Подготовка к атаке продолжалась до утра 7 марта. Утром 7 марта бунтовщики обнаружили, что им что-то готовят серьезное. Уже несколько дней их орудия были расчехлены. И они, нервничая, решились дать залп по ледяному пространству. Тухачевский, находясь на командно-наблюдательном пункте в особняке на окраине Сестрорецка, в бинокль увидел близкие разрывы снарядов. На месте многочисленных разрывов фугасных снарядов взлетели столбы огня и ледяного крошева. На поле обозначились обширные лужи. Почувствовал вдруг, что под его ногами от звуков войны дрогнул пол и с потолка мансарды посыпалась штукатурка. Командарма поразило легкомыслие кронштадтских «хамов и изуверов», так просто обстрелявших его командный пункт. Орудия линкоров били бризантными снарядами. И Тухачевский, не медля ни минуты, отдал приказ на подавление артиллерией огневых точек безумцев. По крепости был нанесен массированный артиллерийский удар. Четверть часа артиллерия 7-й армии грохотала без интервалов. На крепость обрушилось пять тысяч снарядов.

Когда по условленному сигналу пошли по ледяному полю цепи курсантов, командарм сразу же понял, что атака подготовлена неудовлетворительно. На ледяном поле цепи атакующих различались невооруженным глазом. Люди были в шинелях без маскировочных халатов. Разговор о халатах заводили, но потом, видно, положились на «авось». Следовало во время приближения к фортам обеспечить дымовую завесу, но ее не наблюдалось. Ничто не защищало курсантов от пуль и осколков!

Курсанты все же преодолели зону артогня, но у фортов их встретил ружейно-пулеметный огонь. Против такого огня предназначались орудия артдивизиона, но их в цепях атакующих не оказалось. На последнем этапе боя, в схватках у проволочных

заграждений, обязаны были участвовать гранатометчики стрелкового полка. Однако они замешкались на исходном рубеже.

Утренний туман рассеялся, лед под ногами курсантов крошился, они падали на разбитый лед, тонули. Руководителям этой боевой операции ничего другого не оставалось делать, как дать приказ отходить. Атака захлебнулась. Разумеется, мятежники приободрились. Рассчитывать на то, что они после этого пойдут на какой-то компромисс, не приходилось. Белые флаги над крепостью? Нет их! Все предстояло начинать сначала.

Рота курсантов, пулеметный расчет Николая Берзарина не участвовали в атаке. Они были оставлены в резерве для развития успеха. Курсанты этой роты ждали своего часа у хозяйственных построек на берегу. Видели вздыбленную разрывами белую равнину, ледяные ухабы, воду, падающих людей, их сокурсников, славных ребят. Возвращались к местам расквартирования подавленными. Предстоял жестокий, нелицеприятный разбор того, что произошло. Те, кто засел в стенах крепости и ее фортах, безусловно, изверги и негодяи. Но плохо и на этой стороне.

А тем временем X партийный съезд, проанализировав обстановку, удовлетворил требования деревни, ходатайства деревенских Советов, просьбы многочисленных ходоков и делегаций крестьян к центральным властям о нэпе, о замене продразверстки продналогом, роспуске продотрядов. Разрешена была свободная торговля излишками сельскохозяйственной продукции. Ошибки исправлены. Чего еще ждут мужики и стоящие за их спиной политиканы? Фактически требования кронштадтских мятежников удовлетворены. Все поняли, что Совнарком и Ленин, конечно, горой стоят за пролетариат, но они вовсе не против крестьян, они хотят дать в село электричество, направить в помощь лошадке тысячи и тысячи тракторов. Образцы «фордзона», «джон-дира», доставленные из Америки, развозятся во все концы страны.

Мятежники Кронштадта с гневом расправились с портретами Троцкого, Каменева, Зиновьева. Но никто не тронул портретов Ленина.

Но трагедия состоит в том, что, начав войну, ее трудно потом затормозить и остановить. Возникает «эффект инерции». Вместо белых флагов, взывающих к миру, над Кронштадтом поднимались зловещие облака черного дыма. Ветер распластал этот дым над просторами залива и накрыл Петроград. Об отмене повторного штурма крепости не могло быть и речи.

Для полководца М. Н. Тухачевского этот первый «блин» вышел комом. Еще один промах и он, как полководец, превратится в ничто. У него, командующего Западным фронтом, в

боях под Варшавой в августе 1920 года поляки «перебили и сломали крылья» — в плену 70 тысяч красноармейцев растворились в небытие. Этого он не мог себе простить и забыть. Ночами ему снятся сцены польской катастрофы, заставляющие его нестерпимо страдать.

Командарм, сжав зубы, обрушил репрессии на морской дивизион, расквартированный в Ораниенбауме, поддержавший требования восставших кронштадтцев. Потянули на Голгофу полк, который отказался идти в наступление. В чрезвычайных условиях в армии без судов и расстрелов не подтянешь дисциплину И кое-кого пришлось поставить к стенке. За халатность, разгильдяйство. Расстреляли телеграфиста «за распространение провокационных слухов». Пустили в «расход» трех курсантов за «дезертирство» — во время неудачной атаки, слыша крики «вперед!», они ползли назад.

Николай Берзарин тяжело пережил черные дни. Давило чувство бессилия. К удивлению, Петр Подкуйко даже несколько затвердел. Они вместе пилили дрова для печки, и Коля пытался вникнуть в Петькины рассуждения. «А что особенного? — говорил он. — Мы находились на ТВД. А театр требует репетиций. Увидел бы ты, что творится в театре во время репетиций. Полный бардак! А на генеральной репетиции — одна радость. Премьера — это уже блеск. Я тебе говорил о страхе. Теперь, после репетиции, не боюсь. Этих гадов в фортах мы проучим. Наш командарм — крупный талант. Он немножко Страдивари, немножко Бонапарт. Такое я слышал о нем от режиссера в театре».

Тухачевский побывал у курсантов, выступил с речью перед ними. Стоя в строю, Николай Берзарин впитывал в свое сознание каждое слово командарма. Тухачевский говорил с подъемом, четко:

«Жду от вас беспримерной смелости, натиска и единства действий. Вы должны уже сейчас представить отчетливо, что такое каменные стены гаваней, и особенно, что такое кронштадтские форты — это отвесные громады железобетона. Они снабжены противоштурмовой артиллерией и пулеметами, густо обнесены колючей проволокой. Покажите, как надо воевать!»

Несколько фраз произнес и Иван Федько. Курсанты услышали, что в Кронштадт проникла и взбудоражила матросов кулацкая идеология. А внес ее туда прежде всего полтавский кулак Степан Петриченко. Кулачье сумело одурачить матросскую массу. Ее придется учить винтовкой.

Частям и подразделениям, изготовившимся к штурму, зачитали приказ командарма Тухачевского, который гласил: «В

ночь с 16 на 17 марта стремительным штурмом овладеть крепостью Кронштадт… Артиллерийский огонь открыть в 14 часов 16 марта и продолжать его до вечера… Движение колонн Северной группы начать в 3 часа, Южной группы — в 4 часа 17 марта… Группам ограничиться лишь занятием наиболее препятствующих движению фортов… Командующему Южной группой назначить общего начальника по руководству войсками в уличных боях в Кронштадте. Соблюсти полную точность движения колонн…»

«Колчак, Деникин, Юденич, Пилсудский… Высшая военная мысль противника себя реализовала. Казалось бы, довольно! Так нет же… Ничтожный ублюдок Козловский со своей псарней вылез. Раздавим и разотрем», — рассудил Тухачевский. В его синих глазах сверкала сталь. Не зря Троцкий называл его «демоном Гражданской войны». (Самого Л. Д. Троцкого соратники тайком именовали «бесом перманентной революции…».)

«Даешь Кронштадт!»

Козловский со своими военными помощниками объезжал остров на автомобиле, поднимался на смотровые площадки фортов. Генерал подолгу рассматривал горизонты залива в свой девятикратный «Цейс». За северную часть крепости он не тревожился. Там надежно. Десять километров припорошенного снегом ледяного поля отделяют крепость от берега. Нападать с этой стороны Тухачевский не решится. Пространство пристреляно, он уже на нем споткнулся. Юг — хуже. Днями оттуда, бросив винтовки, сбежали стрелковые роты, сначала одна, а через сутки — другая.

Адмирал Дмитриев из-за бегства бойцов так расстроился, что начал заикаться. Потом успокоился и стал нашептывать, что вообще-то — это добрый знак: мол, пора! В Гельсингфорсе «люксы» в отеле заказаны, за все уплачено вперед. Барон Карл Маннергейм, генерал-лейтенант царской свиты, недурно там устроился. Военморы-матросы лес корчевать научатся. Заманчивая идея. Но хохол Степан Петриченко упрям, расхрабрился и возражает. Фантастикой увлекся: ему с братвой нравится проект объявить Кронштадт самостоятельной республикой. Есть же маленький Люксембург. Есть всякие княжества, где армия состоит из охранного батальона. И республика есть, например, Чухна. Имел конфедерацию Нестор Махно. А если не получится, уверяет Петриченко, то англичане возьмут остров себе. С англичанами всегда можно договориться

по-человечески, они живут без политотделов, матроса ценят… Забавный этот писарь, Петриченко. (Забегая вперед скажу, что после подавления мятежа с тысячами его участников он сумел уйти в Финляндию. Там его завербовали агенты Чека. Этим он заслужил прощение и вернулся в Россию.)

Но возвратимся к началу второго акта кронштадтской трагедии.

…Днем 16 марта 1921 года артиллерия Тухачевского начала обстрел. Тяжелые снаряды обрушились на форты, гавани, рвались в доках. Линкоры молчали, но крепостная артиллерия огрызалась. Ответный огонь был интенсивным.

Командарму доложили, что артиллеристы с Красной Горки отмечают свою большую удачу. 12-дюймовый снаряд попал в дредноут «Севастополь». О результате узнали позже. От этого снаряда погибли 14 моряков, 36 получили ранения.

Мятежные кронштадтцы понимали, что вот-вот Тухачевский двинет солдат в атаку. Время было им неизвестно, и они нервничали. Пугала плохая видимость. Ночная мгла опустилась на остров и не позволяла различать на льду живую силу осаждавших. Интенсивность огня с обеих сторон уменьшилась. Сколько времени продолжится затишье? Люди в фортах и у проволочных заграждений, сидевшие у орудий и пулеметов, этого не знали. Что и требовалось Тухачевскому. В глухую ночь лавина атакующих внезапно, без выстрелов, двинулась по льду к крепости. Тронулись войска Южной группы. Ловко, сноровисто, как это происходило и на учениях, пошли вперед к цели роты и батальоны 187-й бригады. Она «опозорилась» перед командармом тем, что ее 91 — й полк в день первого штурма струсил, отказавшись участвовать в атаке. Поэтому командир бригады лично вел свои подразделения, он — знаменосец, не боящийся смерти.

Часом раньше со стороны Сестрорецка (ныне Ломоносов) начала движение к Кронштадту Северная группа — красные курсанты. Здесь берег на большем удалении от крепости, а атаковать обе группы должны одновременно. На этот раз вид у курсантских групп был иной. Горбил курсанта белый халат, горбила под халатом винтовка. Но винтовка уже в руках… Красноармейцы на ремнях тащили сани-волокуши, на них — штурмовые устройства и приспособления — мотки веревок, лестницы, имелись санки, груженные мешками с песком, боеприпасами, взрывчаткой.

Туман, мрак… Берзарину показалось, что мимо пробежал сам Иван Федько. Вспыхнуло галифе красное, послышался малиновый звон шпор… Но как мог здесь оказаться Федько?

Он ведь в Южной группе. Значит, это не он. В ушах, однако, и в голове звенело. Образ храброго комбрига в душе юного курсанта всплыл не зря в этом смертном тумане. Образ звал к бесстрашию, а бесстрашие означает спасение и, главное, — победу. «Это не звон “савеловских” шпор, это свист пуль», — понял Николай.

Энергии в мышцах прибавилось. Берзарин и его напарник Подкуйко не чувствуют тяжести, преодолевая с «максимом» неровности льда и лужи. Не угодить бы в полынью! Ленту с патронами Петр перебросил через плечо, они ее продернут, когда придет момент, руки схватят рычаги. Мешки с песком скользят впереди. Они пригодятся в зоне прицельного винтовочного огня — проверенная защита от пуль на голом месте.

Поблизости разорвался снаряд. Недолет, а потом перелет. «Ложись!» — крикнул Петр, прижав Колину голову вниз. Сделано еще несколько шагов. Трещат под ногами, колышутся глыбы льда, встают торчком. Хлещет вода. Но преодолели опасный участок, и вдруг какая-то сила создала инерцию скольжения, а там — небытие. Тяжелую станину, щит, ребристый ствол пулеметчики не удержали, вода их проглотила… Сами чудом уцелели. И даже спасли коробки с лентами.

Командир роты при таком несчастье обошелся без матерщины — выдержанный был человек, распорядился:

— Вон санки, берите гранаты. Правее держите, там Кантемиров. Действуйте в его штурмовой группе.

Бесагура Кантемирова Коля знал, а Петя с ним даже немного дружил. Осетин-горец. «Чин-чинарем! Учиним! — крикнул Бесагур. — Скалы? Не страшно! Возьмем», — пояснил он Берзарину и Подкуйко их задачу. И добавил: «Только не отставайте!»

В группе Бесагура Кантемирова веревки, ножницы для резки проволоки. Он торопил. На них накатывают, выбиваясь на первую линию, красноармейцы 91 — го полка. Люди эти дрались в Крыму, знают, что такое Чонгар, Перекоп. До крепости уже рукой подать. Форты гремят, их освещают зарницы выстрелов. По пространству мечутся снопы света крепостных прожекторов. Атакующие обозначили себя линией огненных вспышек. Раздался рев тысяч глоток. Этот шум создали возгласы «ура!». Артогонь на пол минуты прекратился, но краткая пауза прервалась треском винтовочного и пулеметного огня. Проволока! Надо бросать гранаты, рвать ее. А где Кантемиров? Он, как ящерица, вильнул вверх по отвесной скале.

— Бесагур! — закричал Николай. Сильные руки Петра подняли его. В руках — конец веревки. Он не успел опомниться,

как оказался вместе с Петром на бетонной тарелке у пушек. Тут все решают секунды. Курсанты сапогами громили орудийную прислугу у пушек, работали прикладами, штыками и фанатами… По улицам города бежали от дома к дому, сметая все препятствия, перескакивая через трупы убитых. Раненых матросов добивали. Мятежники отбивались. Обнаружилось, что и у стен кафедрального собора было безлюдно. Николая догнал Петр. Держа в левой руке винтовку, а правой вытирая лицо, заговорил: «Там, за углом, я заколол двоих!» Петр показал маузер, снятый с убитого моряка.

По пути в казарму Николай, взглянув на приятеля, изрек:

Нет больше Трои,
Нет больше троянцев.

Петя грустно улыбнулся. Из Гомера? Троя… Троя… Десятилетняя Троянская война. И все-таки ахейцы взяли Трою. Микенский царь Агамемнон победил. Это было более трех тысяч лет назад. А мы, в своей Троянской войне, победили свою Трою за десять дней. Всего за декаду. Кажется, срок короткий. Но с ума можно сойти.

Взвод, как и было условлено, собрался у пирса. Здесь подавили две пулеметные точки, но убитых валялись десятки. Особенно яростные схватки произошли на Якорной площади, там скопились мятежники, некоторые были уже обезоружены, но их убивали прикладами и штыками, они падали, хрипели, пытаясь что-то произнести.

Меньше жертв было на кораблях. Экипажи сообразили, что они спасутся, если затолкают в трюмы или даже убьют заводил мятежа. А потом сдадутся на милость победителя. Так и сделали, и потерь у них было меньше. Командный пункт Тухачевского находился в Ораниенбауме. Он поддерживал с командирами связь через посыльных. Была и проводная связь, но ее скоро нарушил артобстрел. Посыльные пропадали. Но командарм и без донесений знал, что происходит в войсках. Судил по тому, как меняется режим огня. Прекратились взрывы фугасов. Значит, части уже в городе. Смещается треск винтовок к центру города. Следовательно, бой затухает. Кронштадт в наших руках. И командарм, соблюдая необходимые формальности, собственноручно написал приказ. Зафиксировал факт, что 17 марта, в 21 час 50 минут, как и планировалось, войска 7-й армии полностью овладели крепостью, батареей Риф, а также всем островом Котлин.

Требуя быстрейшего завершения операции, приказ

командарма имел и такой пункт: «Жестоко расправляться с мятежниками, расстреливать их безо всякого сожаления… пленными не увлекаться».

Приказ лишь отразил реальность. Развязав бойню, кронштадтцы поставили себя вне закона. А это для них означало, что в случае поражения их неотвратимо ждет смерть. Тухачевский дал санкцию на то, что осуществлялось и без его санкции. Будь он агитатором политпросвета, он, возможно, поступил бы иначе. Но он был командармом, которому государство вручило оружие. И он им распорядился по законам логики: «Зуб за зуб, а за око — голову!»

От тех, кто захватил штаб мятежников, Михаил Николаевич получил письменный доклад. Там оказалась войсковая мелюзга. Провокаторы-главари, вовлекшие толпу в авантюру, заблаговременно ретировались. Они нашли убежище в Финляндии. Полагают, что бежавших туда оказалось не меньше восьми тысяч. Финны приютили и Козловского, и Петриченко. Оставшихся в России их судьба мало интересовала.

Гражданская война во все времена — братоубийство. К сожалению, это аксиома. Кронштадт еще и еще раз наглядно подтвердил очевидное — нельзя «играть» в восстание.

Жертвы были чудовищными. Однако всем было невыгодно подсчитывать их. Истина известна небесной канцелярии, знать ее на земле не обязательно. Это — яркий пример массового людского умопомешательства.

Официальные данные, объявленные в печати, таковы: мятежный Кронштадт потерял более тысячи человек убитыми и не менее тысячи ранеными. 2,5 тысячи сдались в плен — в основном спаслись люди на кораблях. Потери войск 7-й армии и личного состава Смоленских курсов — 527 убитых и 3285 раненых.

Суд над мятежниками, попавшими в руки трибунала, был скорый. К высшей мере, к расстрелу, были приговорены 2103 человека, оправдано — 1451.

Несколько тысяч человек осуждены к различным срокам тюремного заключения и к содержанию в исправительно-трудовых лагерях. Это — те, кто просто жил в городе: санитары, связисты, повара и т. п. Ведь пословица гласит: «Лес рубят — щепки летят».

Кронштадт для страны — глубокая рана, событие кровавое, нелепое. Но человеческие сообщества без нелепостей существовать не могут. Даже сочиняются победные реляции. 7-я армия Тухачевского со своей боевой задачей справилась успешно. Смоленские курсы — тоже. Отличившихся наградили.

После завершения боевой операции по усмирению бунтарей в мятежном Кронштадте состоялся парад войск, участвовавших в акции. На параде Николай Берзарин в последний раз увидел всемогущего революционного «фельдмаршала» — наркомвоенмора Льва Давыдовича Троцкого. С ним были главнокомандующий С. С. Каменев, командарм М. Н. Тухачевский и другие военачальники.

Троцкий говорил о мятежниках как о врагах народа и в то же время как о своенравных людях, достойных осуждения и жалости: «Мы очень долго ждали, когда наши товарищи матросы увидят собственными глазами, кто руководит их мятежом. Но те оказались слепыми котятами и за то поплатились кровью. Балтийцы потеряли право именоваться “красой и гордостью революции”».

Перед мировым общественным мнением на III конгрессе Коминтерна[15] оправдывался Николай Иванович Бухарин[16]. Он сказал: «Кто говорит, Кронштадтское восстание было белым? Нет. Ради идеи, ради нашей цели мы были вынуждены подавить мятеж наших допустивших ошибку братьев. Мы не можем видеть в кронштадтских моряках своих врагов. Мы любим их, как братьев, как собственную плоть и кровь».

Берзарин, по возвращении в Смоленск, на собрании пытался замолвить слово насчет награды для Подкуйко. Его одернули: «Утопили пулемет, а еще заикаетесь о поощрении». Обидно стало. Тогда орденоносцев считали чуть ли не святыми. Петя заслуживал награды. Как и Бесагур, но тот отсутствовал — находился в госпитале, получил ранение в предплечье. И все же в приказе по поводу завершения операции начальник курсов объявил в числе других благодарности Кантемирову, Берзарину и Подкуйко.

Трофейный ствол и деревянную кобуру к нему Подкуйко отдал парторгу. Убитый моряк, видно, носил его для форсу, так как в магазине маузера не было ни одного патрона.

— Спасибо вам, герои, — поблагодарил парторг. — А патроны… Калибр 7.65. Найдем!

Подкуйко осторожничал и не стал никому показывать записную книжку, взятую из бушлата жертвы. Туда моряк заносил, кроме адресов, куплеты из любимого военморами цикла «Эх, яблочко!». Одни из них содержали похабщину, другие — политику. Политические вирши — примитив. Но опасный:

Эх, яблочко!
Куда котишься?
В Губчека попадешь —

Не воротишься…

Эх, яблочко!
Дым кольцами.
Будем рыб кормить
Комсомольцами.

Эх, яблочко!
Ветки с листьями…
Надоело флиртовать
С коммунистами!

Петр показал матросский фольклор только своему приятелю, Николаю. Берзарин заключил: «Кронштадтцы свою песенку спели…» Они пошли в столовую и этот крамольный трофей сожгли в огне под котлом.

Газеты того времени много писали о добровольцах — делегатах X партсъезда, участвовавших в военной акции «Даешь Кронштадт!». В штурме приняли участие 300 делегатов. Они готовы были погибнуть, защищая идеалы своей партии. Триста! Что-то символическое таится в этой цифре. Именно столько было воинов у царя Спарты, Леонида. В битве с персами, в 480 году до н. э., они пали, не отступив ни на шаг. И тот, кто формировал отряд делегатов, наверное, был историком. Кто? Может быть, профессор Михаил Покровский, заместитель наркома просвещения? От него порой исходили подобные политические инициативы. Берзарин никого из них не видел, они находились в Северной и Южной группах. Все делегаты действительно проявили героизм. Они занимали в государстве видные посты: И. П. Баранов, А. С. Бубнов, Б. П. Затонский… Врач Иван Русаков, старый партиец, с санитарной сумкой был среди атакующих, оказывал помощь раненым, погиб в бою. С винтовкой в руках бежал по льду поэт Григорий Фрейгин, его сразила пуля. Среди атакующих были писатель Александр Фадеев[17], будущий автор «Разгрома» и других произведений советской классики, в той атаке вторично получил ранение — лежал на льду с простреленной ногой.

— В бою с японцами под Спасском меня ранили, — рассказал Фадеев соседям по палате в госпитале. Они уже знали, что Саша семнадцатилетним вступил в партию, а в 19 лет стал комиссаром бригады. Он делегат X съезда, самый молодой… И вот Кронштадт.

Политбоец Иван Конев, будущий маршал… Его боевая группа

одной из первых ворвалась в Кронштадт. Они выехали из Москвы в Петроград в ночь на 11 марта. На следующий день их усадили в грузовики и доставили на различные боевые участки. Каждого вооружили. На устах у этих героев было одно:

— Даешь Кронштадт! За Родину!

…На льду залива погибли 15 делегатов X съезда РКП(б). Их похоронили вместе с другими убитыми участниками штурма крепости 24 марта в Петрограде.

Кронштадт марта 1921 года никогда не канет в Лету, реку забвения. Поэт Эдуард Багрицкий увековечил его в стихах:

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Место этим строкам — на мраморе.

Молодость! Молодо-зелено… Эдуард Багрицкий объясняет суть чудовищно-кровавого события молодостью основных его действующих лиц. Что ж, такая версия имеет право на существование. В самом деле, главнокомандующему Западным фронтом Михаилу Тухачевскому в то время было всего 27 лет. Вспомним полководца возрастом постарше. Скажем, Семена Буденного, возглавлявшего порой в ту эпоху «сабельные походы». Ему было чуть-чуть за тридцать. Лев Троцкий не верил в его зрелую полководческую рассудительность. Считал, что кавалерийский этот начальник импульсивен, может повести своих конников куда угодно, хоть к черту на рога. Наверное, «фельдмаршал революции» не совсем ошибался.

Неужели подавление оружием кронштадтской смуты было ошибкой? Иосиф Сталин… Как ни удивительно, он, а ему — за сорок, был противником силового решения кронштадтской проблемы. Сохранился источник, из которого видно, что Сталин советовал не спешить, подождать и продлить общение властей с бунтовщиками. «Они успокоятся!» — уверял он. Все же бунтуют не отморозки, а балтийцы. Лев Троцкий называл их красой и гордостью революции. Их совратили генерал Козловский и его друзья. Моряки с печальной легкостью попались на удочку провокаторов, подосланных спецслужбами западных держав, лютых врагов России. А Калинин? У него была позиция, отличающаяся от мнения Сталина. Видно, он был убежден в необходимости применения оружия.

Молодость! Молодо-зелено… Тухачевскому-полководцу хотелось, чего бы это ни стоило, реабилитировать себя,

потерпевшего фиаско под Варшавой. И он восстановил свой авторитет на все 100 процентов.

…В 1935 году, будучи уже на Дальнем Востоке в городе Ворошилове-Уссурийском, Николай Эрастович нашел в библиотеке номер журнала «Война и революция» за 1926 год со статьей М. Н. Тухачевского «Борьба с контрреволюционными восстаниями». Автор приводил примеры из кронштадтской боевой операции. Ярким эпизодом в той битве была атака курсантов в ночь с 16 на 17 марта 1921 года. Командарм писал:

«Несмотря на малую численность Северной группы, за нее все время можно было быть спокойным. Задача на долю Северной группы выпала почти невыполнимая. Ей предстояло взять открытой силой пять неприступных фортов, обнесенных колючей проволокой и фугасами, и после этого ворваться в цитадель Кронштадта… Северная группа наступала с какой-то стальной отчетливостью… Атака фортов курсантами беспримерна по своей смелости, натиску и единству действий».

Впервые в истории битв морскую крепость взяли штурмом сухопутные силы.

Полководческое искусство обогатилось. Кто за это увенчан лаврами? Михаил Николаевич Тухачевский. Это учтено было при оценке заслуг, когда в 1935 году ему присваивалось наивысшее в стране воинское звание Маршала Советского Союза.

После Кронштадта у Тухачевского была еще победоносная боевая операция на Тамбовском фронте. Он и его командиры разгромили армию ополченцев эсера Александра Степановича Антонова. Операция вышла масштабной. Ничего заслуживающего внимания об антоновщине не написано. Знаю, что во время гитлеровского нашествия власовцами в Смоленске была выпущена брошюра «Легендарный начмил», которая состояла из славословий в адрес Антонова и проклятий в адрес Тухачевского. Но надо прочитать роман Николая Вирты «Одиночество». Автор основательно вскрыл механизм тамбовской трагедии. Детей и внуков антоновцев долго третировали. Но в 1940 году их стали призывать в РККА. В полк, где я начал военную службу, прибыло пополнение из Тамбовщины. Что я могу сказать об этих ребятах? Трудяги, каких прежде я не видел. Немногословны, усердны. На полевых учениях очень старались. Конечно, не языком орудовали, а своей саперной лопаткой. Иной боец довольствуется вместо окопа небольшой выемкой. А у тамбовчанина — окоп полного профиля! Поэтому такого парня никто не мог упрекнуть и сказать что-либо худое!

Глава вторая
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Скитальческая жизнь молодого командира

Берзарин после подавления Кронштадтского мятежа продолжал учебу в Смоленске, окончил курсы с отличием. Теперь у него, как и у тысяч других начинающих командиров, были знания, имелся диплом. Скитальческая жизнь по дальним гарнизонам не страшила.

Его направили сначала на Ангару и Байкал, а потом — на Дальний Восток. Именно там стойко и с достоинством ему предстояло переносить все тяготы и лишения военной службы.

Но об этом позже.

Хочется немного рассказать о жизни страны того периода. Война, наскоки банд, мятежи, в общем-то, остались позади. Государство встало на мирные рельсы. Высоко поднялась волна индустриализации. Процесс возрождения вовлек в свою орбиту миллионы и миллионы. Молодых людей в российской деревне оказалось достаточно, чтобы обеспечить потребность в кадрах, в рабочей силе на заводах, фабриках, стройках и транспорте. Механизация, коммуны, колхозы, совхозы, подобно урагану, смели частное индивидуальное хозяйство крестьянина.

Поскольку я, автор этого повествования, в свое время тоже оказался на Дальнем Востоке, позволю себе коротко остановиться на своей биографии. Ведь мое поколение как раз и дало командирам берзаринского возраста ресурсы для укомплектования полков и дивизий, курсов и военных училищ.

В конце 1920-х годов я пошел в начальную школу. О городе я, ныне стопроцентный горожанин, в то время знал понаслышке. Село свое периода нэпа я помню хорошо. Далеко оно от Москвы, в Прикаспии, сотне километрах от Орска.

В какой-то мере мы земляки со знаменитым романистом Юрием Бондаревым. И со ссыльным кобзарем Тарасом Шевченко. Царь Александр III строил там линию казацких крепостей. И туда, в степи Тургая, мой дед Мирон Скоробогатов и его благоверная Мария Тимофеевна с детьми переселились с Дона. Мой отец в 19 лет нашел себе невесту в Актюбинске, дочь казака-переселенца Антона Мороза из Черкасчины, Аксинью. У них сложилась семья. По состоянию здоровья отец избежал участия в Гражданской войне.

Детство мое совпало с беспокойным временем коллективизации. У отца было хозяйство, позволяющее сводить концы с концами, учить детей грамоте. Лошадь имелась, волы. Была и другая скотина. Инвентарь до тридцати единиц. Образовалась в селе артель, назвали ее «Дружба», через год переименовали — дали имя В. К. Блюхера[18]. Отец сразу же вступил в артель. Отдал туда скот и имущество. Люди, осуждающие колхозы и совхозы, не знают, что такое крестьянский труд. Труд без трактора и комбайна — хуже каторги. Поэтому родители, обученные в свое время грамоте, связывали надежды на лучшую жизнь с коллективным трудом, с механизацией, недоступной единоличнику.

Я — свидетель того времени, прямо скажу: настрой у людей, несмотря на всевозможные испытания и невзгоды, у большинства был позитивный. Главное ощущалось: «Наш паровоз, вперед лети!»

Вековая мечта народа о лучшей жизни, о народовластии становилась явью. Мои предки по отцовской линии происходили из донской станицы Зимовейской, уничтоженной Екатериной II за грехи Степана Разина и Емельяна Пугачева. Предки мои потеряли всё, распылились по слободам и стали ремесленниками. Дед Мирон был мастером шорного и сапожного ремесла.

Наши односельчане были, конечно, наивными, представляя, что мы приближаемся к воротам «светлого царства коммунизма». Но идеалы справедливости у них были. Весть о смерти В. И. Ленина односельчане и мои родители встретили как личное горе. Для простых сельских жителей, для нас, ребятишек, Ленин был почти сказочным человеком. А вот по Николаю II, по Колчаку или Дутову никто не скорбел, даже несмотря на то, что некоторые из односельчан ели кашу из колчаковских кухонь, носили шинели и ботинки с обмотками английской выделки. Я помню мужицкие, казачьи беседы той поры.

Небольшие сдвиги к лучшему радовали. В нашем переселенческом поселке из сотни дворов появилась начальная школа. Вечерами в школе собирались взрослые. Они учились на курсах по ликвидации безграмотности, а в другом селе, более крупном, действовали курсы трактористов и шоферов, за них отвечала МТС, машинно-тракторная станция. От областного и районного центров провели телефонную линию. Телефонный аппарат поставили в школе — единственный, но сельчан это удовлетворяло. Хата-лаборатория, изба-читальня… Теперь это в каждом селе.

Наш председатель артели — Иван Каниболоцкий, по прозвищу Проблема, бывший партизан из отрядов Блюхера, он

частенько пользовался словом «проблема», которого раньше в обиходе не существовало. На сходах сельчан с повесткой дня «О текущем моменте» часто напоминал о «социализме», приговаривал:

— Вот тогда, станичники, тяжких проблем не будет!

Конкретные примеры нового житья, мы, школьники, видели. Телефон и радио (слышимость была никудышной) — пустяки. На наше воображение пугающе подействовала дичайшая затея комсомольских активистов. Они приняли постановление о ликвидации «поповщины», «оков религии». А это церковь. Стоял у нас храм, освященный в честь Александра Невского, и село потому названо Александровкой. И вот темной весенней ночью они взобрались с топорами на церковную кровлю и учинили там погром. Утром сельчане увидели, что крест валяется внизу, а в небо смотрит изуродованный купол. Церковь имела еще колокольню с крестом. Но до креста над колокольней безбожники без приспособлений тогда не добрались. Это сделали год спустя.

Я ее, колокольню нашу, помню и никогда не забуду. Ведь там была звонница! Хотелось плакать — зачем ее угробили?! Звонарем нередко выступал мой отец — у него звон был слаженным и гармоничным. Видно, этому он где-то учился. Поднимался не раз на колокольню и я. Видел отца — правой рукой он звонил в два маленьких колокола, а левой дергал веревку, привязанную к языкам других колоколов.

Последний раз я слышал звон большого колокола в феврале 1930 года — сутки шел густой снег, а в ночь на второе — разразился буран. В тот день отец, закончив свои дела в скотном сарае, сказал, что в такое ненастье иной путник-возница (рядом проходил шлях Орск — Актюбинск) может сбиться с дороги и погибнуть. Видимости никакой. Метель, буран… Отец стал собираться, чтобы пойти в церковь, подняться к колоколам и обозначить село ударами большого колокола. Я тоже засуетился, и мама разрешила мне отлучиться с отцом. Я пошел. Мы пришли в церковь, по темной лестнице добрались до колоколов и звонили до утра. Результат был, до села добрался целый обоз.

Потеряв звонницу, наша Александровка как бы лишилась своего голоса. И в соседнем селении, Петропавловке, тоже лишились храма. Его стены стали стенами машинно-тракторной станции. Кресты, купола и колокольня исчезли.

Разрушение принесло боль всем, но она прошла. Ее заглушили звуки работающего двигателя. Из МТС вожак местной комсомолии Федька Покорный, кумир деревенских девок, привел трактор «фордзон» Двух своих поклонниц-дурех он соблазнил, пообещав жениться. Они, обозленные, сговорившись между собой,

решили отомстить ловеласу. Пригласили его в гости, подпоили и подсыпали в закуску отраву. Видимо, это был стрихнин или сулема. Отрава эта у мужиков была, ею истребляли волков, сунув яд в мясо. Федька сразу же свалился, наверное, желудок сожгло, кровь пошла из горла. Фельдшер медпункта определил воспаление легких. После рвотного ему стала легче и он жил еще сутки. В комнате фельдшерского пункта я был свидетелем его мучительной смерти. Он успел рассказать нам, мальчишкам, что такое негритянская музыка под названием «джаз», о блатных своих дружках — джазменах, с которыми коротал время в детской колонии. Просил принести… кокаина… Наконец затих… Мы безутешно плакали. «Что такое кокаин?» — спросил я дома. «Отрава», — ответила мать.

О Федьке никто из взрослых особенно не жалел, он был из «пришлых», из чужаков. Он свалил крест церковный. Похоронили Федьку в дальнем углу сельского погоста. Там были зарыты останки Сергуньки-конокрада. Жертвы крестьянского самосуда. И еще там покоился донской есаул, расстрелянный в 1919 году мадьярами из Интернационального легиона. Мадьяры захватили есаула в плен во время боя за поселком, у Каменной горы. Убили они его в нашем дворе, и отец мой, Ефим Миронович, похоронил его втайне от односельчан, боясь доноса.

А насчет покойного безбожника… Скоропостижную его смерть богомольные старушки объяснили по-своему, крестясь, шептали: «Господь прибрал. За незамолимую мерзость».

Покорного не стало. На тракторе стал колесить мой двоюродный брат Алеша. Он сажал нас рядом с собой по одному и ручкой заводил мотор… Другие мальчишки бежали следом, вдыхая с наслаждением запах синего дымка. Трактор назывался «фордзон-путиловец». Это объяснил нам Алеша. Жить без церкви, но с мотором?! Местный троцкист по этому поводу в деревнях района проводил сходки и собрания.

В селе не было мельницы. По почину блюхеровского партизана Проблемы мужики и бабы, дружно взявшись за лопаты, топоры, вилы и тачки, соорудили плотину на рыбной речке Каргале. А мой крестный отец Степан Васильченко, сутуловатый великан-кузнец, со своими подручными поставил у плотины остроумнейшее сооружение — водяную мельницу. Мельница состояла из огромного деревянного колеса с лопастями, насаженного на ось, хибары из досок, где прилажены были жернова. И жернова заработали, завертелись. Речной поток шумел, а ось скрипела.

Каниболоцкий-Проблема подвел итог:

— Мы с вами сняли проблему муки и крупы… Жить можно!

Паровоз, вперед!

О летящем вперед паровозе дальше я буду говорить не в песенном понимании, а в буквальном, приземленном, будничном.

Из репродукторов по всей стране, от края и до края, от моря и до моря, на всех часовых поясах радиостанция имени Коминтерна настойчиво провозглашала: «Наш паровоз, вперед лети!»

Если твой мозг зациклен на стрелке «паровоз», «вагон», «поезд», то ты обязательно поспешишь с баулом или мешком в руках на вокзал, чтобы обзавестись билетом и в определенное время занять свое место в вагоне и ждать сигнала к отправке поезда. Мог ты попасть и туда, где и билета не спрашивают, в состав товарный. А точнее — в теплушку. Заметим, пресловутая теплушка могла принять в свое деревянное брюхо целую артель, команду. Вместится и воинский отряд. На нарах там не менее сорока мест.

Удобно было и то, что твой баул, мешок не сопрут — для охраны товарных поездов-эшелонов существовали наряды сопровождающих ребят с винтовками.

И если кто из пассажиров в товарном хотел о своем отъезде или прибытии сделать своим близким сообщение почтой или телеграфом, то такой поезд молва именовала «красным» — по его внешнему виду, окраске. Модно было, например, сообщить: «Еду в “красном”». Без указания времени, вагона… Я лично, будучи новобранцем, по пути в дальневосточный Хабаровск так и поступал. Разумеется, и позже. О времени отправки и прибытия таких поездов знали только железнодорожные коменданты.

В 1930-е годы в стране было объявлено об «оргнаборе». Организованный набор людей проводился для нужд далеких строек. Я помню, что перед моим отъездом на службу в армию по радио целую неделю читали отрывки из повести Петра Павленко «На Востоке». Молодежь, парни и девушки, ехала охотно. Неведомая даль влекла.

Военные ехали в командировку, по планам передислокации или к новому месту службы, а люди «оргнабора» — по зову собственного сердца. Я, призванный в армию в сороковом году, отправленный — к Великому, или Тихому, океану, запомнил такую сцену. Железнодорожная станция Красноярск. Октябрь, а мороз — минус 25. На путях стоит несколько эшелонов, из вагонов идет дым и пар. Да, дымят «буржуйки». В соседнем составе — девчат, как сельдей в бочке. Дверь вагона раскрыта. Оттуда одна за другой выпрыгивают они с хохотом и возгласами, звеня чайниками, котелками или другой посудиной, чтобы в кипятильном помещении на станции запастись горячей водой.

«Хетагуровки»[19], — слышу я от своего соседа по нарам в вагоне. Тут же из нашего вагона со свистом и выкриками разбегаются наши ребята-новобранцы — кто за кипятком, кто на пристанционный базарчик. Мечта ребят — купить что-нибудь «вкусненькое»: пяток соленых огурцов, вареной картошки, кислой капусты. А может, среди торговок попадется самогонщица, хитрая бабенка, торгующая первачом из-под полы, и «стол» получится. Милиция пресекает торговлю спиртным, но за всеми не уследишь! Шум, гам…

Гремит голос:

— По ваго-о-на-ам!

Звучит удар в рельс или колокол, и мы снова в своем вагоне, на своих местах. Поем хором:

Но случайно пришлось нам расстаться,
Я уехал на Дальний Восток.
У далекой Приморской заставы
Мы построим стране городок!

Совершалась замечательная поездка через всю страну

* * *

После всех революций населению России и братских советских республик хотелось жить по своей вере, по своим убеждениям. А тем, кто совал свой нос в чужой огород, давался отпор, порой весьма чувствительный. «Обижали» таких.

Николай Берзарин приехал на Дальний Восток в 1923 году. Его определили в 5-й Амурский стрелковый полк 2-й Амурской стрелковой дивизии. Там он состоял командиром пулеметной команды и командиром взвода. Не какой-нибудь баловень-выдвиженец, а достаточно подготовленный в училище и имеющий боевой опыт краском. Он много и целеустремленно работал и с личным составом взвода, и над собой.

В самообразовании при пользовании учебными книгами должна быть определенная система. Берзарин знал, как достигнуть высот в знаниях и всесторонне овладеть культурой. Знал на примере Максима Горького, Ивана Бунина, Михаила Шолохова и других гениев — они обошлись без университета, без академии. И от самого престижного университета толку не будет, если человек не желает учиться, не способен к самоусовершенствованию.

Сибирская, дальневосточная тайга кишела незаконными

вооруженными формированиями. Отряды эти состояли из офицеров и рядовых, которым после разгрома армий Колчака не удалось скрыться за границей, и из казаков, которые спаслись тем самым от троцкистского «расказачивания». В поисках выхода из своего затравленного положения эти русские люди продолжали «партизанить». Грабя население, они метались по тайге, прятались в горах. Командиры воинских гарнизонов, когда повстанцы загоняли милицию в тупик, вынуждены были организовывать операции по их ликвидации.

В постоянном ожидании сигнала «Тревога!» проходила служба Берзарина в Амурском стрелковом полку. В те времена полк имел более трехсот коней. Их берегли пуще глаза. Николай увлекся теорией езды и выездки лошадей и джигитовкой. Считалось, если конник достиг в искусстве верховой езды такого уровня, что мог на полном скаку подхватить с земли пятикопеечную монету, то он пригоден к бою в конном строю. Рубка лозы тоже имела свои степени мастерства. Краскомы равнялись на Семена Михайловича Буденного, выдающегося кавалерийского военачальника.

В газетах и журналах того времени публиковалось много материалов о Гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке. В таких публикациях часто встречалось громкое имя — Блюхер. Что за имя? Давным-давно ярославский помещик из села Барщинки дал такую кличку драчливому парнишке. А писари записали ее в ревизские списки: Блюхер. Было лестно носить фамилию прусского генерал-фельдмаршала. Обучаясь в Народном университете им. А. Л. Шанявского, Василий Блюхер проштудировал труды этого умело воевавшего полководца.

В чем особенность характера личности таких людей, как Блюхер, Буденный, Ворошилов и других героев революционного поколения, а потом и их воспитанников — Жукова, Василевского, Рокоссовского, Берзарина и других талантов, проявивших себя в период Великой Отечественной воины? Такие люди лучше всего высвечивают себя перед лицом большой задачи или опасности. Народ, семья, долг перед ними, уникальный опыт работы в чрезвычайных обстоятельствах превращают человека во всезнающего, всемогущего руководителя, мудрого тактика и отличного стратега. Великие дела совершают личности. На примере Блюхера, Жукова, Берзарина и других военачальников с особой четкостью видно, что крутые повороты истории рождают выдающихся людей, выявляют скрытые таланты и помогают их развитию.

Блюхер, Жуков, Берзарин… Выходцы из простых семей… Силой глобальных событий вождям-воинам при защите родины

был дан выход их военным дарованиям. Они, вставшие во главе народного войска, совершали величайшие дела, одерживали исторические победы.

В. К. Блюхер обладал харизмой[20]. Народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов дорожил этим полководцем и не давал его в обиду, подчеркивая, что имя Блюхера приводит врагов в трепет. И его надо оберегать. Еще в Петрограде Берзарин прочитал в «Красной звезде» примечательную статью. Автор И. Голощекин описывал действия Южноуральской партизанской армии, которой командовал Блюхер. Он совершил рейд по тылам колчаковских войск. Армия эта состояла из русских, украинцев, татар, башкир, латышей, чувашей, вотяков, марийцев. В ней были подразделения из бывших военнопленных — венгров, австрийцев, немцев, румын, китайцев. Армия эта, чтобы соединиться с основными силами, преодолела хребты Южного Урала, в том числе самую высокую вершину хребта Уралтау — гору Арвякрязь, прошла через лесные чащи и болота Башкирии.

Реввоенсовет 3-й армии, сообщая в Центр о подвиге Блюхера и его армии, писал 29 сентября 1918 года: «Переход войск Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен только к переходам Суворова в Швейцарии. Мы считаем, что русская революция должна выразить вождю этой горстки героев, вписавшему новую славную страницу в историю нашей молодой армии, благодарность и восхищение».

Служить на Дальнем Востоке и не повстречать лично Василия Константиновича Блюхера было бы провалом в биографии армейца. Один из штабников-командиров, уроженец Петербурга, часто бывавший в Хабаровске, Константин Киль-до дружил с Берзариным. Оба увлекались лыжным спортом. Разговорившись о своем командующем, Кильдо по секрету сказал, что Блюхер в заграничной командировке. Бывшего военного министра Дальневосточной республики пригласил в Кантон глава центрального китайского правительства доктор Сунь Ятсен. Блюхер — его главный военный советник. Когда Василий Константинович вернется, Кильдо не знал. Берзарин, услышав эту новость, глубоко вздохнул.

Заметим, что Блюхер в 1924–1925 годах действительно находился в Китае. Там заболел, раны, полученные в боях, дали о себе знать. Василий Блюхер в сражениях был ранен 16 раз! Дважды находился при смерти. Выжил чудом. И вот теперь… Но забегая в своем повествовании вперед скажем, что, пройдя курс лечения и окрепнув, Блюхер вернулся к Сунь Ятсену и пробыл в Китае с 1926 по 1927 год.

Галин — таково было имя советского военачальника,

работавшего в Китае несколько лет. Иностранные журналисты, аккредитованные в Кантоне, заинтересовались, кто такой этот советник Гоминьдана по военным вопросам и откуда приехал. Наиболее пронырливыми оказались французские репортеры. Сенсации — хлеб прессы. И потому до истины газетчики докапывались не слишком долго. Бухнули наугад: «Французский генерал Гален создает Гоминьдану вооруженные силы». С легкой руки находившихся в Кантоне парижан такое сообщение облетело телеграфные агентства и появилось в прессе Парижа, Лондона, Берлина. Откуда репортеры взяли это? Главный советник, иностранец, европейской внешности, имел неосторожность произнести по-французски расхожую фразу: «Аля гэр ком а ля гэр». На войне как на войне… Отсюда и пошло-поехало. Даже, когда стало доподлинно известно, что «генерал Гален» вовсе не Гален, а Галин, по национальности русский, журналисты этому не поверили. С такой эрудицией и таким кругозором в России человека не найти. Красивый, привлекательный, очень сдержанный господин, несомненно, аристократ.

Впрочем, когда выяснилось, что перед ними человек, рожденный в селении на берегу Волги, уважительное отношение к нему не исчезло. Французский репортер такими словами обрисовал его внешность: «Нам представили человека с массивной и коренастой фигурой, с круглым энергичным лицом, с квадратной и властной челюстью, с подвижными и пронизывающими глазами, с лицом, которому усы придают классический вид военного, немного грубого, хотя его жесты элегантны… Авторитет этого маршала революции объясняют исключительно личным магнетизмом, оказывающим влияние на людей, соприкасающихся с ним…»

Как бы то ни было, авторитет, разумные рекомендации сделали Василия Константиновича душой и сердцем вооруженных сил Китая, не говоря уже о родных наших войсках.

Есть такая мудрость: «Спеши медленно». И не надо было Берзарину специально что-то предпринимать, чтобы увидеть своего командующего. Такая возможность возникнет сама собой.

Боевая подруга краскома Наташа Просенюк

Николаю Берзарину пошел двадцать первый год. Страшные события стояли у него за спиной. Он чувствовал себя одиноким, усталым. «Как мало прожито, как много пережито!» Это из божественного Надсона. Наступила пора заводить семью. Надоело холостяцкое жилье в военном городке. И однажды сердце

сурового краскома пронзила стрела Амура. Он встретился со своей единственной, особенной и неповторимой. Со своей будущей избранницей.

Обаятельную девушку звали Наташей. Она работала в сберкассе. Прочитав рекламный призыв: «Храните деньги в Сберегательной кассе», он зашел туда. Спросил особу в синем крепдешине, сидящую у окошечка за столиком: «Простите, пожалуйста. Там, на фронтоне, плакат со словами “Храните деньги в Сберегательной кассе”, но не написано, где эти самые деньги взять… Хочу об этом здесь справиться». Девушка юмор восприняла, отреагировала соответственно, поправила свои длинные распущенные волосы и рассмеялась звонко: «Где деньги взять? У нас, где же еще?» — и ясными голубыми глазами взглянула сочувствующе на краскома. Он ответил на ее слова воинским приветствием.

Беседуя, они согласились с тем, что у молодежи, как правило, финансы поют романсы. Но всё же не деньги главное, а взаимопонимание. В каменном веке, сказал Николай, первобытные люди, например, обходились вообще без денег, а довольствовались обменом. Чтобы приобрести для своей любимой красавицы шкуру зебры, общинник отдавал охотнику свой каменный топор.

А Наташа вспомнила лермонтовских героев. У Михаила Юрьевича парень-кавказец по имени Азамат заарканил свою сестренку, отвез в гарнизон и обменял на эскадронного коня. Но девушка, кажется, не особенно ерепенилась. Красивое ей имя дал Лермонтов: Бэла!

Николай и Наташа смеялись до слез.

— Поэт был, как известно, военным… — сказала Наталья.

— Верно, — подтвердил Николай, — родители мои тоже любили поэта. Они мне, тогда дошкольнику, даже книжку раздобыли с портретом офицера-поручика Тенгинского пехотного полка и с его стихотворением «Бородино». Я его тогда выучил. Поручик… Нынче бывший поручик Михаил Тухачевский является командующим армиями целого фронта, стратег побед, как Лермонтов в поэзии. Гений. Вот какие бывают поручики, вот какие Михаилы…

— Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка? — продолжала шутить Наташа, улыбаясь.

Надо было уходить. Беседует он с девушкой в ее служебное время. Нарушается дисциплина, а это непозволительно. Скоро должна вернуться ее начальница, которую вызвали в райисполком на заседание. Коля засобирался в путь, водрузив на голову свою буденовку.

Наталья, чуточку помедлив, пошла к стальному сейфу, ключом открыла в одной из секций дверцу и извлекла оттуда нарядную книжку в синем переплете. На ней читалось название: «Герой нашего времени».

Отдав книгу Николаю, Наташа сказала:

— Дарю вашему полку. В воскресенье заглянула в магазин и приобрела. У меня такая книжка есть, хотя и потертая. Дарю на память. Не забывайте нашу сберкассу.

— Спасибо, — ответил Николай. Он положил книгу в командирскую сумку, добавив: — В долгу не останусь. Каменный топор, о котором мы разговаривали, я не обещаю. Но постараюсь собрать и принести сюда пышный букет полевых цветов. Ночью по тревоге наш полк уходит на тактические учения. Ненадолго, всего на недельку. До хорошей встречи!

Так они познакомились. Понравились друг другу. Девушка грамотная, начитанная. Он — бывалый воин, командир. Чем не пара? В 1925 году они расписались в местном загсе. Вступили в законный брак Николай Эрастович Берзарин, 1904 года рождения, и Наталья Никитична Просенюк, 1906 года рождения. Теперь она носила короткие волосы, как и другие жены командиров. В 1926 году они зарегистрировали свою новорожденную малышку, назвав ее Ларисой. А вторая дочь, Ирина, родилась в 1938 году. Она тоже сибирячка.

Жили дружно, душа в душу. Правда, Наташа немного «ревновала» своего мужа к… полку. Слишком много он отнимал у Николая времени. Но пришлось смириться. У жен офицеров обычно нелегкая судьба. Постоянные переезды из гарнизона в гарнизон изматывают душу.

Курсы «Выстрел»

Командование видело в лице Берзарина перспективного военнослужащего, весьма добросовестного и любящего свое дело. В тот период каждый командир среднего звена желал пройти обучение на курсах «Выстрел». Академия есть академия, туда не протолкнуться. А вот на Высшие командные курсы «Выстрел» поступить можно. А программа подготовки немногим отличается от академической. Командиры-самородки, вроде Николая Берзарина, мечтающие о продвижении по служебной лестнице, надеялись в основном на эти курсы. «На курсах “Выстрел” можно восполнить любые пробелы в военных знаниях, если одаренность и терпение позволят» — таково было всеобщее мнение в командирской среде.

«Выстрел» — уникальное учебное заведение наших вооруженных сил, осуществлявшее переподготовку командного и политического состава всех родов войск, а также преподавателей военных училищ. Здесь разрабатывались вопросы тактики и методов боевой подготовки войск, велась многоплановая научно-исследовательская работа по изысканию новых форм и способов ведения боя подразделениями, анализировался и обобщался опыт войск. Срок обучения — один год. Курсы созданы в 1918 году, расположены в подмосковном городе Солнечногорске.

Молодой краском Николай Берзарин, не теряя времени, подал рапорт с просьбой направить его в это славное учебное заведение, хотя люди, совет которых он ценил, отговаривали: «Зачем тебе школярское ярмо? Ты только-только оперился, начал жить по-человечески. А теперь вновь впрягаешься». Но Николай от своего решения не отступил. Тяжкая лямка слушателя блицакадемии его ничуть не страшила. Горячая тяга к знаниям не остыла. Его просьбу командование удовлетворило. И он превратился в гордого и беспокойного питомца «Выстрела».

Он восхищался ландшафтом, где раскинулся комплекс, и гордился богатой материально-технической базой «Выстрела». В Подмосковье много прекрасных мест, но красоту живописного берега озера Сенеж Николай ни с чем сравнить не мог. А судьба заносила его во многие регионы страны, красот не перечислишь. К тому же здесь — современно оборудованные полигоны, центры, где проходит огневая подготовка всех родов войск, даже отведено место для обучения специалистов ГРУ.

Состав слушателей был «пестрым» по званию, национальности, интеллекту и возрасту. Одногодков он не встретил и был, пожалуй, самым молодым. В одном строю оказались вчерашние командиры взводов, рот, батальонов, батарей, дивизионов, эскадронов, а также командиры полков, бригад, дивизий. Все на равных беседовали, спорили, советовались. Общение приносило пользу, продвигало к командирской зрелости.

К преподаванию на курсах «Выстрел» привлекались лучшие военные педагоги. Здесь читали лекции ученый-инженер Д. М. Карбышев, крупные теоретики военного дела А. В. Кирпичников, Н. Н. Шварц, Е. А. Шиловский, А. А. Самойло и др.

Рассказанное ими Николай Эрастович впитывал как губка. Жажда знаний активизировала военную мысль. В военных изданиях оригинальными идеями блистал Михаил Васильевич Фрунзе. Талантливым проводником его военной доктрины выступил Владимир Кириакович Триандафиллов, и Николаю Берзарину посчастливилось прослушать несколько его лекций.

Триандафиллов излагал и комментировал труд своего начальника и учителя Фрунзе «Даешь технику!». Привычное словосочетание приобрело новизну. Оно означало, что вооруженные силы страны обретают облик армии XX века.

Армию предстояло реформировать. И этим реформам должна была сопутствовать всеохватывающая индустриализация. В этом направлении она и устремилась. Везде: в небесах, на воде и на суше — мотор, броня и скорость…

Уезжая из Солнечногорска, Николай Берзарин уносил в своем сердце лозунг, призыв «Выстрела», обращенный к выпускникам его потока: «Наша задача — иметь армию, наличие которой отбило бы охоту у дальних и близких соседей строить козни и готовить нападение на русскую землю».

Комендант Иркутска

И опять дальняя дорога. Берзарин направлялся в Иркутск[21] воплощать в дело то, чему его учили. Ехать по Транссибирской магистрали — одно удовольствие. Да еще в спальном вагоне. Мягкий вагон — роскошь, но она положена выпускнику «Выстрела». Перед отъездом из Солнечногорска он побывал в Москве, прошелся по книжным магазинам. Нашел книгу этнографа Владимира Арсеньева. Вот кто знает дебри Уссурийского края! «Дерсу Узала» и стал спутником Берзарина до Иркутска. Был, правда, и сосед у него — из другого силового ведомства, из НКВД. Но тот из вагона по утрам уходил куда-то и возвращался ночью. Так что ничто не мешало отдыху Николая в общении с удивительным героем Арсеньева.

В Иркутске Берзарин получил должность начальника учебной части Курсов усовершенствования командного состава. Сам обучен — научи других. На этих курсах он сразу же стал признанным лидером-наставником. Освежилась программа курсов, изменилась методика. Ненавязчиво, по-товарищески Берзарин ознакомил преподавательский состав с атмосферой новаторства, которой пропитаны курсы «Выстрел». С избранием Берзарина секретарем партийной организации его права фактически расширились до полномочий начальника курсов, являющихся крупной войсковой единицей. Вместе с постоянным персоналом на них числилось до трех тысяч человек. Учебный процесс, организация и руководство им — тяжелая ноша. Чуть что недосмотрел, не учел — жди неприятностей. Дополнительную нагрузку не всякий выдержит. Берзарин выдерживал. Бывало, что и мероприятия, не связанные с учебной программой курсов,

возлагали именно на него.

Штатной должности коменданта в гарнизоне, как правило, не существует. Военным комендантом по совместительству часто становится тот, на кого возлагало эти обязанности командование. Комендантов в Иркутске менялись часто, поэтому должного порядка в городе не было. Милиция несла ответственность за гражданское население, комендатура отвечала перед властями за военнослужащих. В городе произошло несколько ЧП с участием военных. Объяснялось это плохо поставленной комендантской службой. И командующий гарнизоном счел, что все пойдет по-иному, если назначить комендантом Николая Берзарина. Ему сказали:

— В Иркутске армейцы разболтались. Устава не соблюдают, в общественных местах ведут себя безобразно. Ты приехал из Москвы. У тебя есть авторитет. Есть вышколенные слушатели курсов. Тебе и карты в руки. Научи дисциплине всех, и нас в том числе. Московскому порядку и дисциплине научи.

В армии существует неписаное правило: ни на что не напрашиваться и ни от чего не отказываться. А вот Наталья Никитична такое правило сочла ошибочным. Она была убита горем.

— Дожил до чудес, Берзарин! Мало ему забот на курсах! — причитала супруга. — Нянькой для гарнизона иркутского определяют. До сих пор он в двенадцать часов ночи с работы приходил. А теперь? Дочка воспитывается без отца.

Впервые в семье произошла серьезная размолвка. Потом жена отошла, смирилась со своей участью. Замуж вышла по любви, не насильно выдали. Не домосед он. Не на развлечения тратит время. Кроме работы и семьи у него ничего нет. А семья ему бесконечно дорога.

И стал Берзарин военным комендантом Иркутска. Теперь ему дело до всего, что происходит в войсках гарнизона. Спокойно порассуждав наедине с собой, Николай Эрастович согласился, что в чем-то Наташа права, упрекая его в невнимании к семье, он, Берзарин, продлил свой рабочий день до неприличия. Берется за то, что должны делать другие. У него же есть подчиненные! Не все полностью загружены работой. Некоторые не умеют найти себе дело. Другие просто обленились. Третьи, как говорится, дома работают, а в служебном кабинете отдыхают.

Берзарин вспомнил формулу, которую услышал давным-давно, записываясь в армию добровольцем: «Не знаешь — научим, не хочешь — заставим!»

Он поручил заместителю секретаря партийной организации сделать на общем собрании доклад на эту тему. В докладе

выдвинуть задачу: повысить культуру работы каждого. И тогда бескультурью придет конец — прекратятся ночные бдения. Они — плод бескультурья. Назвали нерадивых.

Эффект от собрания был исключительным. Те, кого пристыдили на собрании, поняли, что руководство курсов всеми способами покончит с разгильдяйством. И уже очень скоро Берзарин почувствовал, что заканчивать пребывание в своем штабе можно на час-полтора раньше. В дальнейшем, тщательно проверяя исполнение графиков и распоряжений, он заставил всех еще больше подтянуться. В комендатуру Берзарин подобрал таких людей, которые старались все делать своевременно, не ожидая понуканий и наталкиваний.

Возвращаясь с работы пораньше, Берзарин стал с Наташей и Ларочкой выходить на прогулки, в кинотеатр. Однажды рассказал им, как он борется с курением. Борется так: увеличивает число спортплощадок.

Наташа посоветовала:

— Ты, Николай, ребятам в ларьки побольше леденцов и карамелек завози. И увидишь, что кто-то откажется от вонючих самокруток…

Сам он выкуривал в день по две-три папиросы в качестве некоего «лекарства» для душевного равновесия. Брал папиросу в зубы за компанию с товарищами. Наташиного совета послушался. Распорядился изменить ассортимент продуктов в военторговских ларьках. Сладости там появились. И заметил вскоре, что заявки в военторг на табачные изделия чуточку сократились. Обнадеживающие перемены.

Здоровый быт — прекрасно. Но не для всех. Нашлись в гарнизоне злопыхатели, хихикавшие: «Этот комендант — выскочка, докатится до введения американского “сухого закона”. Не выйдет у него! Здесь Сибирь, а не Филадельфия». Полетели и тайные доносы в Москву, информировавшие о «подозрительном поведении» Берзарина. К счастью, не всем наветам давался ход и они попадали в долгий ящик — куда направлять их и полагается.

К коменданту и его персоналу, особенно к патрулям, стали относиться с уважением, а нерадивые — со страхом. Те, кто был в военном городке или на учениях в поле, ничего не опасались. А окажись ты на улице индивидуально, в общественном месте? Там хозяин — комендантский контроль. Патрулям было рекомендовано следить, чтобы военнослужащий имел уставной внешний вид: одет, обут по форме, в общении с окружающими корректен. Чтобы все военные учреждения — управления, отделы, лазареты и т. п. работали согласно распорядку дня и с соблюдением графика. Под присмотром комендатуры оказались

все питейные заведения, рестораны, столовые. Нарушителями порядка там оказывались в основном военные отпускники. Иному так хочется там покуражиться! Патрули такого не позволяли.

В довоенное время, да и после иметь дело с военными, нарушающими общественный порядок, имели право только армейские чины. Милицейским чинам при встрече с военным, равным и старшим по званию, позволялось только откозырять. И не больше. Иначе — получишь по физиономии. Это и не осуждалось. Не лезь в чужую епархию! Прибегали к этой мере часто бывшие хулиганы и персонажи, хлебнувшие тюремной баланды.

Первое время патрулей инструктировал лично комендант, потом эту процедуру он передал помощникам. Людей к патрульной службе готовили тщательно. Наступал час, и патрульные с черными, в медных кольцах шашками на боку, с повязками на рукавах направлялись в город с очень четким пониманием своих обязанностей.

Во дворе комендатуры сделали специальный загон, куда доставляли задержанных нарушителей порядка. Дежурный офицер разбирался, кто и в какой степени провинился. Гарнизонная гауптвахта не пустовала. Само собой понятно, что регламент на гауптвахте соблюдался до мелочей. Если суммарно военнослужащий пробыл на гауптвахте 70 суток, его полагалось уволить из армии. Военкомату сообщалось: «Неисправим». За восемь лет в гарнизоне имелся пяток таких «чемпионов».

С нарушителями военной формы — пуговица на шинели оторвана, не тот головной убор, не откозырял по уставу и т. п. — поступали так. Их выстраивали на плацу. Являлся дежурный. Под его присмотром нарушители занимались строевой подготовкой. Проходит час — объявляется перерыв.

— Довольно? — спрашивал дежурный комендант.

— Хватит! Мы больше не будем, — отвечали получившие уроки шагистики. Занятия или продолжались, или прекращались — смотря по настроению дежурного.

Берзарин превратился в харизматичного коменданта. Такого история иркутского гарнизона не знала. Его не проклинали — им гордились. Умение чуть ли не с аптекарской точностью определить допустимую меру взыскания — вот что его отличало. К примеру, парень в военной форме ввязался в драку. Задержан. Можно его арестовать, завести «дело», отдать под суд. А у Берзарина ни один дебошир не сел на скамью подсудимых. Он исповедовал принцип: чего бы это ни стоило, следует исправлять человека, воспитывать, сохраняя его в рядах армии. За мелкие уголовно наказуемые деяния бойца под суд не отдавали, а

воздействовали дисциплинарными мерами. Командиры полков, бригад, дивизий понимали, что красноармейцы по возрасту — ребята, действуют порой безрассудно, от излишней эмоциональности. Отправь парня в тюрьму — и он потерян для армии. А ведь мог бы превратиться при заботливом, отеческом отношении в образцового воина, защитника родной земли. Глупо и преступно осуждать солдата: «Солдат такой, солдат сякой!» Посочувствуйте солдату. Рано или поздно он на войне будет! Иной раз и его ошибку, проступок можно вполне простить.

Гуманность Берзарина и рядовые, и командиры чувствовали нутром. И в славном Иркутске люди отдавали должное коменданту со столь редким качеством. Вспоминали о традициях, внедренных в городской быт именитыми «каторжниками» — декабристами.

Командиры частей, расквартированных в Иркутске, считали за честь пригласить Берзарина к себе. И он откликался на просьбы. Главной темой разговоров на этих встречах были положения Устава гарнизонной и караульной службы, который представал перед слушателями в совершенно новом свете. Комментируя его, он знакомил командиров с историей армейских правил и обычаев. Устная «радиосеть» разносила по казармам его поучительную информацию, афоризмы, которыми он оснащал свои лекции-беседы.

КВЖД

Комендант-наставник, комендант-учитель Берзарин оставил свой пост. В 1929 году ко всем сложностям сибирской жизни добавилась новая: неожиданно возник советско-китайский вооруженный конфликт. Событие нешуточное.

…Всем хорошо известно, что строительство Транссибирской железной дороги началось в 1891 году, а в 1903 году наладилось регулярное сообщение между Санкт-Петербургом и тихоокеанскими портами Владивостоком и Порт-Артуром. Часть этой магистрали проходила по Маньчжурии.

Но в рельсовом пути был перерыв: через Байкал приходилось переправлять поезда на специальном пароме. «Столбики, рельсы, мосты» строители дотянули до Байкала, а дальше — стоп. Дальше поднимаются в небеса горные вершины. Предстояло прорубить в скалах тоннели, десятки тоннелей. Сразу такую циклопическую работу не сделаешь. Покорить хребты Прибайкалья смогли только в 1916 году. И тогда железная дорога к Великому, или Тихому, океану целиком пролегла по российской земле.

Китайско-Восточная железная дорога, КВЖД, ветка дороги на маньчжурской земле протяженностью 2,5 тысячи километров, обошлась России в миллиарды золотом. Это — наша собственность. Ее домой не унесешь. В 1924 году СССР, как правопреемник Российской империи, и Центральное правительство Китая заключили соглашение, что КВЖД, то есть ветка магистрали от станции Маньчжурия до станции Суйфэньхэ, будет находиться в совместном пользовании. Обслуживание дороги возлагалось на российских железнодорожников. И до конца 1928 года это соглашение оставалось в силе и худо-бедно соблюдалось.

Чтобы представить, что такое КВЖД, надо знать, что в 1928 году в распоряжении управляющего А. И. Емшанова имелось 513 паровозов, 11 259 товарных и 714 пассажирских вагонов. На КВЖД работало более 30 тысяч человек. Центральная власть в Китае в то время отличалась непрочностью, даже связь с северными провинциями осуществлялась через Гонконг. Подлинными хозяевами на местах чувствовали себя своевольные генералы. В северных провинциях Китая, в Маньчжурии, властные функции осуществлял главнокомандующий и губернатор маршал Чжан Цзолинь, имевший в своем подчинении солидные вооруженные силы. Начиная с декабря 1928 года маньчжурские власти начали предпринимать попытки по захвату КВЖД. После пропагандистской кампании в прессе китайская полиция Харбина 22 декабря захватила телефонную станцию КВЖД и стал разгораться серьезный конфликт. Чжан Цзолинь потакал многочисленным бандам «хунхузов» (разбойников. — *В.С.*), подталкивая их на преступления, прежде всего против служащих Китайско-Восточной железной дороги, русских людей. Разбойные нападения на поезда вошли в обычай. Обстрел советских пограничных постов превратился в рядовое явление. Наглость милитариста, наконец, перехлестнула через край — его «цирики» (солдаты. — *В.С.*) арестовали и посадили под замок более двухсот служащих КВЖД. Две тысячи советских граждан по приказу нанкинского правительства попали в концентрационные лагеря.

Российские ноты протеста маршал Чжан Цзолинь оставлял без ответа. Терпение у наших властей лопнуло. 17 июля 1929 года правительство СССР объявило о разрыве дипломатических отношений с Китаем. Наркомат обороны приказал командующему дальневосточными войсками В. К. Блюхеру погасить конфликт, применив оружие. Получив приказ, Блюхер на базе своих формирований в августе 1929 года создал Особую Дальневосточную армию и начал военные действия.

Силы для боевых действий против СССР возглавил сын Чжана

Цзолиня генерал Чжан Сюэлян. Он выставил две армии — в Приморье, в районе города Мишаньфу, и в Забайкалье. Одной армией численностью до трехсот тысяч солдат и офицеров Чжан Сюэлян управлял лично, другая армия (командующий — генерал-лейтенант Лян Чжуцзян) насчитывала в своих рядах 70 тысяч штыков и сабель. Сабельные эскадроны состояли из бежавших из России белогвардейцев — семеновцев, калмыковцев и др. Белокитайские силы превосходили силы Советского Союза в 20 раз.

При подобном «дефиците» мог ли Блюхер получить пополнение? Несомненно мог. Со всех концов страны в Наркомат обороны, в адрес Ворошилова, шел непрерывный поток писем от советских граждан с просьбой зачислить их в РККА. Учащиеся, парни, в свое время отслужившие в РККА, заявляли, что они не могут равнодушно наблюдать со стороны, как советскую Сибирь атакуют недруги.

Ворошилов отправлял этот поток в Иркутск и Хабаровск. Блюхера эти радовало, но он вынужден был давать разъяснения: «Мы получаем огромное число заявлений от добровольцев, и если их всех взять, то Особая стала бы в пять раз больше, чем теперь. В этом нет никакой надобности. Хотя Особая и немногочисленная по сравнению с белокитайской армией, но она достаточно крепка для защиты советских границ».

Уровень боеспособности войск китайских милитаристов и белогвардейцев штабу ОДВА доподлинно известен. Они горазды совершать налеты, диверсии, они «храбро» обстреливают мирных жителей и рыбаков на советской стороне Амура, подбрасывают в реки плавучие мины. Оборонительными позициями они не могут похвастаться. И все же враг опасен. Известны пункты, где сосредоточены огневые средства — артиллерия и пулеметы.

Красноармейцам не обойтись без штурма города Чжалайнор и станции Маньчжурия. Подступы к ним довольно прочно укреплены. Полевая и гаубичная артиллерия может и не пробить перекрытия окопов и блиндажей. Укрепления Чжалайнора и Маньчжурии занимают выдрессированные 15-я и 17-я смешанные бригады противника. Благодушие неуместно.

В октябре 1929 года красные войска нанесли удар по формированиям Чжана Сюэляна в районе Лахасусу и Фуцзиня. В ходе сражений за Лахасусу захвачены были штабные документы Чжана Сюэляна, из которых явствовало, что авангарды его армий имеют задачу нанести поражение армии Блюхера, пробиться к Байкалу, взорвать там железнодорожные тоннели и отрезать Дальний Восток от остальной части страны. В плен попал русский офицер из семеновцев, входивших в армию Чжан Сюэляна.

Одной из воинских частей, входивших в ОДВА, командовал Н. Э. Берзарин. К тому времени у него уже был ранг полкового командира (в Красной армии звание «полковник» введено в 1935 году).

12 октября Лахасусу был окружен и взят, город и укрепрайон Фуцзинь, где дрался полк Берзарина, оставался в осаде, ожидая прибытия полка А. П. Белобородова. На вторые сутки эти два полка штурмом взяли Фуцзинь.

Сопротивление войск Чжана Сюэляна стало ослабевать. Этому способствовали победы Кубанской кавалерийской бригады под командованием К. К. Рокоссовского. Кубанцы разгромили 15-ю и 17-ю бригады китайских милитаристов, дравшихся с особым упорством.

Сражения в Маньчжурии в зоне КВЖД продолжались и в ноябре. Были тогда проведены наши наступательные Маньчжурско-Чжалайнорская и Мишанфусская операции. Берзарин вспоминал впоследствии, что где-то там, возле китайской фанзы, сам он, одетый в черную бурку, увидел кавалериста в такой же бурке. Познакомились. Это был комбриг Рокоссовский.

— О тебе мне Жуков говорил, — сказал Рокоссовский. — Жуков назвал тебя золотым самородком. Меня это заинтриговало.

— Сам он самородок, — смущенно, по-мальчишески, отмахнулся Берзарин.

Берзарин задержал свой взгляд на бойцах эскадрона кавбригады Рокоссовского, расположившихся поблизости. Кроме сабель они имели на вооружении пики. Буденновские шлемы придавали таким молодцам с копьями былинное обличье. Действительно, чудо-богатыри.

Николай Эрастович поделился мыслями с комбригом:

— У вас рубаки вроде бы вышли из былины. Пики — это грандиозно!

И рассказал, что перед отправкой в зарубежную командировку в Китай в Иркутске он хотел оснастить кавэскадрон своего полка пиками. Ему отказали, заметив справедливо — толку будет мало. Для этого нужны систематические тренировки. Сам он, конечно, копьем-пикой владел. Прошел подготовку в кавэскадроне курсов «Выстрел» в Солнечногорске. Занимались факультативно. «Пиковая» эра канула в Лету. Сокурсники над ним подшучивали. Однако он не пропустил ни одного занятия. Вначале тяжело. А после усиленных тренировок даже не стал замечать того, что древко довольно длинное, до 3,3 метра, что масса стального наконечника тоже не гусиное перо — весит до трех килограммов. Пика эффективна. Иной пехотинец, видя ее,

теряет сознание.

— Заигрываю с пикой с младых лет! — сказал комбриг. — Надо, однако, считаться с тем, что нынче уважения к ней у конников нет. Технический прогресс вытесняет копье. Останется пика на языке, в скороговорке: «Купи кипу пик».

— Точно подмечено! — согласился комполка.

Простившись с Рокоссовским и его рубаками, Берзарин с комиссаром Новожениным понаблюдали, как всадники со щетиной пик растаяли в дымке у сопок. Вошли в фанзу — захотелось чаю. Ординарцы приготовили. Разговор у них шел все о том же, о состоянии войск противника. Людей Чжана Сюэляна «цементируют» казаки, которые уверовали, что, избежав плена во время Гражданской, они себя спасли. Ошибаются. Китайцы их предают и продают. Пошли слухи, что идет торг относительно атамана Анненкова. «Хозяева» намерены продать его с потрохами. Один экземпляр чекисты Семипалатинска-на-Иртыше берут за мешок муки.

И это осуществится. Можно пожалеть бедняг. Каппель, Унгерн, Анненков — «рыцари» сродни самураям. Незавидную выбрали себе долю. Рассказывают, конники Рокоссовского днями столкнулись с семеновцами. Последствия кошмарны. Подлинная мясорубка. Зачем? Во имя чего?

На реке Сунгари, притоке Амура, действовали силы китайской флотилии адмирала Шен Хунле, стремившегося прорваться в воды Амура, чтобы обеспечить успех сухопутным войскам.

Амурские речники-краснофлотцы на канонерках и броневых катерах пушками и пулеметами отбили все атаки Сунгарийской флотилии и стали ее преследовать. Потопили судно, на котором находился незадачливый флотоводец Шен. Его адъютанты сумели вытащить адмирала на берег и вместе с ним скрылись.

Под ударами войск Особой Дальневосточной армии китайские милитаристы прекратили сопротивление и согласились на перемирие. Главнокомандующий северными провинциями Чжан Сюэлян принял все условия перемирия. В Хабаровске 22 декабря 1929 года состоялось подписание соответствующего протокола, по которому КВЖД вновь признавалась совместным советско-китайским предприятием[22].

Можно было облегченно вздохнуть: конфликт улажен. Его принес стране откуда-то злой ветер, словно чуму или холеру. Но кое-как вышли из беды, сбивая атаки авантюристов, армия пошла на жертвы. Полагалось наградить тех, кто в сражениях проявил мужество и отвагу. Число счастливчиков, удостоенных ордена Красного Знамени, возросло. Эту награду получили свыше

пятисот красноармейцев, командиров и политработников. Появились краснознаменцы (так их величали) и в подразделениях полка, которым командовал Николай Берзарин. Командир был доволен, что его подчиненные не остались без наград.

Командующий Дальневосточным фронтом В. К. Блюхер получил пятый орден Красного Знамени. В мае 1930 года в нашей стране был учрежден орден Красной Звезды, и Блюхер первым из военнослужащих РККА получил эту награду.

На стихи поэта Александра Поморского появилась песня:

…И слушает страна настороженным ухом:
Враг точит нож и лезет на рожон.
И слушает страна — приказывает Блюхер:
«Дивизия, в охрану, на кордон!»
Стоим на страже
Всегда, всегда.
И если скажет
Страна труда:
Винтовку в руки!
В карьер! В упор!
Товарищ Блюхер,
Даешь отпор!

«На границе тучи ходят хмуро…»

Николай Берзарин был погружен в будничные дела. На КВЖД он получил то, что дороже всего: обогатился опытом управления полком в бою. Такой опыт полезен и в мирное время.

Структуру войск на Дальнем Востоке правительство страны решило видоизменить. Наркомат обороны, во исполнение правительственной директивы, преобразовал Особую Краснознаменную Дальневосточную армию в Дальневосточный фронт.

Прошло немного времени. В 1933 году Берзарина перевели из Забайкалья в Хабаровск. Человека, рожденного в городе Петра Великого, прелестями какого бы то ни было провинциального центра не удивишь. Но добравшись до столицы Дальнего Востока, порадовался тому, что, кроме его родного города, в России есть столь красивые города. Таков Хабаровск, расположенный на чудесном Амуре при его слиянии с Уссури, город просторно раскинул свои улицы, бульвары, площади. Имеет благоустроенные проспекты, парки. Уличной грязи не замечаешь

— тротуары дощатые, их можно мыть, как полы в квартире. И название имеет звучное — в честь русского землепроходца XVII века Ерофея Хабарова[23].

Из Хабаровска Берзарин направился дальше — в Ворошилов-Уссурийский, в штаб Приморской группы войск.

В 1935 году Николай Эрастович вступил в командование 77-м стрелковым полком 26-й стрелковой дивизии. В полку проявил себя отличным методистом, умелым организатором боевой и политической подготовки. Потому на должности командира полка он не задержался. Он передал свой полк другому командиру. А сам возглавил учебное отделение штаба Приморской группы войск.

Войска Приморской группы дислоцировались вдоль границы от Губерово до Северной Кореи. Берзарину хотелось досконально ознакомиться с этим регионом, где строились укрепрайоны, но на это времени не хватило.

Командующий Приморской группой войск Иван Федорович Федько знал, что Николай Берзарин — воспитанник Смоленских пехотных курсов. В Смоленске он, Федько, в 1921 году командовал бригадой. Усмиряли мятеж в Кронштадте его бригада, курсанты, другие части. Кровь бойцов его бригады и кровь курсантов багрово-красными пятнами расплывалась на бледно-синем льду Финского залива. Уже одного этого хватало, чтобы положительно судить о молодом полковнике, а его деловые качества были выше всяких похвал. Федько бывал на учениях, которыми руководил комполка Берзарин. Командующему импонировало, что Берзарина отличают прямота, искренность и какая-то спокойная деловитость. И Иван Федорович взял Берзарина к себе порученцем, командиром (офицером. — *В.С.*) для поручений.

Обязанностей у Берзарина было значительно больше, чем это обычно бывает у лиц, занимающих эту должность. Тратить время и энергию просто на исполнение поручений, иногда незначительных, ему не пришлось. И. Ф. Федько видел его незаурядность и возложил на него ответственность за выполнение планов обучения войск, по инспектированию частей и соединений. В этой работе Берзарин опирался на свой боевой опыт и солидную теоретическую базу.

Несмотря на свое высокое положение в армии, командарм 1-го ранга И. Ф. Федько был человеком простым, гостеприимным и радушным. Он не чурался друзей-фронтовиков, земляков и родственников, в его семье всех встречали и привечали… Ведомство Ягоды — Ежова внедрило в эту среду агентов, собирающих компромат, состоящий из гнусных измышлений. И

Федько попал в категорию «врагов народа». К врагам причислили и израненного в боях, тяжелобольного В. К. Блюхера. Федько и Блюхер до глубокой осени отвечали за обороноспособность наших войск, в том числе и на Дальнем Востоке. Маршал Блюхер со своими соратниками сумел еще дать отпор японским самураям, рискнувшим напасть на наши земли.

…«На границе тучи ходят хмуро…», прежде всего на дальневосточной границе. Это — по Амуру и Уссури, а также по линии берега Японского моря до Северной Кореи. Хмурые тучи отравляли жизнь нашим людям. Дикой и чудовищной нам всем казалась мечта самурая, воплощенная в его песне: «Подарим Сибирь нашему божественному микадо».

В 1937 году японские войска вторглись в Северный и Центральный Китай и оккупировали ряд провинций. Участились провокационные нападения на советскую территорию. Япония разместила на территории Маньчжоу-Го свою Квантунскую армию численностью в миллион солдат и офицеров. Что это такое — каждый военачальник РККА понимал прекрасно. Военного столкновения с частями и соединениями Квантунской армии не избежать.

Квантунской армии противостояли дивизии и полки Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, имеющей некоторый боевой опыт. На ее вооружении появились и артиллерия, и танки, и самолеты.

В штабе ОКДВА задумывались: кому же безотлагательно можно сразу же поручить боевую задачу — защиту наших рубежей? Неплохо подготовлены полки 40-й стрелковой дивизии. Командиром дивизии является человек с боевым опытом — полковник В. К. Базаров. Тем, кто инспектировал 32-ю стрелковую дивизию, нравилась методика обучения батальонов, внедренная полковником Н. Э. Берзариным. Части 32-й и 40-й дивизий с начала лета находились в тайге на учениях. Инспектирующие их посланцы штаба информировали Блюхера: все нормально, красноармейцы со своими командирами учатся под суворовским девизом: «Тяжело в учении — легко в бою».

Учиться в условиях, приближенных к боевым, да еще среди таежных сопок — это неимоверно трудное испытание для армейца. Заболоченные низины — это вроде бы естественно, вроде бы понятно каждому. Но и на склонах сопок — тоже вода, там из-под камней бьют ключи. Спасения от сырости нет нигде. Через сплетение ветвей деревьев и кустарников, через сваленные буреломом стволы осин и берез людям и лошадям приходится перетаскивать пушки, повозки. Страшная напасть — мошкара. Независимо от того — утро это или вечер, день или ночь, в

воздухе висят черные подушки из гнуса. Мошки едят все живое, а человеку набиваются в уши, попадают в дыхательные пути (автор этих строк все это испытал на себе). Бойцы, оказавшиеся на учениях, ждали августа, как избавления.

Август — это ветер, пожары. Комары, гнус не любят августа, а у подразделений появилась мечта — добраться до казарм. Красноармейцу, вернувшемуся из тайги, военный городок казался земным раем.

Сладкую мечту обрушили заклятые соседи — японцы. Штабы наших частей и соединений получили шифровку за подписью Блюхера. Смысл ее: «Тревога! Зашевелился враг». Ставились конкретные задачи: и 40-й стрелковой дивизии Базарова, и 32-й Берзарина, и некоторым механизированным частям, артиллерийским батареям быть в повышенной боевой готовности. На южном направлении 40-й, на северном направлении — 32-й взять курс на Посьетский залив, к озеру Хасан. Там назрел и перезрел «фурункул», граница трещит от вражеских наскоков. Затевает драку Япония. Ей неймется.

Читая такой приказ, трудно удержаться от всплеска нецензурной лексики в адрес японских провокаторов. Всех, кто имел отношение к конфликту, оперативники и политруки посвятили в суть проблемы. Так что же произошло?

…5 июля 1938 года японский посол в Москве господин Сигемицу предъявил Кремлю требование: убрать русских солдат и офицеров с высот Заозерная и Безымянная у залива Посьета, к озеру Хасан.

Наглое заявление? Да. Наши дипломаты разъяснили дипломату Сигемицу-сан, что об исполнении высказанного им пожелания не может быть и речи. Это спорная территория? Нет. Этот территориальный вопрос решен давным-давно, 22 июня 1886 года. Тогда русские имели дело с настоящими хозяевами некоторой части сего региона — китайцами. Вот подлинник того самого Хунчунского русско-китайского соглашения. Вот топографическая карта, на ней места, где обозначена принадлежность российской стороне Посьетского района с высотами Заозерная и Безымянная.

— Наши подопечные, аборигены Маньчжоу-Го, не имеют понятия о таком документе, — сказал Сигемицу-сан. — Мы уважаем их прошение вернуть сопки Заозерная и Безымянная. Там у аборигенов святыни, там они воссоздадут ритуалы, будут проводить свои религиозные праздники.

Довод смешной. А если попозже они, аборигены, вздумают проводить праздники во Владивостоке? Отдать им Владивосток? Пусть не фантазируют. Ни пяди нашей земли мы никому не

отдадим. Такую отповедь получил господин Сигемицу.

Ясно: японцы не собираются чтить международное право. Они уверовали, что эти земли они возьмут нахрапом.

Стычки на границе возле озера Хасан с участием небольших групп японских военнослужащих происходили и до встречи Сигемицу с руководителями Наркоминдела, в июне и в начале июля. У пограничников имелись жертвы. К таким фактам власти относились без паники. Теперь надвигалось нечто более серьезное.

В атмосфере запахло масштабной войной. В ночь на 29 июля японская рота сбила пограничные заставы, перешла границу и захватила сопку Заозерную. Пограничники и небольшие резервы регулярных войск сражались теперь с превосходящими силами японцев. С их стороны в нападении на границу СССР участвовали две пехотные дивизии, пехотная и кавалерийская бригады, несколько танковых частей и пулеметных батальонов, 70 боевых самолетов.

Боевыми действиями с нашей стороны стал руководить Г. М. Штерн[24], начальник штаба Дальневосточного фронта. Он действовал на основе анализа обстановки. А она такая: японское командование бросило в бой два полка элитной 19-й дивизии. Разведка уточнила: к району боевых действий штаб Квантунской армии подтягивает 15-ю и 20-ю пехотные дивизии, другие части с мощными огневыми средствами.

— Интересно! — воскликнул Штерн. — Не консультирует ли самураев наш мадридский «приятель» Франко?

Блюхер, выслушав своего штабиста, его слова никак не прокомментировал. Хрипло ответил:

— Жди сороковую. Попытайтесь с полковником Базаровым переломить ситуацию.

Невыносимая тяжесть навалилась на плечи маршала Блюхера. А 1 августа Блюхеру пришлось объясняться с руководителями государства. Состоялся разговор по прямому проводу.

В Кремле у аппарата находился сам Сталин. Он задал вопрос спокойно и холодно:

— Скажите-ка, Блюхер, почему приказ наркома обороны о бомбардировке авиацией всей нашей территории, занятой японцами, включая высоту Заозерную, не выполняется?

Блюхер ответил:

— Докладываю. Авиация готова к вылету. Задерживается вылет по неблагоприятной метеорологической обстановке. Сию минуту Рычагову[25] (командующему ВВС Дальневосточного фронта. — *В.С.*) приказал, не считаясь ни с чем, поднять авиацию

в воздух и атаковать… Авиация сейчас поднимается в воздух, но боюсь, что в этой бомбардировке мы, видимо, неизбежно заденем как свои части, так и корейские поселки.

Рядом со Сталиным находились Молотов и Ворошилов. На высказанное Блюхером опасение никто из них не реагировал. А Блюхер продолжал свой рапорт:

— Авиации приказано подняться, и первая группа поднимется в воздух в одиннадцать двадцать — истребители. Рычагов обещает в четырнадцать часов иметь авиацию атакующей. Я и Мазепов через полтора часа, а если Бряндинский полетит раньше, мы вылетим в город Ворошилов. Ваши указания принимаем к исполнению и выполняем их с большевистской точностью.

Разработанный в штабе маршала Блюхера план отражения агрессии, его эффективность японцы почувствовали. Хлынули сведения о людских потерях, о бомбах, упавших на огневые точки, на артиллерийские позиции.

Блюхер и Штерн большие надежды возлагали на 40-ю дивизию, она появилась, совершив двухсоткилометровый форсированный марш. Неприятность была в том, что отдельные подразделения 40-й застряли в пути: пушки, обозы… Дивизию бросили в атаку с ходу. Без рекогносцировок, без огневой поддержки. На войне худшего, чем это, представить невозможно. Люди гибли отделениями и взводами.

На несчастную 40-ю приказы и распоряжения сыпались как из рога изобилия. Штабам каждой командной инстанции важно было показать: они не бездействуют. Потому что в боевой обстановке бездействие наказуемо. Поражал разнобой в требованиях. «Звонили» кто во что горазд. Пугающе активен был комиссар Мехлис.

Отчаянная обстановка парализовала разум Базарова. Не остался в стороне даже Генштаб. От комдива потребовали объяснений. Мой друг-историк рассказал, что телеграфная лента сохранила разговор Шапошникова и комдива Базарова.

— Доложите: какова задача дивизии? — спросил начальник Генерального штаба.

— Не знаю, — простучал в ответ телеграф.

— Это не ответ.

— Ответ ясный. Не знаю, потому что сразу получил три противоречивые задачи: от фронта, от армии, от корпуса.

При этом диалоге присутствовал Ворошилов. Комдива отстранили от должности. Новым комдивом 40-й стал полковник Мамонтов.

Внезапность нападения дала японцам ряд преимуществ. Они

хладнокровно, без суеты использовали разные тактические приемы. У них существовало четкое взаимодействие между родами войск. Непрерывно атакуя, ценой немалых потерь японцы овладели высотами Заозерная и Безымянная.

Полки 40-й дивизии, принявшие на себя тяжесть первых схваток с остервенелым противником, оказались обескровленными. Видно было, что японцы рассчитывают развить успех и расширить масштабность операции.

Сорвать замыслы противника мог только комдив Берзарин.

«Берзара» — уссурийский тигр

В 1931 году милитаристы так называемой Страны восходящего солнца захватили Северо-Восточный Китай.

…Полки Берзарина форсированными темпами передвигались по труднопроходимому ущелью Сихотэ-Алиня. Преодолевали топи, техника застревала в заторах, дорога имелась, но без твердого покрытия. Ее «разжевали» танками. Параллельно с этой дорогой строили настилы из срубленных деревьев и кустарника. Рубили хворост, вязали фашины.

Саперы не знали усталости и отдыха, укладывая лежневку из бревен… И вот уже рядом все еще бьются с врагом пограничники. Сквозь плотный огонь добрались до ненавистных самураев. Весь день — в огне. Атаки и контратаки. Грохот канонады. Крики раненых. В 22 часа 6 сентября подразделения берзаринских 118-го и 119-го стрелковых полков стремительной атакой заняли высоту Заозерную и лейтенант Мошляк водрузил на ее вершине красное знамя. Час спустя штыками и гранатами сбросили японцев с высот Черная и Безымянная. Красноармейцы захватили три орудия и пять пулеметов.

На командный пункт Берзарина привели группу пленных японцев. Они с опаской глазели на довольно крупных офицеров, свалившихся с небес. Нет, они не с небес свалились, а из Уссурийской тайги, из царства могучих тигров. На четырех чурбаках под деревом стоял длинный, похожий на верстак, стол. Вокруг него сидели и стояли командиры, рассматривая карту. Среди них выделялся главный в наброшенной на плечи черной бурке. В сторонке, сидя на пне с блокнотом в руках, допрашивал японского офицера начальник дивизионной разведки капитан Анатолий Крылов.

Переводчику-корейцу удалось разговорить пленных. Они рассказывали капитану-разведчику о том, о чем он их и не спрашивал. Мол, в атаку их гнали голодными.

Пленные не ели два дня, и их накормили рисовой кашей с маслом. Даже здесь, поедая рис, они пользовались своими палочками. Маленький солдатик осмелел и, указывая движением лица в сторону стола, где сидел Берзарин, спросил у корейца: «Кто он?» Кореец пояснил: «Тигр в человеческом облике. Полковник Берзарин». Пленные, сидевшие за трапезой, затараторили: «Полковник Берзара… Берзара…»

7 августа японцы, пытаясь вернуть утраченные позиции, предприняли более двадцати контратак. С обеих сторон уже имелись танки, позиции и тылы бомбила авиация. Число убитых и раненых увеличивалось с каждым часом.

Хасанские бои продолжались еще несколько суток. Что будет на море? На кораблях находились адмирал Н. Г. Кузнецов и маршал В. К. Блюхер. Моряки ждали: вдруг самураям приснится Цусима? К счастью, японцы побоялись действовать на море.

У сопок бой долго не затихал. Японская 19-я дивизия оказалась разбитой. Позже стало известно, что общие потери этой дивизии и приданных ей частей выражались в цифрах: 650 убитых и 2,5 тысячи раненых.

10 августа битва у озера Хасан все еще продолжалась с прежней интенсивностью. И только к вечеру огонь со стороны противника стал затихать. И у Берзарина из-за потерь атаковать врага было нечем.

К ночи на командный пункт дивизии приехал начальник штаба Дальневосточного фронта, а с начала боев — он же и командир 39-го корпуса, в который входила 32-я дивизия, Г. М. Штерн. Григорий Михайлович сказал Берзарину: «Японцы ретируются. На участке 40-й дивизии японцев нет. Наш маршал уже в Хабаровске. Туда, в японское консульство, прибыли самолетом представители из Токио. Готовятся документы о прекращении военных действий».

Пленных и трофейное японское вооружение вывезли в Уссурийск.

Комкор Г. М. Штерн вместе с комиссаром Ф. А. Семеновским представили к правительственным наградам отличившихся воинов в боях против японских милитаристов. К награде был представлен и Николай Эрастович Берзарин. В этом документе сказано:

«Командир 32-й стрелковой дивизии полковник Берзарин Николай, член ВКП(б) с 1926 года, в РККА с 1918 года. В боях с 5 августа по 11 августа возглавлял действия 32-й стрелковой дивизии.

Несмотря на ряд недочетов в ходе операции, командир дивизии Берзарин организацией боя и поднятием боевого духа

бойцов в значительной мере повлиял на успешное выполнение боевой задачи 32-й стрелковой дивизии и содействовал полному овладению и удержанию высоты “Заозерная”.

Не прекращал непрерывного управления боем при интенсивном обстреле командного пункта.

Достоин награждения орденом “Красное Знамя”».

Вот такие формулировки содержала реляция — описание подвига командира 32-й дивизии в победоносном завершении боевой операции в районе озера Хасан. Датирован этот документ декабрем 1938 года.

В реляции отмечен «ряд недочетов»… Что это за «ряд»? Скептики Наркомата обороны, сидевшие в уютных кабинетах Москвы, в своих докладах отмечали: «Пехота слабо взаимодействовала с танками, авиацией и артиллерией». Что означает слово «слабо»? Банальная перестраховка тех, кто сочинял реляцию.

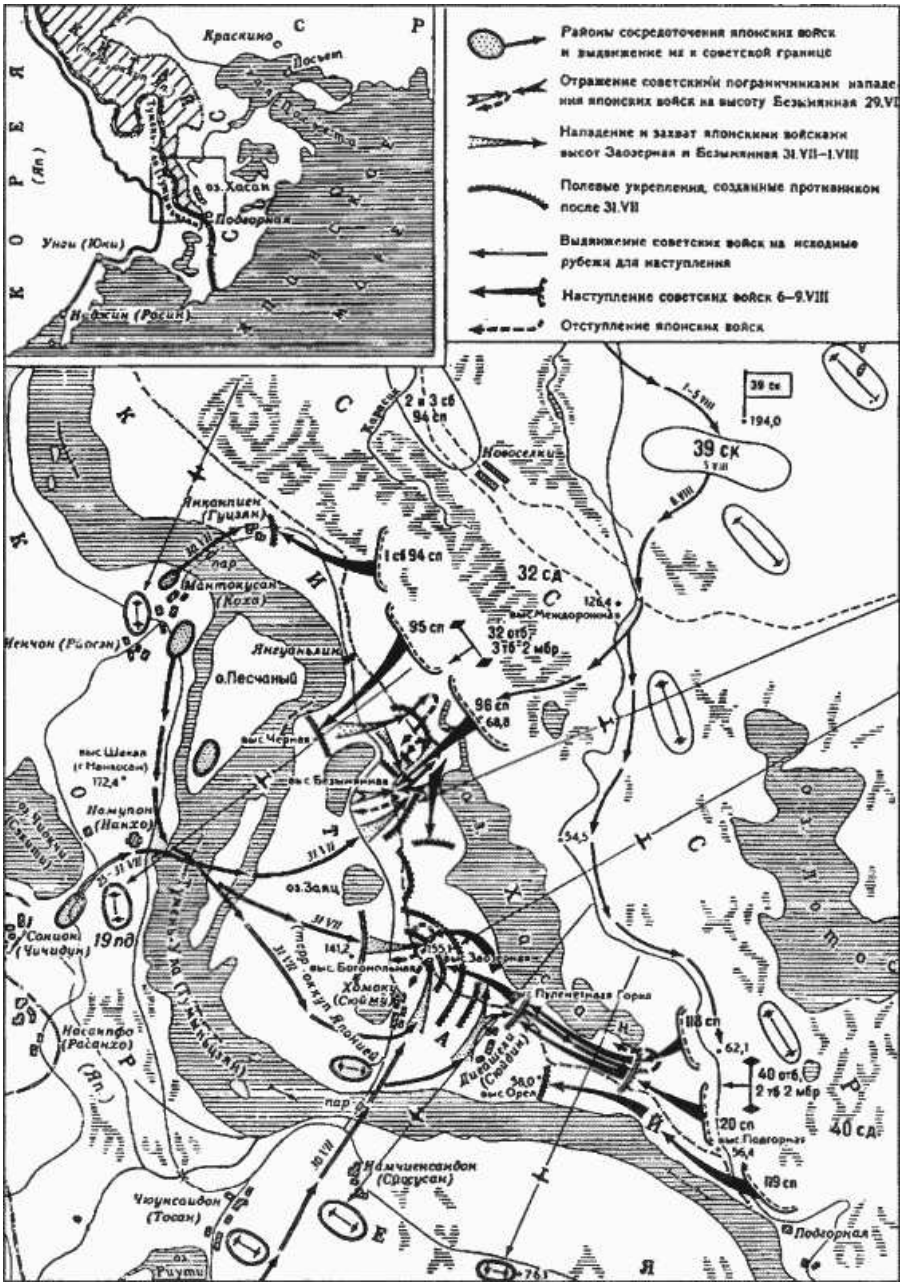
Дивизия Берзарина в сражении у озера Хасан вышла победителем. Какие могут быть претензии к комдиву? Никаких. Он получил высшую награду государства, ему присвоили звание «комбриг» — то есть генеральский чин. Берзарин — герой.

Да, при рассмотрении результатов боевой операции по отражению японской агрессии в Наркомате обороны командование Дальневосточного фронта, ряда частей и соединений получило, по школьной шкале, «двойку». Но в целом армейцы выполнили свой долг. Приказы исполнялись, пролилась кровь. Правительство страны достойно оценило подвиги воинов. Звания Героя Советского Союза удостоились 26 бойцов и командиров. За проявленные мужество и отвагу в боевых схватках с врагами почти 6,5 тысячи участников сражения получили ордена и медали.

Орденоносными стали 40-я и 32-я стрелковые дивизии. Орден Красного Знамени получил Посьетский погранотряд. В печати и по радио эти события освещались широко. Пережевывать информацию с «негативом» в то время никому не приходило в голову. Надо знать, однако, что общая обстановка в стране в тот период была кошмарной. Может быть, японцы из-за этого и решили прощупать прочность ее государственных границ.

Дело в том, что продолжалась «чистка» рядов Красной армии. Выявлялась причастность командиров разных рангов к «заговору маршалов». Уничтожили М. Н. Тухачевского и вместе с ним большое число лиц из высшего командного состава. За первой волной репрессий последовала вторая. Во «враги народа» попал командарм 1-го ранга И. Ф. Федько, переведенный из ОКДВА на работу в Москву.

С «врагами народа» расправлялись. Но у них были люди, находившиеся в служебном подчинении. Органы ввели в оборот понятие — «связь с врагами народа». Любого военнослужащего можно было посадить за решетку «за связь с врагами народа». Клеветники, провокаторы, подонки, сексоты и стукачи имели возможность реализовать свои способности. И реализовывали. Взорвать комбрига Берзарина не составляло трудности. Было бы желание. Ума не требовалось.



Разгром японских милитаристов у озера Хасан 29 июля — 11 августа 1938 года

Приказ номер 0040

Красная армия победила к 20-м годам XX века белую армию и

армии Антанты. Лихолетье кануло в Лету. Время шло. В Советском Союзе, ступившем на путь коренных преобразований, рождалось и крепло новое поколение людей. Оно овладевало опытом жизни, которого не существовало в эпоху Гражданской войны. Ему достались лишь книги, учебники, кинофильмы.

Война, полномасштабная или локальная, все равно — кровопролитие… Читать книги о войне — это одно, а воевать — другое. Имея это в виду, можно поискать ответ, почему в боях у озера Хасан все сложилось не столь гладко, как хотелось. Можно согласиться: достигнута победа. Но возникают вопросы: откуда неразбериха, где истоки хаоса? От того, что произошла смена поколений и боевые задачи решала послевоенная молодежь? Или вообще на войне хаос неизбежен?

Вот как в то время смотрели на хасанские события власти. Обратимся к официальным документам.

…С грифом «Совершенно секретно» 4 сентября 1938 года вышел в свет Приказ народного комиссара обороны СССР № 0040. Его подписал К. Е. Ворошилов.

Документ гласит: «31 августа 1938 года под моим председательством состоялось заседание Главного военного совета РККА…» Далее перечисляется состав участников заседания: Сталин, Щаденко, Буденный, Шапошников, Кулик, Локтионов, Блюхер, Павлов и другие военачальники, из ответственных лиц — глава правительства Молотов и заместитель наркома внутренних дел Фриновский.

В приказе сообщается:

«Главный военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан, и, заслушав объяснение тов. Блюхера и зам. члена Военного совета Дальневосточного фронта тов. Мазепова, заседание пришло к следующим выводам:

Боевые операции у оз. Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали участие в них, но и всех без исключения войск Дальневосточного фронта.

События тех немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии Дальневосточного фронта. Военная подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны, снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр военных действий к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь).

Хранение, содержание и учет мобилизационных и неприкасаемых запасов как фронтовых складов, так и в войсковых частях оказались в хаотическом состоянии»…

В приказе наркома отмечались частности. Уточнялся термин: «разбазаривание красноармейцев». Это означало, что личный состав войск нередко использовался на хозяйственных работах. Проверка показала, что начальники управлений фронта и командиры не знали, где находится и в каком состоянии оружие, целые артбатареи оказались без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были подогнаны, винтовки — не пристреляны. Отдельные бойцы проходили службу без винтовок, в изношенной обуви, полубосые, без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района. В документе имелся упрек и в адрес самого Блюхера. Он, оказывается, отчитывался в Москве 20–31 мая, но скрыл истинное состояние войск.

В приказе наркома все же отмечено, что имеется кое-что положительное в работе командиров-дальневосточников. Названо было имя Г. М. Штерна, начальника штаба ДВФ (как уже отмечалось, он во время событий на озере Хасан исполнял должность командира корпуса), который в ходе боев с японцами оказался умелым полководцем. Продуманно и эффективно действовал и Рычагов, управляя нашей авиацией.

Из приказа К. Е. Ворошилова нельзя узнать, выступал ли на заседании Главного военного совета адмирал Н. Г. Кузнецов. В дни сражений он был рядом с Блюхером. Видел его почерневшее от дурных мыслей лицо. Видел, что от прославленного военачальника осталась одна лишь тень. Иначе быть не могло. Блюхер в 1937 году поставил свою подпись под смертными приговорами М. Н. Тухачевскому, И. П. Уборевичу и другим борцам за власть Советов. Не мог не почувствовать, что подписывает смертный приговор и себе.

Приказ № 0040 имел роковые последствия лично для маршала Блюхера. Опозоренного полководца, героя Гражданской войны, живую легенду советских вооруженных сил убрали с Дальнего Востока. Привезли в Москву. Клим Ворошилов сочувствовал вывалянному в грязи маршалу, но спасти его он не мог.

21 октября 1938 года Блюхера арестовали. Не в столице, а в Сочи, на даче Ворошилова, в пансионате «Бочаров Ручей». Ордер на арест датирован 19 октября 1938 года и подписан лично наркомом Ежовым. Арест произведен сотрудниками госбезопасности Федоровым и Родовинским. Арестованного увезли в Москву поездом 24 октября 1938 года. После этих процедур жить маршалу оставалось всего полмесяца.

Василий Константинович Блюхер во время следствия умер в тюрьме 9 ноября 1938 года.

Лекция

Меня, призванного на службу в армии в октябре 1940 года, после принятия присяги зачислили курсантом школы при штабе Дальневосточного фронта. Фронт — не пустой звук, это — режим действующей армии. Мы понимали четко, что сие означает.

Штаб Дальневосточного фронта находился в Хабаровске, на улице Серышева[26], в комплексе зданий, занимавших целый квартал. Это была настоящая крепость в месте слияния рек Амур и Уссури, обнесенная стеной. До революции здесь готовили офицеров для казачьих войск.

Фортеция имела несколько ворот. У центральных ворот, у будки с часовыми располагалось пропускное бюро. Через эти ворота в один прекрасный день я проследовал рядовым, чтобы, проучившись шесть месяцев, выйти из них лейтенантом.

Мы, курсанты, негласно были освобождены от строевой подготовки, от изучения оружия, от тактических занятий, от стрельб. Все это мы прошли до принятия присяги. Каждого из нас прикрепили к тому или иному отделу или управлению. Только после рабочего дня мы возвращались в казарму. У нас был командир, младший лейтенант, имелся старшина. Одним словом, наша команда представляла собой подразделение.

В коридорах штаба, на территории крепости, мы, курсанты, запросто могли встретить любого здешнего обитателя, вплоть до командующего фронтом. Во время своих дежурств я видел Г. М. Штерна, который после доклада-рапорта обычно обменивался с дежурным курсантом рукопожатием. Так же вел себя и начальник штаба фронта Иван Васильевич Смородинов. Штерна сменил генерал И. Р. Апанасенко. В присутствии Апанасенко на одном из смотров во дворе крепости, простояв на солнце целый час с винтовкой у ноги, я получил солнечный удар и упал. Меня отвезли в госпиталь, И я приобрел льготу, с тех пор на построения меня не брали. К счастью, не отчислили. А могли бы и отчислить.

Как-то нас, группу курсантов, отправили на автобусе в окрестности Хабаровска, на дачу «Красная Речка». Дача эта пустовала с тех пор, как ее оставил хозяин. Некоторые помещения там в свое время опечатал НКВД. Печати наконец сорвали. На территории предстояло отремонтировать трехэтажную виллу. К ремонтным работам решили привлечь не кого-нибудь, а проверенных людей, курсантов.

Цокольный этаж виллы имел окна, приспособленные под пулеметные гнезда. Помещения второго этажа с библиотекой, столовой и комнатами для прислуги были светлыми и

просторными. Хозяйский третий этаж украшали лепка, венецианские окна. К дому примыкали конюшни, гараж, складские помещения. Котельная размещалась особо.

Мы поступили в распоряжение капитана из военно-строительного управления с фамилией Харьковский. Наш лейтенант, выстроив отряд, познакомил Харьковского с каждым будущим трудягой. Ребята надежные. У одного на груди значок «Ворошиловский стрелок», у другого — «Готов к труду и обороне», у третьего — знак Осоавиахима. Четвертый… Четвертый — это я, награжденный значком «Готов к санитарной обороне». Названы были мои «заслуги»: выпускник педагогического училища, репортер; несколько корреспонденций напечатаны в краевой газете «Тихоокеанская звезда», в газете фронта «Тревога».

Харьковский ознакомил нас с фронтом работ. Моим товарищам по отряду достались подвалы, там следовало забетонировать полы, оштукатурить стены и потолки. Меня Харьковский оставил при себе, чтобы привести в порядок библиотеку, картотеку.

Капитан вооружил меня списком литературы на семнадцати страницах. Список крамольной литературы. Она — на стеллажах, ее надо изъять. Комплекты журналов надо просмотреть. Подшивки газет убрать. Работа адская. Начал с Троцкого, Каменева, Зиновьева и их сообщников. Со стенографическими отчетами съездов, конференций, пленумов разбирался целые сутки. Кое-что любопытное попадалось. Например, среди журналов оказалась книжечка «Азбука коммунизма». Сочинение Бухарина. В душе сожалея о содеянном, я отбраковал шедевр. Знал я, что Николай Иванович Бухарин, услышав на каком-то форуме жалобу на нехватку изданий для политзанятий, поднялся в президиуме и заявил, что он в течение суток напишет учебник «Азбука коммунизма», послезавтра сдаст рукопись в типографию, а через три дня книжку начнут печатать.

Когда я, окончив педучилище, стал работать не в школе, а в редакции районки (кадров не хватало), то старик-наборщик, слыша наш разговор о бухаринском рекорде, открыл нам секрет:

— Бухарин лукавил. У него наверняка уже имелась готовая рукопись, он ее за сутки подредактировал и сдал в печать.

Хотелось возразить. Но я не стал этого делать — поблизости находились верстальщик, печатник. Пришлось прикусить язык.

Жалко было отбрасывать книгу прусского генерал-фельдмаршала Гебхарта Леберехта фон Блюхера, однофамильца нашего маршала, но пришлось. На ее страницах имелось много пометок, сделанных рукой Василия Константиновича.

Под портретом фельдмаршала Василий Константинович написал такую фразу: «Гебхарта Блюхера называли “Генерал Вперед”. Он имел привычку, оказавшись в голове штурмующих колонн, покрикивать на своих гренадеров: “Форвертс! Форвертс!”».

Трудился я не покладая рук, под присмотром капитана Харьковского. Потом к нам зашел импозантный человек в шевиотовой гимнастерке кремового цвета с тремя шпалами в петлицах. Капитан доложил ему, что работу мы завершаем. И указал на кучу книг. Трехшпальный распорядился: «В котельную».

Мне потребовались помощники для перетаскивания книг в котельную. Я взял своих заляпанных известкой дружков — Колю Семенова и Сережу Лосева. Мы мешками таскали отбракованные издания в котельную. Литература горела плохо. Края книг сгорали быстро, а дальше бумага тлела. Дело пошло, когда я раздобыл кочергу. Кремация длилась допоздна. В казарму я возвратился в два часа ночи. Ребята храпели, я же долго не мог уснуть. В мозгу горел костер из книг. «Инквизитор», — ругал я себя. Сделали меня инквизитором. Не думал, не гадал, что лично уничтожу уйму литературы, в том числе художественной. Ее читал Василий Константинович, иногда он делал пометки на полях книг. Меня мучила совесть. Я зашел в санитарную часть, и врач освободил меня от занятий по болезни на несколько суток. Наши курсанты ходили по городу без увольнительной, и я побывал на концерте в Доме Красной армии. Успокоился. Но уничтоженные книги остаются на моей совести до сего времени.

Наша крепость имела административный корпус, и там был конференц-зал. На стенде у входа в зал однажды мы увидели лист ватмана, самодельную афишу. Извещалось, что здесь с научным докладом выступит командир Н-ского корпуса генерал-майор Н. Э. Берзарин. Тема доклада — «Управление в наступательном бою».

Лица с генеральским званием у нас выступали редко. Запомнились двое: М. Р. Апанасенко и И. В. Смородинов. Не скажу, что мы, курсанты, слушали их уж очень внимательно. Молодые были, беспечные. Смотрел я, например, на статную фигуру Смородинова, на лампасы и решал в уме задачку: сколько лет надо тянуть лямку, чтобы дослужиться до лампас? У меня выходило — 20 годочков. По морщинкам на лбу Сережи Лосева догадывался, что он, футбольный болельщик, подсчитывает очки любимой команды. У курсанта Семенова тоже какая-то посторонняя мысль вертится.

Генерал Берзарин. Упустить то, о чем он рассказывает, невозможно. Все у него — о ратном труде. Что-то близкое нам,

солдатское. Оно, солдатское, является стержнем в конфликте на КВЖД, в отражении японской агрессии у озера Хасан… Он все пережил лично. На кителе — медаль «ХХ лет РККА», орден Красного Знамени. Это — вехи на боевом пути генерала. Ему нельзя не верить. Если идти в бой, то лучше всего, если командиром будет такой человек. Соратников своих он не забывает. Разведывательный отдел дивизии в боях с японцами возглавлял капитан Крылов. По окончании кампании Берзарин постарался, чтобы Крылова наградили. И тот получил орден Красного Знамени. Почему? Крылов своего комдива все время вооружал данными о противнике: сколько у противника сил, что он замыслил? Крылов и его разведчики любой ценой добывали такие сведения. А это — важная составляющая успеха.

Работая в редакции до призыва в армию, я овладел начатками стенографии. Записал в свой блокнот кусочки берзаринского доклада. Он сказал: «На озере Хасан родились новые тактические приемы. Мы, командиры, поняли и крепко усвоили, что для победы в бою нужно быть всегда новым, “неизвестным” для противника, добиваться внезапности, действовать, исходя из конкретной обстановки. Командиры наши приобрели твердые навыки управления».

Записывал не один я. В переднем ряду сидел майор из разведывательного управления штаба, Фудзивара, он тоже держал в руках карандаш и записную книжку.

Характеризуя театр военных действий (ТВД), Берзарин говорил: «Известно, что боевые действия в районе озера Хасан развертывались в узкой полосе местности между побережьем Японского моря и границей с МЧГ (Маньчжоу-Го. — *В. С.*) и Кореей. С севера горные хребты, высотой 460,1 и 304,0, с востока западный берег залива Посьет и болотистой долины озера Тальми…» Только смекалка солдатская, их находчивость позволили на такой «сцене» ввести в сражение танки и артиллерию. Японцы были шокированы, узнав, что русская техника оказалась там, где человеческая нога не находила надежного грунта.

Агрессор обязательно применяет метод внезапного нападения, что всегда надо иметь в виду. И ответ на эту внезапность должен содержать элементы своей внезапности. Берзарин анализировал ход боевых действий в войне 1904–1905 годов. Характеризовал операционные направления. «Россия одержала победу в той войне, — сказал генерал. — Но погубила нас бездарность дипломатии». Популярно излагались и другие вопросы, вплоть до проблем экономики. Надо изучать, утверждал докладчик, иностранные армии, надо знать и народные обычаи

страны-агрессора.

Заканчивая свое сообщение, Берзарин подчеркнул, что теория теорией, а все же следует отдавать предпочтение не теории, а практике. И эта практика в мирное время должна быть приближенной к боевой обстановке.

И еще он сказал: «Командующий фронтом от нас требует, чтобы мы воспитывали в подчиненных командирах и политработниках чувство превосходства наших вооруженных сил над фашиствующими вояками, над милитаристами. И предупреждает нас об опасности “шапкозакидательства”. Эти требования относятся и к старшим и к младшим чинам…»

«Командующий фронтом» — это Г. М. Штерн. Он воевал в Испании. Видел, как воюют гитлеровцы. Требования его выстраданы под Мадридом. Так мы слова Берзарина и восприняли.

Когда Берзарин произнес фразу: «Благодарю за внимание», мы не удержались и вскочили со своих скамеек. Не соблюдая субординации, окружили генерала. Жали ему руки, произносили сумбурные благодарственные фразы.

Мы все вышли из зала и были готовы нести генерала до его автомобиля на руках. Его провожал начальник Отдела боевой подготовки штаба фронта полковник А. П. Белобородов. Мы, курсанты, некоторое время спустя помогали этому полковнику формировать его 78-ю стрелковую дивизию. Она отправилась на фронт и во время битвы под Москвой отличилась и стала 9-й гвардейской.

Улыбчивый генерал захлопнул дверь эмки и укатил.

…Через несколько дней, которые прошли под впечатлением берзаринской лекции, мне и моим товарищам по курсам захотелось сходить в Дом Красной армии. На концерт. И попутно еще раз взглянуть на трофейные японские пушки. Два таких орудия — гаубицы были установлены у подъезда ДКА. Взяли в сопровождающие к себе майора Фудзивару. Он, японец по национальности, офицер разведуправления, с нами охотно общался. Ознакомил нас с боевыми характеристиками орудий. Заметил: «Между прочим, Берзарина до сих пор Токио не забывает. Привезли мне свежие газеты, и там ему статья посвящена. Именуют “Уссурийским тигром”, с уважением отзываются о нем». Фудзивара заключил: «Полковник Берзара — отныне рыцарь божественного микадо Хирохито».

Прощай, Хабаровск!

О боевых заслугах того или иного командира или политработника, если они у них имелись, красноармейцы знали. Агитаторов, пропагандистов, лекторов хватало. Старались на этой ниве печать, радио, кино.

Взять, например, Берзарина. О нем я был наслышан. Прежде всего от местных газетчиков. Знал, что он в Красной армии с 1918 года, воевал на разных фронтах. И не так давно, после окончания академического курса, служил даже военным комендантом Иркутска. Не Чапаев он, конечно, не Котовский или Лазо. Но командир он обстрелянный. С таким не страшно оказаться и на поле боя.

Недавняя встреча с командармом Берзариным, таким понятным и общительным на той памятной лекции, явилась для нас, курсантов, нерядовым событием.

Ниже поведаю, как я увиделся с генералом Берзариным еще раз. Это произошло в декабре 1940 года, накануне торжеств по поводу Дня конституции. Он отмечался в те времена 5 декабря.

К празднику мы готовились заблаговременно. Мне, новобранцу, тогда служившему в стройбате, как имеющему некоторый опыт работы в печати, комиссар батальона доверил выпуск ротного «Боевого листка». Разумеется, рукописного. Здесь, в штабе фронта, на меня возложили задачу посложнее. Обязали выпускать стенгазету. Ведь службу продолжаю не в каком-нибудь заштатном пехотном подразделении, а в управлении штаба фронта! Ответственность не та. Интеллекта требуется побольше.

Я проявил бесстрашие и согласился. А что мне оставалось? Мне повезло. Было удачей, что я подружился с бывшим газетчиком Степой Родионовым. Перед призывом он работал репортером в многотиражке Сталинградского тракторного завода. К тому же он увлекался графикой. Выглядел паренек щеголем, у него были не кирзачи, а ботинки с крагами. Но по характеру он почему-то был человек робкий. В своем графическом творчестве Степа подражал Кукрыниксам и Борису Ефимову, асам карикатурного жанра, их работы украшали страницы «Крокодила» и других солидных изданий.

Теперь мы со Степаном, расхрабрившись, затеяли выпуск не простенькой стенной газеты, а сатирического листка. И назвали его хлестко: «По зубам!» Заполняли сатирой, юмором, анекдотами и карикатурами Степана Родионова. Периодичность — примерно один номер в месяц. Хлопот хватало. Причем понятно: делали мы его в выходные дни. Заметки выискивали в подшивках газет, кое-что давали и собственное или от наших корреспондентов-курсантов. Удивительно для меня нынче то, что мы с Родионовым обходились без шефа-политрука. Понимали наверху, наверное,

что если «учредить» шефство, то мы станем пассивными и газета перестанет выпускаться.

Наш листок хлестал в основном по персонажам итальянских — немецких — японских властных структур. Ибо они сколотили ось «Рим — Берлин — Токио». Больше всего доставалось физиономиям самураев, хунхузов, фашистов-нацистов. Критиковали мы и наших «героев» — разгильдяев, картежников, выпивох, жуликов в армейских мундирах.

В помощники мы вовлекали военкоров-энтузиастов. Помогали сотрудник отдела, старший лейтенант, женатый на девушке, работавшей в машинописном бюро. А когда старлей, ревнуя, запретил ей общаться с курсантами, мы обошлись собственными силами и наловчились сами печатать. Я достиг высот — выполнял и перевыполнял норму выработки штатной профессиональной барышни-машинистки.

Свежий номер нашей стенгазеты «По зубам!» с изображением в заголовке побитой рожи самурая у нас получился удачным. Потому что готовили его в приличном расположении морального духа. Еще бы! Приказ с поздравлениями от начальства дорогого стоит.

Мы со Степой Родионовым бережно принесли наше детище в положенное место, взяли в кладовке табуретку и стали прилаживать газету в простенке. Возились без головных уборов, с расстегнутыми воротниками гимнастерок в разгар рабочего дня. Лист ватмана с текстом и рисунками не вмещался в раму витрины. Мы кое-как втиснули его туда. Не заметили, что на расстоянии нескольких шагов от нас остановился военный с двумя звездочками генерала в петлицах. Голову покрывала генеральская папаха с кокардой. Как тут рядовому не растеряться! Не заметил я и того, когда и каким образом исчез Степа. Он строго следовал солдатской мудрости: «Не попадайся зря на глаза начальству». Меня же поразил столбняк: ведь это же — генерал-майор Берзарин…

По службе он для меня в этом месте — посторонний военный человек. Можно ли в таком случае ему не рапортовать? Что сказано о такой ситуации в уставе? Я же занят конкретным делом! И высокий гость, видя меня остолбеневшим, приложил руку к своему головному убору и тихонечко спросил:

— Что это за плакат?

Я опомнился и глубоко вздохнул:

— Стенная газета нашего управления, товарищ генерал!

— Так-так-так… Вижу, — ответил он. — Давайте взгляну. Сегодня я, к сожалению, газету не видел.

Цепкий взгляд высокого гостя остановился на колонках

текста и на рисунках солдата-художника.

Мне, рядовому солдату, столь простецки разговаривать с генералом не доводилось. И я отвечал часто невпопад. Правда, мышление мое вскоре вошло в норму. Генерал разговаривал таким тоном, словно я — тоже генерал.

Что же было помещено в данном номере нашей стенгазеты «По зубам!»? Ничего особенного. Мы, собственно, плелись в хвосте «Крокодила». Помещена самодельная критика в адрес капиталистического мира. Острее всего высмеивали коварных японцев, повесивших на наших границах страшилище — Квантунскую армию.

Они, японцы, совсем недавно посягнули на священные рубежи нашей родины. Не только у Хасана в Приморье, но и на Халхин-Голе. В ответ получили по зубам. Мы, авторы материалов стенгазеты, по существу нового слова не сказали.

На последней колонке сочиненный мною сатирический «Романс самурая», а также четверостишие, посвященное кумиру наших курсантов, и моему в том числе, — командарму, генералу Берзарину. И совпадение произошло невероятное — материал стенгазеты читает самолично герой нашего произведения.

Что же содержал мой «Романс самурая»? Скучноватое, шаблонное:

Я помню день. Ах, это было счастье…
Шагал я на войну — грабеж.
Не ожидал я там ненастья.
Теперь зубов моих там не найдешь.

А насчет того военачальника, разгромившего полчища захватчиков, оккупировавших высоты Безымянная и Заозерная, сказано было, что божественный микадо Хирохито воспылал к победителю симпатией. Хочет видеть его в числе своих приближенных. По прогнозу, они — самураи — могут рассчитывать на такой триумф:

На российских сопках обожгутся
И навар получат шоковый.
Мы дождемся: комендант Иркутска
Превратится в коменданта Токио.

Положив руку на мое плечо, Николай Эрастович спросил меня:

— Ваше творчество?

— Мое, — признался я.

— Думаю, что вам можно пробиваться в большую прессу.

Я ответил:

— Профессия журналиста требует колоссальных знаний. Мне надо учиться и учиться.

Генерал сказал, что ему приходилось быть политическим комиссаром, заниматься печатью, идеологией. Без серьезной подготовки не обойтись. И еще что-то говорил мне. Тут к генералу подошел, громыхая сапогами, незнакомый мне майор, они обменялись репликами, я запомнил фразу: «Хозяин у себя», и они быстро ушли.

Глава третья
БЕЙСЯ ТАМ, ГДЕ СТОИШЬ!

В Прибалтийском особом военном округе

Мне довелось быть свидетелем отправления войск из Хабаровска на запад в январе 1941 года. Нынче не могу вспомнить, почему я оказался в тот день на товарной станции Хабаровск-II. Наверное, выполнял какое-то поручение штаба. Там — комендатура, там — склады — их мы, курсанты, порой навещали. С фельдъегерской сумкой, с кобурой на ремне, «лицо неприкосновенное», мог я ходить где угодно.

Хмурое утро. Мороз под тридцать. Все кругом заиндевело, скрипит и потрескивает. Вся станция была заполнена воинской частью. «Это стрелковый полк», — заключил я.

Красноармейцы и сержанты — в шинелях, кирзовых сапогах и зеленых касках. На платформах стоят покрытые брезентом грузовики, повозки, полковая артиллерия, противотанковые пушки. Да, это пехотинцы. Заканчивается погрузка людей в товарные вагоны. Прикидываю в уме: для полностью укомплектованного полка требуются четыре-пять эшелонов. Значит, здесь — стрелковый батальон со спецподразделениями.

Образцовый порядок. Лишнего шума нет, но нет и тишины. Слышны команды, резкие фразы. Всё воспринимается с полуслова.

Приостановился возле вагона — конюшни. Затащить коня по настилу из досок в вагон сложно. Лошадь — умное животное, но непривычная среда, возня пугают ее. Она мечется. И все же ласковое прикосновение рук хозяина, его голос успокаивают коня, он идет туда, куда его ведут — в вагон.

Для повседневной носки наши каски неудобны. Но их солдаты почему-то надели. Почему? Подумав, сообразил, что подшлемник из толстого сукна лучше сохраняет тепло, чем пресловутая буденовка.

Уезжают наши воины на запад…

Уезжают и крупные воинские чины.

Заместитель командующего войсками 1-й Краснознаменной армии Дальневосточного фронта генерал-майор Н. Э. Берзарин до конца апреля 1941 года находился в Хабаровске, потом, по распоряжению Народного комиссариата обороны, с Дальним Востоком распрощался. Показали ему телеграмму с приказом:

«Выехать немедленно. Жуков».

По телефону Берзарин узнал, что гостиница заказана на Чистых Прудах. Что его ожидает в Москве? Этого ему никто не объяснил.

По пути в Москву в курьерском поезде, под перестук колес, генерал в раме вагонного окна наблюдал, как и чем живет железнодорожная магистраль, что там видно на полях и в тайге. Дорожные картины успокаивали. На полях — посевная, лес зеленый угрюм — ждет летних пожаров. В Хабаровском крае над тайгой дым порой стоит неделями. Газеты, приобретенные в киосках на вокзалах, несут информационную атмосферу напряженности. В душе генерала она особых эмоций не вызывала. Притерпелся к чрезвычайным ситуациям. Берзарин ожидал, что в наркомате ему зададут кое-какие вопросы о Г. М. Штерне. Григорий Михайлович, оставив пост командующего войсками ДВФ, в начале 1941 года стал работать в Москве в должности начальника управления ПВО. И тут случилось что-то немыслимое: на Красной площади 15 мая 1941 года совершил вынужденную посадку немецкий военно-транспортный самолет Ю-52. Без всяких помех. Штерна и начальника управления ВВС П. В. Рычагова привлекли к уголовной ответственности.

Берзарин не заметил, как пролетели дни в дороге. Вот и Москва. Ночная, лунная, почти безлюдная. Позвонил дежурному в наркомат, доложил о прибытии. Прислали машину. К началу рабочего дня он появился в наркомате, в ГУК — ведомстве Ефима Щаденко.

На то, что его без промедления примет маршал Тимошенко или его заместители, он не рассчитывал. Начал с кабинетов отделов и управлений Главного управления кадров. Начальники всех степеней, их сотрудники — приветливы. В коридорах власти всегда так: мягко стелют, да жестко спать. А чего другого можно ожидать от винтиков административной машины?..

Полковник Пивень, отвечающий за дальневосточное направление, пригласил генерала в свой кабинет. Очень деловой кадровик в разговоре проявлял благожелательность, ознакомил генерала Берзарина с приказом наркома обороны от 26 мая 1941 года № 00190 о его перемещении на новую должность. Назначен он на пост командующего войсками 27-й армии. Где она? На стыке Калининской и Новгородской областей есть крупный железнодорожный узел Бологое. Там — штаб армии. В окрестных селениях — части и соединения 27-й.

— Там вас уже ожидают. С руководством наркомата вы встретитесь, когда побываете в армии.

Полковник пригласил нового командующего армией в буфет

на чашку кофе.

В буфете полковник рассказал о некоторых нововведениях последнего времени в работе с командными кадрами.

Прежде «личное дело» командира не давали в руки тому, на кого оно оформлено. Теперь — не то. Формуляр этот рассекречен. Содержание бумаг, документов, то есть характеристик, отзывов, копий наградных листов и прочего, касающегося его лично, командир обязан знать. Если там попадется что-либо нелицеприятное, то появляется возможность исправиться.

Они вернулись в кабинет полковника.

Из стального сейфа, хранилища «личных дел», кадровик извлек синюю папку с оттиснутой на ней красной звездочкой и наклейкой: «Личное дело. Берзарин Николай Эрастович». Взял генерал эту папку, перелистал. Все бумаги знакомы. Нет, не все.

Впервые Берзарин увидел документ, составленный его бывшим начальником по службе в Приморской группе войск. Он тогда исполнял обязанности помощника начальника отдела боевой подготовки штаба ОКДВА и временно состоял командиром (офицером) для особых поручений при командующем войсками Примгруппы.

В том декабре 1934 года И. Ф. Федько подписал аттестацию Н. Э. Берзарина. Это проводилось по приказу РВС СССР 1925 года № 1.

Вот она, аттестация за подписью Ивана Федоровича:

> «Тов. Берзарин, выдающийся строевой командир с большой волей, хороший методист и организатор боевой подготовки. Участник Гражданской войны. Будучи временно исполняющим обязанности (командира) для особых поручений, тов. Берзарин выполнял исключительно работу, связанную с боевой учебой частей армии. По моему заданию провел ряд сборов с начсоставом группы. По своей подготовке, опыту тов. Берзарин подлежит выдвижению на должность командира и комиссара стрелкового полка вне очереди.
>
> *Командующий войсками группы* ***Федько.***
>
> *Декабрь, 1934 год».*

От нахлынувших воспоминаний у Берзарина потемнело в глазах. Подумалось: «Иван Федорович… мой бесценный учитель, наставник…» Берзарин справился с волнением, взял себя в руки и перевернул эту страничку. Еще аттестация — тоже положительная. Есть и характеристика парторганизации штаба

военсоединения № 6813. В ней сказано:

> «Тов. Берзарин рождения 1904 года, русский, член ВКП/б с 1926 года, рабочий. В парторганизации штаба военсоединения 6813 с января 1938 года, прибыл из парторганизации штаба Примгруппы. За время пребывания в парторганизации штаба военсоединения 6813 тов. Берзарин показал себя активным коммунистом, по-партийному оценил свои прежние упущения и недостатки. Проведенными в последнее время проверками установлено, что в своей практической работе тов. Берзарин решительно исправил допущенные ошибки в деле боевой подготовки. Будучи командиром 77 с. п., не принял решительных мер в пресечении контрреволюционной работы группы писарей штаба 77 с. п. Имело место игнорирование партполитаппарата /по материалам ДПК 26 и 19 дивизионной партконференции 26 дивизии/. Подобные примеры притупления классовой бдительности и недооценки политаппарата имели место у тов. Берзарина и в нашей парторганизации. Тов. Берзарин защищал людей, впоследствии уволенных из РККА, идя вразрез с мнением политаппарата. Недостаточно заботился о бытовом положении комначсостава штаба. Недостаточно самокритичен».

И тут попался документ более хлесткий.

Это, собственно, не документ. А эпистолярного жанра произведение. Бумага достойна внимательного прочтения. Читая, убедился, что бумага редкостная. Она ценна тем, что является нетленным образцом доносительского искусства, появилась на свет тогда, когда подводились итоги сражений возле озера Хасан. Лист подписал некий полковник, фамилия которого в ГУК была вымарана тушью. Сочинитель доноса, хабаровчанин, обращался со своими «откровениями» в Москву, к заместителю народного комиссара обороны, армейскому комиссару 2-го ранга Е. А. Щаденко. Ефим Афанасьевич в годы Гражданской войны был соратником Буденного в Первой конной армии, затем находился на политработе. В 1938 году поднялся до поста начальника Управления по командному и начальствующему составу РККА, при нем формы работы с доносами и наветами чуть-чуть изменились. Донос в ГУК не пошел сразу же к лубянским спецам, а его зловоние направили в русло служебного расследования.

Приведем полный текст этого характерного для того времени «документа». Доносчик писал:

«Месяца 3–4 назад я слышал, что командир 32 дивизии Берзарин арестован. Я и другие считали, что это так и должно быть и вот почему:

1. Берзарин был порученцем у Федько не один год, и его в то время считали подхалимом. Он подхалимом и остался — это подтверждает его б. комиссар Тентов.

2. Берзарин благодаря протекции врагов Федько, Балакирева, Могон скакал, как блоха, добиваясь высокого положения, а именно:

по ходатайству Федько он назначен командиром 77 полка.

Примерно через год, по ходатайству врага Балакирева был назначен начальником 2-го отдела штаба Примгруппы.

Не прошло и года, при участии Могона и Федько — он назначен командиром 32 дивизии.

Будучи в ОКДВА, я слышал удивление быстрой карьере Берзарина всех, кто его знает. И приписывал это его подхалимству и непосредственно его любимчику Федько. Причем никто о нем, как о хорошем работнике, не отзывался. Враги его нахваливали, в частности, я знаю — Могон.

Говорили о Берзарине и так: “Берзарин пошел в гору после того, как он всеми правдами и неправдами достал и оборудовал для Федько мягкий салон-вагон”.

Сегодня я слышал от дальневосточников, что Берзарин назначается командиром на сугубо ответственное направление на Посьет.

Считаю своим долгом высказать сомнение в его политической преданности. У меня о Берзарине сложилось мнение, как о подхалиме и участнике в делах врагов.

Считаю необходимым поставить Вас об этом в известность.

Полковник… (фамилия вымарана тушью)».

Донос датирован 14 декабря 1938 года.

Зарегистрирован в ГУК за № 00048.

Оригинал доноса Берзарин увидел впервые. Но никогда не забыть ему зиму 1938/39 года. Его тогда терзали немилосердно. Анонимки вопили: «Распни его!» Николай Эрастович все же тогда остался цел и невредим и даже не был уволен из армии. Но удары по его авторитету давали о себе знать. Приходилось объясняться по всем пунктам нелепых «обвинений». Берзарина даже несколько

удивило то, что в Иркутске, Хабаровске, Уссурийске нашлись порядочные люди, которые не побоялись дать о нем положительные отзывы. Это его спасло. А вот у Константина Рокоссовского, Александра Горбатова, Кирилла Мерецкова и других генералов получилось хуже. Их тогда никто не защитил, пока не вмешался начальник Генерального штаба Жуков. Он помог им выбраться из гулаговских застенков на свободу.

Берзарин вернул полковнику-кадровику темно-синюю папку, отягченную подлым наветом, тот посвятил его в «тайны мадридского двора». Сказал, что до подписания приказа о назначении его, Берзарина, на пост командующего армией состоялся разговор у начальника Генштаба Жукова и у самого наркома. Жуков сказал маршалу, что за него, Берзарина, он может поручиться. Сказал: «Смелый, решительный командир. Армию ему можно доверить вполне». А насчет того злосчастного навета Жуков выразился так:

— Цидулок нам еще насочиняют. Напакостят. Фактически помогают Гитлеру. «Пятая колонна».

Полковник Пивень не сразу убрал берзаринское досье в сейф. Он заговорил о новом в кадровой политике. Передал Берзарину слова Е. А. Щаденко о том, что прежде некоторые командиры, в расчете на карьерный рост, или ради красного словца, раздували в анкетах свои прошлые «заслуги», особенно революционные. Они приписывали себе то, чего не было. А сочинители наветов используют хвастовство, атакуют.

— Начальство наше советует таким фантазерам заново переписать свои анкеты, убрать вранье, — сказал полковник. — Вот, например, в автобиографии генерал Конев написал, что он вышел из крестьянской среды, из семьи бедняка, сельского пролетария. А потом из доносов выяснилось, что у его деда была бакалейная лавка, был большой дом. Потому-то Ваня и окончил земское училище. И вот Ивану Степановичу пришлось пересочинять свое жизнеописание в духе социалистического реализма.

Николай Эрастович, слушая кадровика, подумал:

«Слава богу, ко мне это не относится. Я не революционер. До армии состоял учеником в типографии. Там, вместе со всеми печатниками, ходил по праздникам на митинги, демонстрации. Слушал горлопанов, пел боевые песни, хватал и раздавал толпе листовки и прокламации. Приходили к нам в цех люди с улицы, чаще всего, чтобы раздобыть подходящей бумаги для самокруток. Вместе с бумагой мы дарили им агитки.

Понимаю, что подобная детская самодеятельность не есть сотворение пролетарской революции».

Берзарин помнил содержание собственной биографии, написанной в 1936 году, которая подшита в досье. А написал он тогда следующее:

> «…В забастовках, стачках активного участия не принимал, на рабочие демонстрации ходил, и обе революции прошли у меня на глазах, активно собирал листовки, разбрасываемые по городу, и передавал рабочим, матросам и солдатам…»

— Вам, товарищ генерал, — сказал полковник Пивень, — нет необходимости перелицовывать свое жизнеописание. И это очень хорошо. Именно за правдивость, за профессионализм, за мужество вас ценит руководство.

Сообщение полковника-кадровика отчасти разогнало мрачные мысли Николая Эрастовича. От них не осталось и следа, когда он услышал, что есть возможность познакомиться с Александром Корнейчуком[27] и Вандой Василевской. Они придут в наркомат, им нужны какие-то материалы по армейской тематике. Затрещал телефон, кадровик поднял трубку, и Николай Эрастович понял, что гости уже в приемной управления.

Корнейчук! Николай Эрастович как-то видел на хабаровской сцене его пьесу «Гибель эскадры». Вещь ценная. Что касается Ванды Василевской, то ее имя в Советском Союзе знали. Польскую писательницу, приехавшую в нашу страну, приняли радушно. Варшавянка стала своей…

Чтобы свободнее чувствовать себя в военном ведомстве, и Корнейчук, и Ванда Львовна оделись соответственно. Василевская была в голубой униформе летчицы с четырьмя шпалами в петлицах. Корнейчуку очень шла униформа дипломата, он преподавал в дипакадемии. А Ванда Львовна числилась пропагандистом военного отдела ЦК партии. Любимцам народа давали тогда высокие чины и звания. Ванда Львовна и Александр Евдокимович выразили искреннюю радость, узнав, что перед ними герой КВЖД и озера Хасан. Ванду Львовну поразило, что человек в таких летах уже с генеральскими звездочками.

— Он так и просится в твои пьесы, — сказала Ванда Львовна, обращаясь к своему сердечному другу.

— Думаю, что такая пьеса уже есть в моей чернильнице, — ответил Корнейчук. — А сегодня давайте, друзья, пойдем во МХАТ. У меня есть билеты. Там чеховские «Три сестры». И в роли Тузенбаха — сам великий Качалов[28]!

Когда закончился визит гостей и распрощались с ними, полковник отвез генерала Берзарина на дежурной эмке в гостиницу, чтобы тот смог немного отдохнуть перед посещением

театра.

Николай Эрастович, не задерживаясь в Москве, на другой день уехал по железной дороге в свою армию — в Бологое. Там его встретил начальник штаба армии полковник Ярмошкевич.

Всю ночь они провели в штабе. Из информации штабников Берзарин уяснил, что, в общем-то, части и соединения армии укомплектованы неплохо. Техническая оснащенность тоже в удовлетворительном состоянии. Но есть черная дыра: отсутствуют средства ПВО. Нет зенитных орудий, нет истребителей-перехватчиков. Нет техники для постов воздушного наблюдения… Надо срочно спасать положение! «Эх, дубинушка, ухнем! — горестно размышлял Берзарин. — Будем отбиваться от воздушных пиратов залповым огнем из винтовок. Да и обычный "максим" можно приспособить для стрельбы по воздушным целям».

…Только на третьи сутки после Москвы Николай Эрастович снял сапоги и нашел время нормально поспать. Но в постели он сразу же погрузился в атмосферу МХАТа, его «Трех сестер». Сновидения начались с полыхания огня. Пожар тот же, что в чеховской пьесе, но уже от бомбардировок люфтваффе. Варшава, Париж, Лондон познали море огня. В сердце появилась тревога. Переживания… Зачем они генералу? Противен ему и скулеж сестер Прозоровых: «В Москву! В Москву! В Москву! Отвезите нас туда!» При их хроническом безделье и в Москве их душам не найдется спасения. Прав Качалов-Тузенбах, барон, утверждая, что спасение — в труде. Даже если этот труд — изготовление кирпичей на заводе.

«Не раскисать! — приказал себе генерал. — Уральцы-красноармейцы просят назвать их дивизию железной. Железной будет и вся 27-я армия»… Укрепившись в этой мысли, генерал уснул и проспал подряд десять часов. Проснувшись и умывшись холодной водой, почувствовал, что все же выспался. Это позволит работать с полной нагрузкой. Вот только бы семью устроить в нормальные бытовые условия.

…Семью свою из Хабаровска, по договоренности с Народным комиссариатом обороны, Берзарин в начале апреля отправил в Ригу. Ему «светила» служба в Прибалтике. Обжитое место. Как устроилась там Наталья? Какая ей нужна помощь? Он послал в Ригу своего адъютанта, через которого получил слезную просьбу жены — увезти ее куда угодно. Русских мигрантов рижане не терпят. Берзарин позвонил в приемную наркомата и получил ответ: пусть семья не распаковывает чемоданы и едет в Москву. Жилплощадь генерал получит в российской столице.

Командование округа разрешило Николаю Эрастовичу

отлучиться, и он за несколько дней справился с семейными заботами. С собой взяли только необходимое, а остальные вещи пошли малой скоростью.

Рига Наталье категорически не понравилась. При воспоминании о кратком пребывании там она морщилась, как от зубной боли. Русскоязычные, мигранты для коренного рижанина, — кость в горле. Ему хочется быть похожим на бюргера, на бауэра, на милого сердцу соседа-шведа, а с востока прут дикари. Еще благодетели, немецкие бароны, завещали местным жителям — типы племени кревс[29], если с ними общаться, угробят латышей.

Изумленной дремучим русофобством Наталье Ильиничне довелось услышать и такое рассуждение: русские военнослужащие — невежды, совершенно не воспитаны. Рижанам приходится видеть порой сержанта или даже лейтенанта, которые, идя по улице, курят, а потом окурки бросают прямо на тротуар. Видимо, им неизвестно, что для окурков есть урны и пепельницы. Можно ли таких впускать в Ригу?!

Так что Наталья Ильинична не без причин встревожилась. И правильно поступила. Вот только контейнер с вещами застрял где-то в пути.

22 июня 1941 года

Фашисты готовились к войне основательно. Их кровавый план назывался «Барбаросса», что придавало ему символический смысл крестового похода. Было продумано все до мелочей, с учетом национальной специфики. Был сделан вывод, что все население от Буга до берегов Тихого океана однолико. Татары, ордынцы, монголы и другие мало чем отличаются друг от друга, они сами, конечно, видят некоторое отличие одной особи от другой. А для немцев все они безличны, они — русские. «Унтерменш», недочеловеки.

Исходя из такой предпосылки, гитлеровский Генштаб и планировал свой блицкриг — истребительную войну против СССР. Напомним, что для захвата российских земель предусматривалось нанесение нескольких мощных ударов крупными силами танковых, механизированных войск и авиации с целью разобщить, окружить и уничтожить силы Красной армии, захватить Москву и Ленинград. Планировались стремительное продвижение вглубь России и выход на линию Архангельск — Куйбышев — Астрахань. На этой линии война завершается, а дальше намечалось, подавляя очаги сопротивления, оккупировать

все территории до Камчатки и Владивостока включительно. Вместе с японцами.

В воскресенье 22 июня 1941 года, на рассвете, началась война.

Вот хроника того трагического дня.

В 7 часов 15 минут по московскому времени нарком обороны маршал Семен Константинович Тимошенко отдал приказ, в котором, в частности, было сказано: «Всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили границу…»

В 12 часов дня по Всесоюзному радио выступил глава советского правительства Вячеслав Михайлович Молотов. Он сообщил о вероломном, злодейском нападении на нашу страну фашистского агрессора. Вячеслав Михайлович назвал эту войну для советского народа оборонительной, *отечественной*. А закончил он свое выступление словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

После той речи Молотова у Сталина была с ним встреча.

— Ну как мое выступление? — поинтересовался у своего шефа его первый заместитель.

— Убедительно, проникновенно. Хвалю тебя, Вячеслав, — ответил Сталин. — Но меня очень волнует один вопрос. Хочу услышать твое мнение. Кто будет отстаивать в Берлине наши интересы?

— Одно из нейтральных государств. Думаю, что договоримся.

— А у меня, Вячеслав, уже есть предложение. Давай сделаем предложение… Японии!

Вячеслав Михайлович улыбнулся понимающе:

— Мудрость Редьярда Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток…» Предложение поддерживаю обеими руками.

Японцев же это предложение шокировало. Они пообещали дать ответ через три месяца. Мы, конечно, ждать не стали. И обратились к Швеции.

В Берлине инициатива Сталина тоже породила страх. Неужели сломается ось «Рим — Берлин — Токио»? Об этом есть запись в «Военном дневнике» генерал-полковника Франца Гальдера. Читаем: «12.00 (22 июня 1941 г.). Поступили сведения о том, что русские восстановили свою международную радиосвязь, прерванную сегодня утром. Они обратились к Японии с просьбой представлять интересы России по вопросам политических и экономических отношений между Россией и Германией и ведут оживленные переговоры с германским Министерством иностранных дел»[30].

В предыдущей главе я уже сообщал читателям, что в то время

служил в Красной армии на Дальнем Востоке, в Хабаровске. Из-за разницы в часовых поясах весть о начале войны пришла к нам во второй половине дня. В воскресенье мы обычно убирали двор и казармы, после обеда объявлялся «тихий час». И потому начало войны я «проспал». А вот мой приятель, Степа Родионов, спать не лег, а ушел в Ленинскую комнату, чтобы почитать, и услышал по радио голос Молотова, прибежал в казарму, разбудил меня: «Вставай, война!» Голос его дрожал от волнения. Через пару минут я уже слушал речь Вячеслава Михайловича. В Ленинской комнате набилось много людей. Мы выслушали всю программу передач. Ночью мало кто из нас смог уснуть. А утром после завтрака мы пошли на плац. Там готовился митинг. Политрук подошел ко мне, шепнул: «Тебе дадут слово». Действительно, после нескольких выступлений назвали мою фамилию. Я сказал что-то патриотическое… Помню свою фразу: «Нынче солнце встало над землей кровавым шаром».

Потекли тревожные дни. Тогда же нам стало известно, что президиум Верховного Совета СССР принял указы «О мобилизации военнообязанных…», «Об объявлении в отдельных местностях военного положения…».

Мы со Степой Родионовым, оценивая ситуацию, бросились в крайность, решили написать и передать по команде рапорт с просьбой направить нас в действующую армию добровольцами. Передали рапорт в свой штаб и отправили письмо в Москву. Наш комиссар, которому попало в руки наше послание, вызвал нас для беседы. Сказал, что мы поступили опрометчиво.

— Вы же военнослужащие, курсанты. Ваши судьбы будут решаться так, как это потребуется для пользы дела, — сказал он нам.

Мы пытались объяснить наш поступок:

— Мы пробуем свои силы в журналистике, в литературе. Побывав на фронте, напишем пьесу «Два товарища».

— Не торопитесь, дорогие мои. Закончите учебу, там видно будет. И пьесу вы, в конце концов, сочинить успеете.

На том и остановились. А письмо, отправленное в Москву, вернулось в Хабаровск. Дала нам ответ райкомовская девушка.

На фронт рвались многие. Никто не уклонялся. Позже узнали, что в действующей армии оказались сыновья прославленных военачальников — М. В. Фрунзе, В. И. Чапаева, А. Я. Пархоменко и др. В костер войны были 1акже вовлечены сыновья А. И. Микояна, Н. С. Хрущева, сын революционерки Долорес Ибаррури и др. Леонид Хрущев — летчик, оказался в немецком плену. О его судьбе в печати циркулировали порочащие его имя сведения. Но Тверской суд города Москвы в 2006 году

вынес вердикт, по которому Леонид Хрущев признан пропавшим без вести во время боевого вылета 11 марта 1943 года. Его жену, Сизову, ссыльную, я встречал в 1961 году в Караганде.

О сыновьях И. В. Сталина, Якове и Василии, сначала никаких разговоров нигде не было. Слухи, сплетни — опасны, их вождь не любил. Такие «разговорчики» добром не кончались. А уже позже просочилось в народ кое-что из личной жизни вождя. Узнали, например, что его старший сын, офицер Яков Джугашвили, 22 июня 1941 года разговаривал с отцом. Яков служил в должности командира батареи в Белоруссии, в Витебске, в 14-м гаубичном полку 14-й бронетанковой дивизии. Он позвонил по телефону из Витебска Иосифу Виссарионовичу и сказал, что вместе со своей воинской частью отправляется на фронт. Сталин ответил:

— Иди и сражайся!

Василий Сталин, выпускник Качинского авиационного училища, начал войну под Сталинградом, командуя 32-м гвардейским полком, затем — 3-й гвардейской дивизией. В ходе боев под Берлином Василий Сталин возглавлял 286-ю истребительную дивизию. За успешные действия награжден дважды орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского и орденом Суворова I степени, польским Крестом Грюнвальда. К имени Якова Джугашвили в этом повествовании я еще вернусь. А пока буду говорить о дне 22 июня…

На западных рубежах весь личный состав вооруженных сил страны, в том числе 27-й армии, с получением сообщения о фашистской агрессии был поднят по тревоге. Все инструкции на этот счет имелись. 27-я стала действовать по схемам чрезвычайного положения. Генерал Берзарин вышел на связь с военным округом. Командующий Ф. М. Кузнецов сказал генералу:

— Вам уже известно, но повторяю: немцы безо всякого предупреждения нанесли удар по пограничникам и передовым частям войск прикрытия. Бомбят города. Объявить тревогу, сообщить частям.

Берзарин распорядился:

— Всем подразделениям, частям и соединениям двадцать седьмой предлагаю немедля, в срочном порядке вывести личный состав и матчасть из населенных пунктов, разместить людей и технику в окрестных лесах, сооружать разного рода укрытия, наладить связь, организовать противовоздушную оборону, устанавливать контакт с органами снабжения…

Вторые сутки боев, положение наших войск ухудшается.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Гальдер в воскресенье 22 июня 1941 года приступает к «ежедневным записям» — начинает вести

служебный дневник. Он делал записи и раньше, однако сейчас он отражает в них, как развертываются военные действия в России. Фюрер на совещании в Бергхофе 31 июля 1940 года изрек: «Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция будет иметь смысл в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим всё государство целиком».

Судя по записям Гальдера, немецкий Генштаб приблизительно знал, какие силы в России противостоят Германии. Но не вникал в детали. И только на 14-й день войны, 5 июля 1941 года, Гальдер перечисляет русские армии, вступившие в бой. По его мнению, армий десять. В их числе 27-я армия. Армия генерала Н. Э. Берзарина! Берзарин? Да, тот самый, «друг» японцев, ученик маршала Блюхера. Может, против него выставить элитный корпус «Чернобурая лиса» («Зильберфукс»)? Но этот корпус уже воюет под Мурманском.

Позже фашисты бросали против наиболее устойчивых русских армий и корпусов свои дивизии СС «Мертвая голова», «Викинг», «Адольф Гитлер», «Великая Германия» и др.

Немецко-фашистские войска в короткие сроки продвинулись в северо-западном направлении на 400–500 километров, в западном — на 300–350 километров. Захватили территорию Латвии, Литвы, часть Эстонии, Украины, почти всю Белоруссию и Молдавию, вышли на подступы к Ленинграду. Нависла угроза над Смоленском.

Каково же было настроение у Николая Эрастовича? Он растерялся? Недоумевал? Да нет же. Работал напряженно и других заставлял работать. Надо иметь в виду, что он пережил кошмарные дни и ночи штурма твердынь Кронштадта, рейды по белокитайским тылам и битву за Чжалайнор, он разбил войска японских милитаристов у озера Хасан. Ход мыслей, нервы у такого человека иные, чем у того, кто рос в тепличных условиях.

Душа командарма болела за других. За молоденьких новобранцев, которых было немало в полках 27-й армии. Они и с винтовкой обращаться еще не научены. И они завтра-послезавтра пойдут в атаки-контратаки. Неоправданная гибель хотя бы одного из них — это нетерпимо.

Теперь 27-я армия — армия действующего фронта, передний край. И во фронтовой обстановке без учебы не обойтись. Изучать оружие, изучать тактику. Те солдаты, которые приняли «боевое крещение», рассказывают о той болезни необстрелянных воинов, которая именуется танкобоязнью.

— Ты боишься танка? — спросил генерал у бойца из разведвзвода.

— Нет, — ответил он. — Чего его бояться? Я работал на

тракторе. Понимаю, что танк — это тот же трактор, только в железной рубашке. Бутылка горючей смеси в эту машину, и ей каюк. Бить по гусеницам, бить в смотровые щели…

Берзарин перед ротой жал обе руки парня. Молодец! Вот так надо смотреть на фашистский танк!

Есть еще болезнь — боязнь окружения. Рассказывают, что, когда раздается панический крик: «Нас окружили!» — взвод, рота, бросая оружие, разбегаются, превращаясь в стадо баранов. Организованный ружейно-автоматный огонь по прорвавшимся в тыл фашистам. И никакого кольца окружения у немца не получается.

Каков же вывод? Надо учиться, учиться и учиться везде и всему. Солдат надо учить боевому искусству, учить обращаться с оружием. Учиться вести бой в селении, в поле, в гористой местности, в лесу. Только так возьмешь верх над фашистом, который всему этому обучен.

Где взять инструкторов-учителей солдатских? Никаких поисков не требуется. Командарм и все подчиненные ему командиры и политработники обязаны выступать наставниками. Заниматься во время пауз между боями, учить на ходу.

Военный округ, где была армия генерала Берзарина, преобразовали в Северо-Западный фронт. В него включили 8-ю и 11-ю армии. Армия генерала Берзарина получила приказ — двинуться на северо-запад и войти в соприкосновение с противником.

По отступающим от Мемеля и Немана войскам 8-й и 11-й армий наносили удары 18-я и 16-я армии вермахта, части 3-й группы немецких танковых войск.

В разрыв между двумя нашими армиями устремилась фашистская 4-я танковая группа. В воздухе господствовала германская авиация.

Мощными танковыми клиньями гитлеровцы надеялись проскочить на Москву и Ленинград южнее и севернее Демянска, действовали эти группировки изолированно друг от друга. Главари вермахта недооценили интеллект советских военачальников, немцы не предполагали, что между главными клиньями появится боеспособный в оперативном отношении противник… Но он появился! Появился в форме таких ударных сил, как войска генерала Берзарина. Армия, вновь сформированная, казалось бы, не имела закалки. За такой короткий срок можно ли дать войскам подобную выучку?

Можно! Только командующим должен быть такой сверхволевой, умеющий учить солдата человек, в этом отношении даже гениальный, генерал-майор Николай Берзарин.

К концу августа конфигурация Северо-Западного фронта определилась оборонительными позициями по Ильменю и реке Ловать. Западнее от Москвы выявились бреши. С северо-запада сняли 312-ю дивизию, прибывшую с Южного Урала, и поставили ее на оборонительных рубежах в районе Малоярославца. Почему я называю именно эту дивизию? Потому что в гаубичном артполку дивизии служил мой родной старший брат. Его батарея сражалась на Варшавском шоссе, а мой брат старший сержант А. Е. Скоробогатов со своей гаубицей, отбиваясь от наседавших фашистов, был раздавлен танками. Сдвинули с места 248-ю стрелковую дивизию, которой командовал Кароль Сверчевский, генерал, герой боев под Мадридом. Полки 312-й, 248-й дивизий и многих других соединений легли костьми на подмосковных полях. Нашему командованию приходилось маневрировать резервами.

Чтобы закрыть бреши в позициях, руководство Северо-Западного фронта, представитель главного командования маршал Клим Ворошилов направили к реке Шклонь 48-ю армию. Рядом, на своем участке командующий 27-й армией генерал Берзарин, контратакуя, отбил натиск врага. Он получил приказ — прикрыть город Холм. Выполняя приказ, Берзарин, оставив заслоны, передвинул свои основные силы к этому городу — районному центру Новгородской области. Здесь спешно стали строить дерево-земляные огневые точки, рыть траншеи, минировать подходы к занятым рубежам. На землю древнего, известного с XI века Холмского погоста обрушились огонь и металл немецкого 56-го моторизованного корпуса и других соединений 16-й армии противника.

Панцирные силы и мотопехота вермахта, в условиях значительного перевеса в живой силе и технике, прорвали оборону 27-й армии. В прорыв двинулись танки и пехота врага и, преодолев около сотни километров, дошли до озера Селигер. Фронтальными ударами и атакой по открытым флангам Берзарин остановил дальнейшее продвижение врага.

В этом районе возник Демянский плацдарм, который фашисты, несмотря на решительные действия войск Северо-Западного фронта, сумели удержать.

Здесь, на границе с Литвой, в полуокружении, вели бой 33-я стрелковая дивизия, ее 82-й и 73-й стрелковые полки. Они устояли, потеряв более половины людей. В полках оставалось всего три или четыре станковых пулемета, 40–45 ручных пулеметов и 20–25 автоматов. Потеряны были зенитные установки и полевые пушки, командование фронта сочло, что во всех неудачах полков повинен командир дивизии генерал-майор

К. А. Железников. Его отстранили от должности комдива и отправили рядовым в 27-ю армию. Генерал Железников появился на командном пункте Берзарина в солдатской шинели, с костылем и карабином. Николай Эрастович услышал от него, что он хотел бы идти в роту рядовым пехотинцем. В санчасти Железникову перевязали травмированную осколком ногу, он пришел в себя. Николай Эрастович побеседовал с генералом, послал его в полк, где офицеров почти не осталось, а старшим был помначштаба, старший лейтенант. Генерал со своим полком выполнил ряд сложных боевых заданий командарма. После этого Берзарин переговорил с Ворошиловым.

Командарм дал высокую оценку работе генерала Железникова. Ворошилов распорядился назначить генерала Железникова командиром дивизии ополчения, которая действовала возле озера Селигер. На этом участке оборона наших войск стабилизировалась.

Здесь у Николая Эрастовича произошла интересная встреча со своим подчиненным по боям на озере Хасан. Отправляясь на учебу на курсы «Выстрел», навестил командарма Анатолий Крылов. И командарм Берзарин, и разведчик Крылов за Хасан получили ордена Красного Знамени. Крылов возглавлял отделение в штабе 2-й ударной армии и отправлялся в Москву. Это было кстати — Николай Эрастович давненько не писал семье в Москву. А теперь вот — оказия! Какое счастье… Повезло.

До декабря 1941 года общевойсковая армия генерал-майора Берзарина стояла насмерть. Берзарина почему-то очень взволновала встреча с сослуживцем по Дальнему Востоку, с Анатолием Крыловым. Берзарину стало казаться, что он видит вокруг знакомую картину. Такие же полевые телефоны в землянке, такие же провода висели на ветках деревьев, так же были замаскированы в кустарнике минометы… Сосняк, ельник, жидкие березки…

А ведь три года с тех пор пролетело! Эта лесисто-болотистая местность так похожа на дальневосточный, приморский пейзаж. Озерные берега, болота… Проезжал Николай Эрастович как-то по дороге у подошвы горы Ореховной, у северной оконечности Селигера. Ореховна поднимается на 300 метров над уровнем моря — наивысшая точка Валдая. Такая же, как сопки Заозерная и Безымянная в Приморье. И порой Николаю Эрастовичу стало казаться, что перерыв между теми боями и нынешними — сновидение. А реальность — вот она, в этих траншеях, сырых, угнетающих. И воды озер Велье и Селигер того же бирюзового цвета, что и в озере Хасан, и сосняк, осинник — те же. Во вражеских окопах тогда слышалось «банзай!», а теперь «шнель!».

Анатолий Крылов перед своим отъездом на учебу подарил командарму сумку с некоторыми бумагами, добытыми его разведчиками у фрицев. Он сказал, что эта сумка взята чуть ли не в штабной машине командира немецкого мехкорпуса, генерала артиллерии Вальтера фон Зейдлица. Берзарин выбрал время и просмотрел бумаги, подаренные Крыловым.

Автор — историограф корпуса, которым командует Зейдлиц. Он, подполковник Ликфельд, бывший генштабист, сотрудник отдела «Иностранные армии — Восток», сочинил трактат, в котором оказались его весьма любопытные рассуждения о миссии Германии, о русской нации. Эсэсовцев Ликфельд считает авангардом победоносной германской расы, начинающей свой «Дранг нах Остен» через болота и степи большевистской Московии. По его мнению, наступило начало нового великого переселения народов германского племени. Русские для Ликфельда — сибиряки, ордынцы, монголы, камчадалы, чукчи. Историограф рассуждает:

> «Житель Востока многим отличается от жителя Запада. Он лучше переносит лишения, поражает одинаково невозмутимое отношение как к жизни, так и к смерти.
>
> Его образ жизни очень прост, даже примитивен, по сравнению с нашими стандартами. Жители Востока придают мало значения тому, что они едят и во что одеваются. Просто удивительно, как долго могут они существовать на том, что для европейца означало бы голодную смерть. Жара и холод почти не действуют на жителя Востока. Зимой они защищают себя от сильной стужи всем, что только попадается под руку. Он мастер на выдумку. Чтобы обогреться, он не нуждается в сложных сооружениях и оборудовании. Женщины работают так же, как мужчины.
>
> Русский, проживающий за Уралом, называет себя “сибиряк”.
>
> Особенность сибиряка та, что он может передвигаться и ночью, в туман, через леса и болота. Он не боится темноты, бескрайних лесов. Он не боится холода — ему не в диковинку зимы, когда температура падает до минус сорок пять по Цельсию.
>
> Живущий за Уралом человек, которого частично или даже полностью можно считать азиатом, еще выносливее, еще сильнее и обладает значительно большей сопротивляемостью, чем его европейский

соотечественник. Для нас, привыкших к небольшим территориям, расстояния на Востоке кажутся бесконечными. Ужас еще усиливается меланхолическим, монотонным характером российского ландшафта, который действует угнетающе, особенно мрачной осенью и томительно долгой зимой.

Сибиряки мастерски и очень быстро строят фортификационные сооружения и оборонительные позиции. Русский, то есть сибиряк, ордынец, монгол, предпочитает рукопашную схватку. Его физические потребности невелики, но способность, не дрогнув, выносить лишения вызывает истинное удивление.

Крах разведывательной сети Германии перед войной не позволил нам достать топографической карты даже Центральной России, так как русские держали их под большим секретом. Те карты, которыми мы располагали, были неправильными и вводили нас в заблуждение».

Последняя фраза немецкого «историка» вызвала у Берзарина улыбку. Если бы эти карты вводили в заблуждение только немцев! И русских они частенько подводят… карты. Наши оперативники научились сами исправлять устаревшие карты.

Генерал-майор Берзарин и его 27-я армия

Нельзя позволить фашистам отсиживаться на Валдае. И потому штаб Берзарина разработал наступательную операцию. Решили форсировать озеро Селигер, отбить у противника западный берег, занять населенный пункт Залесье и оттуда двигаться дальше. Операция началась силами 33-й стрелковой дивизии. Командир дивизии полковник А. К. Макарьев без промедления начал готовить операцию. Он собрал большое количество рыбацких лодок, саперы изготовили плоты, другие плавсредства. Частично была задействована 28-я стрелковая дивизия. Разведчикам удалось захватить «языка». Установили, что Залесье занимает полк 123-й пехотной дивизии гитлеровцев.

В ночь на 30 октября войска Берзарина переправились через Селигер и завязали бои у населенных пунктов Залесье и Ельник. Было освобождено пять деревень. Немцы отступили в юго-западном направлении на рубеж Жабье — Монаково. Гитлеровцы подтянули резервы и оказали упорное сопротивление наступающим русским войскам.

Бои на рубеже Залесья продолжались вплоть до 9 ноября. Их

прервали сильные снегопады, парализовавшие всякие передвижения войск. К тому же обстановка хаоса и неразберихи сложилась на участке 34-й армии. Войсками там командовал генерал К. М. Качанов. Некоторые его части и соединения оказались отрезанными врагом от остальных сил. Неудача эта навлекла гнев посланца Кремля Л. З. Мехлиса, он требовал человека в чине генерала или полковника выбросить в рядовые. Мехлис устроил в 34-й армии погром, и К. М. Качанов, начальник штаба армии Ф. П. Озеров, начальник оперативного отдела И. С. Юдинцев и другие оказались снятыми с занимаемых должностей. Налаженный ритм работы штаба армии был сломан, управление войсками дезорганизовано. Погром этот ничем не компенсировался. Потерял свой пост и комфронта Ф. И. Кузнецов. 27-я и 34-я армии перешли в подчинение генерала И. С. Конева.

Генерал Конев поручил Берзарину навести порядок в 34-й армии. Конев сказал:

— У вас, Николай Эрастович, крепкий штаб, есть заместители; они способны выполнять наши приказы и распоряжения. Вы лично отправляйтесь на командный пункт в тридцать четвертую. Там хаос и неразбериха. Разберитесь. Армия там лишилась мыслящего центра.

Получив такое распоряжение, Берзарин с группой своих соратников, оказавшись в полосе 34-й, с огромным трудом добрался к околице деревни Заборовье. Там оказались уцелевшие от мехлисовской расправы офицеры штаба. Генерал помог этим бедолагам сориентироваться в обстановке и восстановить управление. Он сумел собрать все наличные самолеты и автомобили и с их помощью установил связь с частями и соединениями 34-й армии, создал небольшой резерв для ликвидации прорыва. Почувствовав твердую руку генерала, солдаты воспрянули духом. Саперы, стрелки энергично занялись оборудованием позиций в глубине своей обороны. Задачи, поставленные И. С. Коневым, генерал Берзарин выполнил, а дел в 27-й было хоть отбавляй.

А в каком положении находился противник? В образовавшемся здесь мешке немецкие войска размещались двумя группами: одна в районе Демянска состояла из пяти дивизий, вторая в районе Селижарова — из трех. Гитлер перебрасывал сюда резервы из Франции и западных земель Германии. Перебрасывались самолетами подкрепления из Дании.

Вражеский гарнизон в январе 1942 года оказался в окружении. Жизнеобеспечение в нем поддерживалось транспортными самолетами Ю-52. Для сбрасывания продовольствия и боеприпасов пилоты люфтваффе использовали

специальные парашюты. Порой в воздухе появлялись и большие планеры с грузами.

Гитлер все войска Демянского котла подчинил генералу от артиллерии Вальтеру фон Зейдлиц-Курцбаху. Знатная фамилия. Этот клан давал немцам полководцев с XVII века. Предок Вальтера — генерал Фридрих Вильгельм фон Зейдлиц участвовал в Войне за австрийское наследство в 1740–1748 годах. Командовал прусской кавалерией. Развитие кавалерии многим ему обязано. Это отметил в своих трудах Фридрих Энгельс. Военное дело Энгельс знал глубоко, и его друг Карл Маркс именовал приятеля не иначе как «мой генерал». Заслугами предка Вальтер фон Зейдлиц гордился. Авторитет фон Зейдлица в войсках был высок: честолюбив, энергичен, упрям. Ему, фавориту фюрера, немецкое командование подчинило войска «группы выручки» — ее также именовали «группой Зейдлица».

Любопытная деталь. После войны я, как журналист, будучи в командировке в ФРГ, встретился с фон Зейдлицем и брал у него интервью. Он весьма любезно ответил на мои вопросы, касающиеся Демянска. Привожу свою запись из блокнота:

— Господин генерал, — попросил я его, — расскажите, пожалуйста, хотя бы кратко о Демянске…

Он ответил:

— В истории Второй мировой это заметная страница. Войска Красной армии впервые с начала кампании сумели окружить столь крупную группировку. А именно — 16-ю армию. Ею командовал фон Буш. До войны генерал фон Буш служил в должности начальника Русского отдела Генерального штаба. Отличался дотошностью, знал русский язык. В Демянском котле оказался со своими дивизиями граф фон Брандорф, командир 2-го корпуса. Брандорф — типичный пруссак, генерал-носорог… Всего у Старой Руссы оказались окруженными до 90 тысяч солдат и офицеров. Котел имел в длину 50 километров и в ширину — 100 километров. Вот что такое, конкретно, Демянск… Кольцо замкнулось в феврале 1942 года, 25-го числа. И была там мотомеханизированная дивизия СС «Тотенкомпф» («Мертвая голова». — *В.С.*)… Она с апреля 1942-го по февраль 1943 года удерживала «перешеек» — узкий проход для снабжения. — Зейдлиц вздохнул и продолжал: — Моя группа билась на протяжении месяца (21 марта — 2 мая 1942 года. — *В.С.*). Людей и техники мы потеряли порядочно. Но мне из Франции и Дании подбросили подкрепления. В ходе операции я получил 36 батарей разных калибров, 181 противотанковую пушку. И еще добавили 50 минометных батарей, 1440 пулеметов и около 60 танков. Число сил люфтваффе не помню. Я ударил по стыку на Рамушево

и потеснил русские войска.

Фон Зейдлиц получил «Дубовые листья» к Рыцарскому кресту 31 декабря 1942 года за Сталинград. Я записал в блокноте фразу: «Нелегко Зейдлицу достались “Дубовые листья” к Рыцарскому кресту. Немногие генералы вермахта имели тогда эту высшую награду Третьего рейха!»

Наше командование принимало всевозможные меры, чтобы уничтожить войска противника в Демянском мешке. Действия 27-й армии нашим командованием были высоко оценены. Она оказалась наиболее боеспособной на Северо-Западном фронте. Берзарин умело маневрировал резервами, нанося удары там, где противник их не ждал. Для немцев дни блицкрига канули в прошлое.

Мастерство, старание частенько человеку преподносят сюрпризы. Ставка решила преобразовать армию генерала Берзарина в ударную армию. В 4-ю ударную. А на пост командующего 4-й ударной был назначен другой военачальник. А именно А. И. Еременко.

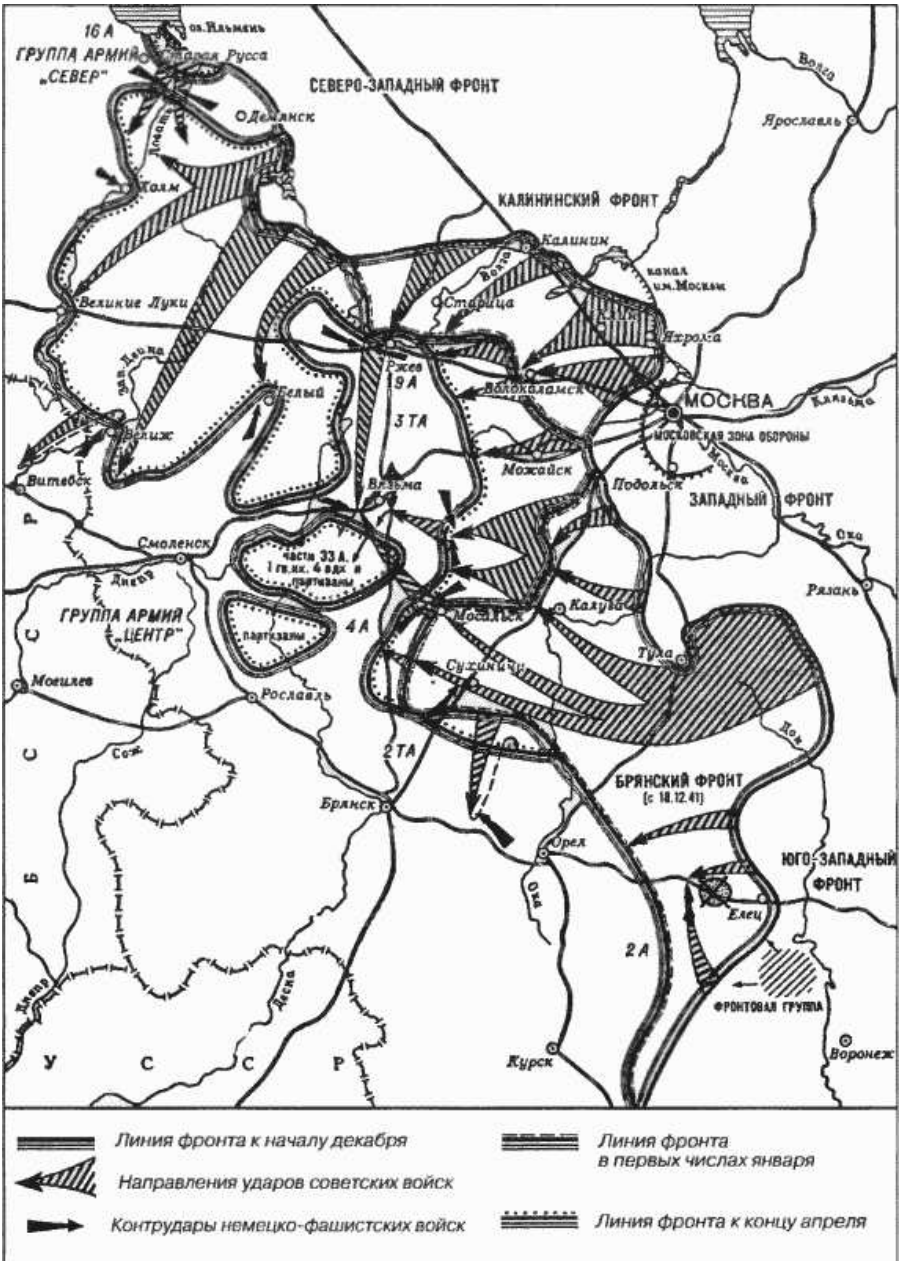
Берзарину сказали:

— Быть тебе, Николай Эрастович, командующим 34-й армией. Она уже, по существу, твоя. Ты ее совсем недавно вытащил из пропасти.

Берзарину было жалко расставаться с 27-й армией, а теперь — 4-й ударной. Почему? Что такое «ударная армия»? Ударные армии во время сражений против германского фашизма входили в состав ряда фронтов и предназначались для разгрома группировок противника на важнейших направлениях.

По сравнению с обычными армиями ударным выделялось больше танков, орудий и минометов. В их состав включались танковые, механизированные, кавалерийские корпуса. Ударные армии при необходимости действовали на самостоятельных операционных направлениях.

Командуя обычной армией, а именно 27-й, Берзарин сплотил ее, сцементировал, обучил. Штаб, заместители командарма созрели для управления ударной армией. Генерал-майор Берзарин обязан был передать армию другому военачальнику, а сам принять другое объединение — 34-ю армию. Приказ есть приказ.



Разгром немецко-фашистских войск под Москвой в декабре 1941-го — апреле 1942 года

Демянск — кость в горле генерала фон Зейдлица

В личном деле, хранящемся в архиве, в досье Николая Эрастовича Берзарина имеется запись: «Приказом НКО № 6048 от 25 декабря 1941 года утвержден в должности командующего

войсками 34-й армии Северо-Западного фронта». На этом посту он находился до середины октября 1942 года. Десять месяцев. Это во фронтовой обстановке — очень долго. Неимоверно долго. Потому что находилась армия в зоне активных действий по уничтожению очень крупной группировки войск противника.

Армия вместе с другими войсками Северо-Западного фронта не раз атаковала немецкую группировку войск севернее озера Велье. Перед приходом в армию на должность командующего Берзарина гитлеровский корпус растрепал 34-ю. Берзарин собрал свою армию по уцелевшим остаткам подразделений. 34-я — жертва. Ее дивизии в конце декабря имели лишь две трети личного состава к штатной численности. Тем не менее 34-я армия перешла в наступление в условиях суровой зимы, по лесисто-болотистой местности, при глубоком снежном покрове и 25 февраля 1942 года завершила окружение шести дивизий 16-й полевой армии вермахта. Полная ликвидация их затянулась из-за недостатка сил. Самолетов немцы бросили против 34-й столько, сколько порой обрушивается на целый фронт.

21 марта немцы стали вырываться из Демянского котла. На выручку окруженных фашистов со стороны Старой Руссы были двинуты крупные силы.

В те дни в штаб Берзарина разведчики доставили любопытный документ, подписанный немецким генералом Зейдлицем. Приведу его дословно:

> «…Ударная группа Зейдлица.
>
> Солдатам ударной группы Зейдлица!
>
> Велика и неповторима в истории нашей родины задача, поставленная перед нами 21 марта. Наши товарищи из 2-го армейского корпуса, с которыми 10-й армейский корпус с 21 июня плечом к плечу боролся и побеждал, оказались в середине февраля совершенно отрезанными в результате временного превосходства сил русских, обусловленного русской зимой.
>
> Освобождение наших товарищей из 2-го армейского корпуса фюрер определил так: “Товарищеский долг чести”.
>
> Поэтому необходимо приложить все наши силы для осуществления этой великой цели. При этом я полагаюсь на вашу готовность к жертвам.
>
> Да благословит Бог вас и вашу борьбу, и да дарует Он нашим знаменам победу.
>
> Да здравствует наша родина и наш фюрер!
>
> *В России, 20 марта 1942 года,*

генерал-лейтенант и руководитель группы.

Зейдлиц.

Этот приказ подлежит распространению до рот и батарей включительно».

Что творилось на участках, где прорывались мотомеханизированные группы врага, знают только небо и наши «неподвижные братья» — деревья. В ходе схваток деревья валились под всесокрушающим огнем, потери в живой силе с обеих сторон были чудовищными.

Но имелось место, где люди в тот момент слабо ориентировались в обстановке, — Генштаб. Там сочинили аналитическую записку и довели ее до сведения войск всех фронтов. В документе говорилось:

«С поставленной задачей советские войска не справились. Не увенчались успехом и последующие попытки Северо-Западного фронта ликвидировать Демянский плацдарм противника. Это объяснялось тем, что наступление организовывалось плохо. Командование фронта действовало нерешительно, управление войсками было слабым. Удары наносились не одновременно и на узких участках фронта, весь же остальной фронт оставался пассивным. Неоднократно повторявшиеся удары следовали из одного и того же района».

Берзарин читал эти строки, и ему казалось, что написаны они под диктовку Мехлиса, надругавшегося над 34-й армией. В беседе с главным редактором «Красной звезды» Д. И. Ортенбергом командарм Берзарин высказал иную точку зрения:

«Да, битва у Демянского плацдарма была кровопролитной, но пролитая кровь — не ошибка, сделано великое дело. Мы сорвали план немцев взять Ленинград. Гитлер перебросил сюда из Западной Европы шесть дивизий на помощь группе Зейдлица.

У нас элементарно не хватало сил. Но мы сковали крупные силы немцев. И немало их перемололи. А то они бы давно вышли на Неву и к устью Волги. Совесть наша чиста!»

Ортенбергу показали немецкую листовку, где их глашатаи

считают необходимым выбить в честь героев Демянска специальную медаль. Когда этим можно будет заняться? — «Как только будет разбит Берзарин». В те дни фюрер, мрачный, черный, дрожащий от злобы, прошипел: «Сталин опирается на молодые силы, а у меня под рукой — только дряхлые, гнилые пни. Моя надежда — Роммель, Зейдлиц. Пошлю Зейдлица на Сталинград».

Демянскую операцию наша центральная печать освещала скупо. Редактор армейской газеты, укомплектовав трофейный портфель трофейными письмами немецких солдат, послал гонца в Москву, лично к писателю Илье Эренбургу. Остроумные эмоциональные выступления Ильи Григорьевича служили действенным оружием в битвах с фашизмом.

Эренбург принял посланца, просмотрел материалы. Сердечно поблагодарил берзаринцев, извинился. «Не успеваю я, дорогие друзья, болею, — сказал он. — Стар я. Фронтовые газетчики талантливы. Берете меня в свою команду, и я рад. И вы используйте трофейные материалы в своих публикациях. Увидите, что получится замечательно».

Накал сражений у Демянска не снижался. Управляя войсками своей армии, Берзарин работал на пределе сил на своих командных и наблюдательных пунктах. Без тени колебаний он летал и ездил под огнем противника.

В разгар боев его в октябре 1942 года по каким-то соображениям передали в кадровый резерв командования Северо-Западного фронта. И тут поступило решение Ставки от 14 октября 1942 года № 00423 о назначении его на должность ступенькой ниже по сравнению с той, которую он занимал раньше. На войне и даже в мирное время в вооруженных силах подобное — не редкость. Николай Эрастович стал заместителем командующего войсками 61-й армии.

И оказалось, что в этой роли ему доведется пребывать совсем недолго. До января 1943 года. Приказом по войскам Западного фронта от 4 января 1943 года он был назначен командующим войсками 20-й армии.

20-я армия и тяжелое ранение командарма

20-я армия участвовала в 1941 году в Московской битве. Ее войска вступили в бой на правом крыле Западного фронта вместе с 1-й ударной и 16-й армиями в общем направлении на Сычевку во взаимодействии с Калининским фронтом. В 1942 году полки 20-й армии разгромили Сычевско-Ржевскую группировку немцев.

Отбросив врага от Москвы, наше командование рассчитывало в короткое время выйти на линию Витебск — Смоленск — Брянск. Смоленское направление всегда было и оставалось до осени 1943 года одним из самых опасных. На этом рубеже чаша весов подвержена была резким колебаниям: бои здесь длились с учетом битв регулярных войск и партизанских формирований с 10 сентября 1941 года по 2 октября 1943 года. Боевые действия развертывались на позициях протяженностью до 650 километров и в глубину до 250 километров.

Командующие 20-й армией менялись чуть ли не ежемесячно. На этом посту здесь побывали, сменяя друг друга, десять генералов. Один из них, М. Ф. Лукин, перед войной — комендант Москвы, попав в окружение, был с тяжелым ранением захвачен фашистами. Находясь в лагере военнопленных, генерал Лукин подвергся шантажу власовцев, но устоял. Освобожденный из плена, был восстановлен в генеральском звании.

К истории 20-й общевойсковой армии имел отношение небезызвестный А. А. Власов. В конце ноября 1941 года А. А. Власов был назначен командующим 20-й армией, которая заканчивала свое формирование. 6 декабря армия перешла в наступление. Ее части и соединения участвовали в боях на Солнечногорском направлении и в освобождении Волоколамска. В марте 1942 года Власов был выдвинут на должность заместителя командующего Волховским фронтом, а затем возглавил 2-ю ударную армию. Армия попала в окружение, и 11 июня Власова взяли в плен. Находясь в немецком плену, бывший советский генерал-лейтенант поступил на службу к гитлеровцам. Власов посетил лагерь военнопленных, где содержался генерал М. Ф. Лукин, который, будучи раненым, как командарм 20-й армии, тоже попал в плен. Но Лукин отказался от предложения Власова перейти на службу Германии.

Историки нынче ломают голову над загадкой души Андрея Власова. Что толкнуло его на предательство? Трусость? Нет. Он довольно храбро вел себя на посту командарма, обороняя Киев. Чем-то обидела его советская власть? Тоже нет. Ему доверяли даже больше, чем другим. Например, Главпур[31] направляло к нему иностранных корреспондентов, зная, что Власов имел военно-дипломатический опыт, находился в Китае военным советником у Чан Кайши. Во время обороны Москвы на позициях армии побывали К. М. Симонов, И. Г. Эренбург, французская журналистка Эв Кюри, американец Лари Люссер и другие сотрудники газет, журналов, радио.

Константин Симонов в беседах с коллегами-журналистами рассказывал: «На своем командном пункте генерал Власов

устроил нас, корреспондентов, в генеральском блиндаже довольно комфортно. Из-за грохота немецкой артиллерии ночью мы не могли уснуть. Пожаловались генералу. Он ввел в действие артиллерию резерва Главного командования и “утихомирил” фашистов. Человек он был довольно умный, не боялся критиковать политбюро, политотдельцев. К тому же Власов был религиозен, по базовому образованию — священник». По словам К. М. Симонова, генерал Власов учился в Нижегородской духовной семинарии. В его личном деле есть положительная характеристика за подписью Н. С. Хрущева. Так что же толкнуло Власова на измену родине? На этот вопрос ответить сложно. Разве что антисоветизм-карьеризм?

Когда А. А. Власов сдался в плен немцам и был доставлен в Берлин, его принял Генрих Гиммлер. Главный гестаповец сказал Власову: «Мы скоро завоюем всю Россию, она станет немецким гау (провинцией. — *В.С.*). Вы, Андрей Власов, и ваши друзья будете Россией управлять…» Власова такая перспектива порадовала, предложение знатного нациста ему польстило. Хотя истинную цену генералу и ему подобным Генрих Гиммлер высказал в своей речи в Познани 6 октября 1943 года. Приведем небольшой отрывок из этого выступления:

> «…Теперь мы обнаружили русского генерала Власова. С русскими генералами дело особое. Наш бригаденфюрер Фегеляйн взял в плен этого русского генерала.
>
> Наш бравый Фегеляйн сказал своим людям: “Попробуем-ка пообращаться с ним так, будто он и взаправду генерал!” И лихо встал перед ним по стойке смирно: “Господин генерал, господин генерал!” Это ведь каждому приятно слушать. И здесь это тоже сработало. Все-таки этот человек как-никак имел орден Ленина за номером 770.
>
> Итак, с этим генералом обращались должным образом, ужасно вежливо, ужасно мило. Цена за эту измену? На третий день мы сказали этому генералу примерно следующее: “То, что назад вам пути нет, вам, верно, ясно. Но вы — человек значительный, и мы гарантируем вам, что, когда война кончится, вы получите пенсию генерал-лейтенанта, а на ближайшее время — вот вам шнапс, сигареты и бабы”. Вот как дешево можно купить такого генерала! Очень дешево. Видите ли, в таких вещах надо иметь чертовски точный расчет. Такой человек обходится в год в 20 тысяч марок.

Пусть он проживет 10 или 15 лет, это 300 тысяч марок. Если только одна батарея ведет два дня хороший огонь, это тоже стоит 300 тысяч марок.

Кое-какие старики у нас хотели дать этому человеку миллионную армию. Этому ненадежному типу они хотели дать в руки оружие и оснащение, чтобы он двинулся с этим оружием против России, а может, однажды, что очень вероятно, чего доброго, и против нас самих!»

Адольф Гитлер не снизошел до того, чтобы поговорить с пленником. У фюрера были свои принципы. Подобных «Власовых» у гитлеровской Германии было много. Во Франции, в Бельгии, в Венгрии и т. д. и т. п.… У них у всех был предшественник — Иуда Искариот. Иуда таким родился. Христопродавцем родился…

Лично генерал Берзарин, командуя войсками 20-й армии, действовал решительно, часто подвергаясь смертельному риску. У его боевых друзей иной раз создавалось впечатление, что он ищет смерть.

И произошло то, что и должно было произойти, — 17 марта его командный пункт попал под всеуничтожающий артиллерийско-минометный огонь. По этой точке на кургане у речки Вазузы нанесла удар немецкая авиация — спикировал и сбросил бомбы Ю-87.

Вынесенный с поля боя с тяжелым ранением, генерал Берзарин не подавал признаков жизни. Осколки раздробили бедро, изорвали тело. Врачи констатировали значительную потерю крови. Положение больного оказалось критическим. Требовалось срочное переливание крови, но где в полевых условиях взять кровь? И тут появляется в операционном пункте солдат в обожженной шинели и заявляет, что у него такая же группа крови, что и у командарма. Спасение жизни Николая Эрастовича стало возможным. А уж сложить кости, загипсовать ногу — это военные хирурги умели.

Командарм, чьи войска решительными действиями обеспечивали успех операции, выбыл из строя. Кто его может заменить? К счастью, в резерве такой человек был. Генерал А. Н. Ермаков. Командующий фронтом генерал В. Д. Соколовский сообщил о ранении командарма Г. К. Жукову и издал по этому поводу приказ № К/416 от 17 марта 1943 года.

Фанерный самолет У-2 вскоре поднялся в воздух, унося Николая Эрастовича в Москву, где для него уже была подготовлена палата в госпитале на территории Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

В госпитале Берзарину сделали несколько хирургических операций. В бессознательном состоянии он находился сутки. Очнулся забинтованный, с подвешенной в лубке левой ногой. Сказали ему, что извлекли много осколков. Хотелось спросить: «Ходить буду?» Однако спрашивать не стал. Вопросы такие излишни — придет время, и врачи обо всем скажут сами. Но сказали об этом ему не врачи, а комфронта. Василий Данилович позвонил и сказал: «Николай Эрастович, мы с тобой еще повоюем!» После этого разговора Берзарин отбросил прочь тоску и тревогу, мучившие его целую неделю. У Василия Даниловича слово — золото. До того, как его соединили с Николаем Эрастовичем, он выведал у главного врача сведения о состоянии больного. Сказал: «Повоюем!» — значит, знает, что человека армия не потеряла.

Как долго продлится лечение — этот вопрос некоторое время оставался открытым. Выход один: надо набраться терпения.

…Наш оборонительный период Великой Отечественной канул в Лету. Да, командиры взводов, рот, батальонов порой и оборонялись, и наступали, иногда — пятились назад. Но все это — тактические приемы. Главное, однако, то, что, как я уже сказал, вал войны покатился на запад. Что было в головах Николая Эрастовича и его сотоварищей по Тимирязевке, принимавших госпитальные процедуры?

Они, конечно, не могли не размышлять о пережитом на полях сражений в 1941 и 1942 годах. Картины пожарищ. Да и сама война представлялась чудовищным пожаром. Николай Эрастович, находясь на Дальнем Востоке, знал, что такое таежный пожар. Это — волны огня, напирающие друг на друга… Страшные страницы с батальными сценами. Жестокость исторической судьбы. Жестокость исторических движений на просторах нашей родины.

В мозгу генерала запечатлелись параграфы многих приказов, постановлений, директив. Документы Ставки, приказы наркомата, штаба фронта. Отчаянные, жестокие документы того времени.

Чего стоит один только приказ Ставки Верховного главнокомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 года. В документе этом в качестве положительного примера назван Василий Иванович Кузнецов[32]. Именно он и его командиры и политработники организовали в первые дни войны выход из окружения 108-й и 64-й стрелковых дивизий.

«Но вместе с тем, — говорилось в приказе, — командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов проявил трусость и сдался в плен, а штаб и части вышли из окружения; генерал-майор Понеделин, командующий 12-й армией, сдался в плен, как

и командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов. Это позорные факты. Трусов и дезертиров надо уничтожать».

А вот на днях Николая Эрастовича в госпитале посетил Афанасий Павлантьевич Белобородов, рассказал, что уже известно, что Владимир Яковлевич Качалов, проявив героизм и мужество на поле боя, убит. Понеделин попал в плен тяжело раненным, без сознания. Он не в состоянии передвигаться и, естественно, врагу не служит.

Далее в приказе содержались пункты:

> «1) Срывающих во время боя знаки различия и сдающихся в плен считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших Родину. Расстреливать на месте таких дезертиров.
>
> 2) Попавшим в окружение — сражаться до последней возможности, пробиваться к своим…
>
> 3) Активно выдвигать смелых, мужественных людей».

Приказ № 270 был прочитан во всех ротах, эскадрильях, батареях.

* * *

Каждого военнослужащего в действующей армии и в тылу этот приказ, разумеется, потряс. Фельдсвязь доставила его в тот день, когда Берзарин, вернувшись из служебной поездки в Ленинград, застал свой КП опустошенным. Ему сообщили об аресте начальника штаба армии генерал-майора Ф. Н. Романова. И ничего он не узнал о причинах этой меры, начштаба как в воду канул.

Но человеческая натура такова, что способна забывать и самое страшное. Череда событий быстро отодвинула тяжкий приказ № 270 куда-то в сторону. В 1942-м появилась директива Ставки ВГК № 170–542 от 31 июля 1942 года «О создании заградительных отрядов». А до этого был еще приказ народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года, известный по прозвучавшему тогда призыву: «Ни шагу назад!»[33]

Перед глазами пылал «Рамушевский коридор». Он находился перед фронтом 11-й и 1-й армий. 27-я и 34-я армии действовали по соседству. Коридор этот так и не смогли перерезать войска встречными ударами. Почему? Генерал А. И. Антонов объяснил причины наших «неудач» так:

«В 1941-м и в начале 1942-го войска нередко действовали шаблонно, без выдумки. Мы не научились прорывать оборону сразу на нескольких участках, слабо использовали танковые соединения для развития успеха». Толковая профессорская трактовка. А как оценить это несколько иначе?

Итак, в сознании пылает приказ НКО № 227. Приказом этим санкционировалось создание штрафных рот (в дивизиях) и офицерских штрафных батальонов (при управлениях фронтов). Николай Эрастович счастлив был от сознания, что в его армиях не существовало ни штрафных рот, ни заградительных отрядов.

В свободные от всевозможных медицинских процедур часы Николай Эрастович перечитывал центральные газеты за февраль и март, прежде всего следил за ходом незаконченной Ржевско-Вяземской операции.

С радостным волнением читал он февральские публикации об освобождении Ростова-на-Дону. Там однажды случилась катастрофа. Наши войска с непонятной легкостью сдали врагу этот город — ворота на Северный Кавказ. Винили командующего Южным фронтом — якобы он все провалил. Так ли это было? Малиновский вместе со Штерном воевали в Испании. «Полковник Малино» зарекомендовал себя с самой лучшей стороны.

Малиновский не смог защитить Ростов. Он лишился своего поста, его переместили в командармы. А его боевой соратник, член военного совета фронта, Ларин, получив вызов в Москву «на ковер», застрелился. Адъютант командующего фронтом Серенко сдался в плен фашистам.

Верховный понимал, что не все генералы соответствуют должностям, особенно персоны из «старой гвардии». Их надо воспитывать. Александр Фадеев, лидер творческого союза, был вызван в политбюро. О чем там шел разговор в присутствии Фадеева? Никто не знает. Но то, что Фадеев стал искать автора, способного написать пьесу или киносценарий о полководцах наших вооруженных сил, это факт. Да и поиск длился недолго. Лучшего драматурга, чем Александр Корнейчук, для этой темы не найти. Корнейчук не стал мешкать. Он побывал у Тимошенко, Малиновского, Берзарина. Освежил кое-что в своей памяти.

Образ генерала — ветерана Гражданской войны Корнейчуку создать было нетрудно, этих людей он знал и понимал. Труднее раскрыть сущность генералов молодых, перспективных…

Но осилил. Назвал новую вещь — «Фронт». 24–27 августа 1942 года она появилась на страницах газеты «Правда».

В палате по рукам раненых генералов ходил прошлогодний номер газеты «Правда» с отзывом на новое произведение драматурга Корнейчука. Они знали, что прообразом генерала

Огнева автор взял Берзарина, с которым был знаком со времени его переезда в Москву. Корнейчук знал, что победой над японцами в 1938 году на озере Хасан мы обязаны в значительной мере генералу Берзарину. Еще ярче его талант военачальника раскрылся в период обороны Москвы. Генерала жуковской школы, типа Черняховского, Панфилова, Берзарина, драматург нарек именем Огнев.

В пьесе «Фронт» есть сцена, где командиры ведут речь о поколении военачальников, рожденных бурей Гражданской войны, где они вышли победителями, и о плеяде молодых талантов военного искусства. Отжившее в военной теории и практике должно исчезнуть, но не исчезает. Пагубность такой ситуации понимает лейтенант Сергей, сын увенчанного лаврами командующего фронтом генерала Горлова. Сергей разговаривает со своим дядей, директором завода. Разговор этот возник после вечеринки, где «обмывался» очередной орден генерала Горлова. Открыто осуждая отца, Сергей говорит: «Почему среди гостей нет моего командующего, генерал-майора Огнева? А? Вы не знаете? Я спросил отца. А он так выругался… Не любит. За что? Не хочет понять, что мой командующий генерал-майор Огнев — все равно что…»

С кем же можно сравнить Огнева? С Чапаевым? Нет. С Багратионом? Нет. С Суворовым? Суворов — это чрезмерно и неуместно. Так кто же он?

Лейтенант дает такое объяснение сути феномена этого молодого военачальника: «Он — Огнев, Владимир Огнев. Это надо понимать». В дальнейших диалогах пьесы разъясняется суть проблемы.

Сыну командующего фронтом, лейтенанту-артиллеристу, обидно то, что отец его — недалекий человек. Нынче надо знать военное дело, а оно очень усложнилось и уже не то, что было в Гражданскую войну.

Возникает вопрос: прославленный ветеран Гражданской войны знает, как надо воевать сегодня?

Драма Корнейчука дает ответ: «Опыт Гражданской войны у Горлова есть, и авторитет среди командиров имеется. Воюет, как может».

Грустно. Воюет, как может… Как может… Как может? А как должно — это скоро будет?

Что мог сказать Корнейчук? Он сказал: «Этого мы ждем». А может, не надо ждать? Нет, надо ждать. Других поблизости нет. А Огнев как? Ответ драмы таков: «Огнев талантлив, но уж слишком молод». А уж такое добавление: «И орденов мало» — вызывает у публики смех.

И вывод в пьесе неутешителен. Сказано, что, к сожалению, среди высшего командного состава участие в Гражданской войне все еще играет главную роль. Каким бы талантливым молодой ни был, но раз с ними в Гражданской войне не участвовал, не признают, для вида по плечу похлопывают, а на самом деле презирают.

Пьеса не доказывала и не уговаривала, а объявляла войну невеждам и невежеству в военном деле.

Мы на передовой восприняли фильм «Фронт» как шедевр киноискусства. «Фронт» отвечал нашим духовным потребностям. Нас радовало мастерство и кинодраматурга, и артистов — мастеров экрана.

Откомандированный на Курсы усовершенствования командного состава, я оказался в одном подразделении обучающихся с адъютантом генерала Р. Я. Малиновского. Он, Семенов, сначала водил автомашину генерала, а потом получил офицерское звание, выбился в капитаны. Генерал держал его при себе в должности адъютанта. Он мне даже пожаловался, что его оттеснили от генерала холуи и блюдолизы. Меня сплетни мало интересовали, но захотелось узнать, как командующий фронтом Малиновский воспринял кинофильм «Фронт», ведь главный герой — человек в такой же должности.

— Бывший мой шеф, конечно, посмотрел фильм, — ответил Семенов. — Оценку дал ему отрицательную. Жанр-то какой? Сатира! Командующих фронтами лучше бы оградить от заушательской критики.

Мнение Родиона Яковлевича о фильме «Фронт» меня не удивило. Падение Ростова стоило ему дорого. Удар судьбы перенес мужественно. Верховный вынужден был вернуть его на пост комфронта. Он не Горлов, он — человек сердобольный. Потому ему и жалко Горлова.

Лента эта, яркая и остроумная, наверное, обрадовала бы и самого Николая Васильевича Гоголя. Ведь в сценической сатире вся драматургия вышла из гоголевского «Ревизора», и «Фронт» Корнейчука тоже. Политработники постарались, чтобы охватить просмотром ленты личный состав всех подразделений и частей. Кинокартина подействовала на психику командиров всех степеней как удар грома. Кто находится за спиной Корнейчука, ясно было без пояснений. Посмел бы кто-нибудь без санкции свыше затронуть самолюбие героев Перекопа и Каховки! Значит, надо делать выводы. Ни в коем случае не почивать на лаврах! Горловым было не по себе, но пришлось проглотить пилюлю. А Огневы начисто лишились их поддержки.

Найдутся Горловы, которые будут при случае пакостить

Огневым. Такие командармы, как Берзарин, прекрасно это понимали.

В этот период величественные примеры отваги, мужества и героизма показали воины Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. Они окружили 22 дивизии и более 160 отдельных частей немецкой 6-й армии и частично 4-й танковой армии, общей численностью 330 тысяч человек. Советские войска вырвали у противника стратегическую инициативу… Наконец-то!

Рассмешило Берзарина то, что в плен попал его оппонент по Демянскому мешку, генерал фон Зейдлиц. На этого «стратега» Гитлер очень надеялся, полагал, что он, опираясь на демянский опыт, выручит Паулюса. И тогда ему — погоны фельдмаршала. Ничего путного из этой затеи у Гитлера не получилось. Оценка результатов Сталинградского сражения в печати фундаментальна, образна: «Красная армия на Волге и Дону сломала хребет фашистского зверя».

Для Демянского котла гитлеровцы пробили благодаря талантам фон Зейдлица так называемый Рамушевский коридор. И вырвались из котла. Фон Манштейн такого коридора на реке Мышковке для Паулюса пробить не сумел. Не хватило вдохновения фельдмаршалу фон Манштейну. Он догадывался, что план «Барбаросса» обречен на провал; в мае 1941 года перед началом вторжения в пределы России выразился: «Война с Россией — бессмысленная затея, которая не может иметь счастливого конца».

Вал войны покатился теперь на запад.

На воды Ташкента

Гитлера и его клику шокировало пленение фельдмаршала Паулюса. Но, как говорится, голь на выдумки хитра. В Берлине решили, что успех русских будет сведен на нет, если взамен утраченной под Сталинградом паулюсовской армии возникнет в вермахте новая армия под тем же номером. И на юге России в бой вступили части и соединения новой 6-й полевой армии. С восстановленной 6-й полевой придется драться Берзарину в 1944 году.

А пока генерал находится на госпитальной койке. Его мысль там, в районе Вязьмы и Смоленска, где воюют его друзья и соратники. В командировку в Москву приезжал с передовой начальник артиллерии армии Максименко. Навестил своего командарма. Говорил убежденно:

— Ждем вас, товарищ генерал. Вы в списках 20-й армии. Ни

шагу назад!

Берзарин улыбнулся:

— В списках — это хорошо. Жаль, что в инструкциях у кадровиков есть такая статья: «Отставка по инвалидности»… Разговор мы ведем в частном порядке. Не разглашайте.

Как хочется ему, Николаю Эрастовичу, быстрее встать на ноги. В буквальном смысле. Пока что он в больничной палате в отведенном под госпиталь корпусе Тимирязевки. Сняли гипс, и он учится ходить, опираясь на костыль.

Впервые он по-настоящему узнал, что такое бессонница. Да и сон навещает поверхностный. И сновидения тревожные. По ночам в сновидениях является ему командно-наблюдательный пункт на речке Вельма. Чудится взрыв.

А нельзя ли уехать на фронт с костылем? Ранение наградило хромотой генерала Еременко. И в таком виде он был командующим войсками Сталинградского фронта. Передвигался по своим КП и НП с костылем. Ему, Берзарину, такого не разрешат. Еременко вроде епископа. А то, что позволено попу, не позволено дьякону. Друзья шлют поздравление — присвоено звание генерал-лейтенанта. А комбригом он стал в 1938 году.

«Что делать?» — задавал себе вопрос Берзарин. И отвечал: «Разумно использовать время». Что это означает? А вот что. Строго соблюдать больничный режим, выполнять предписания врачей. Когда позволят — заняться комплексом упражнений. Главный врач — поборник лечебной гимнастики. Все ходячие больные по утрам усаживались в вестибюле на креслах и, сидя, занимались разминкой. Потом — водные процедуры. Физкультура, спорт — неотъемлемая часть быта военного человека. Прогулки необходимы. Зеленеют деревья и кустарники, цветет сирень. Тепло стало, и уже пищат воробышки в гнездах под балконом.

…В палату вошел парень в белом халате. Объявил:

— Всем оставаться в палатах. Приехал Николай Нилович Бурденко!

И через несколько минут главный военный хирург академик Бурденко, генерал-полковник, сопровождаемый госпитальным персоналом в белоснежных выглаженных халатах, появился в палате.

Бурденко подошел к кровати Берзарина, присел на табуретку. Ответил на приветствие Николая Эрастовича, выслушал информацию лечащего врача, осмотрел раненого генерала. Отметил Берзарин, что у врача Бурденко крепкая рука. А сам он, как русский доктор из рассказов Чехова: седина в небольших усах, на лице чрезмерная усталость.

Генерал медицинской службы без обиняков и намеков сказал боевому генералу: «Вы в строй вернетесь. Но перед этим надо физически подкрепиться. Вам необходима качественная послеоперационная реабилитация. Она и по закону полагается. Мне доложили, что у вас семья в Ташкенте. Советовал бы вам поехать туда. Там целебная ташкентская минеральная вода, в которой имеются необходимые для быстрого выздоровления микроэлементы. В сопровождающие вам дадим медработника — специалиста по реабилитации. Поставим в известность военного комиссара Узбекистана. Жуков и Соколовский просили меня проинформировать их о вашем состоянии».

Академик еще раз коснулся крепкими сухими и теплыми пальцами груди и лба пациента, пожал ему руку и удалился.

Николай Берзарин, наподобие мальчишки, воспрянул духом. Это равносильно тому состоянию, в которое впадает подросток, когда с большим счетом выигрывает его любимая футбольная команда. Такой радости он не испытывал давно. Хотелось крикнуть так, чтобы голос достиг Смоленска-на-Днепре: «Родная двадцатая! Дорогие товарищи и друзья! Вы слышите: я вернусь! Ждите!»

Время, проведенное на юге, было царственным подарком судьбы для Николая Эрастовича Берзарина. Ему подобрали санаторий в пригороде столицы Туркестана — Ташкента. У писателя Александра Неверова есть повесть «Ташкент — город хлебный», ею зачитывалась молодежь в двадцатые годы. Николай Эрастович тоже ее читал. Теперь он все увидел наяву. И природу, и людей. По красоте и многоцветью все превзошло его ожидания. Ташкент просто утопал в цветах, чего там только не было: астры, розы, георгины, масса цветов, названий которых он не знал. Радость поселилась в сердце. А от душевного настроя недалеко и к настрою телесному. Сил прибавлялось, боль от ранений стала исчезать.

Главное — семья поблизости. Из санатория до владений богатого хлопководческого совхоза им. Ленина — рукой подать. В селении нашла пристанище супруга генерала — Наталья Никитична, эвакуировавшись из Москвы. С дочками Ларисой и Ириной. Много здесь жило русских семей из России. Именитой гостьей считали узбеки поэтессу Анну Ахматову. Она одаривала своих почитателей изумительными стихами.

«Сад повелителя правоверных» — так называли Центральную Азию XI века восхищенные путешественники. Войнами города здесь не разрушались, а возделанные земли не превращались в пастбища. Сохранялось население — и городское, и земледельческое. Города Мавераннахра и Семиречья были

настоящими центрами цивилизации: в них шумели восточные базары, кипела работа бесчисленных ремесленников, изготовлявших глиняную посуду, медную утварь, стекло, удивительные художественные изделия. Там работали замечательные строители, творения которых он увидел в Ташкенте, Самарканде, куда его возили на экскурсию. Видел он мечети и медресе, где на многих языках Востока писались сочинения, пережившие века.

Самарканд. Город, где покоится прах Тамерлана, эмира, величайшего полководца всех времен и народов. Сияет голубизной над центральной площадью города купол его мавзолея. О нем впоследствии написал поэт Станислав Шилов:

Самарканд. Гур-эмир. Тишина.
Угрожающ завет Тамерлана:
Если тронете мертвые раны,
Вздрогнет мир и проснется война.

Беломраморной надписи вязь,
Вековечную тайну надгробья,
Нарушать, одержимый, не пробуй —
Кровь рекою однажды лилась.

Но не писан закон дуракам.
В 41-м встревожили кости.
И нагрянули с Запада гости
В злую память восточным врагам.

Пока Николай Эрастович находился в Самарканде (а это лишь трое суток), его преследовало имя археолога, искателя скелетных останков, скульптора Михаила Герасимова. Самаркандцы с ужасом вспоминали его появление на их земле. К имени осквернителя усыпальницы эмира с тех пор прибавляют слово «шайтан».

Писательница Екатерина Сажнева в октябре 2006 года посетила Самарканд. Опубликовала репортаж. В Самарканде она встретилась с кинооператором Маликом Каюмовым, инвалидом войны, Героем Социалистического Труда, который в июне 1941 года снимал на камеру раскопки гробницы Тимура. Он рассказал гостье из Москвы о том далеком времени, когда на него произвели сильное впечатление слова старца-хранителя Корана при гробнице эмира: «Запрети этим людям дотрагиваться до Тимура. Иначе будет плохо». По словам Каюмова, дух великого эмира простил людям их прегрешения, после того как 20 октября

1942 года Герасимов закончил работу над скульптурным образом Тимура и останки грозного эмира были возвращены в Самарканд, в гробницу. Малик Каюмов снимал на киноленту эпизоды на фронте, пулеметная очередь перебила ему ноги… Это произошло на Калининском фронте, где у Каюмова были встречи с Г. К. Жуковым, Н. Э. Берзариным и другими военачальниками.

Существует поверье, что по приказу маршала Сталина боевой самолет с мощами великого эмира облетел линию фронта: и с той поры пришел конец немецким победам, их «Дранг нах Остен».

В библиотеке санатория Берзарин нашел книги гениальных ученых, бессмертных поэтов, замечательных зодчих. Прочел Николай Эрастович очаровательную поэму «Шахнаме» Фирдоуси, сочинения энциклопедиста Бируни, врача и поэта Авиценны, астронома и поэта-философа Омара Хайяма.

Эту землю с Россией связывал Великий шелковый путь. Здесь соприкоснулись несколько великих культур Востока: византийская, арабская, персидская, индийская и китайская. Дочь Лариса, посвященная в тонкости азиатской истории, пояснила отцу, почему здесь, на Востоке, в отличие от Европы, не было таких войн, которые ввергли бы страну в хаос массовых разрушений и опустошений. Тут живут творцы, созидатели, здесь превозносится идеал правителя и его правой руки — улуг хасс-хаджиба — главы всего придворного штата, министра двора. Улуг хасс-хаджиб наблюдает за исполнением законов и обычаев, входит в сношения с казначеем, писцами, ремесленниками, принимает и провожает послов, наблюдает за правильной организацией официальных церемоний, выслушивает просьбы и жалобы бедняков, вдов и сирот, докладывает о них правителю. Правитель и министр двора делают все, чтобы торжествовали идеи справедливости, правосудия, человечности.

Щедрая природа и культура Востока покорили сердце генерала. Все вокруг царственно, в садах и цветах. Жарковато, конечно. Но есть целебная минералка, есть кок-чай. Каждый житель селения рад принять гостя, обильно накормить, поставив на стол плов, чашу с фруктами. Даже в семье простого дехканина соблюдается церемониал приема гостя. Старшего сажают на почетное место. Сразу же подают чай с лепешками или печеньем. И пока гости пьют чай, женщины готовят более солидные угощения. Чай подают в небольших фарфоровых чайниках, по чайнику на каждого человека, утром пьют чай черный, а днем и вечером — зеленый. Вода в арыках, тени пирамидальных тополей, карагача, абрикосов, яблонь и слив дарили прохладу

Лариса, старшая дочь генерала, окончив десятилетку, решила посвятить себя медицине. Поступила на учебу в школу

медицинских сестер, и ей уже доверяют дежурства в военном госпитале. Раненых с фронта туда понавезли. Когда вся семья собралась вместе, Николай Эрастович заговорил о том, что его срок пребывания в санатории подходит к концу, осталось только оформить документы о выписке. При этой вести глаза Натальи Ильиничны наполнились слезами. А дочка сняла с головы косынку, помолчала минуту и, собравшись с духом, попросила всех внимательно выслушать четверостишие — рубаи восточного мудреца Юсуфа Баласагуни:

Родятся в семье луноликие чада —
Их дома, не где-нибудь, взращивать надо.
Смотри, чтоб без дела никто не сидел, —
Бесцельна вся жизнь сидящих без дел…

— Правильно сказано! — подтвердил отец. — Тут ни добавить и ни убавить, Луноликая!

«Луноликая» встряхнула копной каштановых волос, отчего они рассыпались по алому шелку ее платья. Она переставила свой стул поближе к отцу, продолжала:

— Мы с мамой тебя одного на фронт не отпустим. Я поеду с тобой на войну. Плохо себя почувствуешь, я приду к тебе на помощь.

Сюрприз, конечно.

— Да, Николай, — заговорила Наталья Ильинична, вытерев слезы платком. — Дети становятся взрослыми, стремятся к самостоятельности. С этим ничего не поделаешь.

Отцу пришлось согласиться. Потому он, обращаясь к Ларисе, сказал:

— Получишь, родная, чин сержанта, а может быть, и старшины. А это уже неплохая карьера. В общем, одобряю твое решение.

Лариса побывала в военкомате и стала собирать вещи в свой баул.

…Время медицинской реабилитации генерала прошло незаметно, можно сказать, пролетело стрелой. И с фантастической пользой для здоровья. Генерал уезжал на фронт без палочки. С Ташкентом они с Ларисой попрощались в театре им. Алишера Навои, где пела знаменитая Тамара Ханум. Они, а также Наталья Никитична с Иришей, аплодировали до боли в ладонях. Лариса написала записку для Тамары Ханум с просьбой исполнить романс «Мой костер». Показала отцу. Тот кивнул в знак согласия. Ведущий объявил: «Исполняется любимая песня присутствующего здесь командарма, генерала Николая

Эрастовича Берзарина».

Возвращение в строй

Через пять месяцев после тяжелого ранения, в середине августа 1943 года генерал уже был в Москве, в Главном управлении кадров НКО. Ему сказали, что он, генерал-лейтенант, сейчас находится в положении временно исполняющего должность командующего войсками 20-й армии. Почему «временно»? Там есть командующий. Что от него требуется? В течение трех недель Н. Э. Берзарин должен, выполнив некоторые формальности по передаче дел, вернуться в Москву. А отсюда ему надлежит отправиться в город Калинин, где его ждет 39-я армия. Что же, новое назначение? Именно так.

Направили генерал-лейтенанта Берзарина в 39-ю неспроста. Совсем не потому, что там вакансия. Новому командующему, его армии в стратегических планах Ставки и штаба фронта была поставлена такая задача, которая непосильна военачальнику, менее закаленному и не столь опытному. И сам командующий фронтом А. И. Еременко из таких же проверенных на деле; он оказался на Калининском фронте после Сталинграда. А это не требует пояснений.

«Сам Андрей Иванович отозвался о вашей кандидатуре весьма лестно, — сказали Берзарину в ГУК. — Он знает вас по Демянску».

Еще бы! Там, на рубежах Демянского котла, Еременко возглавлял бывшую берзаринскую 27-ю армию, преобразованную в 4-ю ударную, которая действовала на фланге его 34-й армии, позже расформированной и переданной в 1-ю ударную армию. Вот такой коленкор. Целый клубок фронтовых событий связывал имена Еременко и Берзарина.

Андрей Иванович перенес тяжелое ранение, он уже ходил без трости, воспетой льстецами-репортерами. А Николай Эрастович и вида не подавал, что левая нога у него стянута повязкой и ноет, ноет…

На командном пункте у комфронта находился представитель Ставки маршал артиллерии Н. Н. Воронов. В его присутствии Еременко, разложив карту на столе, посвятил в свои планы нового командующего 39-й армией. Войска армии сосредоточены у Духовщины, крупного населенного пункта, нависая над Смоленском с севера. Оттуда ее дивизии и корпуса, авиация и артиллерия РГК наносят удар по врагу в направлении речки Каспли, форсируют болота и отбрасывают противника к Рудне.

Это уже на границе с Белоруссией.

Карту-приказ комфронта передал командарму 39-й. На своем КП Берзарин поставил задачу своим частям и соединениям. Среди подчиненных ему командиров находился генерал Афанасий Павлантьевич Белобородов.

В мемуарах дважды Героя Советского Союза генерала А. П. Белобородова есть строки, относящиеся к этому времени:

> «…Генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин. Мы с ним были хорошо знакомы по Дальнему Востоку, где он был заместителем командующего 1-й Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией. Николай Эрастович являлся типичным представителем новой плеяды командармов Великой Отечественной войны. Молодой (ему не было и сорока лет), широко эрудированный, очень волевой и решительный человек, он отлично проявил себя еще в тяжкую пору сорок первого года»[34].

Надо было глубоко охватить духовщинскую группировку гитлеровцев, не проводя лобового удара на Духовщину, взять город, уничтожив превосходящие силы врага. Операция была задумана смело и решительно, с крутым поворотом главных сил (запад — юг). Такой план потребовал ювелирного взаимодействия войск.

14 сентября 1943 года в час «Х» началось!

Войска 39-й армии перешли в наступление, имея справа 43-ю армию, в сложных условиях лесисто-болотистой местности прорвали мощную оборону противника на всю глубину, разгромили противостоящую группировку врага из шести дивизий. Около четырех суток длился этот кровопролитный бой. 18 сентября из Духовщины бежали остатки эсэсовских частей и сборных подразделений. Ночью в Духовщине над зданием школы в центре города взвился красный флаг. Его водрузили воины комкора Белобородова.

Эта победа войск Берзарина сыграла важную роль в завершении Смоленской операции и создала благоприятные условия для успешного наступления на Витебском направлении и охвата с севера немецко-фашистских войск, действовавших в Белоруссии.

Наступательную операцию, Духовщинско-Демидовскую, Николай Эрастович начал и закончил безупречно. В честь освобождения Ярцева и Духовщины Москва салютовала двадцатью артиллерийскими залпами. Отличившиеся части и соединения были удостоены почетного наименования

«Духовщинских».

Фашистская техника и живая сила тонули при отступлении в зловонных, страшных болотах. Немецкие оккупанты, неся большие потери, без оглядки уносили ноги с российской земли. Фашистов провожали, минируя пути отступления и устраивая засады, партизанские отряды, бесстрашные герои-белорусы, добивая своих палачей и карателей.

Медики развернули пункт приема раненых в Духовщине в здании школы. В эвакогоспиталь, в котором работала Лариса Берзарина, в сопровождении двух своих друзей-партизан привели молодого парня с пышной бородой, Виктора Ключкова. У него гноилась рана, полученная в бою, но вовремя не обработанная.

Ключкову предлагали немедленную госпитализацию, но он попросил врачей дать ему возможность отчитаться перед командармом. Ему дали санитара в помощники и отпустили. Разыскали командный пункт. И партизанский разведчик, преодолев недомогание, взялся за дело. В первую очередь нашел командарма, который вместе с командиром корпуса Белобородовым, членами военного совета армии обсуждал вопросы своих дальнейших действий. Надо же было и передышку, хоть маленькую, позволить себе.

— Давай, Афанасий, сделаем «разбор полетов», — предложил Берзарин Белобородову, своему старому сослуживцу-сибиряку. — Нужна же нам хоть минимальная передышка! Вон на площади много-много гробов, проходят похороны жертв. Рыдает народ. Извлекли из подземелий трупы земляков, родных, замученных фашистами. На похоронах речь держал Ключков, его сменили другие офицеры-берзаринцы.

У явившегося к командарму и его соратникам партизанского разведчика на ремне через плечо висел пузатый портфель, набитый бумагами. Он так дорожил портфелем, что не мог доверить его санитару.

Белобородов и командарм не могли не уделить внимания молодому бородатому партизану. «Парень я молодой, а хожу-то с бородой» — при взгляде на Ключкова хотелось произнести слова песни.

Портфель его на столе раскрыт, из него выложены докладная записка, акты. Все это уйдет в Центральный штаб партизанского движения, которым руководит Пантелеймон Пономаренко. Боже мой! Такие бумаги в руках держать страшно. Они кровоточат.

Ключков стал докладывать Берзарину и его штабистам:

— Покажу, прежде всего, документацию относительно ныне покойной гитлеровской 252-й охранной дивизии. Была она сворой убийц и палачей для несчастной Духовщины. И что

поражает: в ней служило не так уж много настоящих немцев-арийцев. Предатели, конечно, лопотали на немецком языке. Но если поскрести каждого, то выявляется, что он или литовец, или поляк, или чухонец, или латыш. Даже евреи попадаются — этим ловко удается выдавать себя за отменного немца-эсэсовца. Говор, ухватки. В рейхе широко используют наймитов-предателей. Кровавые дела удобнее творить руками волонтеров из местной сволочи.

— Что еще в ваших документах? — поинтересовался командарм.

— Не буду затягивать.

— Ничего. На это есть время.

— Докладываю: злодеяния оккупантов мы стремились оформить актами. Надеемся, они понадобятся юстиции. За два года оккупации здешним подкомендантом, вильнюсским поляком, служившим в гестапо, арестовано и казнено через повешение тридцать пять человек, в основном из местной молодежи, партизан и партизанок. Они были коммунистами и комсомольцами.

— И еще что? — спросили Ключкова.

— Мы задокументировали: расстреляно, замучено, раздавлено танками 1594 человека. Все — местные жители. Среди них есть и восьмидесятилетние старики и старухи, и десятилетние ребята — из начальных классов. Не щадили пацанов, не щадили детсадовцев, младенцев.

Ключков волновался, и сопровождавший его санитар накапал ему в стакан с водой какого-то лекарства.

— Угнанных в немецкое рабство, — продолжал Ключков, — всех физически годных к тяжелой работе, 13 547 человек. Только из одного района.

Подошел повар столовой военного совета. Спросил Берзарина:

— Кофе? Чай?

— Можно и то и другое. Мы уже в общем-то выяснили, кто дрался с нами. Но интересно: какие сведения имеют братья-партизаны?

— Сведения имеем, проверенные неоднократно, товарищ генерал, — ответил Ключков. — Сводку я передал вашему штабу и штабу генерала — командира корпуса. Сброд всевозможный. Впрочем, извините… Разве можно назвать сбродом дивизию СС «Великая Германия»? Ее вы разбили, а остатки вышвырнули и всё же… Разве можно назвать отбросами дивизию СС «Рейх»? 600-я механизированная дивизия — из полевых войск вермахта… Потом мы уточнили, что это не дивизия, а бригада. Ваша армия

их раздолбала. Конечно, от каждой остались рожки да ножки. Их еще соберут для формирования так называемых «сборных» частей.

Николай Эрастович похвалил Ключкова за удивительную достоверность его информации, он уже имел сведения о противнике от своей разведки. Был у генерала документ из контрразведки с сообщением, что в урочище Катынь под Смоленском гестаповцы уничтожали поляков из пленных жолнежей, работавших на строительстве дорог. Там устроили нечто вроде скотобойни — немцы отомстили спесивым шляхтичам за их строптивость под Варшавой в 1939 году. Из-за этой строптивости фюрер не смог взять с ходу этот главный город на Висле, Речь Посполитая не сразу сделала стойку «хенде хох!». За все надо платить!

Командарм отпустил партизана Ключкова. Генерала ждали оперативники с планом развития Духовщинской операции. В нее уже внес коррективы штаб фронта. Прибыли представители соседних армий, спецчастей.

Спустя неделю осколочная рана в голени у Ключкова стала немного заживать, он попросил у медсестер помочь ему встретиться с комсоргом или парторгом. Пришел заместитель по политчасти, и Ключков рассказал ему, что летом 1941 года он служил на этом же Северо-Западном фронте. А именно — в 14-й бронетанковой дивизии, офицером взвода управления. Знаком был с Яковом Джугашвили, сыном И. В. Сталина. Ключков рассказал, что в июле немцы уже были в районе Витебска. Фашисты сбрасывали с воздуха десанты из диверсантов, одетых в красноармейское обмундирование. Видно, фашисты уже точно знали, где находится Яков. Комендантский взвод полка и взвод автоматчиков Ключкова специально занимались истреблением диверсантов. Командир дивизиона предлагал в распоряжение Якова автомашину с охраной, чтобы тот мог выехать из зоны военных действий. Но Яков категорически отказался бросить свою батарею. «Я — командир, — сказал он, — должен быть только у орудий. Бежать из батареи — предательство».

Наверное, до гитлеровцев дошло, что десантами сына Сталина не возьмешь. Они обрушили на позиции батареи и дивизиона огонь мощных орудий, которые используются только при взятии крепостей. Всё вокруг оказалось перепаханным снарядами, связь была потеряна. Его, Ключкова, контузило, и он очнулся в лесу среди каких-то вооруженных людей. Догадался — партизаны. Эти вооруженные крестьяне очень надеялись, что Яков спасется, стали искать его по окрестным хуторам. Но не нашли. Когда уже фронт ушел на восток, в руки партизан попала листовка, в которой рассказывалось о пленении офицера-

артиллериста Якова Джугашвили. Листовке не поверили, подготовили документы для Якова с другой фамилией.

Он, Ключков, рассказывал о своих поисках, побывал даже на реке Березине, в других партизанских отрядах. Поиски результатов не дали. И все же… Нельзя же полностью исключить возможность… А вдруг Яков — в партизанах, под другим именем? Смущала немецкая листовка. На ней фотография. Яков узнаваем. Фашисты могут ему приписать любые заявления. Ключков показал листовку, которую он сохранил.

Содержание ее, конечно, геббельсовское. Вот текст:

> «Товарищи красноармейцы!
>
> Неправда, что немцы мучают вас или даже убивают пленных! Это подлая ложь! Немецкие солдаты хорошо относятся к пленным! Вас запугивают, чтобы вы боялись немцев! Избегайте напрасного кровопролития и спокойно переходите к немцам!»

На фотографии, помещенной здесь же, виден Яков Джугашвили, беседующий с немецкими офицерами. И далее поясняется:

> «Немецкие офицеры беседуют с Яковом Джугашвили. Сын Сталина, старший лейтенант, командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка, 14-й бронетанковой дивизии, сдался в плен немцам. Если уж такой видный офицер и красный командир сдался в плен, то это показывает с очевидностью, что всякое сопротивление германской армии совершенно бесцельно. Поэтому кончайте все войну и переходите к нам!»

Фашисты тиражировали подобные листовки в неограниченном количестве. Разбрасывали с самолетов во фронтовой зоне. Кто был на передовой, тот помнит их, рассеянных по полям и кустам.

Виктор Ключков пожелал служить в 39-й армии. Его зачислили в разведку 2-го гвардейского корпуса, где он воевал до победного дня. Я встретил его в Берлине. Он работал в одной из комендатур. Продолжал заниматься поиском материалов о своем товарище, о Якове Джугашвили, погибшем в фашистском лагере смерти.

39-я армия двигалась вперед. Она участвовала в битве за Витебск, громила врага на участке Витебск — Полоцк, расчищала путь к Северной Двине…

Тела солдат, погибших в этих боях, тела коней поглотила трясина. Но надо было видеть пути, по которым шли полки 39-й… Эти картины нельзя воскресить в сознании. Надо было видеть наших солдат и офицеров, как они, утопая в грязи, рубили лес и хворост — кустарник, сооружая настилы из бревен и веток через топи, как они тащили на своих руках и плечах пушки, минометы, станковые и зенитные пулеметы, повозки с боеприпасами и продовольствием. Этому один Бог свидетель. Нашей безотказной и безропотной труженице освободительной войны — лошадке крестьянской следовало бы поставить в обеих наших столицах памятники, чтобы о ней помнили в веках.

…Сегодня правда о Великой Отечественной войне нередко искажается. Современные фильмы совсем по-другому преподносят военную тематику и будто бросают вызов устоявшимся представлениям о причинах войны, ходе боевых действий, легендарных героях, о тех «точках опоры», что помогли народам СССР выстоять и разгромить гитлеровцев. Муссируется тема заградотрядов, штрафбатов…

Я твердо скажу: в сфере ответственности маршала Ворошилова заградотрядов, штрафбатов и штрафных рот не было и в помине. Не знал их и генерал Берзарин. Эти военачальники были людьми высоких нравственных правил, весьма щепетильными во взаимоотношениях с подчиненными. Во времена их военной молодости хамство, оскорбление человека, унижение со стороны старших по чину и должности могли иметь только негативные последствия. От обиженного, от штрафника можно было легко получить пулю в спину — тогда это называлось «кокнуть». Заградотряд противопоказан для солдат-красноармейцев, штрафбат — унижал и оскорблял. Зачем же сгонять в кучу озлобленных людей и вооружать их? Они вполне могли «кокнуть» того, кто им ненавистен, и даже сбежать в лагерь противника. Ворошилов и Берзарин предпочитали вести людей на смерть, как братьев по оружию, поднимать в атаку личным примером храбрости, вдохновлять честными поступками и сердечным словом. Тогда и отдачу получишь адекватную.

Верно то, что сторонниками репрессивных мер на фронтах были Л. Д. Троцкий и его последователи. К сожалению, у каждого свой нрав и свои убеждения.

Командуя войсками 39-й армии, Берзарин все задачи, которые ставились перед ним высшим командованием, выполнил с честью. Так что же, выходит, командарму теперь, переобувшись, надо идти освобождать братьев-белорусов? Идти дальше? Ему предназначено что-то иное…

Какая-то неведомая сила имеет руку, а она, эта рука,

причудливо вычертила на таинственной карте иной маршрут. А стрелка его маршрута вдруг круто склонилась к югу, в черноморское магнитное поле. Берзарину было еще суждено отбыть в южном направлении и применить свой военный талант там. Генерал был вызван в Москву.

В середине мая 1944 года с военного аэродрома «Быково» поднялся в воздух самолет, имея на борту генерала Берзарина. Самолет взял курс на Тирасполь, туда, где, по Пушкину:

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют…

«Адъютантом» Берзарина была его дочка Лариса. С полной серьезностью она говорила отцу:

— А помнишь, папа, Ташкент? Вечер, когда мы сидели в театре и слушали певицу Тамару Ханум? Она тогда по моей просьбе спела романс «Мой костер в тумане светит». Ведь это любимая твоя песня! Судьба твоя, товарищ генерал, направила твою персону к цыганским шатрам. Там-то мы и пошагаем «за кибиткой кочевой». Что называется, напели на свою голову!

Но Николай Эрастович дал знать дочери, что ему сейчас не до шуток. Никаких цыганских шатров, даже изодранных, в 1944 году в Бессарабии не наблюдалось. Там были зондеркоманды, они зачищали расово неполноценных. Свирепствовали разбойничьи орды немецко-румынских захватчиков. Они бесчинствовали в Транснистрии — именно так называли фашисты этот регион, подаренный фюрером Румынии. Захватчиков надо было, применив все виды оружия, выбить оттуда. Двигаясь по суворовской тропе, сделать это обязан был со своим воинством, со своими русскими чудо-богатырями генерал Берзарин. С мая он — командующий войсками 5-й ударной армии.

Маршал Г. К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» называет берзаринскую 5-ю ударную армию героической[35]… Такой эпитет маршал применил только к этой армии. Видно, в ее действиях великому полководцу что-то особенно импонировало.

Глава четвертая
НА ДОРОГАХ БЕССАРАБИИ

Кишиневская дуга

Против 3-го Украинского фронта, которым командовали в 1944 году сначала Р. Я. Малиновский, а затем Ф. И. Толбухин, немецкое командование выставило на Днестре группу армий «Южная Украина», где командующими были Фердинанд Шёрнер, позже — Ганс Фриснер. Штаб 3-го Украинского фронта весной 1944 года располагался в Кривом Роге, а штаб немецкой группировки — в курортном румынском городке Слэник-Молдове.

Войска 3-го Украинского фронта, после исключительно тяжелого из-за бездорожья и невылазной грязи в степях Николаевщины весеннего наступления, закончившегося взятием Николаевского укрепленного района и Одессы, вступили на территорию Румынии, достигнув города Яссы в Прикарпатье, и на юге — очистив Приднестровье до крепости Бендеры и Аккермана. Наши войска и противостоящая им немецкая группировка войск перешли к обороне. Фронт, как говорится в таких случаях, стабилизировался.

Линия расположения этих позиций — так называемая Кишиневская дуга — протяженностью 654 километра имела сложную конфигурацию, и стратеги вермахта стали думать и гадать, откуда Красная армия нанесет новый удар, и поняли, что дальнейшее развитие наступательных операций русских начнется из района Ясс. Почему? Очень просто: по линии подобной конфигурации в 1942–1943 годах располагались позиции на Дону и Волге в районе Сталинграда. Русские нанесли тогда удар с севера. Положение аналогичное. Удар со стороны Ясс позволял окружить и уничтожить в районе города Хуши немецкую группировку войск на Днестре почти такой же численности, как на Дону и на Волге.

На этом направлении, поданным нашей разведки, находилось пять или шесть армейских корпусов противника, состоящих из пехотных и танковых соединений. Это две немецкие и две румынские армии в составе сорока четырех дивизий общей численностью около девятисот тысяч человек, если включить личный состав тыловых частей.

Имея столь внушительную численность на юге, в ОКХ[36] ощущали дефицит войск на северном и центральном

направлениях. Поэтому фашистское командование считало возможным снять с юга часть своих войск и с конца июня по 13 августа сняло 11 дивизий. Фриснер возражал, но его не послушали, и он успокоился.

Командование Красной армии приняло меры, чтобы отвлечь от Ясс внимание Шёрнера (а затем и Фриснера). Нужно было как-то переключить внимание штабов противника на Тирасполь и Аккерман. И потому здесь демонстрировалась показная «активность». Производились смена командующих армиями, командиров корпусов и другие действия, призванные дезориентировать противника. Знали, что враг не дремлет, ведет интенсивную разведку — агентурную, воздушную, армейскую и пр.

Начальник штаба 3-го Украинского фронта С. С. Бирюзов впоследствии вспоминал:

> «Все было сделано очень тонко. Интенсивно функционировали железнодорожные станции, на которых якобы проводилась разгрузка войск. Из района реального сосредоточения наших войск по дорогам шли машины, танки, передвигалась пехота. Делалось это преимущественно перед наступлением вечерних сумерек, чтобы создать видимость сосредоточения войск в темное время. А фактически ночью войска возвращались обратно. На месте ложного сосредоточения по-прежнему оставались только один запасной полк, инженерная бригада и два инженерно-строительных батальона. Они усиленно имитировали расположение вновь прибывших соединений: дымили походными кухнями, на просматриваемых участках устанавливались макеты танков из дерна и хвороста. И оттуда же специально выделенные радиостанции будто бы невзначай, в нарушение правил посылали в эфир ничего не значащие сигналы.
>
> В довершение всего ложный район сосредоточения войск был надежно прикрыт зенитной артиллерией и авиацией. При появлении вражеских воздушных разведчиков по ним открывался поистине бешеный огонь с земли, их атаковали наши истребители. Тем самым преследовалась двоякая цель: создать видимость усиленного прикрытия фактически несуществующей крепкой группировки войск и не допустить, чтобы вражеская разведка раскрыла действительное положение в этом районе, а значит, и наш действительный

замысел»[37].

…Благодаря этому замыслу познакомились и сблизились генералы В. Д. Цветаев и Н. Э. Берзарин. Для первого — прощание с 5-й ударной, для второго — эта армия становилась новой вехой личного боевого пути. Причем Берзарин знал о нешаблонном стиле работы Цветаева и хотел выслушать его советы. Итак, Цветаев…

Вячеслав Дмитриевич Цветаев попал на военную службу в годы Первой мировой войны. Окончил школу прапорщиков, командовал на фронте ротой, батальоном. А с весны 1918 года бывший поручик царской армии связал свою жизнь с Красной армией. Уже в 1920 году он командовал дивизией и получил орден Красного Знамени.

В 1938 году оказался в Забайкалье. Дивизия его была на хорошем счету. Но, как это часто случается, все перевернуло и испортило ЧП: 1 мая 1938 года в дивизии взорвался склад с боеприпасами. Ранения получили 11 красноармейцев. При таком несчастье можно потерять рассудок, даже пустить себе пулю в лоб. Но Цветаев выдержал. Впереди — суд военного трибунала, но что будет, то и будет. Он уверен, что это не диверсия, а несчастный случай, от которого никто не застрахован. Будучи арестованным, у следователя держался уверенно, доказывал свое: «Такие факты были, есть и будут». В это время неоправданной подозрительности стало меньше и в судебной системе появилось больше профессионализма.

В конце 1938 года Управление по командному и начальствующему составу РККА, возглавляемое Е. А. Щаденко, получило из Военного отдела ЦК ВКП(б) доклад, в котором сообщалось о большом числе нерассмотренных и окончательно не разрешенных персональных дел. В итоге была создана комиссия по рассмотрению жалоб и пересмотру приговоров. Некоторая часть репрессированных по наветам «врагов народа» и «контрреволюционеров» была выпущена из тюрем, восстановлена в рядах Красной армии. Среди этих счастливчиков оказался и комдив Цветаев. 9 сентября 1939 года заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов подписал постановление о прекращении следствия по его делу и освобождению из-под стражи.

Цветаев и Берзарин встретились в Москве, в управлении кадров наркомата, куда их вызвали в апреле 1944 года. В гостинице, сидя за шахматной доской, они подолгу беседовали. Вспоминали счастливые дни в Забайкалье, касались и пережитых неприятностей. Но поэт сказал: «Что пройдет — то будет мило»…

Вячеслав Дмитриевич рассказал Берзарину:

— Меня немедленно восстановили в армии… У меня имелся опыт военно-педагогической работы. Приходилось читать целые циклы лекций. Эти записи в моем личном деле и привлекли кадровиков.

А шел уже 1939 год. На этот раз направили в Военную академию им. М. В. Фрунзе, назначив начальником кафедры оперативной тактики.

Николай Эрастович улыбнулся:

— Верно говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Взлет завидный!

— Не скрою, — сказал Цветаев, — я был рад безмерно. При введении генеральских званий получил чин генерал-лейтенанта.

Берзарин слышал, что Цветаева принимал и беседовал с ним сам Сталин. Цветаев подтвердил. Действительно, встреча была. По какому поводу?

— Тут опять — дело случая, — сказал Цветаев. — Началась война. Фронт требовал генералов с боевым опытом. У меня опыт имелся, во время Первой мировой я в боях с немцами командовал батальоном, а во время Гражданской пришлось командовать дивизией. И я попросился на фронт, просьбу мою уважили. В академии, кроме всего прочего, я изучал иностранные армии. Меня интересовало, что нового в стратегии и тактике приобрели немцы в войне с Польшей, Францией. Анализировал боевые приказы вермахта.

В июле 1941 года, по представлению маршала К. Е. Ворошилова, командующего северо-западным направлением, генерал Цветаев стал командовать Южной оперативной группой 7-й армии Карельского фронта. Там против Красной армии воевали преимущественно финны. Те самые, которые попортили нам кровь на линии Маннергейма. Уж этого противника в Красной армии должны были знать досконально.

Цветаев обнаружил, что командиры всех звеньев о финнах не имеют ни малейшего представления! Действуют так, как будто воюют в жаркой Африке. Финская специфика не учитывалась не только при подготовке к военным операциям, но и в материально-техническом обеспечении частей и соединений. Причем командиры и политруки, попавшие в карельские окопы, даже не заикались о неоправданных потерях в личном составе. Бойцы не были научены грамотно воевать и гибли, а все кругом молчали.

Генерала Цветаева такая обстановка возмутила до крайности. Повсеместно ли так? Нет. Есть положительные примеры. И за ними далеко ходить не надо. На участках генерала В. И. Чуйкова[38] люди эффективно сражаются и одновременно

выполняют насыщенную программу обучения. И на северо-западе есть, у кого поучиться. Цветаев решил «ударить в колокола». Написал письмо в адрес политбюро. В резком тоне, с нотками отчаяния. Даже привел пример — особист подслушал реплику в окопе: «Куда смотрит Сталин?»

Цветаев требовал встречи с главой государства. В декабре 1941 года такая встреча состоялась. После коротких приветствий Сталин подвел генерала Цветаева к карте с нанесенной обстановкой на фронтах. Спросил: «Покажите, где позиции ваших войск?» Цветаев показал. Услышав голос с кавказским акцентом, он уже полностью пришел в себя. Пронеслось в сознании: «Смелость города берет».

«Теперь, — проговорил Сталин, — докладывайте. Только по существу». Предельно лаконично Цветаев изложил свои претензии и предложения. Несколько секунд Сталин молчал. В строгой тишине кабинета вождь в доверительном тоне сказал Цветаеву: «Благодарю вас, генерал, за *честность*! — И, глянув своему собеседнику в глаза, добавил: — У нас есть мнение назначить вас командующим армией. Она в резерве. Части и соединения имеют время для отшлифовки».

Отпустил не сразу. Теперь это была беседа не государственных и военных деятелей, а обычный разговор. Сталин спросил генерала о его семье, о состоянии здоровья и завершил аудиенцию словами: «Повидайтесь с близкими, вам будет предоставлен самолет, а затем принимайте армию».

— После этих слов Иосиф Виссарионович простился со мной, а я отправился под Сталинград, — пояснил Цветаев.

Далее происходило вот что: до мая 1942 года генерал В. Д. Цветаев находился фактически в резерве (числился заместителем командующего резервной 4-й армией). Вынужденные «каникулы» его тревожили, и он время от времени давал о себе знать в Ставку, в ответ слышал слова Г. К. Жукова: «Терпение, Вячеслав Дмитриевич, и еще раз терпение!»

В июне 1942 года В. Д. Цветаев получил под свое командование 10-ю резервную армию, которая в декабре была преобразована в 5-ю ударную.

Цветаев улыбнулся:

— Есть у русаков умная пословица: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». Она коснулась меня лично. Взялся я учить бойцов, не щадя сил своих. Рассудил: немцы сильны в тактике. Надо противопоставить им контртактику.

Цветаев пояснил, что под контртактикой он подразумевает прочные оргмероприятия. Назвал их: засады, секреты, охранение, наблюдение и тщательный учет поведения противника.

И это не всё. Для немедленного уничтожения проникших в боевой порядок автоматчиков врага в полках создали специально выделенные подразделения. Изготовили листок-памятку с изложением элементов контртактики. Назвали памятку «Поучение солдату». Каждый боец носил ее в кармане.

Все командиры добивались одного: боевой порядок должен быть устойчивым и непоколебимым.

Николай Эрастович заметил:

— Те же вопросы тактики волновали и нас на Северо-Западном фронте. Боевая выучка сыграла роль в тех сражениях. Это почувствовали фрицаки — Гудериан, фон Бок, фон Лееб. Старался Андрей Еременко, он ведь в молодости командовал казачьей дивизией. Старались Иван Конев, Клим Ворошилов, а он — снайпер международного класса. У него оказалась на северо-западе уйма последователей — поклонников таланта маршала. Андрея Еременко обожали казаки. У нас в подразделениях служили ребята с Дона и Кубани, из Семиречья и Закавказья. Татары, казахи, осетины. Их отцы и деды знали методы вооруженного «общения» с разбойниками. Этот опыт сгодился, где его чтили на практике, там боевой порядок действительно был устойчивым и непоколебимым.

— Правильно, Николай Эрастович! — похвалил Цветаев.

— Вас, Вячеслав Дмитриевич, в Москве ждет профессорская кафедра в академии имени Фрунзе? По-братски завидую тем слушателям, которым посчастливится иметь такого профессора. Поздравляю!

Они обменялись крепким рукопожатием. Оба испытывали творческий подъем, нечасто судьба преподносит такие сюрпризы.

Берзарин спрятал в портфель карту Причерноморья и компас, подаренные ему генералом Цветаевым.

Напутствуя Берзарина, генерал Цветаев сказал:

— У армии этой, 5-й ударной, героический путь. Мы разбили отборные силы генерал-фельдмаршала Манштейна. Дошли до Одессы и Днестра. Теперь я передаю чудо-богатырей вам. Передаю в надежные руки. Мнение это, как вам известно, не только мое. От всего сердца желаю успеха!

На юг в 5-ю ударную армию вместо генерала В. Д. Цветаева направлен был другой командующий войсками — генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин. В германском Генштабе имя Берзарина было известно по Демянскому котлу, он считался незаурядным военачальником. Его перемещения в Тирасполь там не могли не заметить.

Наш расчет был на то, что немцам присуща слепая пунктуальность. И она их здесь подведет. Так и получилось.

Противник внес в свои оперативные планы поправки. Немцы уверовали, что в ближайшее время, в августе, удара со стороны Ясс не последует, что русские готовятся к наступлению со стороны Тирасполя и именно там для вермахта кроется основная опасность. Наше командование этого и добивалось.

Румыния — предполье и нефтяной оазис Германии

Получив новое назначение, генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин отправился в Одессу и там встретился с начальником штаба 3-го Украинского фронта Сергеем Семеновичем Бирюзовым[39]. Они совершили прогулку по Воронцовскому бульвару, выразили восхищение наследием градоначальника[40] пушкинской эпохи. У генерала Бирюзова Николаю Эрастовичу показали карту «Великая Румыния». Румыны, оказывается, включили в состав своего государства Одесскую область и Молдавию и обозначили их на карте как «провинция Транснистрия». А рукой наших штабистов на этой же карте на территории Транснистрии были нанесены дислокации немецко-румынских соединений, танковые и пехотные корпуса, горный курорт Слэник-Молдова в Карпатах, где генерал-полковник Шёрнер сидел в ожидании очередного звания генерал-фельдмаршала.

Николай Эрастович, взглянув на карту, вопросительно поднял глаза на подполковника, вводившего его в обстановку на Днестре. Ответил Сергей Семенович Бирюзов:

— Понимаю ваш вопрос. Откуда эта карта? Она подлинная, натуральная. Наши ребята-партизаны купили ее в Бухаресте. За валюту. Там все продается и покупается. Могут даже продать королеву-мать, в одеянии или нагишом. Царствуют король Михай I с маршалом Антонеску. Бухарестский маршал — это Адольф в миниатюре. А король держится в сторонке, увлекается авиацией, английской литературой, детективами зачитывается. В его свите есть несколько порядочных офицеров — его друзей, но их мало.

Что такое Румыния для Гитлера — Николаю Эрастовичу объяснять не надо. Румыния — это стратегическое предполье Германии, ее нефтяной оазис.

Новому командарму 5-й ударной дали справку о 6-й полевой немецкой армии, которая окопалась за Днестром напротив Тирасполя…

6-я полевая состоит из 30-го армейского корпуса, в который входят 306, 15, 257, 302, 384-я пехотные дивизии, 52-й корпус, состоящий из 320, 294, 161-й пехотных дивизий, 44-й корпус состоит из 335, 282, 62-й пехотных дивизий и, наконец, 7-й

немецкий армейский корпус, в состав которого входят 14-я румынская пехотная дивизия, 106-я и 370-я немецкие пехотные дивизии. История 6-й армии оригинальна и неповторима.

В окопах под Сталинградом на огневую точку батальона, где я оказался, двигался немецкий танк с надписью на борту: «Я брал Мажино». «Мажино» — это линия неприступных укреплений на германско-французской границе. 6-я полевая брала Париж. Немецкие солдаты и офицеры затем прогуливались по площади Пигаль, на Елисейских Полях, в Булонском лесу, якшались с красотками-парижанками. В 1942 году 6-ю полевую Гитлер перебросил на советско-германский фронт. Она пробилась к Сталинграду и там погибла. Казалось бы, можно поставить на ней крест. Ан нет! Гитлер был живописцем, творческой личностью. Он после гибели 6-й полевой армии, пленения русскими войсками генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса «нарисовал» новую 6-ю полевую армию. Она состояла из остатков войск фон Манштейна и названа была «армией мстителей за Сталинград». Сформирована была, как нам объяснялось в геббельсовских листовках, из солдат и офицеров — родственников тех, кто погиб на Дону и Волге. Им поставили задачу — взять реванш за поражение под Сталинградом.

Новую 6-ю полевую под командованием генерала от артиллерии Максимилиана Фреттер-Пико двинули дальше по рубежам смерти под устрашающими лозунгами: «Отомстить!», «Истребить!», «Реабилитировать себя!» и т. д. От 6-й ожидали «чудес доблести». В штабе нашего полка, куда попала одна из таких листовок, реклама новоиспеченной армии сразу же породила цепочку скептических мыслей. Мыслимо ли найти за столь короткое время такую уйму родственников, чтобы укомплектовать целую армию? Много возни, а будет ли отдача?

Разумеется, немцы не только хвастали. Они умели и воевать. Наносили ощутимые контрудары. Новая 6-я полевая отбила атаки на линии укреплений по реке Миус[41]. Но за Днепром она попала под сабли конников генерала Плиева, какое-то подобие боеспособности восстановила только на Днестре.

Я находился в то время в 3-м формировании 248-й стрелковой дивизии в Астрахани. Дивизия освободила Ростов-на-Дону и вышла к районному центру Матвеев Курган. Райцентр этот стоит на реке Миус, над которой нависала высота Черный Ворон. Сюда же, прижимаясь к нашему флангу, подошла, освободив Таганрог, 416-я стрелковая дивизия.

О кровавой бойне, которая произошла на «Миус-фронте», красноречиво говорит тот факт, что на главной площади Матвеева Кургана осталась братская могила, в которой

похоронены 20 тысяч солдат и офицеров, погибших при штурме высоты в августе 1943 года.

В кровавом августе 1943 года «Миус-фронт» был прорван, и немецко-фашистские войска стали, огрызаясь, откатываться на запад. Нам иногда попадались отморозки — фрицы из числа «мстителей». К апрелю 1944 года была освобождена почти вся Украина, ее конечный пункт — город Одесса. А потом мы вышли на рубеж Днестра.

Левобережная Молдавия оказалась в руках войск 5-й ударной армии. А дальше? Дальше Днестр, серьезный водный рубеж. И оборона врага оказалась здесь крепкой — сохранились пограничные линии железобетонных укреплений — здесь до 1939 года проходила государственная граница Румынии и Советского Союза. Воды Днестра окрасились кровью наших воинов из авангардных полков.

В ходе кровопролитных схваток установилась фронтовая линия по Днестру.

Гитлеровский генерал Курт фон Типпельскирх, обосновавшийся после войны за Рейном, написал и издал в Бонне книгу «История Второй мировой войны». В этом сочинении есть такие строки: «В ходе весеннего наступления русские захватили плацдармы у Тирасполя и Григориополя и сумели отразить все попытки немецких войск ликвидировать эти плацдармы. С тех пор, как осенью 1942 года было остановлено немецкое наступление на Дону, русские всякий раз с подлинным мастерством овладевали на всех важных рубежах такими плацдармами в качестве трамплинов для последующих наступательных операций и никогда не боялись удерживать их в любых условиях, не жалея сил для отражения немецких контратак»[42].

5-я ударная армия

На широком фронте протяженностью до 160 километров 5-й ударной армии противостояла 6-я немецкая полевая армия, состав которой охарактеризован выше. Она занимала заранее созданные долговременные укрепления.

5-я ударная армия к тому времени состояла из 32-го стрелкового и 26-го гвардейского корпусов. В эти корпуса входили части и спецподразделения 60, 89, 94-й гвардейских дивизий, 248, 266, 295 и 416-й стрелковых дивизий.

248-я стрелковая дивизия, где я служил в 899-м стрелковом полку, некоторое время стояла на Днестре, занимая

протянувшееся на несколько километров селение Григориополь. Окопы полка пролегали на самом берегу. Население из Григориополя было эвакуировано — оставили одного жителя на десять дворов для присмотра за имуществом. Жители время от времени навещали свои владения и уходили. Улицы простреливались артиллерийским, минометным и пулеметным огнем немцев с противоположного берега. С мародерами наше командование расправлялось жестоко, помню, какой-то старшина, по фамилии Шевченко, похитил какие-то домашние вещи у молдаванина, был схвачен, в тот же день собрали из подразделений по одному человеку. И на сельской площади, где военный трибунал вынес старшине смертный приговор, несчастный «мародер» был перед строем расстрелян. Других подобных ЧП в дивизии не было.

Получилось так, что в первых числах июня я оказался в штабе армии по какой-то служебной необходимости. Зашел в дом, который занимал отдел кадров — там у меня работал офицер-земляк. От него я узнал, что в конце мая командующего армией генерала Цветаева заменил другой генерал, Николай Эрастович Берзарин. Меня это взволновало, так как я знал этого генерала во время моей службы на Дальнем Востоке. Тут в комнату, где находились офицеры-кадровики, вошел их начальник — подполковник Борецкий. Его принимал новый командарм. Офицеры попросили подполковника поделиться своими впечатлениями от встречи.

— Это умный боевой генерал, — рассказал он. — Мой визит к нему выглядит так. Несколько минут меня продержал в приемной адъютант генерала, пока не вышел из кабинета посетитель, капитан медицинской службы. Сразу же меня в кабинет пропустили. Остановился я на пороге, представился. Вижу моложавого человека в хорошо сшитой генеральской форме. У него на ремне — простой пистолет «ТТ». Генерал находился не за своим рабочим столом, а у стены, на которой прикреплена географическая карта нашей страны. Генерал сказал мне: «Ташкент вспоминаю, там лечебная сары-агачская вода здорово мне помогла. Но сегодня почему-то рана разболелась. Врач назначил некоторые процедуры, надеюсь, пройдет». Генерал подошел ко мне, пожал руку, мы уселись за стол, и я ему стал докладывать…

Свой рассказ кадровик дополнил частностями: генерал приехал из-под Смоленска, и не один, а с пополнением. «Пополнение» — родная дочь командарма, медицинская сестра. Определилась в наш полевой госпиталь. Имя ее — Лариса.

Командарм Н. Э. Берзарин и член военного совета Ф. Е. Боков

июнь начали с того, что потребовали от штабов и политорганов частей и соединений пересмотра планов боевой и политической подготовки.

Основой в планах боевой учебы, как и прежде, должен быть боевой устав пехоты, принятый в 1942 году. Сейчас, когда фронт стабилизировался, обучение воинов выдвигается на первый план, причем ставится эта учеба под строгий контроль.

На одном из участков нашего фронта, в районе населенных пунктов Кошница, Перерыта, Дороцкое, находилась 295-я стрелковая дивизия, которой командовал Герой Советского Союза генерал А. П. Дорофеев. Берзарин начал с того, что отправился в эту дивизию, в полк, где одним из батальонов командовал майор Золотухин. Роты этого батальона занимались боевыми стрельбами, совершенствованием тактической подготовки мелких подразделений и отработкой взаимодействия с артиллерией в наступательном бою. В поле, где проходили учения, выехали комдив Александр Дорофеев, начальник штаба полковник И. К. Свиридов, другие офицеры. Они встретили там нового командарма. Начальник штаба Свиридов впоследствии рассказывал:

«По дороге, идущей со стороны села Шипка, появились клубы пыли, поднимаемые машинами. Когда первая из них остановилась рядом с нами, из нее выпрыгнул коренастый, широкий в груди, с обаятельной улыбкой на немного скуластом лице генерал-лейтенант. Стало ясно, что это наш новый командарм. Внимательно выслушав доклад командира дивизии, Николай Эрастович пожал руку каждому. Затем, подойдя к майору Золотухину, сказал:

— Ну, что ж, посмотрим на действия вашего батальона. Видимо, он решил лично проверить, каковы в боевом отношении подразделения батальона, познакомиться с командирами и их умением управлять своими ротами, взводами и приданными подразделениями в ходе наступательных действий и быстро меняющейся обстановки на поле боя».

Далее начштаба дивизии полковник Свиридов рассказывал об умелых действиях батальона Золотухина. В считаные минуты роты заняли исходные рубежи для тактического учения. Вводную обстановку комбату объявил сам командарм. В ходе начавшегося учения командарм все время находился в подразделениях батальона. Продвигаясь от взвода к взводу, он ложился за пулемет или становился у орудия на колено, проверяя точность определения расстояния до условной огневой точки «противника» и наводки орудия на цель, внимательно следил за действиями первых номеров, подносчиков боеприпасов, связных, работой

санитарных инструкторов, прислушивался к офицерским командам. Наблюдая за действиями командиров рот, взводов и отделений, командующий не вмешивался в их распоряжения, не навязывал своей воли. И они, преодолев появившееся вначале смущение тем, что среди них находится генерал, стали действовать уверенно, самостоятельно, как это могло быть в настоящем бою.

Командарм высоко оценил труд комбата, майора М. Золотухина, Героя Советского Союза.

— Комбат, — сказал Берзарин, — много труда и энергии вложил в обучение своих подчиненных. С такими орлами можно хоть сейчас идти не только на Кишинев, но и на Берлин…

Николай Эрастович до поздней ночи оставался в батальоне майора Золотухина. Состоялась душевная беседа с бойцами, сержантами. Они рассказывали командарму о том, что пишут родные из дома. Командарм, в свою очередь, спросил их о нуждах бытовых, о питании, досуге. За короткий промежуток времени Н. Э. Берзарин успел побывать во всех дивизиях и корпусах. Посетил он и медико-санитарные части, поговорил с ранеными воинами.

Военный совет армии провел пятидневные сборы командиров рот, батарей и батальонов. На сборах присутствовало около 450 человек. Им были прочитаны доклады: «Командир — единоначальник и политический воспитатель своих подчиненных», «Об использовании огневых средств роты в наступательном бою», «О материальном и техническом обеспечении наступательного боя», «Об офицерской чести», «О политической работе в подразделениях», «О ротном хозяйстве» и на другие темы. На сборах присутствовали и выступали Николай Эрастович, Федор Ефимович Боков, заместители командарма, начальники служб полевого управления армии. Организовывалась учеба в штабах дивизий и полков.

Крах немецко-румынских позиций на Днестре

Войска приводили в порядок свое хозяйство, укрепляли позиции на передовой. Прибывали дополнительные резервы, в части поступали пополнения. Уставшие подразделения выводились на отдых во вторые эшелоны, их заменяли свежими.

Проводилась разведка боем.

Враг на земле Бессарабии имел разветвленную и активную разведку. Она не бездействовала, работала довольно изощренно.

С противоположного берега Днестра, с вражеских позиций вечерами и ночами устраивались концерты, которые давали

«фрицы» — мастера игры на расческах и губных гармошках. Чаще всего слышалась душещипательная мелодия «Лили Марлен», песенка часового. И еще марш «Хорст Вессель». В репродуктор с усилителями выбрасывались фразы «Рус, сдавайс!» или «Рус вассер!». И на русском языке тексты передавались. Слышались и разговоры на русском. Мы догадывались, что там есть подразделения из предателей — власовцев. И оказалось, что это не только догадка.

Однажды в садик близ передовой у Григориополя забрела группка людей в военной форме. Там оказался наш офицер, капитан, полковой агитатор. Пришельцы попросили у офицера курева, тот угостил их «Беломором». Разговорились, солдаты поинтересовались политическими новостями. В кармане у офицера нашелся журнальчик «Спутник агитатора». Когда его ординарец (по одному офицерам ходить не разрешалось) на минуту отлучился, эти пришельцы оглушили агитатора, ударив чем-то тяжелым по голове. Заткнули ему тряпкой рот, чтобы не кричал, и потащили к лодке, укрытой в протоке в глубине сада. Немецкие разведчики скрылись. Узнав о происшествии, наши открыли стрельбу, а лазутчиков и след простыл.

По-видимому, лазутчики имели с собой солдатские книжки и знали пароли — иначе как бы они проникли в наш тыл, через посты. Действовали они нагло. Возможно, им помогал кто-либо из местных жителей.

Нашему полку комдив дал задание — произвести разведку боем на своем участке обороны, атаковать огневую точку противника и взять языка. Начштаба Александр Хоменко, начальник разведки Николай Полтавец, побывав в батальонах, на добровольной основе сформировали отряд из сорока человек. Глубокой ночью разведчики переправились через Днестр…

Меня командир полка в то время послал с каким-то поручением в Тирасполь. Я поднялся на холмик, по которому пролегала дорога, и стал ждать попутной машины. Услышал я за рекой стрельбу, взрывы гранат. Вернувшись из поездки (способом «голосования»), узнал, что разведка дала кое-какие результаты. Ребята притащили «языка», но и отряд потерял убитыми 12 бойцов.

Слишком высокой ценой достался разведчикам «язык». Замухрышка-фриц имел солдатскую книжку, а в ней записан номер войсковой части. Другие сведения ценности не представляли. Разведку боем произвели для «галочки». Но на сей раз чуть ли не впустую. И так бывает.

Нашему полку на Днестре не везло с командирами. Прислали подполковника, некоего Романовского, из бывших пограничников.

Дела он не знал и знать не хотел. Страдал тягой к спиртному. С утра еще ничего, а к вечеру — чуть тепленький. Полком фактически командовали начальник штаба майор Александр Хоменко и шесть его помощников, одним из которых был я.

Пару слов скажу о Саше Хоменко. Он был родом из города Старый Крым. Окончил школу летчиков в Актюбинске, летал на бомбардировщике. Где-то над Плоешти самолет обстреляли, машина получила повреждения. Но экипаж сумел дотянуть до своего аэродрома. Саша с ранениями лежал в госпитале, по выздоровлении в авиацию больше не попал, а стал служить в нашем полку. В лейтенантском звании воевал на бронемашине. Взяли в штаб. И в девятнадцатилетнем возрасте стал начальником штаба полка. Работать с ним было интересно. Мы в штабе понимали друг друга с полуслова. Из кризисных ситуаций мы с Александром Андреевичем выходили, как правило, удачно.

В полку всеобщим любимцем был майор Косяк, заместитель командира полка по материально-техническому снабжению. Он без преувеличения покорил солдатские сердца и подружился с самим командармом — тот дважды приглашал его к себе на беседу. Его опыт уникален. Ну скажите, где вы найдете другого такого снабженца, который находил бы выход из безвыходного положения? Полк занят выполнением боевых задач. На ДОПе — дивизионном обменном пункте — что-то не срабатывает. Вдруг обнаружилась нехватка соли, муки, перца, капусты или картошки. Кухня, как доменная печь, не может угаснуть. Что делать? Снабженцы в панике, возбуждены, рвут и мечут… За нарушение кухонного графика работы голову сорвут. Что бы ни произошло — ингредиенты для приготовления пищи солдату у Косяка появлялись. Чудес не было, он трудился как вол.

Все помнили случай на территории Украины. На ДОП Косяк послал грузовик за мукой. Машина вернулась без муки. Бездорожье, распутица парализовали снабженческую цепочку. Зерно там имеется — пожалуйста. Но накормишь ли ребят в батальоне зерном? Косяк мечется по району, ищет выход. Бойцы знают: «бабай» голодными их не оставит. На бугорке у села увидел ветряную мельницу, крылья которой мертвы. День и ночь Косяк с отделением саперов — там. И подул ветер, крутанул крылья. Этой минуты ждали люди у мешков с зерном. Жерновам только зерна и требовалось, мука пошла. В батальонах, в ротных кухнях первая выдача муки с мельницы — для подболточных целей: борщ сдобрить. Вторая — для галушек, а в дальнейшем повара получали муки, сколько полагается.

В штабе полка (мы находились на доформировании) майор Косяк появлялся в серой ватной фуфайке, осыпанный мукой.

Ветряк требовал постоянного присутствия Косяка.

Из села пожаловали жители, благодарили армейцев.

— Ой, спасибочки за подмогу, — благодарит Косяка молодка, — а мы-то бедствовали. Покинете нас… Но мы попробуем держать наш млин (мельницу. — *В.С.)* в рабочем состоянии.

О подвиге на мукомольном фронте узнали в других полках. И в Молдавии саперы восстановили несколько ветряков. Берзарин вызывал Стефана Ивановича Косяка на армейское совещание снабженцев. В информации интенданта, критиковавшего снабженцев, приведен был пример из практики майора Косяка. На складах соль кончилась: не успели разобраться, а у Косяка соль появилась. Продукт этот привез с соляных промыслов Прикаспия его сослуживец времен революции. Закрывая совещание, командарм сказал, что в каждом полку надо иметь своего Косяка. Полк для Косяка — родная семья.

Наш полк навестил генерал Н. Э. Берзарин. Мы занимались в поле. Генерал узнал о «болезни» Романовского. Командарм сказал подполковнику: «Вам надо побывать в Одессе, в клинике знаменитого психиатра, профессора Евгения Александровича Шевалева[43]. С ним уже был разговор. Возьмете в сопровождающие полкового врача Марка Шухмана. Он вас устроит».

Берзарин провел с нами занятия и уехал. Романовский оставил полк. Кто же он? Человек со связями наверху. В личном деле я видел резолюцию, наложенную Г. К. Жуковым: «Тысячи советских людей ему доверять нельзя. Направить на хозяйственную работу».

И все же кто-то для исправления назначил подполковника командиром войсковой части, да еще на передовой. Генерал Берзарин так поговорил с подполковником, что тот понял: надо лечиться. Командиром полка стал у нас другой офицер, полковник Бушин. Жил и работал он в Москве, занимал должность командира отдельного батальона аэродромного обслуживания (БАО). Подал рапорт с просьбой послать на фронт. В возрасте пятидесяти пяти годочков. Наверное, понял: вот-вот придет время, и внуки его спросят: «А видел ли ты, дедушка, как люди плачут кровавыми слезами? Был ли ты на фронте?» Патриотический порыв привел его в зону боев.

Бушин — приятный, обходительный человек. Окончил военную академию. В сложной обстановке он с высоким артериальным давлением отправлялся в санчасть. Там его укладывали на раскладушку, делали уколы… По окончании разведки боем наш полковник поехал к комдиву Николаю

Захаровичу Галаю, пожаловался на свою гипертонию. «Николай Захарович, — обратился Бушин к комдиву, — мне бы хоть какой-нибудь орденок»…

Комдив, имеющий много орденов, в том числе и орден Суворова, пожалел старого полковника, представил к ордену Красного Знамени. Было бы странно, если бы полковник на передовой оставался без наград. Но, вручая орден, комдив заметил:

— Это вам, Григорий Петрович, авансом. Наступит момент, и вы поведете людей в атаку!

Григорий Петрович, конечно, от души благодарил благодетеля, прижимал руку к сердцу. Храбрый офицер Галай тоже остался доволен, лесть полковника, интеллигентного москвича, щекотала самолюбие. Нашего полковника ни в чем нельзя было упрекнуть. У него гипертония, а это серьезно. Мы его оберегали.

…Сегодня с утра на большой высоте пролетел немецкий самолет «хейнкель». Бросил на нас не бомбу, а какой-то тюк; пролетев некоторое расстояние, тюк разбился о воздушную подушку, рассыпался на тысячи осколков. Во все стороны разлетелись геббельсовские «голуби» — пропагандистские листовки.

— Воздушные змеи, — шутят штабники…

Воздушные змеи, кружась, мягко ложились на поле, повисали на ветках деревьев. Новый агитатор нашего полка решительно направился к месту падения листочков, принес один из них. Взглянув, прокомментировал:

— Подлецы! Пережевывают номер нашей дивизии…

Агитатор сел в коляску мотоцикла, автоматчик взялся за руль. Они поехали в политотдел.

Проходит день, другой… Уже август.

Получаем приказ — подготовиться к передислокации. Сдаем позиции другому полку, а сами передвигаемся к городу Бендеры. Перемещались мы своим ходом среди бела дня. И не помнится, чтобы нас бомбили или был артналет. А передвигались мы по грунтовым дорогам по холмистой местности вдоль реки. Пот заливает глаза, на запыленных лицах — грязные бороздки…

Под Бендерами полк занял плацдарм. Это — на правом берегу Днестра, узкая полоска территории под стенами крепости. А сама крепость — в руках фашистов. Нас просветили: там — части 348-й и 302-й немецких дивизий. Против них всего два батальона 899-го стрелкового полка. И нас это ничуть не волнует. Мы не думаем, что сбросить нас в Днестр ничего не стоит. Площадка столь мала, что наши обозы, санчасть оставлены на

левом берегу — в селе Парканы.

Но с войной мы настолько свыклись, что на плацдарме чувствуем себя так, словно приехали сюда сажать картошку.

…Бендеры! С востока город и крепость защищены широким водным рубежом, с севера — крепостным валом, с юга — сильными узлами сопротивления — районом Плавни и селом Гиска.

Над крутым берегом грозно высятся форты старой-престарой крепости: ее построили, кажется, в XIV веке генуэзцы. Затем ею пользовались турки. Древнюю, вымощенную камнем, дорогу для мулов можно было различить у берега, где теперь все заросло.

Из амбразур фортов и десятифутовых кирпичных стен пробивалась растительность, время обломало зубцы, изъело сторожевые башни, проржавели крепостные пушки. Фашисты крепость обжили, установили здесь пулеметы, их снайперы и наблюдатели засели в нишах. Они всё вокруг контролировали.

В целом немецкая разведка работала активно. Но получилось так, что о времени наступления на рубеже Днестра и у Ясс немцы все же узнали слишком поздно. После войны были опубликованы материалы, из которых видно, что 16 августа, за четыре дня до нашего наступления, командующий 6-й армией генерал Фретгер-Пико докладывал главнокомандующему группой войск «Юг»: «Ничего особенного. Везде спокойствие».

18 августа в донесении 30-го немецкого армейского корпуса, оборонявшегося против плацдарма у Бендер, где наша 5-я ударная готовила главный удар, начальнику штаба 6-й полевой армии говорилось: «У плацдарма мы не ожидаем ничего серьезного».

Потом немцы забеспокоились. Что-то проникло в их штабы. Видно, они, наконец, добыли сведения — готовится наступление. И стали усиленно перебрасывать к переднему краю подкрепления — танковые и артиллерийские формирования. Наша разведка это засекла, и артиллерия произвела массированный обстрел путей подхода на железнодорожную станцию. Близ Бендер были разрушены пути и разбит эшелон с танками. С наблюдательного пункта командира 248-й дивизии можно было видеть сброшенные под откос вагоны, горящую технику на платформах.

Немцы вели контрбатарейную стрельбу, совершали артиллерийские налеты на переправы через Днестр. Из проломов сторожевых башен цитадели вражеские пулеметчики и снайперы били по нашим дорогам и лодкам.

19 августа мне лично и старшему лейтенанту Виктору Ломовскому, помощнику начальника штаба по тылу, требовалось переплыть на утлой рыбацкой лодке через Днестр и вернуться

обратно. Туда и обратно мы плыли, работая веслами, под пулеметным огнем. Пытались нас накрыть и минометчики. Странно, что нам не было страшно. Воспринималось все, словно какой-то спектакль. А мой напарник старший лейтенант Ломовский даже философствовал: «Если нас все же потопят, то наши останки быстрая днестровская ледяная вода унесет в теплое море. А море сливается с небом! Такая перспектива для нас — счастье!»

* * *

Ясско-Кишиневская операция началась с внезапного огневого удара по противнику утром 20 августа. Громить врага начала артиллерия 2-го и 3-го Украинских фронтов. Наступление войск началось одновременно с двух направлений — северо-западнее Ясс и южнее Бендер.

Имелся план действий и у 5-й ударной армии, суть которого состояла в том, что на двадцатикилометровом фронте главного направления нашего предстоящего наступления была сосредоточена основная масса войск армии — шесть стрелковых дивизий из семи наличных с частями усиления. Остальная же, большая часть переднего края армии протяженностью 135 километров была прикрыта лишь одной дивизией, армейским запасным полком и отдельными стрелковыми ротами.

Во исполнение плана было образовано две группировки войск, первой из них в составе трех дивизий 32-го стрелкового корпуса была поставлена задача: с рубежа Пугачены — Шерпены нанести удар в западном направлении и выйти на южную и юго-восточную окраины Кишинева. Второй группировке — соединениям 26-го стрелкового корпуса — было приказано: наступая с позиций на правом берегу реки Реут, южнее Оргеева, в южном направлении во взаимодействии с 32-м стрелковым корпусом, преследовать, окружить части противника и захватить северо-западные районы молдавской столицы.

О предстоящем наступлении мы знали, подготовили необходимые приказы и распоряжения, офицеры штаба побывали в батальонах и батареях, там же находились политработники. Я посетил батарею 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта Саши Буймова. Там как раз находился агитатор полка Личугин. Он говорил о содержании последних радиопередач. Рассказал, что в Германии при бомбардировке союзниками концлагеря Бухенвальд 18 августа 1944 года убит вождь германских коммунистов Эрнст Тельман. Я рассказал бойцам, что в мою

бытность студентом в моде были юнгштурмовки — униформа левой немецкой молодежи. Я заработал немного денег на выгрузке с железнодорожных платформ горбыля, купил отрез плотной хлопчатобумажной ткани защитного цвета, а соседка-портниха бесплатно сшила мне чудесную юнгштурмовку-тельманку. Куртка-рубашка с поясом и накладными карманами, с погончиками, брюки заправлялись в черные чулки… Она меня выручала на лекциях, в походах. Носить такую форму, юнгштурмовку, мечтал каждый учащийся, но нас в такой форме было немного. С тканями тогда было трудно. Носил я эту униформу, не снимая, два года.

Гитлер решился, наконец, уничтожить Тельмана…

Ночи проходили тревожно. Комдив предупредил, что гитлеровцы попытаются бросить позиции и уйти, оторвавшись от нас. Надо будет бежать за ними по пятам.

Из штаба 248-й стрелковой дивизии 21 августа 1944 года появилось распоряжение, в котором было сказано:

> «В целях готовности наших частей к преследованию врага, командир дивизии приказал:
>
> 1. Командирам частей иметь подготовленную стрелковую роту для преследования на случай отхода противника. Стрелковым ротам придать два орудия 76 мм и две пушки 45 мм, и взвод минометов 82 мм.
>
> 2. Привести в готовность весь личный состав к решительным наступательным действиям до 23 августа».
>
> Фашисты тогда же на участке 248-й стрелковой дивизии осуществили неудачную для них операцию по захвату «языка».

Ночью по подземным ходам из крепости Бендеры они проникли на позиции 899-го полка (этот полк стоял под стенами занятой врагом цитадели). С разведгруппой врага наши посты и дозоры вступили в бой. В этой схватке погиб ручной пулеметчик Николай Туренко. Он гранатой взорвал себя вместе с двумя вражескими разведчиками, которые волокли его в свои окопы. На подмогу подоспело отделение 2-го стрелкового батальона во главе с сержантом Петром Цыбенко. Этот парень, призванный в армию из Воронежской области, сумел расстрелять из своего автомата чуть ли не до десятка гитлеровцев. Но и сам, обливаясь кровью, упал. О подвиге Петра Цыбенко в сентябре 2006 года можно было прочитать информацию в ярославской газете «Ветераны и молодежь».

Сведения о Цыбенко добыли юные следопыты: они нашли его боевую медаль «За отвагу». Ребята установили, что тяжело

раненный сержант был эвакуирован в тыл, в один из госпиталей Киргизии. Будучи инвалидом, сержант демобилизовался и остался там для постоянного проживания. Дальше следы героя затерялись. Память о нем воскресила боевая медаль, ставшая музейной реликвией.

Но ветераны-берзаринцы, оставшиеся в живых, помнят те события.

23 августа 1944 года, ровно в 2 часа 30 минут ночи командующий артиллерией берзаринской армии П. И. Косенко приказал начать артиллерийское наступление. Загрохотали наши орудия. К пяти часам утра командиры корпусов П. А. Фирсов и Д. С. Жеребин доложили командарму Берзарину, что их дивизии прорвали вражескую оборону на всю тактическую глубину. Передовые отряды, состоящие из пехоты на автомобилях, артиллерийских и других средств усиления стали настигать отступающего противника.

Командарм Берзарин и его штаб перемещали свои командные и наблюдательные пункты на наиболее важные с оперативной точки зрения участки сражения.

Подвиг короля Михая I и его награждение орденом Победы

Авангарды рвались к Кишиневу, но кому-то надо было добивать вражеские гарнизоны в селениях. А они нередко дрались стойко. О контратаках врага сообщали командарму из 320-й стрелковой дивизии.

На околице селения стояла немецкая самоходка «Фердинанд», возле нее залегли фашисты. Наше движение остановилось. К самоходке выдвинулись один боец с противотанковым ружьем и трое солдат с автоматами. Мы услышали автоматные очереди, взрывы гранат. Скоро на грейдер выбежал автоматчик — высокий, с темно-русой шевелюрой. Свою поврежденную осколком каску он не бросил, а, размахивая ею, крикнул, что дорога открыта. Встретив «виллис» комдива, доложил: «Старший сержант Наливалкин!» Он сразу же поспешил в свой батальон, так как ему предстояло выполнить приказ комбата — сгонять в гурты пленных румын.

Еще какой-то перекресток дорог, колодец, рядом — крест с распятием. Сделали привал, чтобы разобраться в обстановке. Пока начальник штаба с первым помощником — майор Хоменко и капитан Маноцков — рассматривали свою закодированную карту, привели пленного румынского офицера. Взяли в овраге, где стояла гаубица. Ее румыны взрывали. Увидев наших

автоматчиков, подняли руки вверх. Протокол допроса не вели, просто разговаривали с пленными. Младший лейтенант Герцик, командир взвода, по национальности молдаванин, умел изъясняться по-румынски. Пленным сказали, что они не должны были приводить в негодность орудие. Его надо повернуть в сторону немцев.

Успех в Ясско-Кишиневской операции превзошел все ожидания. 23 августа с нашим участием было завершено окружение всей группировки противника, состоящей из восемнадцати немецких дивизий.

Перед этим в Бухаресте разыгралась драма. Гитлер приказал арестовать короля Михая I. Но сделать этого ему не удалось. Свита короля арестовала диктатора, маршала Антонеску. Румыния вышла из фашистского блока, перешла на сторону антигитлеровской коалиции и объявила войну Германии. По приказу короля были взорваны мосты на путях отступления немецких войск. Несколько дивизий вермахта оказались в ловушке.

Войскам, участвовавшим в Ясско-Кишиневской боевой операции, из штаба фронта передали распоряжение, касающееся румынской стороны. Отдельные части и соединения румын пожелали вступить в бой против гитлеровцев. Советское командование приветствовало такую инициативу. Новые формирования румынской армии успешно справились с боевыми задачами, которые поставило перед ними командование фронта. В боях против гитлеровцев Румыния потеряла 170 тысяч солдат и офицеров.

Указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому в 1945 году король Михай I награждался орденом Победы, гласил, что монарх соседнего государства удостоен этой чести «за поворот Румынией оружия против фашистской Германии в тот момент, когда судьба войны еще не была решена». Король поддержал коммунистов, поднявших в Бухаресте антифашистское восстание.

Королю Михаю I в то время не исполнилось и двадцати четырех лет.

ИТАР-ТАСС в декабре 2006 года распространило справку, в которой содержатся некоторые сведения из биографии румынского короля.

Михай Гогенцоллерн-Зигмаринген родился 25 октября 1921 года, королевский трон Румынии занимал два раза. В 1947 году он отрекся от престола и отправился в эмиграцию. В послевоенное время бывший король Михай I проживал в Великобритании, Швейцарии и других странах. Затем вернулся

на свою родину. Ему возвратили дворцы, имущество, выплатили компенсацию. Он — хороший пилот, и самолеты — его хобби.

Михай I в 2010 году был приглашен в Москву на торжества по случаю 65-летия победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Участники торжеств, ветераны сражений против гитлеровских захватчиков с большой душевной теплотой приветствовали дорогого гостя, представителя славной королевской династии.

Всего было 17 полководцев, получивших орден Победы — наивысшую военную награду в Советском Союзе; в 2010 году в живых оставался кавалер этого ордена — лишь один Михай I…

Штаб 6-й полевой армии находился в городе Комрат. Командующий генерал Фреттер-Пико и его начальник штаба бежали. Иначе они могли бы встретиться в лагере военнопленных с генерал-фельдмаршалом Паулюсом и генерал-лейтенантом Артуром Шмидтом, своими сослуживцами, взятыми в плен в Сталинграде.

«Мстителей за Сталинград» — 6-ю полевую армию вермахта постигла та же печальная участь, что и ее предшественницу на Дону. Не так уж и давно, в феврале 1943 года, я видел бесконечные вереницы пленных солдат и офицеров армии Паулюса на зимних дорогах, среди снежных сугробов Донщины.

Теперь был август 1944 года. И снова бредут многотысячные колонны пленных «завоевателей» под конвоем русских автоматчиков. Идут под палящим солнцем по дорогам Бессарабии, поднимая пыль, «мстители за Сталинград».

Злорадства при этом не испытываешь. Как и другие ветераны-фронтовики, думаю я сейчас, отягощенный жизненным опытом, о беспросветной глупости и подлости правителей, бросающих в топку войны своих молодых граждан. Фюрер сражался против «красной угрозы», сейчас изобрели «джихад». Мощные державы ставят цель захвата природных богатств у более слабых, и это называется «антитеррористическими акциями». «Террористами» именуют партизан, патриотов. И это считается «истиной».

В июле 1979 года я, член Союза писателей СССР, встречался в Москве с немецким писателем, лауреатом Нобелевской премии Генрихом Бёллем[44]. Он поведал, что воевал в одной из частей вермахта под Яссами. Получил тяжелое ранение и был эвакуирован на родину. Потом его взяли в плен американцы. Писатель-гуманист проклинал алчных правителей, зарящихся на чужие богатства.

Ну а как воевала дальше наша 5-я ударная?

Вперед — на Кишинев!

Столицу Молдавии — город Кишинев освободили воины 60, 94 и 89-й гвардейских дивизий, 416-й и 295-й стрелковых дивизий.

248-я стрелковая дивизия, в которой я служил, до Кишинева не дошла. Фактически не встречая никакого сопротивления противника, мы двигались и двигались в направлении города Ганчешты-Котовское. Подразделения шли по грунтовым проселочным дорогам, иногда застревая в пути в какой-нибудь балке, где через ручей переброшен был мостик из прогнивших бревен. Из кустов и кукурузных делянок выходили, бросив оружие, немцы, румыны. Отупевшие, безразличные, испуганные… Автоматчики их сгоняли в группки, отправляли в ближайшие селения на сборные пункты.

Холмы, долины, сады, виноградники, нищие селения. К вечеру вдали, на горизонте, различался крупный лесной массив. На карте там, за массивом, находится большой населенный пункт — Ганчешты… Родина легендарного бунтаря-анархиста, кавалерийского военачальника Григория Котовского. По этой степи перед нами уже прошла лавина механизированных ударных полков. На поле и у дороги разбросано вражеское военное имущество, валяется множество убитых солдат противника. Горячий августовский ветер разносит тяжелый запах разложения.

Тылы наши опасно отстали, и продвижение затормозили. Местность низкая, болотистая, гнилая. Подразделения по балкам и пригоркам стали располагаться на ночлег. Задымили кухни.

Таборы в таких долинах здесь не в новинку. Цыганские таборы. Но такого табора история здесь не знала. На ночлег устраивались инициативным способом, кто как мог. Но действовали по уставам — и дозоры были, и часовые, и разведгруппы, куда требуется, послали.

Взошло солнце. Есть приказ на занятие населенного пункта Ганчешты и соседних с ним селений. А командиры взводов, рот, батарей доложили по команде — люди двигаться дальше не в состоянии. У бойцов недомогание, высокая температура, рвота. Одновременно у тысяч индивидуумов. И медперсонал забил тревогу. Распознать болезнь оказалось проще простого: людей трясет. Малярия.

О массовом заболевании личного состава 248-й стрелковой дивизии доложили командующему войсками Берзарину. Из штаба армии поступил приказ: полкам 248-й объявить о госпитальном положении. Мы остановились на рубеже Мерена — Чара — Кетросу — Нямп.

Вот этой заминки никто из оперативников, планировщиков войны, не предусматривал. А вообще насчет эпидемий

задумывались. В штатах медсанбатов имелась должность врача-эпидемиолога. В Одессе, в медицинском институте, была кафедра тропических болезней. Выпускница этого мединститута, одесситка, даже подвизалась в медико-санитарном батальоне дивизии. Наверное, она в свое время и экзамен выпускной сдавала. Теорию знала. Да что толку! Медицина в такой ситуации в данном случае оказалась захваченной врасплох.

Надо отдать должное фармацевтам. Препараты нам доставили очень быстро. Основной из препаратов — акрихин. Медсестры побывали у каждого больного, проинструктировали, снабдили порошками акрихина. Давали советы: нельзя быть на солнце, нельзя купаться в водоемах…

К нашему полку прикомандировали врача-эпидемиолога Гусейнова, он — родом из Азербайджана. Там подобных болезней навалом. Желтая лихорадка, тропическая, да еще и малярия… Он стал проводить беседы. Жители окрестных селений рассказали, что немцы здесь тоже болели малярией. До войны проводилась профилактика, некоторые озерца поливали жидкостью, уничтожающей очаги заразы. Гитлеровцы этим не занимались.

Малярия свалила в нашем полку чуть ли не всех поголовно. Трясло уполномоченного контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам»), ему не помогло даже то, что он являлся «ухажером» девицы из медсанбата, эпидемиолога. Ходил он от акрихина желтый, как дыня. Смеялся я над ним: «Вражеские лазутчики могут подумать, что ты из “желтой расы”». А ему не до смеха. В дивизии были и такие, кто не заболел, я в том числе.

Надо мной тоже вились комары. Но, очевидно, меня спасло то, что я еще в детстве приобрел иммунитет. Помню, один раз приступ застал меня в пути (наша семилетка находилась в восьми верстах от родного поселка). Меня сперва бросило в озноб, при этом застучали зубы. Я опустился в овраг к копне сена. Пиджачок не согревал, пришлось укрыться сухой травой. Очнулся нескоро, весь в поту, обессиленный, потому повернул назад. Кое-как доплелся домой. В медпункте мне прописали хинин. Стал лечиться, приступы прекратились. Я проникся уважением к медицине.

В школе организованы были курсы сандружинников, я окончил их. Знания пригодились — старался соблюдать некоторые правила гигиены и профилактики. Теперь я давал советы заболевшим малярией. Стрелковые подразделения с лихорадкой справились легче, чем артиллеристы и минометчики. Санитарные инструкторы в ротах строго следили за соблюдением больничного режима. С пушкарями было труднее, там санинструкторы были «приходящими», постоянного контроля за

лечением не было. Нашелся у них умник, из астраханцев, который внушил, что акрихин полезно запивать не водой, а самогоном, с местным названием «цуйка». Пришлось серьезно поработать, чтобы переубедить батарейцев.

* * *

Армейская газета «Советский боец» относилась к тем изданиям, которые у бойцов-читателей были особо уважаемы. В редакции работал замечательный литератор — Вадим Николаевич Собко. Знакомством с ним гордились. Его репортажи, корреспонденции ярко, зримо освещали армейскую жизнь. Он — лидер, у него во всех полках имелись соратники. Газета напечатала мою зарисовку, и он обратил на нее внимание. Я рассказал ему, что до призыва в армию работал в редакции районки. Спросил, не возьмут ли меня в штат редакции. Он ответил: «Вас, неплохо подготовленного в тактическом отношении, строевого офицера, на политработу ни за что не отпустят». Но с редакцией я не порывал, и мы продолжали общаться.

Через несколько дней в расположении нашего полка появилась легковушка марки «ханомаг» и в ней — Вадим Николаевич. Он нашел меня, чтобы передать последние номера «Советского бойца».

— Я о вашей дивизии, после того как она получила наименование «Одесская», напечатал репортаж в московском «Огоньке». А в Кишиневе вашу Одесскую не нахожу. Узнал, что она больна. Вот беда! — сказал Вадим Николаевич. — Пару часов назад я видел Николая Эрастовича, нашего командарма, разговаривал с ним. Генерал поведал, что наша армия выполнила задачу фронтового значения. Я спросил о 248-й, и генерал сказал мне, что она сражается с малярией, находится в его резерве. Услышав это, я заправил машину и рванул в Котовское, а заодно заехал в Одесскую дивизию, вас повидать. Болезнь нешуточная.

— Зря беспокоитесь, Вадим Николаевич, выздоравливаем, — ответил я.

— Слава богу! — воскликнул Собко. — Из газет узнаете всё-всё. Наконец-то Кишинев 24 августа освобожден от вражеской оккупации. Запестрел красными знаменами. Читайте и пишите!

Вадим Николаевич уехал. Кое-что о Кишиневе я читал раньше, но теперь перечитал вновь. Обращение военного совета к воинам перед наступлением даже сейчас звучало свежо:

«Боевые товарищи!

Перед нами родная Советская Молдавия. Вперед — на Кишинев! Вырвем из фашистской неволи столицу Молдавии. Мы идем по пути наших великих предков. Не раз в прошлом видели эти места славных русских солдат и полководцев. Бывали здесь Петр Первый и Румянцев, Суворов и Кутузов. Теперь мощной поступью здесь идет Красная Армия по пути к полному разгрому ненавистного врага.

Доблестные бойцы, офицеры и генералы!

Беспощадно уничтожайте проклятых захватчиков! Не давайте врагу покоя ни днем, ни ночью. Смело и решительно взламывайте вражескую оборону. Прорывайтесь в тылы противника. Окружайте, дробите и истребляйте их. Бейте гитлеровцев, как прежде их били под Сталинградом, в Донбассе, Очакове, Николаеве, и Одессе»…

Из прочитанных номеров «Советского бойца» я узнал, что в боях за Кишинев отличилась 94-я гвардейская дивизия. Всех отважных, проявивших геройство в боях за овладение этим городом, трудно перечислить. И лично командир дивизии гвардии полковник Г. Н. Шостацкий проявил себя храбрым офицером. На подступах к Кишиневу его машина подорвалась на противотанковой мине. Гвардии полковник получил контузию. Но, несмотря на это, он остался в дивизии, отказавшись уехать в госпиталь, до конца сражения за Кишинев руководил штурмом города.

В ряде номеров детально описывалась хроника боевых действий, описывались подвиги офицеров, сержантов, рядовых. Смелость, спокойствие и рассудительность отличали бойцов и офицеров подразделения Александра Пеньшина. Они в числе первых вышли с боями в предместья столицы Молдавии. У них был свой поэт, Коля Кузнецов, публиковавший стихи в газете:

Пылала ночь в кварталах Кишинева,
Снаряды рвали камни мостовых,
Мы шли сюда, громя фашистов снова,
Чтоб мстить за мертвых и спасти живых!

Тут же был помещен портрет майора Михаила Кручека. С автоматом в руках он, заместитель командира 273-го гвардейского полка, шел в цепях штурмового отряда, выбивая гитлеровцев из Пушкинского парка. Пуля фашиста сразила

майора Кручека. О таких героях сказал Максим Горький в своей «Песне о Соколе»:

> Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных
> духом всегда ты будешь живым примером…

«Ханомаг» — машина большой проходимости. Ее мотор — надежный помощник в работе фронтового журналиста. Храбрость, мужество воинов… Об этом мы говорили с Вадимом Собко. О Мише Пороцком, который, будучи начальником химслужбы, напросился разминировать оставленный фашистами мост, действуя как рядовой сапер. За это его наградили медалью «За отвагу» — в порядке исключения. Этой медалью награждали только рядовых. О Пете Якименко, командире огневого взвода; он, будучи раненым, отказался уйти в медсанбат, а получив первую помощь, остался на батарее. Многих раненых спасла медсестра Юлия Стешенко.

Храбрый, инициативный воин, старший сержант Дмитрий Наливалкин, минометчик 476-го полка 320-й дивизии, в ходе сражения заменил выбывшего по ранению командира взвода. Этот взвод вступил в единоборство с броней, уничтожил самоходное орудие «Фердинанд», прорвавшееся на позиции артбатареи. «Фердинанд» — 70-тонная артиллерийская установка! Махина! Ее подожгли, и она взорвалась. Имя Димы Наливалкина узнала вся армия. В армейской газете писатель Вадим Собко опубликовал о нем и его взводе очерк. «Дмитрию всего восемнадцать, он из Ставрополья. Освобождал Ростов, Донбасс, форсировал Днепр… И вот Дима — один из воинов — освободителей Молдавии, — говорилось в публикации. — Его 320-я сражалась по-суворовски». Генерал Берзарин считал комдива-320 И. И. Швыгина одним из своих лучших военачальников.

…Я пошел в санчасть, где лежали больные с осложнениями. Мы договорились, что командир санроты Николай Еремин утром прочтет своим подопечным приказ командарма, изданный по поводу освобождения столицы Молдавии. В нем сказано:

> «В боях за овладение городом Кишиневом бойцы, сержанты, офицеры и генералы показали возросшее воинское мастерство, боевую выучку и героизм, мужество и отвагу.
>
> Верховный главнокомандующий И. В. Сталин высоко оценил наши боевые действия и объявил всему личному составу армии благодарность. Столица нашей Родины

Москва салютовала двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из 324 орудий…»

Газета «Советский боец» проинформировала всех, как проходили торжества в Кишиневе по случаю освобождения из фашистской неволи.

«…Несмотря на пережитое, жителям Кишинева хотелось отметить событие. Все улицы были заполнены людьми. Старые люди, подростки, дети, мужчины и женщины устремились в центр города, к площади Победы. Там уже войска, приготовившиеся к парадному шествию. Там — гремит оркестр, там возведена трибуна, на которой представители власти, генералы и офицеры, освобождавшие город. Ликование трудящихся города невозможно описать, когда они увидели поднявшегося на трибуну генерал-лейтенанта Николая Эрастовича Берзарина. Делегация горожан преподнесла командарму хлеб-соль. Он выступил перед собравшимися с взволнованной речью.

Перед трибуной по площади торжественным маршем прошли войска. Вид участников победного шествия был молодцеватым. Только темные тени под глазами у бойцов и офицеров напоминали о том, что эти люди всего сутки назад были в пекле боя. Они, атакуя, бежали и падали, они стреляли и бросали гранаты, дрались с фашистами в рукопашных схватках. Они выносили с поля боя своих раненых товарищей. И вот теперь, вымывшись и почистившись, они встали в парадный строй. Люди видели: таких воинов победить нельзя. Они справятся с любым врагом. Глядя на своих освободителей, горожане чувствовали, что окончательная победа близка. И потому последние слова речи командарма покрылись возгласами “Ура!”».

Позывным для рации нашего полка мы избрали слово «Волга».

«Я — “Волга”!», «Я — “Волга”!» — звучало еще в Астрахани. И вот теперь этот позывной появился в эфире возле реки Прут. Добрались мы в район селений Поганешты и Чоара, где с пригорка блеснула голубая лента пограничной речки. Витя Хоменко[45], пятнадцатилетний боец-доброволец, автоматчик комендантского взвода, по совместительству выполнял обязанности художника, фотографа. У него одного имелся фотоаппарат «Лейка». Витя разыскал большой кусок картона и

написал на нем крупными литерами «Волга». Щит укрепили у дороги, на ветках яблони.

Мы сидели в палатке, ели виноград, о чем-то спорили. Снаружи нас позвали:

— «Волга»! Кто там есть? Откликнитесь!

Кто-то из нас выглянул из палатки, увидел остановившуюся генеральскую автомашину «додж». В ней сидели генерал-майор и двое автоматчиков, в форме пограничников, в зеленых фуражках, с зелеными погонами. И генерал с ними, в такой же форме, с полевыми погонами. Генерал спросил старшего из нас, к чьим войскам мы принадлежим. Майор Хоменко, начштаба, кратко ему ответил. Генерал представился:

— Котомин. Начальник пограничного округа. Молдавского.

— Чем мы можем быть вам полезны? — спросил Хоменко.

Генерал Котомин рассказал, что он уже побывал на рубеже реки Прут и завтра-послезавтра сюда приедут пограничники. Начнут границу обустраивать, Но есть одна проблема формального порядка. Нужен акт о приеме границы.

Разговор теперь шел у нашего штабного грузовика. Хоменко отвечал чиновному гостю, что он может предоставить ему возможность переговорить по рации со штабом соединения. Котомин пояснил, что это чистая формальность — акт о приеме границы. Формальность обязательная, но специальных полномочий не требуется. Котомин добавил:

— Мы можем оформить здесь все. Чин и должность не имеют значения. У меня имеется с собой специальный бланк, мы его заполним, вы имеете ранг старшего офицера, у вас есть государственная печать…

Начальник штаба не стал спешить. Он объяснил генералу, что командир полка находится в штадиве, там люди с полномочиями, несравнимо большими. Субординация…

Довод оказался убедительным для гостя. Хотя ему не хотелось тратить время, он подумал немного и согласился.

— У меня, к сожалению, забот хватает и кроме оформления актов. Но придется с вами согласиться. Только, пожалуйста, помогите мне разыскать ваше начальство.

Хоменко успокоил начальника пограничного округа:

— Здесь недалеко, всего полчаса езды.

Начштаба взял меня с собой, и мы на своей машине, сопровождая машину генеральскую, поехали в штаб дивизии.

Ехали действительно недолго, хотя грейдер оказался разбит танками. Нашли поселочек, командный пункт дивизии. Грузный, раскрасневшийся начальник штаба дивизии полковник Григорий Коняшко выразил радость по поводу нашего визита.

— Наконец-то мы с вами, товарищ Котомин, делом займемся. Не всё же воевать да воевать. Благородное дело — охрана границы. Помогу вам. А командира дивизии нет здесь, он в Кишиневе. Оформим акт сами. Грамотешки у нас на такую процедуру хватит.

Оформление приемо-передаточного акта не заняло много времени. Сдал границу — начальник штаба Н-ского соединения полковник Г. Коняшко, принял — начальник Молдавского пограничного округа Котомин. Расписались, стукнули печати. Генерал подарил один экземпляр акта не только Григорию Коняшко, но и Александру Хоменко, как лицу, участвовавшему в церемонии. Все выпили по бокалу крепкого сладкого молдавского вина, пожали друг другу руки.

Перед расставанием спросили у генерала:

— Так что же, от нас, солдат, и пропуск для перехода границы потребуете?

Генерал засмеялся:

— Пропуска в нынешнем году, наверное, не потребуется. Пока что пропуском служит *штык!*

…Николай Эрастович Берзарин впервые с того времени, как оказался на юге, был удовлетворен собственным трудом. Он победил врага на земле, где воевал Суворов! Печать всего мира, радио прославляли советских воинов, а это значит, что славится и его армия. Все свидетельствовало о том, что моральный и политический эффект Ясско-Кишиневской стратегической операции, в которой уникальная роль отводилась войскам его армии, вдохновляет Генштаб, Ставку, Верховного главнокомандующего. «На этом направлении так быстро не наступал никто!» — сказал командарму Александр Михайлович Василевский. И Георгий Константинович Жуков со своей солдатской прямолинейностью высказал похвалу. «Но не зазнавайся», — добавил он.

Зазнаваться? Этого не будет. Не до жиру — быть бы живу!

По своему прежнему горькому опыту Николай Эрастович знал, что вслед за успехом, хотя бы призрачным, за скупой человеческой радостью идут неприятности. Так было на его пути не раз на Дальнем Востоке, в Приморье, на Северо-Западном фронте. Он переносил их стойко, понимая, что в вооруженных силах, где ценятся рыцарские качества, интриганов и завистников всегда хватало. Поэтому в дни искреннего торжества Николай Эрастович испытывал беспокойство.

В эти дни, встречаясь в войсках с генералами, равными или выше его по званию и положению, он стал замечать признаки отчужденности. «Рыцарь без страха и упрека! Берзарин-

Заднестровский», — заметил, встретившись, один из генералов-командармов. А ведь у них с этим генералом была дружба. Они, будучи слушателями Высших офицерских курсов «Выстрел», дружили, из Солнечногорска вместе ездили в столицу, терпеливо стояли в очередях у билетных касс, желая приобрести билетик на просмотр драмы или комедии в московских театрах… Прошли годы. Как легко пропадают у человека друзья-товарищи! Вояку завидки берут, что ли? Берзарину ничего не оставалось, как превратить реплику в шутку.

— Без упрека, но с лихорадкой, — ответил Николай Эрастович, чувствуя озноб.

Не завидовать надо, а сопереживать. Работа выполнена — и это главное. Умно сказано устами Владимира Маяковского: «Сочтемся славою — ведь мы свои же люди…»

Дочь командарма Лариса, узнав, что отца назвали, правда, с ехидцей «Берзарин-Заднестровский», не стала особенно возражать.

— Язвительный укол? Простим! — говорила она. — Был же на свете Румянцев-Задунайский[46]… Здорово звучит! — А тебе папа, — продолжала она, — как больному, все же надо отлежаться. Это требование Петра Александровича Курцева, начальника госпиталя.

— До ранения, голубушка, я никогда не болел, — сказал отец дочери.

— Это не имеет значения. Неприкасаемых у малярии нет, — ответила Лариса.

— Что ж, надо так надо, — ответил он.

Отец, командарм, подчинился Ларисе. Он не сказал ей, что и с раненой ногой не все в порядке. Неделю назад лечащему врачу все же удалось несколько унять воспаление, применив порошки стрептоцида.

Лариса увидела, что отец сильно похудел, она коснулась губами его щеки, и Николай Эрастович почувствовал, как из ее глаз покатились крупные горошинки слез. Отец успокоил ее:

— Недолго ждать. Все эти военные невзгоды сгинут. Мама, Ириша, ты и я соберемся у одного очага. С фронта молодые люди отправятся кто куда, желающие учиться — по школам, техникумам, институтам…

О многом передумал командарм, принимая антималярийные процедуры. Вспомнился день 15 июля. Когда было получено из Генштаба предварительное распоряжение Ставки о переходе в наступление 3-го Украинского фронта. Это на юге — 5-я ударная и 57-я армии — Кишиневское направление. На севере — 37-я и 46-я армии. Сразу же провели рекогносцировку. Затем

участвовавших в рекогносцировке генералов собрали на военный совет. Было выбрано направление главного удара. Удар этот намечался с Кицканского плацдарма. Сначала — прорыв фронта, окружение кишиневской группировки противника, преследование и уничтожение ее.

Была еще встреча у командующего фронтом 31 июля.

Берзарину ясно было, что 5-й ударной армии в операции отводится не та роль, которую он ожидал. И он это высказал без обиняков. Об этом впоследствии рассказывал начальник штаба фронта С. С. Бирюзов.

> «…Вот вышел к карте командующий 5-й Ударной армией Н. Э. Берзарин. Молодой, темпераментный, широкомыслящий. Докладывает ясно. Но по всему видно, страшно недоволен тем, что не его 5-я Ударная (ударная!) армия наносит главный удар. Заканчивая доклад, с нескрываемой горечью обратился к Толбухину Федору Ивановичу:
>
> — Товарищ командующий, армия растягивает свой фронт, как гармошку. Всего получается 135 километров! Тут не только наступать — обороняться трудно.
>
> Толбухин с улыбкой поглядел на Берзарина и приложил руку к груди: сочувствую, мол, но помочь ничем не могу…»[47]

Не мог тогда Толбухин открыто сказать Берзарину, что разыгрывается хитроумный план. Враг ждет удара от Берзарина, а наносить такой удар будет 37-я армия генерала Михаила Николаевича Шарохина. Фашисты уже попались на крючок. Военная хитрость, а для командарма — нервотрепка.

Другие командармы тогда ждали, что Берзарин разнервничается и «погорит», а он не уронил свой авторитет, не погорел, вышел из сложной ситуации с честью!

В лесах Галиции

Передышка на молдавской земле длилась недолго. События стали разворачиваться по сказочному сценарию. Над нами в воздухе уже не появлялись вражеские бомбардировщики и штурмовики. Они понадобились Гитлеру, чтобы бомбить Бухарест. С вермахтом вели бои румынские войска. Мы были рады — все же какое-то нам облегчение. На реке Прут мы остановились. Что будет дальше? Что нас ждет? «Конечно, перегруппировка», — пояснил комполка.

Вдруг узнаем, что 5-ю ударную армию, нашу дивизию тоже, вывели из подчинения 3-го Украинского фронта. Армию зачислили в резерв Главного командования Красной армии. И тогда же узнали, что наша дивизия переведена в 9-й стрелковый корпус, который передан в 5-ю ударную армию. Она стала более сильной.

Высшее командование обязало 5-ю ударную армию вернуться в Одесскую область. И мы оставили Бессарабию, которая нам так понравилась. Жалко было расставаться с молдаванами, добрыми приветливыми людьми, которые так долго страдали под гнетом румын.

Районом сосредоточения для армейских корпусов определили железнодорожный узел Раздельная. Там заблаговременно были подготовлены эшелоны, в которые нас погрузят. Где мы оставим эти вагоны и опустимся с колес на землю? Нас не информируют. Железнодорожные эшелоны с войсками и техникой 7 сентября 1944 года двинулись в путь.

Офицеры, разумеется, догадывались о направлении движения. Достаточно слушать по радио сообщения Совинформбюро, чтобы сообразить, куда дивизия держит путь. Провожали нас теплота, солнце. А в городе Котовске и особенно в Жмеринке почувствовали дыхание осени. Желтые поля, накрапывает дождь. Осенняя сырость, раскисшие дороги встретили нас на территории Волынщины, где мы стали разгружаться.

К 20 сентября берзаринская армия в основном рассредоточилась в районе города Ковель и окрестных районах Волынской области. По согласованию с местными властями были установлены пункты расквартирования. Полустанки, селения, хуторки. Что ж, это неплохо. Но в этих местах, особенно на границе с Ровенской областью, и ныне гибнут люди от рук скрывающихся гитлеровских прихвостней.

Ковель, Сарны… Это уже Западная Украина. Население — галичане, гуцулы, «западенцы». В XII веке Галиция, вотчина Владимира Святого, была могущественным процветающим княжеством, именовалась Червонной Русью. С потерей могущества постоянно конфликтует со всеми славянами, с русскими — особенно. Входила в Австро-Венгрию и Польшу. С началом Второй мировой войны здешний националистический лидер Степан Бандера создал вооруженные формирования. Его 14-я пехотная дивизия СС «Галичина» и несколько других вооруженных формирований вместе с частями вермахта воевали против советских войск под Бродами[48].

После поражения бандеровцы попрятались в горах и лесах,

пополнив УПА, так называемую Украинскую повстанческую армию. 29 февраля 1944 года в стычке с этими уголовниками получил тяжелое ранение и 15 апреля скончался от ран генерал армии Николай Федорович Ватутин. 9 марта они напали на прославленного разведчика Николая Ивановича Кузнецова. Разведчик взорвал себя вместе с врагами гранатой.

К имени Н. Ф. Ватутина мы еще вернемся. Здесь же, хотя и вкратце, напомним о героических делах Н. И. Кузнецова.

На оккупированной врагом украинской земле Кузнецов действовал под именем обер-лейтенанта Пауля Зиберта. Действовал находчиво, дерзко и храбро. Здесь, в Ровно, добывал ценную развединформацию, истреблял палачей и карателей. С его участием были уничтожены судья оккупированной Украины Функ, рейхскомиссар Гель, вице-губернатор Галиции Бауэр, командующий карательными войсками на Украине генерал Ильген…

Германских фашистов вышибли, наконец, с украинских земель. Осталось, однако, террористическое подполье — боевики УПА. Они погубили легендарного русского офицера, вклад которого в борьбу за освобождение Украины поистине неоценим.

К операциям против УПА наша высадка в Ковеле и Сарнах отношения не имела. Этих выродков уничтожали внутренние войска. Как-то, проезжая по шоссе, я на его асфальтовом полотне прочел слова, выведенные белилами: «Смерть 16-му полку НКВД!» — так я случайно узнал, кто у бандеровцев враг № 1. Бандеровцы, сохраняя силы, нас не трогают.

Стояли мы в селениях Волынской области несколько недель. Думается, что эта остановка-передышка дана была нам командованием неспроста, а чтобы личный состав адаптировался с климатом Прикарпатья. Высокая влажность воздуха, грязь под ногами. С климатом шутить нельзя. В этом убедились солдаты и офицеры нашей дивизии, напоровшись в Аккерманской долине на многомиллиардную армию кровососущих. Целая дивизия оказалась тогда на больничном положении. Командование сделало верный вывод — подобных сюрпризов надо избегать.

Наверняка были и другие веские причины для нашей остановки в окрестностях городов Ковель и Сарны. Проблему снабжения надо было отладить, стратегические планы скоординировать. Времени мы зря не теряли. Стали отрабатывать в полевых условиях тему «Прорыв обороны противника», проводили стрельбы.

Однажды в лесу заметили дымок из-под земли. Расковыряли схрон (бункер. — *В.С.*). Оттуда по подземному ходу выскочили боевики и, отстреливаясь, скрылись. Майор, открывший стрельбу

по бандеровцам, ответным огнем был ранен в руку.

Обнаруженный бункер УПА был, как видно, пропагандистским центром. Здесь хранились брошюры и листовки на немецком и русском языках. В нише, сваленные в кучу, лежали нераспакованные пачки с листовками, в которых содержалась информация об исправительно-трудовых колониях Сибири и Дальнего Востока. Отдельно — листики с портретами начальников наиболее крупных лагерей с жизнеописанием фигурантов.

Мы, командиры и политработники 5-й ударной армии, оказавшись в столь специфически-неблагополучном районе, не имели права благодушествовать. Должны прогнозировать: чего можно ожидать от этих отщепенцев? В селе, где расположился один наш батальон, они проникли в контору сельсовета, уволокли в лес председателя сельсовета, шестидесятилетнего деда и секретаршу-девушку, казнили, а трупы повешенных подбросили во двор того же сельсовета. Кто они, эти палачи и убийцы?

Несколько позже в Киеве были обнародованы материалы дела Канадской комиссии по военным преступлениям, где сказано, что «…галичане становились полицаями, добровольно шли в полки СС дивизии “Галичина” не потому, что любили немцев, а потому, что ненавидели русских и Советскую власть».

В обнаруженном на полевых занятиях схроне среди бумаг нашлась брошюрка со сведениями из биографии С. А. Бандеры.

Он, Бандера Степан Андреевич, местный. Родился в 1909 году в семье католического священника, на территории Станиславской области. Эти земли польские паны оторвали от Украины и пришили к Речи Посполитой. Польское ярмо даже католикам-украинцам пришлось не по вкусу. Молодой Бандера в 1918 году вступил в Украинскую военную организацию, которая боролась с польской оккупацией.

В 1934 году Степан Бандера, сын ксендза, подвергся аресту за убийство главы МВД Польши Б. Парацкого. Суд приговорил террориста к смертной казни, замененной на пожизненное заключение. В 1939 году во время оккупации Польши Германией он бежал из тюрьмы.

Созданные Бандерой вооруженные формирования, прежде всего, как отмечено выше, 14-я дивизия СС «Галичина», активно помогали вермахту в боях против Красной армии. Когда Красная армия погнала фашистов на запад, бандеровцы вкупе с гитлеровцами начали окапываться близ Львова, под Бродами, намереваясь на этом рубеже дать советским войскам сражение. Немцы согласились помочь своим камрадам-галичанам. Но части

и соединения 2-го Украинского фронта под командованием маршала И. С. Конева учинили полный разгром фашистов и их прихвостней. Гитлеровские орды вместе с бандеровцами спешно отступали. Многие из них попали в плен.

Западные спецслужбы позаботились о главарях УПА и ОУН. Их поселили в Баварии, в Мюнхене. 15 октября 1959 года в подъезде своего дома С. А. Бандера был убит тридцатилетним украинцем Б. Н. Сташинским.

Но вернемся к тому периоду, когда 5-я ударная армия осенью 1944 года дислоцировалась на территории Западной Украины.

Местные правоохранительные органы, выкорчевывая бандеровцев, получили от органов контрразведки «Смерш» некоторую помощь. Например, сотрудники отдела «Смерш», возглавляемые майором А. Н. Аликиным, выявили и арестовали в октябре в Волынской области главаря банды, руководителя «провода» (управления — *В.С.)* ОУН, референта по пропаганде, коменданта службы «безпеки» (главу карательного сектора службы безопасности. — *В.С.)* и других особо опасных типов.

Берзарина вызвали в те дни к начальству на совещание в Ровно, и он стал собираться. Адъютант сказал:

— Нас будут сопровождать. Ответственным выделен майор Аликин.

Он — начальник группы по взаимодействию со здешним НКВД. Печальная участь Николая Федоровича Ватутина зовет к проявлению бдительности.

Ватутин и эта земля. С ней он неразлучен с 1939 года, когда возглавлял Украинский фронт, войска которого совершили поход на Западную Украину, навстречу германским силам. Германия покорила Польшу. Условлено было, что они будут заниматься только Польшей. А белорусские и украинские земли, оккупированные в 1920 году? Население, покинутое властями на произвол судьбы? Надо было спасти это население. Толпы людей встречали Ватутина и его войска. Одни ликовали: «Нех жие, Сталин!» — и подносили освободителям на рушниках хлеб-соль, другие затаили коварство.

С июня 1941 года генерал-лейтенант Ватутин снова на переднем крае. Он — начальник штаба Северо-Западного фронта. С Николаем Эрастовичем, командующим 27-й армией, встречался не раз. Перед самым часом агрессии 27-я двигалась в Прибалтику.

Под давлением вражеских сил 27-я армия стала отступать. 2 июля враг вклинился в боевые порядки армии. Встречный бой оказался кровопролитным, но никакого успеха берзаринцы не добились. Пришлось дать приказ на отступление.

В обстановке, когда роты и батальоны хлынули на восток, в

крестьянской избе Ватутин увидел начальника штаба фронта с группой командиров.

Берзарин доложил Ватутину, что у него нет ни сил, ни средств для создания глубоко эшелонированной обороны.

— Понятно, — ответил Ватутин, закуривая. — Бои уже идут восемнадцать дней. Потеряны Литва, Латвия. Потерян Минск. Утрачена и часть Российской Федерации.

— Как же сформулировать наши цели? — поинтересовался Берзарин.

— Нас, конечно, учит опыт Франции и Польши. Надо совершить переход в этом процессе вынужденного отхода к стратегической обороне в Смоленской, Калужской и Калининской областях…

— За сутки-двое, — ответил Берзарин, — создадим выгодные оперативно-тактические группировки. Я продумал, как заиметь нашей армии на Валдае глубокие построения обороны, понятно — и противотанковой обороны.

Потом они с Ватутиным долго ехали ночью при мрачном отблеске пожаров.

— Вижу, — сказал Ватутин. — Мы сумели избежать того, что случилось на Западном фронте у генерала Павлова. Фашисты и здесь разогрели свою военную машину, и она двигается. Под ответными ударами войск Северо-Запада она остывает. Буксует.

На некоторое время они расстались. Но связь сохранили.

Снова услышал голос Ватутина командарм Берзарин, когда ему удалось, контратакуя, создать оборонительный рубеж на линии Старая Русса — Холм. Доложил штабу фронта, где у аппарата находился Ватутин:

— Окопаемся хорошо и будем драться крепко. Сейчас кипит сильнейший огневой бой с противником…

На следующем сеансе связи со штабом фронта Ватутин понял, что войска Берзарина в ряде мест улучшили позиции. Фашисты нервничают, запрашивают подмогу.

Во время тяжелейших схваток с врагом командующий 27-й армией бывает только в войсках. Ватутин проинформировал об этом комфронта Ф. И. Кузнецова, члена военного совета П. А. Диорова…

Кузнецов покачал головой:

— Достается командармам. На Южном фронте войска лишились командующего 6-й армией генерала И. Н. Музыченко, такая же участь пленения постигла командующего 12-й армией генерала П. Г. Понеделина, сгинул на Западном фронте генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев. Да разве всех назовешь! Поезжайте к Берзарину, поговорите. Таких надо беречь.

— Завтра, Федор Исидорович, буду у него.

На встрече с Берзариным Ватутин заверил командарма:

— Военный совет доволен вашими действиями. Все мы не сомневаемся — вы выстоите. Нам всем нужен выигрыш во времени. Готовятся резервы. Русским есть из чего готовить резервы. А у врага — не густо. В ваших поступках много риска…

— А как управлять боем, если ты удален от войск? — задал вопрос Николай Эрастович.

Заговорил Николай Федорович:

— Войска округа генерала Павлова немцами размещены по колоссальным «котлам». Посмотрите на Прибалтику, на Северо-Запад. Ретивым фрицакам, генералам фон Боку и фон Клюге, они не светят, не удаются. Не на тех нарвались. В то же время наши командные верхи проектируют арийцам фюрера соорудить котел Демянский. Получат аккуратный такой котел — размером на полдюжины дивизий и бригад. Посмотрим — кто кого! Похоже все это на игру в карты. А козырей больше у нас. Учимся у предков.

Простились они в последний раз в мае 1942 года на позициях у Демянска. Берзарин не думал, что ему уже никогда не суждено встретиться с этим полным сил генералом.

Дорога перерезала высотку, справа и слева — лесные массивы, а на возвышенности белело село. Аликин сказал командарму, что недалеко от села — то самое место трагедии, там пролилась кровь Ватутина,

— Может быть, заедем? — спросил Берзарин смершевца.

Аликин отрицательно покачал головой:

— В данное время — опасно.

Глава пятая
ТИГР ПРЫГНУЛ…

5-я ударная армия под Варшавой

Дивизии и полки 5-й ударной армии в августе — начале сентября освободили Бессарабию и передислоцировались на север Украины к Ровно и Ковелю. Немецко-фашистские войска покатились на Балканы и к Венгерской низменности. А что в это время происходило вообще на советско-германском фронте? Войска маршалов Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского, Р. Я. Малиновского, Ф. И. Толбухина и других полководцев и военачальников вершили там великие победные дела.

В Москве гремели победные салюты. Прежде всего, в честь освобождения от врага белорусских земель. Регулярными частями Красной армии и мощными партизанскими соединениями в ходе операции под кодовым названием «Багратион» к 3 июля 1944 года была очищена от врага столица славной Белой Руси — город Минск. А в конце того же месяца освобожден город Брест. Белоруссия сбросила ненавистное ярмо оккупантов.

В летней кампании наше Главное командование ставило цель — разгромить немецкие группы войск «Центр» и «Северная Украина». Цель эта была достигнута. К осени 1944 года враг здесь был разбит и вышвырнут за пределы Украины.

Важным событием на фронте явилось форсирование реки Западный Буг и вступление Красной армии на территорию Польши. Это произошло 17 июля. Наши воины знали, что они идут туда как освободители. Но на территории Польши длительное время проводилась русофобская политика. Поэтому было издано обращение к польскому народу, в котором говорилось:

«Красная Армия не ставит себе задачу присоединить к Советскому Союзу какую-либо часть польской земли и наводить в Польше свои советские порядки… Наступил исторический час, когда польский народ сам берет в собственные руки решение своей судьбы. Создан Польский Комитет Национального Освобождения, единственная правомерная власть на территории Польши, выражающая интересы польского народа. В этот час вы должны оказывать всемерное содействие Красной Армии и этим самым ускорить разгром немецко-фашистских армий и установление нормальной жизни на свободной, независимой

польской земле».

События развивались стремительно. 27 июля 1944 года наши войска вышли на реку Вислу и начали форсировать водный рубеж в районе Магнушева и Пулавы…

* * *

Стояние на земле Западной Украины принесло немалую пользу. Войска обучались, стала поступать новая техника, совершен переход на зимнее обмундирование. Побывав в штабе дивизии, где нам, группе участников боев на Днестре, вручили ордена и медали, я увидел нечто новое. Там, во дворе дома, где размещался штаб дивизии, стояли образцы новой техники, поступившей к нам. Я увидел самоходную артиллерийскую установку — САУ, с пушкой калибра 76 миллиметров. Ее осматривал комдив со своими заместителями и штабистами. Эту установку я принял вначале за средний танк, она от него мало чем отличалась. Но, видно, все же существенно отличалась, потому что к ней проявил интерес и генерал. Тут же стояла и противотанковая пушка калибра 57 миллиметров. На фоне этой техники офицеры фотографировались.

Во все полки нашей дивизии, поредевшие в прежних боях, приходили пополнения — маршевые роты. Ребята совсем молоденькие, по 17–18 лет. Наши стрелковые роты доводились до штатной численности 120 человек. Повторно мы провели тактические учения на тему «Атака и наступление усиленного стрелкового батальона в глубине обороны противника». В боевых порядках находились САУ и новые противотанковые орудия, правда, пока что лишь единичные образцы. С новобранцами проводили и строевые занятия.

Нашу дивизию передали 9-му стрелковому корпусу. Командир корпуса генерал Иван Павлович Рослый провел с офицерами дивизий методические сборы. Находясь в резерве, мы зря времени не теряли, учились и учили свои подразделения.

Мы были в то время в районе Ковеля. Здесь получили 16 октября приказ на передислокацию. Начался период маршей, их предстояло совершить не менее десяти. По лесным песчаным дорогам, а кое-где и через болота надо было преодолеть примерно 350 километров.

В анкетах мы раньше писали: «За границей не был». Важный пункт. С этого дня придется отмечать: «Был за границей». Хотелось зафиксировать этот момент, запомнить увиденное. Обратил внимание на закат солнца — нас провожал нежно-

розовый горизонт. Справа и слева — желтая стерня скошенных хлебов, потом — картофельное поле. Возле дороги на лужайке сидел у копны сена босоногий мальчишка, а рядом паслась костлявая корова. Холодновато в октябре босоногому…

Все так просто. Нет даже признаков пограничных сооружений.

Переходы наши осуществлялись в основном ночами, при потушенных фарах, без костров. В каком-то крупном селении прошли мимо черной громады костела. Храм Спасителя пострадал. Крыша обрушилась, но прямые кресты выстояли. Храмовую площадь изуродовали траншеи, воронки…

В польских селениях мы иногда встречали солдат и офицеров возрождающегося Войска Польского. Они в фуражках-конфедератках и шинелях темно-салатового цвета с широким хлястиком. Один раз я разговаривал с красивым офицером с погонами поручика. По национальности он белорус. Разыскивает своих солдат, дезертировавших из батальона. Дезертирство у них — до 20 процентов. Возвращенных в часть наказывают — пятью-десятью сутками ареста с содержанием на гауптвахте. Если солдат сбежал с оружием — дают 15 суток ареста.

Во всех воеводствах, где прошла Красная армия, возникли народные советы: гминные[49], сельские и городские, и повятовые[50]. В обращение уже введена польская валюта — злотые. Наш начфин уже выдал нам злотые — ими мы рассчитываемся с населением за услуги.

Из агитационных материалов мы знали, что в Польше в городе Люблине имелось временное правительство. Но еще существовало и эмигрантское правительство в Лондоне. Такое двоевластие не способно приносить пользу.

Лондонское эмигрантское правительство по радио и в печатных изданиях распространяло среди населения слухи, что якобы красноармейцы, ГПУ начнут сгонять польских крестьян в колхозы, а городских жителей — в ряды стахановцев. Когда мы проходили через населенные пункты, люди присматривались к нашим подразделениям, ведь «лондонцы» объясняли, что Красную армию еще ждет 1920 год, когда пан Пилсудский сумел отбить атаку буденновцев на Варшаву.

Но вскоре нелепость измышлений «лондонцев» стала очевидной и народ успокоился и в основной массе поверил люблинскому правительству. Членом этого правительства была писательница Ванда Василевская, пользующаяся всеобщим уважением и любовью. Чуть позже с огромным успехом прошла кинокартина «Радуга», снятая по ее сценарию. Она, радуга, порой встречала нас в пути. Мы эту ленту смотрели на территории

Польши.

Нашего начальника штаба майора А. А. Хоменко руководством было решено отправить на учебу в Военную академию. Нам было жалко расставаться с Александром Андреевичем. С ним было легко работать. К тому же он — храбрый офицер, не кланялся пулям, а это ценилось. После войны Хоменко, кавалер ордена Александра Невского и многих других наград, успешно окончил Военную академию им. Фрунзе, а затем — Академию Генерального штаба. Позже работал в Генеральном штабе Вооруженных сил. Кажется, в 1960-х годах его отправили в зарубежную командировку. Занимал должности военного, военно-воздушного и военно-морского атташе при советских посольствах в Швейцарии, Италии, Алжире. Закончил карьеру военного дипломата в генеральском звании в Польской Народной Республике. В то время шла так называемая холодная война. Возникли два противостоящих друг другу военных блока — Североатлантический и Варшавский. Работы у генерала Хоменко хватало — и по линии МИДа, и по линии Министерства обороны.

Комполка спросил, прощаясь с Хоменко:

— Кого рекомендуешь на пост начальника штаба?

— Любого из шести помощников, — ответил он.

На место Хоменко определили капитана В. Г. Маноцкова. По возрасту он был старше всех нас. Из запаса. Работал директором средней школы.

Дружеское отношение жителей Польши к нашим войскам однажды обернулось для нашего полка негативной стороной. Событие произошло во время одного суточного перехода, когда мы достигли довольно крупного старинного города Калиша. Готовя его к обороне, фашисты вырыли противотанковые рвы глубиной до десяти метров. До нашего прихода через ров перекинули мост. По нему прошли техника и пехота нашей дивизии. Мы проскочили опасное место, а могли бы попасть в ловушку. На дне рва я увидел перевернутый танк, несколько пушек и автомашин. Следов боя видно не было и трудно было на ходу определить, почему случилось несчастье.

Градоначальник и его окружение решили устроить полку армии-освободительницы из соседней страны нечто приятное: вечером был торжественный прием. Заместитель командира полка Сергей Артемов, начальник штаба Вениамин Маноцков остались в штабе, а к полякам в гости отправился полковник Григорий Бушин, взяв с собой начальника артиллерии, полкового инженера и других. Зная, что я к спиртному равнодушен, меня Маноцков отправил туда «в качестве наблюдателя».

В правительственном дворце все было поставлено на

варшавский манер. Возглавлял встречу градоначальник. С ним рядом — начальник криминальной полиции, другие официальные лица. Обильный стол. Дипломатические речи. Оркестр и танцы. Танцевали все, кроме меня. Я сослался на боль в раненной осколком снаряда ноге. Наш полковник Бушин — ему было за пятьдесят — быстро устал и присел в кресло. И к нему на колени, средь шумного бала, свалилась разгоряченная вальсом миниатюрная панночка. При этом она жарко прижала его седеющую голову к своей декольтированной груди.

На другой день полк из города ушел. Спустя несколько дней через штаб дивизии в наш штаб поступил пакет. Комполка где-то отсутствовал, пакет вскрыли мы. Там было сообщение о том, что в штабах полков люди теряют бдительность; имеются наборы фото, где красуются на приеме у знатных поляков наши пьяные офицеры. В конверте находился снимок нашего полковника в объятиях дамы-иностранки. Мы не знали, как поставить в известность полковника. Но он и без нас узнал о пакете из разговора с командиром дивизии. Полковника свалил инсульт. Надо ли объяснять, что все фотоснимки сделал сотрудник контрразведки «Смерш».

Сочинять объяснительную записку полковник не мог по состоянию здоровья. Ее написал я: «Я, капитан такой-то (фамилия), посланный для присмотра за своими офицерами на приеме у поляков, докладываю о следующем…» В моей записке имелись фразы: «причуды психопатки», «комполка и его подчиненные вели себя безупречно». Записку отправили наверх. Потом мы узнали, что ее прочли Жуков и Берзарин. Не знаю, как реагировал Берзарин, а Жуков по-кавалерийски выругался. Ругань адресовалась не нашему полковнику, а уполномоченному Смерш. Маршал увидел в отснятых сценах голую провокацию. Донос оставили без последствий, полковник с болезнью справился. Но в полку он с месяц только числился, а командовал полком Сергей Артемов. Потом Артемова утвердили в этой должности, а Бушина зачислили в резерв. Мало помогло мое заключение: «Молодая полька, обняв прилюдно офицера, по-своему выразила ему признательность за освобождение города от оккупации».

Висла

У бойцов полка и дивизии вкус к учебе не пропадал. Взводы и роты, уходя на занятия в поле, в лес, уже самостоятельно отрабатывали решение таких задач, как движение за огневым валом, бой в лесу, форсирование водной преграды, бой ночью.

Маршал Жуков передвинул нас из района Минска-Мазовецкого в Варшавскую Прагу[51].

При желании можно было увидеть водную артерию, пересекающую польскую столицу. На противоположном берегу Вислы три месяца тому назад темные силы разыграли кровавый спектакль. Главнокомандующий партизанской Армией крайовой граф Бур-Комаровский с санкции польского «Лондона», 1 августа поднявший варшавян на восстание, не захотел вступать в контакт с нашим командованием. И все же наши самолеты сбрасывали в повстанческие районы оружие, снаряжение, продовольствие и медикаменты. Помощь не помогла. Бур и его штаб сдались немцам в плен, и их отправили на курорты в Швейцарию. Над остальными участниками восстания фашисты учинили расправу. Я увидел в бинокль Вислу. На фоне разрушенных строений, взорванного моста просматривалась черная водная полоса. Оттуда время от времени немецкая артиллерия вела огонь по району Праги. Восстание явилось частью политических игр польской эмиграции в Лондоне. Силы немцев здесь были велики. И генералам-дилетантам, вроде Бур-Комаровского, рассчитывать на победу не приходилось. Но они суетились.

Для чего на Вислу перебросили 5-ю ударную армию? Это прояснилось в первых числах января 1945 года. Командарм Н. Э. Берзарин уже имел документ с изложением задачи для его армии. 5-я ударная армия, являясь центром боевого порядка фронта на Магнушевском плацдарме, обязана была в первый день боя прорвать оборону противника на участке Выборув — Стшижка, уничтожить врага в тактической глубине, овладеть плацдармом на левом берегу реки Пилицы и обеспечить ввод в прорыв 2-й танковой армии. В последующем наступать в западном направлении и на двенадцатый день операции выйти на реку Бзуру. Общая глубина операции — 155 километров. Среднесуточный темп — 13–15 километров. Справа наступает 61-я армия генерала Белова, слева — 8-я гвардейская армия Чуйкова.

…Если бы сам Николай Эрастович Берзарин писал мемуары, он наверняка обратил бы особое внимание на начало января. Жукову требовалось установить более тесное взаимодействие между плацдармами, и он решил провести штабные игры с командирами всех соединений фронта. Для участия в них маршал пригласил командующих 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова, 5-й ударной армией Н. Э. Берзарина и командующих 1-й и 2-й танковыми армиями М. Е. Катукова[52] и С. И. Богданова и их начальников штабов. Игры состоялись 4 января в штабе 69-й армии генерала В. Я. Колпакчи. Их можно было назвать интеллектуальной генеральной репетицией будущего сражения.

Как главный режиссер, Г. К. Жуков высветил все, чего ожидает от каждого участника сражений, где и как он должен поступать.

Немцы нас засыпали листовками, просвещая наивных: «Не надейтесь на “второй фронт”. В Арденнах он рухнул!» Эта геббельсовская галиматья нас не трогала. Мы делали свою работу. Еще 29 декабря за Вислу, под Магнушев, из полка уехал капитан Сергей Иваница со своей батареей 120-миллиметровых минометов. С ним отправились саперы взвода со старшим сержантом Андреем Одинцовым, кавалером ордена Славы III и II степени. Ребятам дал какое-то задание командир полка Сергей Артемов.

С какой целью уехали эти подразделения на плацдарм? Мне, автору, не понадобилось ломать голову над этим вопросом. На помощь пришел ветеран войны, наш однополчанин-артиллерист, ныне полковник в отставке Владимир Жилкин, проживающий сейчас в Ярославле. Он прислал мне странички воспоминаний, где я прочел:

> «248-ю дивизию и ее 771-й артиллерийский полк, в котором я служил командиром взвода управления шестой батареи, на Магнушевский плацдарм вводили по частям. Вначале, перед новым годом, ввели нас, артиллеристов, и только в январе 1945 года — стрелковые полки, другие части и спецподразделения. Мы должны были, заняв наблюдательные пункты, организовать разведку позиций противника, его силы и средства, систему огня, тщательно подготовить и спланировать огонь своей артиллерии. Безусловно, нам предоставлялась возможность использовать данные о противнике, взятые у наших предшественников, подразделений 8-й гвардейской армии, находившихся в обороне на плацдарме длительное время. Гвардейцев мы должны были сменить накануне нашего наступления.
>
> О том, что наступление в скором времени начнется, мы, конечно, знали, хотя приказа еще не имели.
>
> Свой наблюдательный пункт командир 6-й батареи капитан Тюрин занял рядом с первой траншеей, где находились пехотинцы. По соседству располагался наблюдательный пункт командира 2-го дивизиона майора Фисуна. Орудийные расчеты оборудовали себе окопы и простенькие блиндажи. Организовали непосредственное охранение, обязательное с наступлением темноты.
>
> Наша настороженность оказалась отнюдь не

чрезмерной. Ночью 9 или 11 января (точно не помню) я в своем укрытии на земляных нарах, одетый и в обуви, прилег отдохнуть. Внезапно меня разбудили близкий грохот разрывов гранат и треск автоматов. Мгновенно сообразил: напали фашисты! В ушах — хруст, стук… Рядом укрытия командиров батареи и дивизиона. Надо прикрыть их огнем, где-то тут разведчики и связисты. В темноту крикнул слова команды: “Ко мне!” А они уже находятся рядом. Падаем наземь, готовые отбить бросок врага. Но огонь вдруг стал удаляться. Перебежками добрались до места схватки. Через несколько секунд с нами был и майор Фисун. Мы обнаружили такую картину.

В траншее боевого охранения лежал ничком разведчик, стонов не слышно: убит! Его напарника, ефрейтора Козуры на месте не нашли. Меня и других передернуло от страшной мысли: ефрейтора уволокли фашисты.

Командир дивизиона проводной связью доложил командиру полка Дунину о случившемся. На рассвете в полк прибыл командующий артиллерией армии генерал П. И. Косенко. Он распорядился тщательно осмотреть весь участок боевого охранения, даже полосу, прилегающую к немецким проволочным заграждениям и траншеям. Наши разведчики и саперы под покровом снежной пыли в маскхалатах довольно долго ползали по нейтралке. В одном месте проволока повреждена, поблизости нашли солдатский ремень, пробитый пулей, — доставленную поисковиками находку осмотрели и установили, что это ремень ефрейтора Козуры.

Уезжая, генерал Косенко сказал нам, чтобы мы поточнее установили судьбу захваченного в плен бойца. Я стал ждать дня атаки, намереваясь продолжать поиски следов Козуры в ходе наступления. Но когда оно, наступление, начнется?»

Магнушевский плацдарм

Маршал Г. К. Жуков и одновременно он же — заместитель Верховного главнокомандующего, он же — *солдат*[53], желал иметь в битве за Берлин обнаженный обоюдоострый меч. И он его получил в виде 5-й ударной армии под командованием генерал-

лейтенанта Н. Э. Берзарина.

Но когда конкретно приступить к наступательным боевым действиям? Это — прерогатива И. В. Сталина, он — лидер Советского государства, Верховный главнокомандующий. Он, и только он вправе определить дату начала операции.

В этой операции приводился в действие механизм взаимодействия наших вооруженных сил с экспедиционными войсками антигитлеровской коалиции. Ведь одновременно с ней союзниками осуществлялась Арденнская операция (16 декабря 1944 года — 29 января 1945 года), проводимая на юго-западе Бельгии. Известно, что это наступление гитлеровцы сумели отбить. Части и соединения союзников, бросив позиции и оружие, обратились в бегство. Над этими войсками навис ужас Дюнкерка[54].

Английский премьер Уинстон Черчилль обратился тогда к Сталину с просьбой ускорить нанесение удара по немцам с рубежа Вислы. Глава Советского государства уважил просьбу Черчилля, приказал войскам 1-го Белорусского фронта, куда входила 5-я ударная армия, развернуть наступление на врага на восемь суток раньше, чем намечалось прежде. Что это означало для нас, для 899-го стрелкового полка? Мы не завершили свою программу учебы с новым пополнением по новому «Боевому уставу пехоты» (БУП-42). Нам полагалось несколько противотанковых орудий калибра 57 миллиметров. Доставить их не успели. А против «тигров» и «пантер» сорокапятки слабы. На бумаге остались партии инженерного имущества. Транспорт… Нам снарядили несколько грузовых автомобилей. Их — нет.

В 771-м артиллерийском полку, в стрелковых полках в качестве тягачей использовались взятые в калмыцких степях верблюды. Они еще у нас есть, хотя многие погибли. На войне верблюды хороши. Я был в Египте в 1967 году, видел полки, уходящие в бой. Там шли арабские полки на верблюдах с притороченными на спине минометами и пулеметами, верблюд — чудо-животное, можно сказать, священное. Но ведь в январе 1945 года мы были в Европе. Здесь все — на моторе! Просто — хоть волком вой. Однако и при нехватке техники все мы понимали, что союзнический долг — превыше всего! Так нас воспитали.

12 января 1945 года мы передислоцировались на левый берег Вислы, на Магнушевский плацдарм. Те позиции, которые мы приняли, занимали гвардейцы генерала В. И. Чуйкова; им выделили другой участок обороны. Мы, ударники, наконец, оказались на Берлинском направлении.

Что такое Магнушевский плацдарм?

Плацдарм получил название от местечка Магнушев южнее Варшавы (по фронту до 44 километров, глубиной до 15 километров, был захвачен войсками 8-й гвардейской армии в августе).

На плацдарме Г. К. Жуков сосредоточил войска численностью около 400 тысяч человек. Войска эти имели 8700 орудий и минометов и около 1700 танков и самоходно-артиллерийских установок.

Этим силам противостояла немецкая группа армий «А». В эту группу входили 22 дивизии, в том числе четыре танковые и две моторизованные, пять бригад и восемь боевых групп. Пехотная дивизия у немцев по численности равнялась нашим двум дивизиям. А что такое «боевая группа»? Это — формирование из нескольких разбитых частей-бригад, полков. Дрались они с особым упорством.

Выше я назвал дату передислокации — 12 января. Фактически мы шли на плацдарм в ночь с 12 на 13 января. Через Вислу переправлялись по заранее наведенным мостам, прошли через селения Жабанец, Комиссия, Скурга, Вулька Тарновска, Гжибу… Наши саперы оборудовали командный пункт полка северо-западнее села Осемборув.

Командир полка объяснил нам, работникам штаба, что наш 899-й стрелковый полк действует во втором эшелоне дивизии (в первом — 902-й стрелковый полк). Дивизия, в свою очередь, находится во втором эшелоне корпуса. Оборона врага глубоко эшелонирована, ее глубина — 18–20 километров.

Времени у нас — в обрез. Надо как можно быстрее разработать всю боевую документацию в соответствии с замыслом комдива и решением командира полка. Замысел и решение претворили в схемы, таблицы, распоряжения и приказы, довели их до командиров всех степеней, потом мы разошлись по окопам. Я оказался в роте автоматчиков старшего лейтенанта Валентина Михеева. Гвардейцы, передавшие нам свои траншеи, содержали их в образцовом состоянии. Стены они обшили досками и горбылем. Грунт песчаный, и без дерева стены не устояли бы. Фашисты — в 150–200 метрах от наших траншей. Их передний край прикрыт минными полями и колючей проволокой. То в одном, то в другом месте порой вспыхивает перестрелка.

Но в блиндаже Михеева настроение у бойцов прекрасное. У самого Михеева имелась гитара, и он знал в ней толк. Потому что на «гражданке» в Ленинграде он был учителем танцев. И были здесь, кроме него, таланты. Один из них и напевал блатную песенку «Здравствуй, моя Мурка…». Шлягер исполнялся в шутливо-надрывном стиле. Побывал я и у батарейцев. Батарея

славилась тем, что у них один наводчик до войны работал в мастерской, изготовлявшей головные уборы. Он мне подарил отличную шапку-кубанку. Она мне понравилась, и я с удовольствием водрузил ее на свою голову. Теплая, удобная.

Вернулся я на свое место на командном пункте за полночь. Забрался в отведенное мне место в укрытии и лег спать.

В четыре утра батальоны поднялись по сигналу «Тревога!». Людей накормили завтраком, выдали на сутки сухой паек. Стрелков снабдили патронами и гранатами. Эта деловая суета продолжалась до шести утра. По окопам пробежал полковой почтальон, солдат Фесенко, раздавая листочки с воззванием военного совета 1-го Белорусского фронта. Достался такой листочек и мне. Приведу цитаты из этого волнующего документа, адресованного бойцам, сержантам, офицерам и генералам войск:

«Боевые друзья! Настал великий час! Пришло время нанести врагу последний сокрушающий удар и осуществить историческую задачу, поставленную Родиной, — добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы…» Горячие строки воззвания зовут к подвигу, волнуют. Да, настала пора сполна рассчитаться с захватчиками. Мы видели муки и горе, причиненные нашему народу оккупантами. Мы видели пепелища на месте наших городов и сел, помним о наших людях, загубленных фашистами. Теперь, наконец, мы сведем счеты с врагом. Военный совет напоминал нам о пройденном боевом пути:

«Мы идем в Германию после Сталинграда и Украины, после Белоруссии, через пепел наших городов и сел. Горе государству мракобесов! Ничто теперь не остановит нас!» Военный совет напоминал, что пришло время освободить из немецкой неволи наших людей, угнанных на каторгу фашистскими поработителями. Этим людям угрожает смертельная опасность. И чем быстрее мы будем в Германии, тем больше их будет спасено. Одновременно мы поможем полякам, чехам и другим угнетенным народам Европы сбросить цепи рабства. В предстоящих боях мы до конца выполним нашу роль воинов-освободителей.

«…Нам не впервые бить врага. Войска нашего фронта били его смертным боем под Сталинградом и под Курском, на Днестре и на Нарве. Мы били его и тогда, когда он шел на нас со своими подручными. Теперь гитлеровские прихвостни, жестоко проученные Красной Армией, поворачивают оружие против фашистской Германии. Мы били врага и тогда, когда сражались против полчищ захватчиков одни, а теперь вместе с нами его бьют американцы и англичане, французы и бельгийцы. На этот раз мы добьем врага окончательно». Обращаясь к воинам фронта,

военный совет призывал каждого участника великой битвы проявить на поле боя мужество, смелость, решительность.

«Мы сильнее врага, — такими словами военный совет заканчивал свое воззвание. — Наши пушки, самолеты и танки лучше немецких, и у нас их теперь больше, чем у врага. Эту первоклассную технику дал нам наш народ, который не жалеет сил и труда для нашей победы.

Мы сильнее врага, так как бьемся за правое дело, против рабства и угнетения. Нас вдохновляет на подвиг партия Ленина — Сталина — партия победы.

В победный и решительный бой, славные богатыри!

Ратными подвигами возвеличим славу наших боевых знамен, славу Красной Армии!»

Гроза грянула в 9.00. Началась доселе невиданная артиллерийская подготовка, а точнее — артиллерийское наступление на плацдарме. Участвовали тысячи орудий разных калибров. Различались залпы артиллерии РГК. Такая обработка вражеских позиций длилась три часа. Выше уже сказано о большой глубине вражеской обороны, в ней, как это и положено, существовали промежуточные и отсечные рубежи. Артогнем надо было все эти инженерные сооружения разрушить. Происходило то, чему я был свидетелем 19 ноября 1942 года, в сражении под Сталинградом. Налицо был неотразимый по своей разрушительной мощи вал огня и стали. То, что артиллерия работала три часа, было своеобразной заботой о человеке. Артогонь вместо штыка — такое практиковалось нечасто. До этого пишущая братия нахваливала штык. Но сам-то «певец штыка» мог бы лично броситься в штыковую атаку? «Пуля-дура, штык — молодец!» — пусть это останется красивой фразой екатерининского генералиссимуса.

На КП нам трудно было разговаривать между собой, мешал ужасный грохот — неподалеку в овражке стояла гаубица, которая неустанно обрабатывала свои цели. И еще донимала «катюша». Но она неподалеку проревела всего пяток раз.

В 12.00 наши стрелковые батальоны, получив команду «Вперед!», поднялись и, стреляя на ходу, двинулись к вражеским позициям.

На нашем участке немцы, узнав о прорывах на флангах, стали с боем отходить, избегая контакта с наступающей пехотой. Вступали в бой только подразделения прикрытия.

Все пришло в движение. Вокруг нас простиралась чуть-чуть всхолмленная равнина, поросшая елочками и сосняком. Ночью в воздухе кружились снежинки, а сейчас воздух был чист, стоял легкий морозец, градусов до пяти. Подразделения сначала

двигались по пространству врассыпную, но некоторые из них постепенно стали сворачиваться в колонны и выходить на проселки и к грейдеру, в направлении селения Нова Гура.

У меня была верховая лошадь, я сначала передвигался верхом по дороге вместе с пушками, обозами, санитарной ротой, потом отдал коня связному, а сам пошел пешком.

Отступление противника обозначилось зримо. Но огневые точки немецких арьергардов всё же давали о себе знать.

Не говоря уже о командирах полков и дивизий, большинство высших чинов корпусов, армий находились с нами, непосредственно в зоне боевых действий. С ними небольшими группами передвигались на разных видах транспорта и штабные офицеры. Таким способом оперативные группы офицеров во главе с генералами осуществляли управление войсками.

Поскольку 5-я ударная армия находилась на главном направлении, здесь, у генерала Берзарина, особенно в первые дни безотлучно работал маршал Г. К. Жуков, совмещая свой командный пункт с КП командарма. Как это он практиковал и во время Сталинградской битвы, чему я свидетель, у него между командными пунктами и тылом связь поддерживалась проводными средствами, по радио, а также через офицеров связи на машинах и самолетах. Радиостанции были смонтированы на машинах — колесных и гусеничных.

В первый день наступления с Магнушевского плацдарма маршал Жуков находился фактически в боевых порядках в нашем 9-м корпусе. Мы в этом убедились.

Убедились потому, что произошло дорожное ЧП. По грейдеру, проложенному здесь через небольшое болотце, двигался наш стрелковый полк и еще врезались какие-то грузовики, орудия, обозы. И вдруг возник затор, потому что у какого-то шофера впереди, как говорится, «по закону подлости», заглох мотор. Транспорт напирал друг на друга, и движение прекратилось. Люди суетились, офицеры бегали, отдавая какие-то команды, бегал и я в том числе, а сдвига не получалось. Вдали заскрежетал немецкий шестиствольный миномет.

Я по кочкам, через болотце, отбежал в сторону и остолбенел. Правее, совсем недалеко, виден был изрытый ямами бугор и на нем — курган. В неглубокой траншее — группа высших чинов. Они были узнаваемы — Жуков, Берзарин, авиаторы, танкисты.

Маршал, увидев безобразие на грейдере, оставил свой окопчик и широким шагом направился к скоплению паниковавших людей и техники.

Почувствовал я, что сейчас он крикнет: «Что это такое?!»

И мгновенно, как молния, над столпотворением раздались

возгласы: «Жуков! Жуков! Жуков!»

И тут по грейдеру прошло что-то вроде судороги. Сотни рук схватились за свою технику, за транспортные средства. Десятки рук уцепились в борта и скаты злосчастного поврежденного студебекера». Неисправная машина вместе с какими-то ящиками полетела с насыпи в болото. Колонна мгновенно стала выправляться и силой солдатских мускулов, конской энергией, загремевших моторов начала принимать привычную форму: тягачи, обозы, пушки резко сдвинулись, и вся эта масса ринулась вперед.

Я увидел лицо маршала, на котором не было следов даже давней улыбки. Комфронта пошел к кургану. Там были Берзарин, Косенко, Кущев, Боков, другие генералы; один из них — авиатор. Держа в руке микрофон, летчик-генерал отдавал команды своим эскадрильям, видневшимся в небе.

Я побежал по кочкам, так как насыпь была высока и в насыпи кое-где были видны щели. А в одном месте я увидел трупы немецких солдат, ствол миномета, потом — плиту… Опорная плита… Фашисты, кажется, оторвались от преследования…

Но грохот артиллерии не утихал. Впереди, в километрах пяти-шести, у лесного массива, поднимались клубы черного дыма, плескались багровые языки пламени. Горел какой-то склад. А дальше? Гитлеровское командование ввело термин «крепость». Каждая деревушка, хутор, фольварк[55] — это опорный пункт, крепость. Проломят в стене дома, забора, амбара дыру, сунут в нее пулеметный ствол — и палят оттуда. Боеприпасов у них хватает. Такая «крепость» долго не держится. До того времени, пока артиллеристы не подтянут поближе пушку.

К вечеру боевые действия шли уже на Пилице. Это — левый приток Вислы. Река сравнительно многоводная, по ней даже ходили баржи. Саперы постарались, они по сигналам разведки навели на реке переправы. На нашем пути переправа простреливалась. Саперам и стрелкам потребовалось пару часов, чтобы уничтожить огневую точку. Некоторые подразделения сумели переправиться по льду.

Наш 899-й полк вошел в прорыв и сосредоточился в лесу под селением Бела Гура. Мы здесь заняли оборону, узнав, что правее на Пилице, у населенного пункта Варка, идут жестокие бои — там, собрав силы в кулак, немцы контратакуют. На карте возле Варки обозначены холмы и лесной массив. Вражеская оборона, как видно, сохранилась — бои у Варки ведут полки 301-й дивизии. Командиром у них — Владимир Семенович Антонов. Ах эта пресловутая Пилица! Почти на двое суток затормозила она наше наступление.

Пилицу мы пересекли бегом по дощатому мосту и, когда выбрались на дорожное полотно, наткнулись на пулеметные очереди. У подножия каменистого холмика затарахтел пулемет. Наша штурмовая группа уничтожила эту огневую точку. Рядом, используя ледяной покров, пересек реку и вышел вперед батальон 902-го стрелкового полка.

Изгнание оккупантов из Варшавы — это и наша заслуга. Потому личный состав 5-й ударной удостоился награды — медали «За освобождение Варшавы». После преодоления реки Пилица в прорыв вошли соединения 1-й армии Войска польского под командованием генерала Станислава Поплавского. В обход Варшавы с запада наступала 61-я армия.

Немецким дивизиям, прежде всего инженерным частям, имевшим гитлеровский приказ — взорвать и сжечь Варшаву, грозили окружение и уничтожение. И фашисты покинули дымящиеся руины Варшавы. Пал сильнейший бастион вражеской обороны на Висле.

Теперь уже все наши войска, действующие на Берлинском направлении, вышли на оперативный простор. Начался стремительный бросок к Одеру.

…Здравомыслящие поляки, хотя теперь они в меньшинстве, объективно оценивают заслуги СССР в освобождении Польши. Награждение польских и российских ветеранов медалями «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» состоялось в российском посольстве в Варшаве. Некоторые ветераны были награждены медалью Жукова. Всего в 2005 году награды в Варшаве получили 120 польских и российских ветеранов. На праздничной церемонии присутствовал бывший глава Польского государства, ветеран Войска польского генерал Войцех Ярузельский. Россияне и поляки понесли в годы Второй мировой войны самые большие потери в процентном отношении к численности своего населения, отметил он, напомнив, что 60 лет назад бои все еще шли на фронте протяженностью почти полторы тысячи километров, где каждый день погибали тысячи российских и польских солдат. Генерал Ярузельский вспомнил своего боевого друга, подпоручика Рышарда Кулеша, убитого в бою с фашистами 18 апреля 1945 года. «Без решающего вклада СССР не было бы победы, а нас, поляков, ждало бы уничтожение», — сказал генерал…

В 2009 году газета «Правда» опубликовала воспоминания ветерана войны, полковника Ивана Ильича Кустова «600 суток на переднем крае». Во время битвы на Магнушевском плацдарме Кустов был командиром стрелковой роты 1052-го стрелкового полка 301-й стрелковой дивизии. Он пишет:

«За руководство боем при форсировании Пилицы мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Первому батальону, в который входила наша рота, предстояло ворваться в траншеи противника. Мы завязали рукопашный бой. Фашисты отступили. Преследуя врага, наша рота оказалась отрезанной от своего полка.

Мы по рации сообщили своим, где находимся, получили приказ — держаться во что бы то ни стало: помогут танками, проходы для них скоро разминируют. До вечера гитлеровцы шесть раз ходили в атаку — мы выстояли. Во время контратаки я был ранен в правое предплечье. Со жгутом на раненой руке встречал седьмую атаку неприятеля, на исходе дня. Тогда подошли наши танки».

Итоги этого боя в наградном листе заняли всего несколько строк:

«…За два дня боев ротой капитана Ивана Кустова было уничтожено 210 и захвачено в плен 25 гитлеровцев. Иван Кустов лично в этих боях уничтожил 27 фашистов. Достоин звания Героя Советского Союза».

Кроме Кустова звание Героя Советского Союза получили и двое его подчиненных: командир взвода лейтенант Герасим Киробев и пулеметчик Геннадий Ворошилов. Так в один день в роте Кустова появилось три Героя Советского Союза.

Лавина стали и огня

Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!..

Меч — это блицкриг. Фашисты получили свой блицкриг — молниеносную войну на финише. Такое им не снилось и в дурном сне. После поражения вермахта немецкий генерал Ф. В. фон Меллентин писал о Висло-Одерской стратегической операции: «Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью… Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года… Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи»[56].

Это сказал автор, которому незачем что-либо преувеличивать. Я готов целиком и полностью подтвердить правильность оценки этой обстановки.

В наступлении мы не отличали дня от ночи. Нас, пехотинцев,

в снежной мгле обгоняли танки, конница, сутки за сутками пролетали в кошмарах безостановочного движения. Продолжая наступать, наш полк прошел сквозь селения Литчизну, Завады, Выгоду, Боровины и другие населенные пункты. Боровины остались чуточку в стороне, и здесь, на пространстве, покрытом мелколесьем, от перебежчика-поляка, служившего фельдфебелем в вермахте, мы узнали, что против нас идут сводный полк СС и батальон полевой жандармерии. Сведения эти подтвердила и наша конная разведка. Предстоял встречный бой.

Командир полка приказал выдвинуть вперед и на фланги артиллерию, бронебойщиков и пулеметы. Командиры батальонов рассредоточили стрелковые роты. Батарею Александра Буймова, его 76-миллиметровые пушки, прикрыли 8-я и 9-я роты и взвод пешей разведки. И мы сразились с эсэсовцами.

Бой длился четыре часа. Наш полк вышел победителем. Были убиты 110 вражеских солдат и офицеров, многие были ранены, девять солдат противника сдались в плен, остальные рассеялись по лесам. Когда стрельба прекратилась, появились местные мужчины и женщины с торбами. Через фельдфебеля мы им передали, чтобы они занялись ранеными фрицами. Фельдфебель начал с ними разговаривать, о чем-то спрашивать, а нам сказал, что сюда уже вызван отряд из «холопских батальонов» (что-то вроде местного ополчения. — *В.С.*). Фельдфебель попросил нас насовсем отпустить его к полякам. Мы его охотно отдали, охарактеризовав: «Надежный. Славянин. Наш человек».

Трофеи подобрали солидные. Взяли пять 75-миллиметровых пушек, десяток минометов, около ста повозок с боеприпасами и продовольствием, три автомашины «БМВ» и грузовик.

А совершенно редким трофеем стало еще и боевое знамя полка СС. Автоматы «шмайссер» растащили поляки. «Не зря немцы называют поляков гиенами поля боя», — ворчал Бушин.

Боем руководил, находясь в батальонах, полковник Артемов. Умело и решительно действовали начальник разведки Полтавец, командир 3-го батальона Боровков, командир разведвзвода Рогачев и другие командиры. И рядовые проявляли чудеса храбрости. Они герои? Безусловно. Докладывая об этой операции, начальник штаба полка Маноцков запросил штаб дивизии насчет возможности награждения отличившихся. Есть и те, кого надо отметить наградами посмертно. Ответ разочаровал майора, и его худое лицо с впалыми щеками помрачнело. В телефонной трубке прозвучали слова: «Не надо. Это не бой, а стычка с противником. Бои будут потом».

Мы не забыли слово «потом». Потом в наградных документах, в реляциях мы упоминали село Боровины. Оно занесено в

«Журнал боевых действий» полка.

В городах и крупных селениях, местечках, хуторах нас поляки встречали радостно. Если город, то на улицы выходили люди с флагами стран Объединенных Наций. Наши воины быстро разучили мелодию и слова польского гимна «Марш Домбровского»[57]. Валентин Михеев, командир роты автоматчиков, ехал с автоматом и гитарой в карете, раздобытой в богатой усадьбе, на вороных конях. При исполнении им «Марша Домбровского» поляки ликовали.

Мы, однако, чувствовали, что часы праздника продлятся недолго. Зазевавшихся порой настигали пули. Командир полка потребовал отбросить кареты, вороных и спешиться. Без дисциплины пропадем. Вскоре полк пересек линию мощных долговременных фортификационных сооружений, возведенных во время Первой мировой войны.

Холмистую местность здесь рассекли «зубы дракона» — линии противотанковых надолбов и рвов. И тут же — несокрушимые казематы, крепости с подземными пакгаузами и капонирами из железобетона. Из этих гнезд врага можно было выкурить только с помощью тяжелой артиллерии, огнеметов; и бутылки с коктейлем Молотова здесь пригодились бы.

На 1-м Белорусском фронте был 516-й отдельный огнеметный танковый полк; ожидалось, что огнеметчикам найдется работа. Эти танкисты обычно действуют вместе со штурмовыми батальонами. Но, слава богу, фашисты той линией не воспользовались. Предпочли не задерживаться.

Здесь сделали краткую остановку бронетранспортер и «виллис» командарма. По поручению Берзарина ближние доты осмотрели сведущие в фортификационном искусстве офицер Андрей Полторак и саперы. Выслушав информацию А. Ф. Полторака, генерал Берзарин заметил:

— «Зубы дракона» мертвы. Видно, зуавов-смертников в Третьем рейхе не нашлось. Вся суть дела не в бетоне, а в живом существе по имени «человек»…

Немцы ретировались поспешно, но все же чья-то рука успела (видимо, рука предателя-власовца) черной краской на серой бетонной стене вывести крупно: «Смерть разбойникам Жукова!»

Мы восприняли эту грозную фразу как комплимент.

Как же они выглядели в натуре, эти «разбойники»? Ответим вкратце. Чтобы далеко не ходить за примерами, давайте вернемся к факту, о котором рассказал в своих воспоминаниях ветеран войны Владимир Жилкин. Офицер 771-го артполка поведал нам о трагедии, о захвате в десятых числах января фашистами ефрейтора Козуры из боевого охранения.

Командир дивизиона поручил тогда офицеру Жилкину в ходе боевых действий на Магнушевском плацдарме попытаться выяснить судьбу ефрейтора. Начало письма Владимира Жилкина уже изложено. Далее офицер-фронтовик вспоминает:

> «Я пошел на поиск следов Козуры не один. Со мною шел рядовой Тлегенов Муса (он казах, просил называть его русским именем Миша). Так вот Миша, помогая мне искать сборные пункты для немцев-военнопленных, охранял меня. Но, не доходя до Пилицы, Мишу ранил фашистский автоматчик. Я кое-как довел его до медпункта, как оказалось, принадлежавшего 301-й дивизии. Медики моего Мишу взяли. И теперь я мотался один, ища немцев-пленных, воевавших в окопах возле наших батарей, у селения Осемборув. Очень обрадовался, что одного такого нашел. Немец-телефонист сдался русским в плен утром 14 января, при прорыве обороны. Телефонист перед сдачей в плен присутствовал при допросе ефрейтора. Козура был окровавлен, говорить не мог, только просил воды. Просил пить, а обер-лейтенант добивался сведений о вновь прибывших на плацдарм войсках. Авиация их обнаружила. Козура повторял: “Пить, пить”. Ничего не добившись, фашистский офицер сказал другому немцу, наверное, врачу, чтобы тот умертвил ефрейтора, в блиндаж принесли медицинские инструменты, ефрейтору стали делать уколы, несчастный закрыл глаза, по его щекам потекли слезы, и он умер. Где он похоронен? Этого немец-телефонист не знал».

Ефрейтор Козура! Славный воин-жуковец! Таких враги называют «разбойник» — «Rauber». Но он — герой-патриот России! Такими гордится наша ненаглядная родина.

«…“На допросе ефрейтор назвал свое имя: ‘Иван’, шептал слова молитвы. И я тогда решил выбрать момент и сложить оружие”, — признался мне немец-связист» — этими словами заканчивает свое письмо полковник-фронтовик В. А. Жилкин.

Наступление

Дату вступления войск 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта на территорию коренной Германии можно назвать точно: 27 января 1945 года. В этот день на пути следования наших частей в городе Лукац-Крейц мы прочли надпись на фанерном

щите, прибитом к телеграфному столбу:

«Вот она, проклятая Германия!»

Выступив из Магнушева 14 января 1945 года, мы к 28 января преодолели более 500 километров. С боями, по бездорожью, сквозь ветер и снегопад. «Пехота — царица полей» — красиво звучит. Но какой тяжкий ратный труд был взвален на матушку-пехоту! Никогда не забуду одни страшные сутки марш-броска. До цели, до села Эшенбуш, надо было преодолеть что-то около 60 километров. Шли проселками и перелесками, в условиях густой снежной метели. Каждый боец был нагружен, как верблюд. Что нес солдат? Вещмешок с предметами личной гигиены и с суточным пайком. Имел набитую патронную сумку, винтовку или автомат, несколько ручных гранат. На салазках обычно волокли ящики с минами, станковые пулеметы.

У меня, офицера, этого добра не было. Я шел пешком, ведя лошадь на поводу. Проходили черные пустые селения, лесные чащи. Наконец-то показались какие-то огоньки, скопление транспорта, орудия. Эшенбуш! Шли очень долго, а достигли поселка после полуночи. Я полностью потерял способность передвигаться. Ординарец взял мою лошадь и пошел искать хозвзвод, чтобы лошадь накормить, а я, отпустив его, забрался внутрь какого-то помещения, где при свете керосинового фонаря спали вповалку люди.

Кто-то уступил мне место в углу, где я сел на пол. Нет, я не уснул — я просто потерял сознание. Очнулся примерно через четыре часа. Разбудил меня запах нашатырного спирта. Это так будил меня штабной шифровальщик лейтенант Жевак. Он смеялся. «Штаб дивизии срочно требует донесение о потерях!» — объяснил он мне свой поступок.

Я разыскал наш «зуммер», переговорил с подразделениями. Мне дали цифру — потеряно девять человек. Кроме того, недосчитываемся одного офицера. Этот политработник прислан нам всего месяц назад. Весьма заметен был: колоритен — в белом полушубке и коня подобрал белой масти. И вот потерялся. С солдатами — ясно, кого-то, оторвавшегося, подберет другая часть. А кто-то, обессилев, упал в буерак-колдобину, и его замело снегом. Но куда девался офицер? Спросил о нем лейтенанта-смершевца. Контрразведчик шепнул мне: «Известно одно. Этот Дуков неделю назад в фольварке дамами интересовался». Продолжать разговор не стали. «Юбочную» версию подтвердил заместитель командира полка по политчасти майор А. З. Суслин. При разговоре с глазу на глаз он начал философствовать: мол, на пути воюющих больше всего страдают курица и женщина. И заключил: «Дуков вляпался».

— Погоны сорвали? — спросил я.

— Хуже, — ответил майор и пальцем коснулся своего виска.

Я понял так: подозреваемым в изнасилованиях занялись сотрудники Смерш. И у Дукова другого выхода не нашлось. Когда кончилась война, мне пришлось отвечать на письма родных Дукова. Они вполне резонно требовали конкретного ответа. А что наш штаб мог им сообщить? Жалко ведь родственников, они потеряли близкого человека. Мы послали в райвоенкомат, который призвал его в армию, извещение-похоронку: «В такой-то местности пропал без вести». Это была моя инициатива.

Эшенбуш — первое селение, откуда жители-немцы не успели бежать. Мы, офицеры, проследили, чтобы жителей солдаты не обижали. И в штаб жалоб не поступало. Тогда при различных ЧП сигнал мог дойти до прокуратуры, до Смерш. Случай с Дуковым показал, что только одно разбирательство может оказаться роковым.

И все же бойцы вступали с населением в общение. Мой связной, ушлый саратовчанин Алик Циммерман, как оказалось, умеет бегло разговаривать на немецком языке. И людям это понравилось. Когда, отдохнув сутки, мы отсюда уходили, Алик рассказал мне, что хозяйка дома, где он ночевал, подобрала ему невесту и уговаривала его остаться в Эшенбуше бургомистром.

— Ты немец? — спрашивали его женщины.

— Нет, я русский, — отвечал Алик. — Но я в школе учил немецкий язык, не щадя живота своего.

Алик объяснил происхождение своей фамилии. Она — придуманная. У него рано умерли родители, с шести лет бродяжничал. Какой-либо официальной бумажки с фамилией не имел. Определили в сиротский дом, где директором был российский немец. Безымянным детям, попавшим ему под опеку, он присваивал фамилии, одного сорванца записывал в книгу учета под фамилией «Бетховен», другого «Шиллер», третьего «Бисмарк». Алику досталась кличка «Циммерман». В районо директору потом сделали замечание. Должны же быть у бродяжек родственники, их искать надо. Тогда и фамилии не придется выдумывать.

…Не хотелось уходить из гостеприимного Эшенбуша, но надо. С войной надо закругляться.

Одер — река германской судьбы

В тот переход по бетонной автостраде мы быстро одолели 20 километров. Подошли к городу Фридберг. Перед нами через

город прошли наши авангарды. С балконов зданий, над магазинами, различными учреждениями свешивались белые и красные полотнища. Город обстреливался, но значительных разрушений мы не увидели. В лесных колках, куда проникли наши разведчики, взяли бродячих пленных до сорока человек. Они напоминали дезертиров и сами в этом признавались. Валялось немало военной техники. Ее пересчитывали, чтобы отчитаться перед вышестоящими штабами. Исправные грузовики — вот что ценилось. Поэтому верблюдов и лошадей в подразделениях наших поуменьшилось.

Из Фридберга, не делая передышки, пошли на город Нойдамм. Знали, что в Нойдамме засел немецкий гарнизон, есть артиллерия и танки. Об этом предупреждали пленные. Это серьезно, предстоит бой. По пути к этому городу попалось селение Хоккенвальде. Но оттуда за час до нашего появления вышел полк 94-й гвардейской дивизии. Селение горело. Мы узнали, что в окрестностях Хоккенвальде убит полковник Г. Н. Шостацкий. Шофер его вездехода принял вооруженную группу немцев за своих. Печально… Наверное, сплоховала разведка. Как это опасно — допустить беспечность.

Достигнув фольварка Бар с кирпичным заводиком, нам пришлось остановиться. Со стороны заводской трубы сначала дал несколько очередей крупнокалиберный пулемет, потом его сменил ручной Мг-34. Вдруг сбоку из оврага картинно выскочила группа конников. На всадниках черные черкески с алыми башлыками, головы увенчаны кубанками. Казаки лихо проскочили сквозь огненную полосу и исчезли. Меня «ансамбль» развеселил. К чему эти черкески? Перестреляют, как куропаток. И откуда храбрецы? Уж не разведчики ли из 94-й?

— Нет, — пояснил находившийся рядом со мной Николай Полтавец в такой же кубанке. — Пожалуй, это ребятки из кавкорпуса генерала Белова. Вчера я на соседней магистрали видел их эскадроны, они вихрем неслись вместе со снежной бурей.

А кирпичный заводик не умолкает, строчит. Комполка приказал батарее 76-миллиметровых пушек Буймова уничтожить пулеметные гнезда. Артиллеристы свое дело знали. На завод было послано до десятка снарядов. И огонь прекратился. Над заводом поднялся огненный столб.

Преодолели еще пару километров пути. Навстречу мимо нас по направлению в тыл по шоссе двигалась цепочка тридцатьчетверок. Передний танк остановился. Открылся люк, и оттуда выбросили записку. Подобрали мы ее и прочли: «Город занят немцами. Там наших нет. У нас другая задача».

Танки, обдав нас гарью, укатили.

А вот уже краснокирпичные, краснокрышие дома в четыре — пять этажей. После некоторых мер по подготовке к штурму города бой за Нойдамм начался.

Баррикад не было, стреляли из подъездов, с крыш. Наши пехотинцы отвечали огнем, перебегая от дома к дому, продвигаясь к центру города, к кирхе, к ратуше. Фашистов выбили с окраины, они отступили. В черту города, на мостовую выехали наш обоз в конских упряжках, санитарные повозки. И это было ошибкой. А на войне за ошибку чаще всего расплачиваются кровью.

Как оказалось, на городской площади у ратуши разместилась батарея немецких зенитных орудий «эрликон». Пушки стали бить настильным огнем вдоль улиц. Телеги разнесло в щепки, бились в упряжах на асфальте раненые лошади. Погибли и попавшие под огонь ездовые, часть медперсонала.

Когда же наш штурмовой отряд прорвался к «эрликонам», обнаружилось, что там, у вычислительных устройств, суетятся женщины в униформе солдат вермахта. С ними поступили без жалости, никого не пленили. На войне как на войне! Они, эти зенитчицы, выполняя приказ своего командира, действовали, как железные винтики «эрликонов»; они приняли смерть достойно. Никто не услышал ни воплей, ни визгов.

Немцы раньше славились прочностью семейных устоев. Они писали и говорили, что место женщины в жизни — в трех «к»: «кюхе» — «киндер» — «кирхе». Гитлеровцы нашли ей четвертое место — у «эрликонов».

С Нойдаммом покончено. Привал. Еще привал. Что у нас впереди? Впереди — река Одер. За Одером — городок Гросс-Нойендорф. Наша задача — занять Гросс-Нойендорф. В «Воспоминаниях солдата» генерал вермахта Гудериан не мог не сказать об одном крупном событии той войны: «1 февраля у Кюстрина русские вышли к Одеру…»

Наши войска вышли к Одеру не только у Кюстрина. Нашими войсками был занят берег реки протяженностью до 30 километров.

Части и соединения 5-й ударной армии первыми из войсковых объединений 1-го Белорусского фронта, сокрушив приодерскую вражескую оборону, завязали сражение непосредственно на Одере. 31 января — 1 февраля 248-я стрелковая дивизия (Н. З. Галай), 89-я гвардейская дивизия (Х. Ф. Есипенко), 94-я гвардейская дивизия перешагнули этот мощный водный барьер для того, чтобы закрепиться на захваченных плацдармах. Форсировали Одер с ходу, без инженерных средств,

под огнем врага, по ненадежному льду, разбитому авиацией и артиллерией противника.

В это время маршал Г. К. Жуков передал генералу Берзарину и военному совету армии письмо-обращение:

> «…На 5-ю Ударную армию возложена особо ответственная задача — удержать занимаемый плацдарм на западном берегу реки Одер и расширить его хотя бы до 20 километров по фронту и до 10–12 километров в глубину.
>
> Я вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от всех исключительной стойкости и доблести.
>
> Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха.
>
> *Г. Жуков».*

Ответом на эту просьбу могло быть только дело.

Военный совет армии призвал бойцов, сержантов, офицеров и генералов: «Основным законом каждого солдата, офицера и генерала, ведущего бой на плацдарме, должно быть — ни шагу назад!»

Командный пункт маршала Жукова с начала февраля размещался в городе Нойдамм. Оттуда и было доставлено в нашу армию жуковское письмо.

Обстановка отчаянная. Наступая таким темпом, войска выдохлись.

Маршал Жуков, обращаясь к Берзарину с письмом, просит генерала и его людей, не полагаясь на подкрепления, удержать завоеванный плацдарм. Завоевала его в ночь с 1 на 2 февраля прежде всего наша 248-я стрелковая дивизия. На мою горемычную долю выпало непосредственное, личное участие в том страшном бою, когда дело доходило до использования гранат и штыков. Расскажу в деталях, как дрались мы за этот плацдарм.

…Утро 1 февраля 1945 года. Мы на марше, в душе — черно. И потому, что погребли несколько однополчан в Нойдамме, в том числе и одного врача. И потому, что впереди зловещий Одер. Погода похожа на весеннюю. Пасмурно. Поля подтаивают. Достигли Фюрстенфельде, где сделали привал. Главный наш снабженец расщедрился, распорядился приготовить после первого и второго блюда еще и крепко заваренный чай с сахаром вволю. Мы отгоняли от себя ту мысль, что, возможно, ужина не будет.

Надеяться нам не на кого. Шоссе пустынно — только наш

полк. Полк движется в авангарде. Все шагают, и всем тоскливо, и это понятно. Впереди нас — рубеж, Одер, а за ним — Берлин. Ведь там — Верховное командование самой сильной армии в мире, там — мощь, там — сам Адольф Гитлер. Слева и справа, где-то тоже движутся такие же, как наш, стрелковые полки, измотанные в походе, они идут такими же полями и перелесками. Бронетехники не видно, и артиллерии, кроме полковой, — нет.

Природа послала плохую видимость, небо закрывают тучи. В этом — спасение. Немецкие «юнкерсы» стали появляться чаще. Снизившись, они сбрасывают на магистраль бомбочки, дают пулеметные очереди. Отваливают в сторону — боятся наших зенитных пулеметов.

Несколько часов я в седле. Устал, но и идти пешком не хочется. Догнал меня на своей киргизской лошадке майор Косяк. По солдатской терминологии — «Бабай», то есть дедушка. Как я уже сказал, наш главный снабженец. Ему под пятьдесят. Конармеец в Гражданскую войну.

Стефан Косяк знаменит, он — человек-легенда. В изданной на Украине книге «Трипольская трагедия»[58] он — один из персонажей повествования. Один из четырех комсомолят, оставшихся в живых после того, как свирепый атаман Зеленый, за которым они гонялись, истребил поголовно весь красноармейский отряд.

Двигаясь на конях бок о бок, мы разговорились. Косяк поникшим голосом сказал:

— Почему-то возникли в сознании белые хатенки Триполья, Днепр и атаман Зеленый…

— Забудьте Зеленого, Стефан Иванович, — ответил я. — Допотопная история. Мы теперь в Бранденбургской провинции, столичной провинции Германии.

— Для меня история не допотопная, не уходит из памяти, словно все происходило вчера, — объяснил Косяк. — Мы были такими молодыми, юными, все для нас казалось простым.

— Стефан Иванович, понимаю вас хорошо. И я иногда погружаюсь в мистику.

— Не мистика, голубчик, а предчувствие надвигающейся беды. В самом деле, едем так, словно нас ждет теща, добрая тетка. А наткнемся мы на стальной кулак. Мы в роли птенчиков. Где танковая поддержка? Где мостопонтонные части? Где, наконец, прикрытие с воздуха? До Берлина — всего семьдесят километров. Они подготовили засаду. Они нанесут контрудар, чем отбиваться? Сорокапятками? От «тигров» и «пантер»?

— Спорить не стану, — ответил я. — Как всегда, вся надежда на выносливость Ваньки-солдата. Наверное, и Жуков сейчас рвет

на голове волосы. От невозможности помочь нам. И у Берзарина добавляется седина. У них карманы пусты. Неплохо то, что нам помогает накопленная инерция наступления. Пока противник откатывается, скоро заблестит река Одер. Водная преграда. Но такие преграды мы уже видели…

Помолчав, Косяк тронул коня. У Стефана Ивановича дети и внуки в Киеве, скучает по ним. Стефану Ивановичу выговориться захотелось. Знает ведь, что ради заморских союзничков стараемся. И страдаем. Наши тылы отстали, бронетехника отстала из-за нехватки горючего. Мехчасти увязли в грязи. Янки и томми там, за морем, труса празднуют, а мы, русские, отдуваемся за всех этих прохиндеев.

Остановить камень, стронутый на склоне горы, невозможно.

В 17.00 через фольварк Клоссов и прибрежные лесные массивы батальоны наши вышли на поемные луга у реки Одер. На противоположном берегу в сумерках все же можно различить смутные очертания островерхих построек крупного немецкого населенного пункта.

Это — Гросс-Нойендорф.

Там, как это и отмечено на наших картах, имеются защитные земляные дамбы с вкраплением железобетона — эти дамбы спасают селение от разлива вешних вод. Нечего и строить догадки, насыпь нынче — это система огневых точек. На карте здесь значились выселок в пять-шесть домиков, паромная переправа. Причал есть и паром есть, вмерзший в лед. На реке сохранился ледовый покров. Пехота, обозы, пушки полковые — пройдут! Странно, что немцы нас сюда пропустили. Несколько пулеметов могли нас остановить. Серьезное упущение немецких командиров.

Немецкие наблюдательные посты не могли не обнаружить сосредоточение русских в пойме Одера, они всполошились. И был открыт массированный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь по боевым порядкам нашего полка. Ледяной покров был достаточно прочным, но немецкие бомбардировщики, наверное, с утра его бомбили. Имелись воронки, через которые била вода. А теперь лед разрушали артиллерия и минометы.

По плану боя немедля развернулся 2-й стрелковый батальон под командованием майора Василия Пархоменко. Бойцы по талому снегу и заполненным водой тропинкам выдвинулись на лед и цепями пошли вперед. Поверх льда шла вода, плотный огонь мешал продвижению наших стрелков, кое-где их цепи ложились на лед в воду. Губительно это!

Атака могла захлебнуться, такая перспектива встревожила полковника Артемова. Командир полка сказал нам, штабным

офицерам, что надо немедленно вмешаться. Мы должны бежать на лед, поднять стрелков и с ними вырваться на берег. Нельзя терять ни секунды.

Три капитана, в их числе и я, пишущий эти строки, а также полковой инженер Сергей Бирюков и начхим Михаил Пороцкий побежали и, перепрыгивая через бурлящие потоки, достигли цепей, увидели симптомы надвигающейся катастрофы. Люди лежат в воде, голов поднять не могут. Мы бегаем во весь рост, кричим. Свистят пули, свинцовый ливень. Упал, обливаясь кровью, Миша Пороцкий. Солдаты, увидев офицеров, все же поднялись и сумасшедшим вихрем бросились к берегу. Падали убитые и раненые. Но кто-то вырвался на землю.

Перед моей группой солдат на берегу оказалось кладбище. Из-за каменных и бетонных глыб стреляли засевшие среди обелисков гитлеровцы. Но тут легче, и нас камни прикрывают. Здесь — земля. Видим мы и повозки с боеприпасами, видим полковую пушку. Шум боя доносится с улиц селения. Наши роты добрались до улиц Гросс-Нойендорфа, завязали бои среди жилых построек. Гросс-Нойендорф — не конечная наша цель. Должен быть плацдарм, а для этого надо захватить еще и соседнее маленькое селение Ортвиг.

К Ортвигу стали откатываться и фашисты. На Ортвиг обязаны наступать и соседи из второго эшелона, подразделения 902-го стрелкового полка. У них задача «сладкая» — захватить сахарный завод. И с наших позиций слышно было, что там, у сахарного завода, идет жаркая перестрелка. Значит, 902-й полк у своей цели. Крепкий орешек завод — заборы бетонные, кирпичные стены, подвалы. Крепость! И она в руках 902-го. Сначала взяли кондитерский цех, потом ликерный…

Через час-полтора немцы опомнились, они контратаковали наши позиции. Причем фашисты подтянули танки, которые гремели и изрыгали огонь юго-восточнее и северо-восточнее Ортвига. И много танков — до полусотни. Была ночь, но от пожаров и осветительных ракет движение танков можно было различить. С ними сразились перемахнувшие через Одер противотанковые наши пушки. И запылала вражеская броня. Мужественные артиллеристы героически сражались и, не отступая ни на шаг, погибали. К вражеским позициям на бронетранспортерах подбрасывалась пехота. А нашему полку помощи — никакой!

Наши солдаты сражались, но обстановка ухудшалась. У врага — численное превосходство — и в людях, и в технике. Рота противотанковых ружей, которой командовал Борис Толокнов[59], вступила в единоборство с «тигром». Истребители танков сумели

поджечь «тигра», а потом вступили в бой с самоходным орудием. Пуля сразила Толокнова…

Рядом, в каменном строении, гитлеровцы окружили взвод лейтенанта В. П. Селезнева. Солдаты Селезнева сражались до конца и сгорели в своей крепости. Лейтенант А. В. Рыкованов занял кирпичный сарай, отбивался до последнего патрона, причем его он оставил для себя. В этом жестоком бою за Одерский плацдарм пали смертью храбрых заместитель командира роты лейтенант Ф. И. Жариков, командир роты лейтенант М. Т. Потапов и другие офицеры.

А вот еще редкостный эпизод, относящийся к разряду чудес героизма. Когда уже стало ясно, что Ортвиг мы потеряли, оттуда до командного пункта С. Г. Артемова добрался связист и доложил, что там, фактически в тылу у немцев, на земляной дамбе закрепились и обороняются автоматчики со своим командиром Михеевым. Старшему лейтенанту Михееву приказали оставить свой рубеж и соединиться с основными силами. И через некоторое время командир полка узрел и самого храбреца. Он, воюя на дамбе до рассвета, сумел выдержать натиск врага, не потеряв ни одного солдата. Держался бы и дольше, но не осталось боеприпасов.

Валентин Михеев, бывший моряк, а на гражданке артист, побывал в 1941 году в плену у немцев, перенес пытки и издевательства. Бежал из плена, сохранив где-то в обуви корочку от удостоверения командира со своей фамилией. И его без помех восстановили в офицерском звании. Михеев люто ненавидел фашистов. Живого немца видеть не мог. Видимо, произошел психический сдвиг — увидев пленного, рвался, чтобы прикончить его. Михеева, видно, следовало бы убрать с передовой. Но было не до того! Сам Михеев в конце концов не выжил. В Берлине при штурме рейхсканцелярии сложил-таки свою буйную головушку.

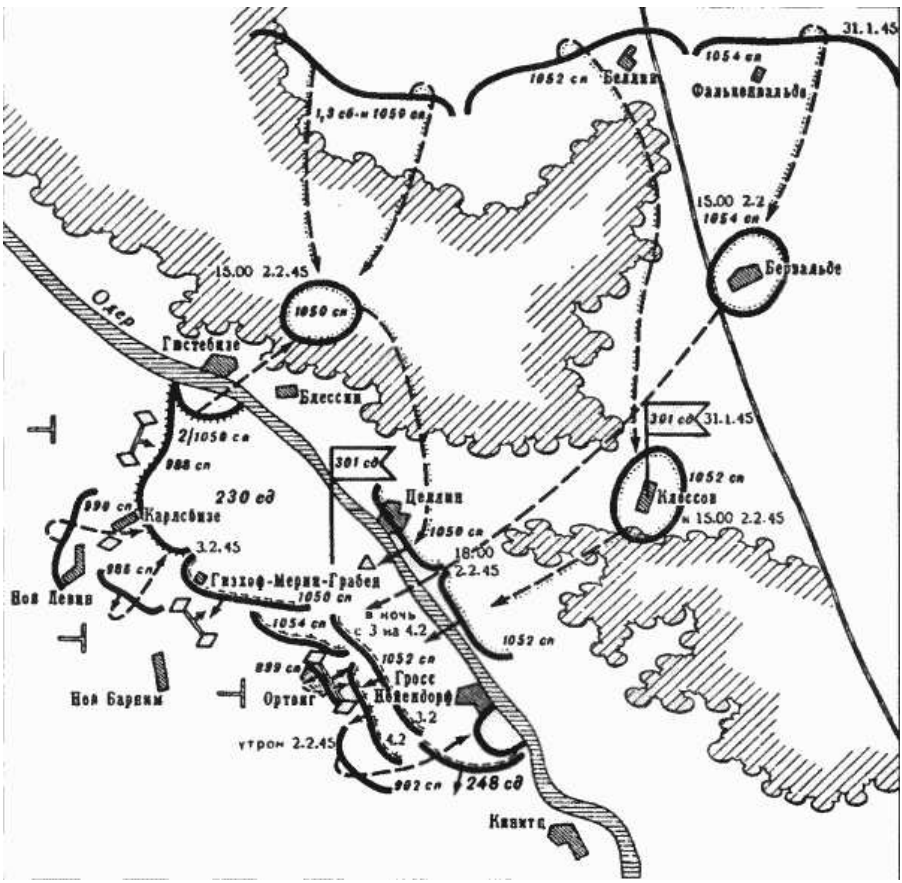
Мои однополчане и вся 248-я захватили Гросс-Нойендорф, закрепились за Одером, остались там лицом к лицу с врагом. Захваченные в плен немецкие солдаты показывали, что к Гросс-Нойендорфу переброшена хорошо укомплектованная мотострелковая дивизия. Немецкая пехота, поддержанная танками, выбила 899-й стрелковый полк из Ортвига. Наши роты отошли к западной окраине Гросс-Нойендорфа на позиции оставшихся там наших подразделений. Несколько взводов пехоты, искупавшись в Одере, вернулись на исходные рубежи к Клоссову.

Хотя мы и удерживали вместе с 902-м полком занятый плацдарм, но 899-й в этой важной операции лаврами не был увенчан. Комдив находился в Ортвиге в 902-м полку на КП у подполковника Ленева, устроенном на территории сахарного

завода. Там были пушки 771-го артполка. Они отбивали атаки немецких сил.

Ситуация, сложившаяся на участке 899-го полка, раздражала маршала Г. К. Жукова и генерала Н. Э. Берзарина. Где-то недалеко от Клоссова находился их КП. Туда были вызваны лично командир полка Сергей Артемов и начальник штаба Вениамин Маноцков. Им пришлось давать объяснение случившемуся. Маноцков позже мне подробно рассказал об этой встрече с командармом.

Они с командиром полка проехали километров пять на лошадях. На берегу Одера стояло бревенчатое строение, заваленное досками. Тут же — настил для сушки сена, рядом — сторожка. В ней и был Берзарин в черной казачьей бурке. Сидел и что-то писал порученец Жукова.



Бой на Одерском плацдарме у Гросс-Нойендорфа

Состоялся напряженный диалог.

— Товарищ Артемов, — сказал Берзарин. — Вы знаете, что

полк Ленева, заняв сахарный завод, удержался? Комполка представлен к званию Героя Советского Союза. А вы свою дамбу бросили на произвол судьбы. В чем дело?

— Дамба, товарищ генерал-лейтенант, — это земляная насыпь. Нас раздавила моторизованная дивизия. Потеряли там две трети батальона. Теперь мы нашли место, где бетон и кирпич, и обороняемся. Против остатков полка — немецкая дивизия, и подошла еще бригада.

— Дорогой мой полковник, — несколько оттаяв, произнес Берзарин. — Сколько вам лет?

— Скоро будет двадцать девять. В мае…

— Взрослый вроде бы человек, — уже спокойно произнес генерал. — Вражеские силы существуют не для того, чтобы их пересчитывать. А чтобы их громить. Вы же ранее занятые позиции уступили врагу. Частично уступили. Их придется возвращать. Мы дадим вам противотанковый дивизион. Комдив Галай дает из второго эшелона батальон 905-го стрелкового полка. Хватит вам?

— Мы тоже перегруппируем силы, — доложил Маноцков. — Батальоны окопались, боеприпасы есть. Свои позиции удержим, товарищ генерал!

— Добро! — заключил командарм. — Ступайте.

Впоследствии мы, офицеры и бойцы 899-го стрелкового полка, нередко слышали слова нарекания, явно несправедливые. За то, что вызвали волнение в высших штабах. Лично себя я ни в чем не мог упрекнуть. Попав на лед Одера, я, служа живой мишенью, поднял в атаку роту стрелков. Мы захватили вражеские траншеи и надолбы на окраине Гросс-Нойендорфа. Тогда, в ночь с 1 на 2 февраля, немецкая пуля раздробила мои кости. Спасибо расчету 76-миллиметрового орудия, возле которого я упал. Пушкари перевязали раны, вытащили с поля боя. На некоторое время я выбыл из строя. С ранением в грудь и руку, в бинтах лежал сначала в Клоссове, в санроте. А полк остался на своем плацдарме, воевал там в течение всего февраля и до середины марта. А 24 марта 1945 года, после выполнения своей боевой задачи, наш полк и всю 248-ю дивизию перебросили под город Кюстрин. С этого рубежа в апреле войска 1-го Белорусского фронта двинулись на Берлин. Меня эвакуировали в полевой госпиталь в Нойдамм. Там нас, раненых солдат и офицеров, посетил Николай Эрастович Берзарин. Он беседовал с нами, вручил награды. Я получил орден Отечественной войны II степени.

На другой день я, прогуливаясь во дворе госпиталя, увидел офицера, который направлялся к подъезду нашего корпуса. Узнал его по походке. Такая походка бывает только у прирожденных

артиллеристов. Я бы назвал ее королевской. Да, это Владимир Жилкин, командир взвода управления из нашего 771-го артполка.

Владимир подошел ко мне. Я поинтересовался, какими судьбами его занесло сюда, в Нойдамм. Он объяснил:

— В дивизиях по распоряжению командарма формируются команды для отправки сюда, в «дом отдыха». Санчасти посылают сюда с передовой ослабевших и измотанных бойцов. Красноармейцам нравится этот курорт. Ванны, парикмахерские с одеколоном. Медосмотр и лечение, если необходимо. Витамины. Я привез своих ребят — разведчиков, связистов.

Я повел Жилкина в кинозал, где ожидалось выступление московских артистов. Приехала даже Клавдия Шульженко. Сам командарм, генерал Берзарин пригласил сюда, на Одер, звезду эстрады, харьковчанку Клавдию Ивановну. Голос ее должны услышать герои перед штурмом Берлина. Услышали они песни и романсы «Синий платочек», «Молчание», «Руки», «Голубка»… Исполнена была и любимая командармом песня «Мой костер».

В зале рядом со мной сидел командир роты, капитан из 301-й стрелковой дивизии Сагадат Нурмагамбетов, Герой Советского Союза. Он сражался на Кюстринском плацдарме. Берзарин сказал о нем: «Герой — джигит». С ним были его однополчане: отважные артиллеристы, командиры расчетов 45-миллиметровых орудий, кавалеры орденов Славы Василий Иванов и Зиновий Савин. Свеженькие орденоносцы! Награждены за бои на Одере…

В госпитальных палатах оказались корреспонденты из «Красной звезды», два подполковника — П. Трояновский и Л. Высокоостровский. Они рассказали нам о своих встречах с генералом Берзариным.

— Мы, — сказал Трояновский, — просили Николая Эрастовича разрешить нам хотя бы на ночь перебраться за Одер. Но генерал не позволил, он нам сказал: «Я очень уважаю печать. И понимаю ваши намерения. Но сейчас нельзя. Пока рановато, с часу на час обстановка может осложниться — ждем вскрытия реки. Тогда вы там застрянете на несколько дней. А я понимаю так: газете нужны оперативные материалы. — Помолчав, генерал добавил: — Никакая сила нас с того берега уже не столкнет. Дополнительно переправляем туда артиллерию, зенитки».

Берзарин посоветовал осветить в «Красной звезде» подвиг командира батареи 902-го стрелкового полка капитана С. Седукевича. Этого капитана, бледного, худого, корреспонденты нашли у нас же. Офицер рассказал журналистам:

— Да, в первый день шли на нас тридцать танков и бронетранспортеров. Мы их бьем, они идут. Ведем самый беглый огонь, такой беглый, на какой только способны. Кострами пылают

подбитые машины. А остальные идут. Вот упал наш боец Попов. Потом падает Кучеренко, и скоро у нас осталось только одно орудие. Но я должен сказать: одно орудие — тоже немалая сила. Но вот упал наводчик. Встал на его место…

— Нам рассказывали, что вы были дважды ранены и оставались в строю…

— Все раненые оставались в строю, — ответил офицер.

Вошедший в палату врач добавил, что Седукевич получил пять ран. Сказав это, врач попросил гостей дать раненому немножко отдохнуть.

…Много лет спусти, 18 марта 1980 года, подполковник в отставке П. Трояновский опубликовал в «Красной звезде» очерк «Подвиг на Одере», в котором также рассказал о мужестве командира полка Георгия Ленева. При этом, однако, отметил, что он, руководя боем, допустил не одну оплошность. Он мог бы помочь, например, стрелкам 899-го полка артогнем тогда, когда враг штурмовал дамбу и бойцам нечем было отбить натиск превосходящих броневых сил немцев. Я сам слышал, как полковник Артемов, встретившись с Леневым на праздновании трехлетия дивизии, вспомнил о критических замечаниях командарма в адрес штабов 902-го и 899-го полков, не сумевших в боях за Одер наладить толковое взаимодействие.

Глава шестая
МЕСТО ЕГО — БЕРЛИН

Фаустники

Пословица гласит: «У Бога всего много», в том числе и времени. Человекоподобным существам в Берлине, затеявшим Вторую мировую войну, времени не хватило. Вернер фон Браун, главный конструктор научно-исследовательского центра на полигоне «Пенемюнде» на острове Узедом в Балтийском море, не успел выковать новое сверхмощное оружие, а именно комплекс «фау». Серьезные надежды гитлеровцы возлагали и на атомную бомбу, однако в необходимые сроки они ее сделать не сумели.

Гитлеровцы, однако, успели сделать кое-что новое к началу боев за Берлин. Они сконструировали и изготовили в огромных количествах надкалиберную кумулятивную гранату в двух вариантах — Ф-1 и Ф-2. Первая весом 5,35 килограмма, вторая — 3,25 килограмма. Речь я веду о том самом оружии, которое фронтовикам известно, — о фаустпатроне. Аналогов в нашей армии не было. Имелись гранаты для броска мускульной силой бойца. Но, скажем, «лимонку» с фаустпатроном сравнивать нельзя.

В сражении под Гросс-Нойендорфом, на том участке, где я получил ранение, фаустпатронов не встречалось. О них мне рассказал офицер из 94-й гвардейской дивизии Николай Дронь, с которым я лежал в госпитале в одной палате. Он поведал мне, что гвардейцы на Одере захватили целый склад с гранатами Ф-1 и Ф-2. И из штаба Н. Э. Берзарина получили приказ: научить наших солдат и офицеров пользоваться «Фаустами».

«Я — репортер, — сказал мне капитан Дронь. — Даже нас, редакционных работников, взяли на полевые занятия. Дивизионный инженер показал нам устройство гранаты. Потом мы превратились в фаустников. Я взял на прицел крупное дерево — березу, у основания ствола. И не промахнулся. Немецкая кумулятивная граната ударила в дерево, взорвалась, и дерево взрыв срезал, оставив немалую воронку. Вот это — мощь взрыва! Расстояние до моей березы оказалось больше пятидесяти метров».

Рассказ капитана произвел на нас впечатление. Мы поняли, что эти гранаты нас встретят в предстоящем наступлении. Вот чем угостят берлинцы нашего Ваньку!

Ну а как построена оборона Берлина? Над этим вопросом

особенно не задумывались. Что касается меня, то я лично знал намного больше остальных. Дело в том, что на подходе к Одеру, в Нойдамме, нашему полку сдался в плен немецкий инженер — капитан, строивший оборонительные рубежи на подступах к столице и в самом городе. Немецкого капитана взяли в фольварке, куда он приехал к родителям в отпуск, потом прятался, ожидая подхода русских войск. Назвал себя Генрихом Гергелем. У Генриха оказался довольно подробный план Большого Берлина и его обширных пригородов. Прежде чем отправить немца-инженера в штаб дивизии, мы с ним беседовали часа два. Хорошенько познакомились с планом.

План что надо. Такой план, безусловно, имел ценность для высших штабов. Что сразу бросалось в глаза — удобная для немецких войск местность на подступах к столице. Множество городов и городков, заводов и фольварков с крепкими каменными и кирпичными постройками, которые можно легко приспособить к круговой обороне. Между ними — леса, озера, водоемы (естественные и искусственные), речки, каналы. И на полпути от Одера до городских окраин — грозный заслон: Зееловские высоты.

Размер этой схемы-карты или, как я ее назвал, плана был метра два на полтора. И Артемов прикрепил схему на стену. Теперь все мы — а нас было человек десять — хорошо видели контуры Большого Берлина.

Немец взял со стола цветной карандаш, в юго-восточной части карты очертил довольно большой овал, захватывающий частично Шпрее и лес Букковер, частично Петтерсхаген и несколько небольших городков, примыкающих к Карлсхорсту — промышленному району города.

Сказал:

— Я работал здесь. Нам приказали укрепить эти места.

Немец сообщил, что гитлеровское командование очень озабочено своим положением в столице и предприняло попытку на подступах к городу соорудить неприступные укрепления.

Штаб Берлинского укрепленного района в соответствии с гитлеровским приказом об обороне имперской столицы заканчивает строительство оборонительных обводов — внешнего, внутреннего и городского. Основные инженерные части завершили работы в городе, на городском обводе. В конце зимы стал строиться внешний оборонительный обвод. Сам гауптман видел, как перебрасывались к пригородным лесам землеройные машины, краны, конструкции, проволока.

Земляные работы, как правило, ведутся добровольцами — женщинами, детьми и стариками, в них участвует вся рабочая

сила, которую могли наскрести в городе гауляйтеры. Немцы, несмотря на плохую погоду, трудятся усердно.

Оборонительная полоса, называемая внутренним обводом, пройдет по пригородам Берлина. Конечно, там будут траншеи, огневые позиции пулеметов и минометов, на основных магистралях, ведущих в город, — баррикады, на лесных дорогах — завалы. Мосты? Как обычно, их в критический момент взорвут. Схема такова — крупные узлы сопротивления в заводских районах, поселках, между узлами — три-пять траншей. В танкоопасных местах — рвы, надолбы, другие сооружения.

Больше всего приложено усилий к тому, чтобы сделать совершенно непреодолимой оборону столицы по линии городского оборонительного обвода. Эта линия во многих местах совпадает с рингбаном — кольцевой железной дорогой — и опоясывает почти всю территорию города площадью 800 квадратных километров.

Мрачный город! Гитлеровцы прочно обмотали его постромками оборонительных линий и узлов сопротивления. Продираясь сквозь густую систему улиц и кварталов, прыгая через каналы и крыши, тянутся линии рейхсбана и форортбана — железных дорог дальнего и пригородного сообщения; они выходят к рингбану, за короткий срок все это будет превращено в сплошную многослойную, многоэшелонную линию проволочных заграждений, баррикад, огневых позиций, железобетонных бункеров…

Там, где не оказалось массивных строений, немцы строят бункеры. На эти убежища они очень надеются, их возводят, чтобы не допустить продвижения русских к черте города.

Мы поинтересовались у гауптмана: что это за бункеры? Сколько их? Немецкий офицер-строитель ответил, что их много. Скажем, в секторе, где работала его часть, их больше сорока. Вы знаете, пояснил немец, что жилой дом против авиации, танков и пехоты долго держаться не может, его разрушат. Авиационная бомба весом 500 килограммов пробивает пятиэтажный дом до подвала. Надземным оборонительным сооружением стали делать бункер. На Зееловских высотах возведены бункеры из железобетона толщиной до полутора метров. В тех местах, куда могут пройти танки, стены бункеров еще толще. Амбразуры защищены броневыми плитами.

— Значит, это крепости? — спросил немца наш полковник.

— О да! — согласился немец. — Это настоящий форт. Пять-шесть этажей. В такую цитадель можно поместить гарнизон из полного батальона, а то и больше.

Между бункерами, вдоль каналов, есть колпаки полевого

типа. Туда поместят пулеметчиков.

С точки зрения обороны гитлеровцы все продумали довольно тщательно. Они рассчитывали на то, что им удастся продержаться в Берлине много месяцев, а за это время политическая обстановка изменится в их пользу.

Обстановка, это стало очевидным для всего мира, к лучшему для нацистской Германии не менялась.

Наши союзники по антигитлеровской коалиции против армий Гитлера ничего существенного не предпринимали. Было, однако, понимание, что полное бездействие им не добавит уважения. Кто-то предложил сотворить акцию устрашения. В начале февраля 1945 года штаб генерала Эйзенхауэра спланировал и осуществил грандиозную военно-воздушную операцию не с целью ослабления противника, а напоказ. Нынче бы ее назвали пиар-операцией. Жертвой избрали город Дрезден.

Дрезден — густонаселенный город. В нем не было заметной группировки войск, не было крупных предприятий по производству вооружений. С точки зрения военной Дрезден — объект пустой. Но Дрезден для Германии — часть ее великой историко-культурной сущности.

Город имеет славную историю. Дрезден с 1485 года — резиденция саксонских герцогов. С 1806 года — столица королевства Саксония. Сохранился уникальный памятник архитектуры — Цвингер, там — собранные за многие века сокровища изобразительного искусства — Дрезденская картинная галерея. В музеях города хранятся собрания фарфора, коллекция саксонских ювелирных изделий, произведения народного искусства. Из особо ценных памятников архитектуры — Дрезденский замок, Фрауэнкирхе, Опера Земпера.

13–14 февраля 1945 года англо-американская авиация совершила на Дрезден три налета, в которых участвовали 1400 бомбардировщиков. Они сбросили 3749 тонн бомб. Погибли свыше 135 тысяч человек, разрушено 35 470 зданий.

Разрушенными оказались Цвингер и другие уникальные архитектурные сооружения. В то время к Дрездену подходили войска Красной армии. Советские воины участвовали в борьбе с пожарами, удалось спасти сокровища Дрезденской галереи.

На западе войска Эйзенхауэра только делали вид, что «воюют». Уже тогда в Кремле знали, что гитлеровцы и представители США и Великобритании ведут переговоры о заключении сепаратного мира. В середине апреля 1945 года американский обозреватель Джон Гровер в радиопередаче констатировал: «Западный фронт фактически уже не существует».

Как мы видим, для гитлеровцев Второй фронт особой

опасности уже не представлял, Гитлер сосредоточил против Красной армии на Берлинском направлении четыре армии, в составе которых было 90 дивизий, в том числе 14 танковых и моторизованных, 37 отдельных полков и 98 отдельных батальонов. В этих формированиях находилось не менее миллиона человек, на их вооружении имелось примерно 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов.

Формировались части фольксштурма. Танкоистребительные отряды гитлерюгенда вооружили фаустпатронами.

Доктор Геббельс консультируется…

Что в это время происходило в Берлине, в среде нацистов? В окружении Гитлера?

В античные времена римские юристы придерживались разумного правила: «Audiatur et altera pars». В переводе с латинского языка это означает: «Следует выслушать и другую сторону».

У меня, автора, есть такая возможность.

Фюрер возложил ответственность за оборону города на Йозефа Геббельса. Его дневниковые записи опубликованы в 1977 году в Гамбурге издательством «Хофманн и Камп»[60]. Судя по записям гауляйтера Геббельса, в четверг 1 марта 1945 года в полдень у него состоялась обстоятельная беседа с генералом Власовым. Для чего ему понадобился чиновный перебежчик-дезертир? А вот для чего. Власов в 1941 году, находясь в Москве, занимал должность командующего войсками 20-й армии. Русские тогда сумели отстоять свою столицу. Отбили атаки вермахта, находившегося на окраинах Москвы. Нельзя ли воспользоваться опытом русских при обороне Большого Берлина? Власова, судя по дневниковым записям Геббельса, сопровождал его сообщник, генерал «Русской освободительной армии» Жиленков[61].

Йозеф Геббельс пожаловался Власову, что в Германии ощущается нехватка людских ресурсов для укомплектования военных формирований, старых и новых. Что делать? Многоопытный Власов ответил гауляйтеру, что в 1941 году он с согласия властей формировал подразделения из заключенных, разумеется, из уголовников, и на поле боя эти зэки проявили себя превосходно. В России призывают в армию и женщин. Мысль о формировании женских батальонов гауляйтеру понравилась.

Они, как это видно из геббельсовского дневника, говорили и о вопросах идеологии. Власов поделился своими планами на

будущее. Когда большевики в России потерпят поражение, он, Власов, в тесном сотрудничестве с Германией будет защищать права человека и под знаменем со свастикой обеспечит торжество всевозможных свобод.

Кем был А. А. Власов для гитлеровской Германии? Йозеф Геббельс в марте 1945 года разговаривал с ним как с главнокомандующим РОА. Власов согласился занять со своими войсками вместе с частями СС участок обороны возле города Кюстрин. Там будет полностью укомплектованная и оснащенная вооружением дивизия С. К. Буняченко. Она немедленно выступит на отведенные ей позиции. Уверенные в том, что решение самых сложных вопросов найдено, Геббельс и Власов расстались довольные друг другом и довольные своей собственной мудростью[62].

Из дневников Геббельса видно, что немцам весной 1945 года, когда до штурма Берлина оставалось всего несколько недель, их положение не казалось безнадежным. Напротив, они верили, что победа им «светит», она совсем близка. Они вот-вот победят, стоит только руку протянуть. Даже возведенные по углам кварталов или на магистралях бетонные огневые точки вызывали у обывателя величайший оптимизм. Берлинский бюргер рассуждал: «Это сделано лишь для успокоения народа, это ничего не значит»[63].

А советские бойцы и офицеры, готовясь к штурму твердынь Берлина, понимая, что Гитлер и его клика обречены, что они неизбежно будут уничтожены, удивлялись: «На что они, людоеды, надеются? Почему не капитулируют?»

Сто миллиардов свечей маршала Жукова

В ходе Великой Отечественной войны не было такой исключительно важной и необычной операции, как взятие Берлина. Ответственность за нее легла на маршала Георгия Константиновича Жукова. О чем думал тогда маршал? В своих мемуарах он об этом писал:

> «Размышляя о предстоящей операции, я не раз возвращался к величайшей битве под Москвой, когда мощные вражеские полчища, сосредоточившись на подступах к столице, наносили сильные удары по обороняющимся советским войскам. Еще и еще раз перебирал в памяти отдельные эпизоды, анализировал промахи сражавшихся сторон. Хотелось до деталей

учесть опыт этого сложного сражения, чтобы все лучшее использовать для проведения предстоящей операции и постараться не допустить ошибок»[64].

После войны некоторые военачальники, публикуя свои воспоминания, задавали вопрос: «А не следовало ли Жукову сразу же после форсирования Одера в феврале 1945 года ударить по Берлину и взять его?»

Г. К. Жуков ответил своим оппонентам четко и ясно: «Да, тогда до Берлина можно было добраться не только на танках, но и на легковой машине. Попасть в Берлин не сложно было. Только вот как вернуться назад? Наступление на Берлин в феврале 1945 года было бы не просто риском, а авантюрой. Если бы наши войска пошли тогда на Берлин, то немцы получили бы возможность нанести удар из Померании по правому флангу наших войск, отрезать выдвинувшиеся соединения и нарушить коммуникации фронта».

А могло ли наше наступление на Берлин и в апреле 1945 года закончиться провалом? Вполне. Прогрызть немецкую оборону вдруг оказалось бы невозможно, войска остановились на подступах к Берлину, втянулись в затяжные бои… Что тогда? Тогда — крах.

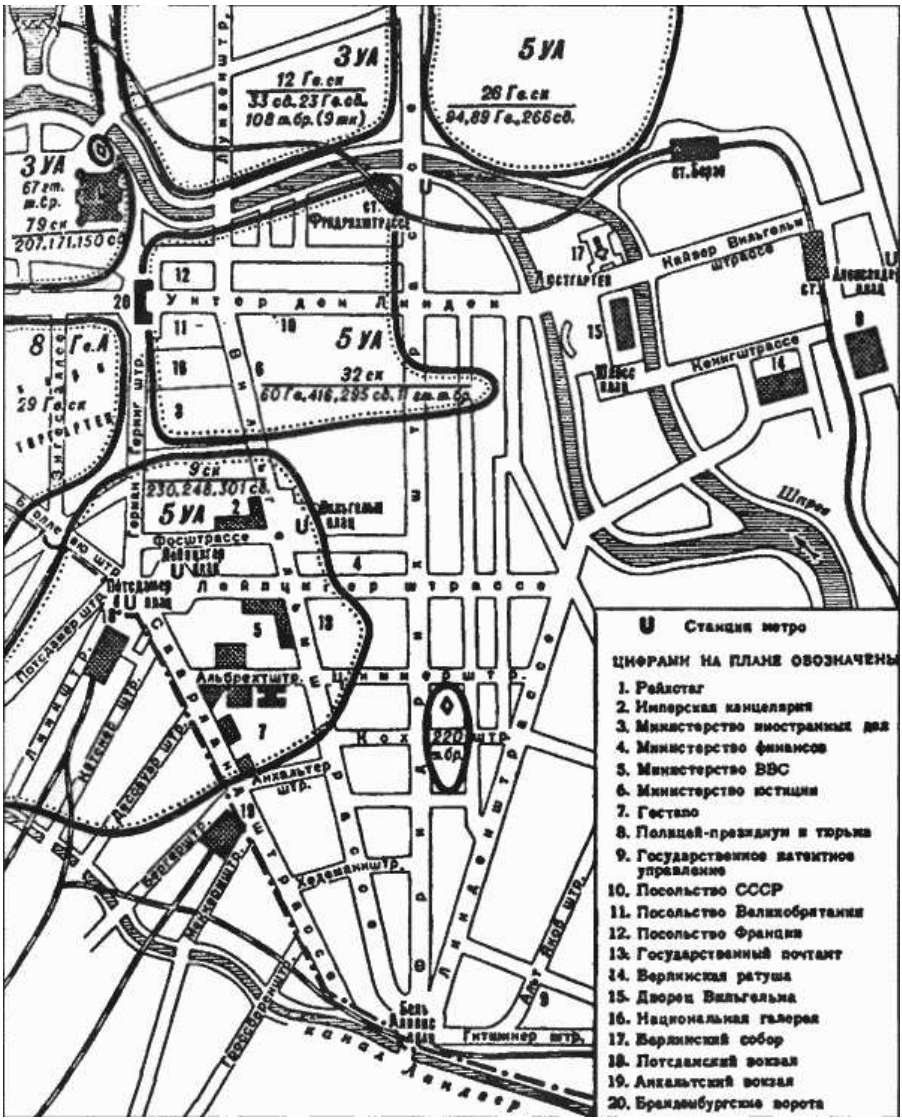
Надо нам всем знать: только военный гений наших полководцев, прежде всего маршала Жукова, позволил получить тот результат, который мы получили. Благодаря Великой Победе мы в течение десятилетий чувствовали себя людьми, а не быдлом. Не только мы, но и наши дети.

Наш народ отдал победе всё. Оснастил армию всем, что ей требовалось. В апреле, к началу наступления на Берлинском направлении, наши войска имели 14 тысяч стволов артиллерии и минометов различных калибров. Плотность артиллерии на направлении главного удара составляла 272 ствола на километр фронта, а на некоторых участках — 286 стволов.

На плацдармах у Кюстрина, где изготовилась к броску ударная армия Н. Э. Берзарина, на сравнительно узком участке фронта было сосредоточено 83 стрелковые дивизии, 1155 танков и самоходных орудий, почти вся артиллерия фронта.

В условиях глубочайшей тайны маршал Г. К. Жуков подготовил врагу свой сюрприз. Гениальный полководец, он оказался прекрасным психологом. Маршал знал, что в войсках, в окопах особенно, постоянно циркулируют слухи о том, что противная сторона готовит всяческие каверзы, может в любой момент применить «секретное оружие». В свое время в души немцев вселили ужас реактивные установки БМ-13. На боевых

машинах стояла заводская марка «К». А популярной в то время была песенка «Катюша». И прозвали наши бойцы реактивную установку «катюшей». Немецкие солдаты, попавшие в зону, где рвались снаряды «катюши», несли потери и от огня, и от страха, который порой доводил солдата до потери рассудка.



План военного совета 5-й ударной армии по разгрому ставки Гитлера в Берлине

Важно быть первым. Немецкие конструкторы изобрели шестиствольный миномет. Он и рев издавал, и осколками поражал. Но особого психологического воздействия на нас не оказывал. Миномет этот солдатская молва окрестила

«ванюшей»[65]. А какой-то фронтовой стихоплет даже стишок сочинил:

Когда «ванюшу» и «катюшу» обвенчаем,
Тогда и войну кончаем.

Оружие совершенствовалось, и страх бродил по окопам.

Немцам, конечно, чудился призрак нового оружия русских, наподобие страшной «катюши». Ожидание вселяло нервозность.

Реальна опасность или нереальна — это не имеет значения. Главное, если это возможно, противника надо испугать, деморализовать. Это — закон всякой борьбы. Георгий Константинович понимал, что очень важно ударить врага и по психике. Это на экране у некоторых актеров в кинокадрах Жуков — примитивный грубиян. Мне кажется, что на роль Жукова, полководца и человека, актер еще не родился.

Подавленные неудачами, неся все возрастающие потери, немецкие части и соединения теряли свою прежнюю боеспособность от многих факторов, в том числе и духовно-моральных. А если хотя бы на короткое время вселить в ряды противника еще большие дозы колебаний и страха? Тем более в моменты атаки? Мы окажемся в выигрыше. Игра, как говорится, стоит свеч. Это уменьшит наши потери, приблизит час победы.

И перед генеральной атакой на рубежах на плацдарме у Кюстрина, по приказу Жукова, втайне устанавливается невиданное доселе оружие. Оно особенно эффективно в ночное время. А атака планировалась на пять часов утра, за два часа до рассвета.

Новое, неизвестное врагу оружие… Оно было применено впервые за всю историю Великой Отечественной войны Красной армией на «Одер-фронте». Наших генералов Жуков о нем, разумеется, предупредил заранее.

По приказу маршала Жукова за Одером, на нашей стороне, было расставлено 140 зенитных прожекторов мощностью более 100 миллиардов свечей. Их расположили через каждые 200 метров.

Падение «Одер-фронта»

Нынче мы из генеральских мемуаров точно знаем, что стратегическая операция по прорыву обороны и наступлению на Берлин началась 16 апреля 1945 года. Однако ветераны войны, те, кто находился там, могут назвать разные даты: одни скажут,

что операция началась 12-го числа, другие — 14-го, третьи — 15-го… И, оказывается, что каждый из них прав.

Дело в том, что начиная с 12 апреля отдельные корпуса, дивизии, полки уже были задействованы в боях на этом рубеже.

Такая обстановка была предусмотрена штабными учениями (играми), проведенными маршалом Жуковым с 5 по 7 апреля. В учениях участвовали штабы со своими командармами: Н. Э. Берзариным, В. И. Чуйковым, В. И. Кузнецовым, М. Е. Катуковым и др. Генерал Берзарин заявил: «Берлин, конечно, орешек крепкий, но… По моему мнению, Берлинская операция будет скоротечной. Стремительным рывком с востока в центр города, между рекой Шпрее и Ландвер-каналом, наша армия разрубит их оборону надвое, острием кинжального удара поразит гитлеровскую Ставку. В условиях окружения города силами маршалов Жукова и Конева гарнизон капитулирует».

Возвратившись от маршала Жукова, командармы, в свою очередь, с 8 по 14 апреля тоже провели штабные игры в армиях, корпусах, дивизиях. Штабы имели схемы, карты, изготавливались макеты. Замечу, что кадровые офицеры, долгое время имеющие дело с топографическими картами, приобретают способность видеть на карте не условные обозначения, а местность «в натуре». В учениях участвовали офицеры всех родов войск.

Замысел Жукова состоял в том, чтобы ввести врага в заблуждение относительно даты наступления на Берлин. Надо было, чтобы фашисты сосредоточили на переднем крае как можно больше войск. Расчет строился на том, что эти войска противника попадут в зону огня, в котором будут участвовать и системы РГК, орудия крупных калибров. И надо сказать, что уловка вполне удалась.

Фашистское командование сочло, что наступление началось 14 апреля. Именно в тот день над немецкими позициями авиация Геринга сбросила листовки с воззванием Гитлера. Обращаясь к солдатам и офицерам вермахта, нацистский фюрер пугал их последствиями нашествия «жидовско-большевистских орд». В случае поражения, вещал фюрер, всех немцев ждет Сибирь. Далее в воззвании говорилось:

> «Мы предвидели этот удар и противопоставили ему сильный фронт. Противника встречает колоссальная сила артиллерии. Наши потери в пехоте пополняются бесчисленным количеством новых соединений, сводных формирований и частями фольксштурма, которые укрепляют фронт.
>
> Берлин останется немецким!»

Не знал фюрер, что 14 апреля — это только «цветочки», а «ягодки» впереди. Четырнадцатого, за два дня до нашего наступления, была проведена только разведка по всему фронту. Массированное участие в ней артиллерии создало впечатление, что началось главное, основное действие. Гитлеровское командование спешно перебросило из Берлина на передний край свою наиболее боеспособную 9-ю армию, которая как раз 16 апреля и была накрыта всеуничтожающим артогнем. Были и другие плюсы при реализации жуковского замысла. Военное дело относят к разряду искусств, и Жуков являлся гением в этом искусстве.

…В канун решающего сражения маршал Г. К. Жуков обратился к войскам фронта с обращением, в котором говорилось:

> «Боевые друзья!
>
> Товарищ Сталин от имени Родины и всего советского народа приказал войскам нашего фронта разбить противника на близких подступах к Берлину, захватить столицу фашистской Германии — Берлин и водрузить над ней Знамя Победы. Кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него.
>
> И призываю вас выполнить эту задачу с присущей вам воинской доблестью и славой»…

Начало генерального сражения по прорыву «Одер-фронта», как уже было сказано выше, назначили на пять часов утра по московскому времени. Ночью Одер взбивали сильные порывы северного ветра. Волны пенились и выплескивались из берегов. Через него Жуков перебросил 25 новых мостов, массу паромных переправ. Их крошила вражеская авиация, громила артиллерия, но повреждения мгновенно устранялись. И к пяти утра ветер стих. Природа насторожилась. Жуков находился на командном пункте 8-й гвардейской армии генерала-сталинградца Чуйкова. С его НП просматривалась вся приодерская местность, как когда-то видны были с Мамаева кургана приволжские просторы. Да и панорама кюстринская сильно напоминала панораму сталинградскую. Смело могу утверждать это — лично видел и то и другое.

Одер. 16 апреля, 5.00. Сигналом для атаки — об этом берзаринцы знали — послужит столб света в небесах. И вот люди на переднем крае увидели… В небо ударил зенитный прожектор; там, в своей высшей точке, сноп света на мгновение замер в неподвижности, затем резко упал вниз. И тут то, что называлось относительной тишиной, провалилось в тартарары, в нее врезались команды: «Огонь!», «Огонь!», «Огонь!»

И многие тысячи орудий и минометов ударили по врагу. Сверкали тысячи и тысячи белых молний, били волны оглушительных взрывов. Старые воины, знавшие Сталинград, услышали вой легендарных «катюш». Авиация стала непрерывно наносить удары по врагу с воздуха.

Такой мощный огонь продолжался на протяжении тридцати минут. Немецкие позиции молчали. Немцы тоже следовали своему тактическому приему — не открывать огня до начала атаки. Но сколько может продолжаться артподготовка? На Магнушевском плацдарме артподготовка длилась три часа. Был ли смысл продолжать артобстрел позиций врага, если не выявлены огневые точки? Большой вопрос. Жуков решил бросить людей в атаку. Помочь нашим бойцам в этой атаке должно новое жуковское оружие — мощные зенитные прожекторы.

В воздух взвились тысячи разноцветных ракет — они толкнули людей в бой. И сразу же на фашистов с небес вместе с тучами обломков и пыли обрушилась грозная неожиданность. Над вражеской линией обороны вспыхнули бесчисленные сверхяркие лучи огней. При неслыханной доселе артиллерийской канонаде на траншеи, бетонные укрытия, бронеколпаки обрушился невыносимый для глаза свет, он превращал человека в слепца. Адский огонь артиллерии, минометов, «обрабатывающих» вторые, третьи линии обороны, был воспринят противником как ввод в действие нового вида оружия. Полыхая на земле и в облаках, свет поглощал пространство. Гитлеровцы некоторое время ничего не могли понять, проводная связь у них исчезла, радиосвязи не стало. Шквал огня и металла не давал немецким офицерам и генералам возможности принять меры к восстановлению управления.

В послевоенных сочинениях гитлеровских генералов можно найти донесение командира дивизии «Мюнхеберг» в штаб обороны Берлина 16 апреля. В нем говорится: «По нам открыт адский огонь. Связь с войсками потеряна… Непонятный мощный свет… Что такое — не определили. Может быть, новый вид оружия, может быть, химия».

За какие-то минуты снаряды перепахали все, что было приспособлено к обороне. Тысячи солдат и офицеров врага на какое-то время потеряли способность к действию, внезапность случившегося парализовала их. Они видели в окопах и блиндажах лишь мертвых и раненых. Ворвавшиеся в окопы русские штыками и гранатами «убедили» уцелевших врагов: «Здесь всё кончено!»

Одерский укрепленный район у Кюстрина был сокрушен, в образовавшиеся бреши рванулись по всему фронту несколько тысяч танков и самоходных орудий, за ними поспешила пехота.

Вражеские войска откатывались к Зееловским высотам. За ними следовали танковые армии генералов М. Е. Катукова и С. И. Богданова. Но… Зееловские высоты, у которых врагу удалось остановить наши войска, представляли собой естественный рубеж, господствующий над местностью. Наши войска достигли его к полудню. И стало ясно, что этот «замок Берлина» так запросто взять нельзя. Наши войска с рассвета находились непрерывно в бою. А здесь — свежие фашистские войска, укрывшиеся за железобетонными нагромождениями, оснащенными всеми видами современного оружия.

Завязался ранее невиданный кровопролитный бой. На этом рубеже сражение шло на протяжении двух суток.

Происходили жестокие схватки и в небе, где над войсками 5-й ударной армии действовали истребители корпуса Евгения Яковлевича Савицкого — только за один день они уничтожили полсотни «мессеров» и «фоккеров». Берзарин пригласил к себе на КП шифровальщика Николая Аверина и распорядился послать Савицкому телеграмму следующего содержания: «Прошу объявить благодарность летчикам вашего корпуса, отлично действовавшим в сложных метеорологических условиях при обеспечении войск и переправ через Одер. 16.04.45 г.»[66].

Ценой огромных потерь в живой силе и технике утром 18 апреля Зееловские высоты были взяты.

До конца жизни маршал Г. К. Жуков переживал за то, что к взятию Зееловских высот наши войска оказались недостаточно подготовлены. Однако 5-я ударная армия со своими задачами здесь вполне справилась. Эта гряда высот вдоль левого берега старого русла Одера коснулась лишь левого фланга нашей армии. А на левом фланге находился 9-й стрелковый корпус, куда входила 248-я дивизия. Зееловские укрепления преодолел 905-й полк Д. Т. Филатова. В ночном бою, на 17 апреля, 905-й полк овладел сильным опорным пунктом на северо-западных скатах Зееловских высот. Героями этого штурма были капитан Шахалиев, лейтенант Шульц, старшина-артиллерист Симоненко, рядовые Тулин, Русов и др.

Тяжелый кровопролитный бой вели воины 301-й дивизии, с которой взаимодействовали части 295-й дивизии. Активно штурмовала врага 94-я гвардейская дивизия. Генералы Берзарин и Боков находились в зоне сражения. Они поощрили отличившихся[67].

При военном совете 5-й ударной армии от газеты «Правда» был аккредитован журналист Яков Иванович Макаренко. Яркие,

живые репортажи, очерки и корреспонденции о ходе сражения на Берлинском направлении давали читателю зримое представление о событиях.

Вот строки одной из публикаций о встречах военного корреспондента Якова Макаренко с командармом 5-й ударной армии:

> «Генерал Берзарин постоянно находился среди наступающих. Его открытый газик, на котором он обычно ездил в период боев, пробирался в самые передовые подразделения. Солдаты узнавали генерала по черной казачьей бурке, которую он обычно носил, и седым, выбивающимся из-под серой папахи кудрявым волосам, и с еще большим упорством штурмовали вражескую оборону.
>
> …Берзарин командовал войсками этой же армии во время осуществления Ясско-Кишиневской операции, а также Висло-Одерской. Рука вдумчивого, опытного генерала чувствовалась здесь.
>
> Несмотря на занятость, Николай Эрастович уделил правдисту несколько минут».

О том, как развиваются события, журналист знал из бесед со штабистами. Но ему хотелось услышать информацию от самого командарма. Журналист сообщает в своем репортаже:

> «После обычных приветствий и обмена несколькими дружескими фразами генерал завел речь о характере боев за Берлин, их особенностях и отличии».

— Наверное, я не ошибусь, если скажу, — сказал Николай Эрастович правдисту, — что в Берлинском сражении проявились с самой лучшей стороны наиболее сильные черты нашего военного искусства. Четкое взаимодействие сил и средств, внезапность нанесения ударов, непрерывность наступления, гибкость и смелый маневр, сосредоточение усилий на решающих направлениях получили блестящее подтверждение и дальнейшее развитие.

Журналист попросил командарма произнести несколько слов о героизме его воинов. Берзарин сказал:

— Думаю, что такого массового героизма, какой проявляется в эти дни в битве за Берлин, еще никогда не было. Да, да, поверьте *мне, старому солдату*. — В чем секрет этого героизма, понять нетрудно: желание быстрее добить врага и победно закончить войну. И как результат этого — всеобщее

воодушевление!

Потом командарм убежденно добавил:

— И, конечно, воинское мастерство и труд. Солдатский подвиг рождается в труде. Без этой взаимосвязи невозможно понять и правильно оценить героизм советских воинов. В этой совокупности кроются его истоки.

Командарм и правдист распрощались, чтобы через несколько дней встретиться в Берлине. Простились с радостным ощущением близости победы. Но надо было сокрушить зееловский рубеж.

Спустя еще два дня после встречи с правдистом Берзарин со своими «ударниками» фронт гитлеровцев разорвал окончательно. Части и соединения, решившие эту задачу, устремились на Берлин. 5-я ударная, а также армии генералов В. И. Чуйкова, А. В. Горбатова, танки генерала М. Е. Катукова, овладев после упорных боев Зееловскими высотами, обнажили левый фланг всей гитлеровской обороны, поставили в тяжелое положение вражеские войска под Франкфуртом-на-Одере. На пятый день наступления войска 1-го Белорусского фронта оказались у самого Берлина. Упорно двигались к Берлину также соединения 1-го Украинского фронта. Положение гитлеровских армий становилось критическим.

Но главари гитлеровского рейха все еще надеялись, что штурм Берлина для русских закончится провалом. Только бы выиграть во времени. Они ожидали каких-то событий. К таким событиям вело то, что с обеих сторон участвовали различные государства, различные полководцы, различные армии и различные флоты, в любое время могло возникнуть совершенно неожиданное изменение обстановки в результате комбинации различных сил. Правящая клика во главе с авантюристом фюрером вела войну в ожидании событий, которые должны были случиться, но не случились. В книге маршала Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» приводятся показания немецких солдат, взятых в плен в Берлине. Они надеялись, что их спасут… англичане и американцы: «Офицеры утверждают, что все силы приложены к тому, чтобы не допустить захвата Берлина русскими. Если сдавать город, то только американцам».

Сам Гитлер в момент падения Берлина выбросил лозунг: «Лучше сдать Берлин американцам и англичанам, чем пустить в него русских!»

Вот оно — «логово»!

Судьбе угодно было, чтобы я до 20 апреля находился в

военно-полевом госпитале на лечении по поводу тяжелого ранения, полученного при форсировании Одера. Я выписался из госпиталя раньше срока. И на «перекладных» двинулся догонять свою 248-ю. Дальше Кюстрина эшелоны не шли. В районе Зееловских высот, которые еще дымились, я разыскал медиков какой-то части, чтобы сделать перевязку, меня накормили и оставили на ночь. Наши механизированные части ушли дальше, оставляя в тылу все то немецкое, что изрыгало огонь. Утром я пытался выйти на дорогу, но натолкнулся на нашу самоходку — она стояла и вела огонь по кирпичному строению, где через пролом в стене бил немецкий пулемет. Я сполз в яму, чтобы укрыться. Через кусты по тропинке я все же достиг магистрали, по которой шла всякая техника. К счастью, я попал в полосу наступления 5-й ударной армии и потому в одном селении находил 295-ю дивизию, в другом — 416-ю. А где же 248-я, моя родная?

50–60 километров до рек Шпрее и Хафель, на берегах которых стоит Берлин, это уже по ту сторону Зееловских холмов, километры бешеного сопротивления гитлеровцев. На пути мне попадалась наша сгоревшая броня — танки и самоходные орудия. Их уничтожили фаустники. Фашисты успели создать специальные подразделения фаустников, истребителей танков из подростков. Они бьют без промаха. А самих фаустпатронов везде навалом.

Вынужденное скитание позволило мне побывать в медпунктах и там увидеть обожженных танкистов. Страшен сам вид обгоревшего человека. А каково самим пострадавшим? Они гибли сотнями и тысячами.

И вдруг инженерная мысль нашла средство для защиты брони от фаустников. Кажется, на третий день моих странствований по тылам наступающих армий я увидел танк с наваренными по бокам так называемыми «экранами». Это — стальная сетка или металлический лист. Что-то вроде плаща, по которому ударяет «фауст» и взрывается. Сила взрыва попадает в воздушный зазор, и броня танка остается неповрежденной. Такой танк с экраном для фаустпатрона неуязвим.

Но достигшие Берлина первые танки погибли от фаустпатронов.

Ведя наступление в авангарде 1-го Белорусского фронта, части и соединения армии Н. Э. Берзарина вечером 22 апреля первыми достигли восточных окраин фашистской столицы в районе Бисдорфа и Карлсхорста. Об этом я узнал позже, а мне в одном из медсанбатов 8-й гвардейской армии предложили госпитализацию, так как рана на плохо сросшейся кости стала кровоточить. Я пролежал двое суток, а потом самовольно ушел из

медсанбата. Я узнал, что 5-я ударная армия и моя 248-я дивизия воюют уже где-то на восточных окраинах города. На восточных!

* * *

На восточных… Из кузова мчащейся полуторки я смотрю на эти окраины — они на полгоризонта!

Я смотрю на город, о котором до войны прочел несколько книжек, а теперь неведомо для себя искал что-то знакомое по описаниям. Когда-то для меня, школьника, Берлином были аллея Унтер-ден-Линден, тени которой радовали Шиллера и Гёте, Мариенкирхе, где печатались первые типографские книги, Пергамский музей, Берлинская опера и библиотека «Комод» — всё, построенное искусными руками людей и служащее предметом восхищения. Теперь, после трагедии Ленинграда, Киева, Сталинграда, Минска — их развалин и пепелищ — Берлин, опутанный военными коммуникациями, с неумолимой логикой стал Карфагеном-на-Шпрее. Производили странное впечатление надписи на стенах и изгородях — «Берлин останется немецким!», было что-то ужасающее в пляске белесого огня, в застывших трупах на раздолбанных мостовых и тротуарах. В ушах шумело от деревянного перестука пулеметов и треска автоматов по закоулкам, воронкам, этажам и подъездам, где с остервенением шли смертельные схватки наших бойцов с фашистами: Берлин — гигантский узел сопротивления, по замыслу гитлеровских бонз, должен был отсрочить гибель кровавого режима, а нашим воинам предстояло сокрушить, раздавить это разбойничье гнездо.

Попутные машины завозят меня то на одну, то на другую окраину, туда, где орудия и пулеметы работают, не уставая, и откуда видно, как снаряды и бомбы рвутся, где громоздятся крыши домов, трубы заводов, где угадывается сеть кварталов.

…Угол квартала. Многоэтажный кирпичный дом. У подъезда стоит грузовик с откинутыми бортами. Дно грузовика укрыто огромным ковром. Из подъезда выходят военные-офицеры, они несут обитый кумачом гроб, за гробом — автоматчики… Шепотом спрашиваю у стоящего поодаль офицера: «Кто?» Отвечает мне: «Убит Герой Советского Союза, майор. Увозят на родину».

Отхожу в сторону. На другой улице в одиночку и группами отходят в тыл легкораненые, тяжелых — уносят и увозят. Лежат на тротуаре накрытые плащ-палатками убитые. Белое полотнище с нашитым на него красным крестом означает, что это какой-то медпункт.

Перебегая от дома к дому, я спрашиваю у солдат и офицеров

об одном и том же:

— Где 248-я стрелковая?

На стенах домов, на тротуарах, на заборах читаю белой краской выведенные фразы: «Хозяйство Николаева», дальше — «Хозяйство Чистякова», еще дальше — «Хозяйство Паровышникова». Фамилии, фамилии… Числа не указаны, слово «хозяйство» скрывает за собой ту или иную воинскую часть. Надо присматриваться. Вдруг попадется фамилия нашего командира корпуса, или дивизии, или полка…

Но все фамилии мне не знакомы. У офицеров еще можно было кое-что разузнать. Надо искать девятый сектор обороны, ударная армия где-то в девятом… Я в другом секторе. И часто на меня — чужака подозрительно косились, несколько раз требовали документы, я доставал их и на госпитальной бумажке с подписями и печатью прибавлялись пятна чьих-то пальцев.

Напрасно я надеялся только на офицеров. Нашелся сержант, который кое-что мне толково разъяснил. Винтовка у него за плечами, а в руках — топор.

«Вам повезло, — сказал он мне. — Я переведу вас через мост, мы его ночью сварганили. Пролеты старого — они в воде, фашисты подорвали. Дальше перекресток улиц Ланцберг-аллее и Посенерштрассе. Восточная часть города, район называется Марцан. Дальше вы увидите белое полотнище с крестом — это эвакогоспиталь».

Ценные сведения! Я спросил:

— А мост как называется?

— Вуле-брюкке. Легко запомнить. Брюками мы называем штаны, а немцы брюками именуют мосты. Пушки отсюда достают рейхстаг. Мы — в Берлине!

Не сержант, а энциклопедия. Всё знает!

Сержант рассказал мне, что он из 5-й ударной армии, из частей Фомиченко. Добавил:

— Вон на стене какой-то наш маляр изобразил его фамилию!

— Дивизия двести шестьдесят шестая? — догадался я.

— Номер вы называете правильно, — подтвердил сержант, с братским доверием взглянув на меня.

Тут мы распечатали свежую коробку папирос с нарисованной на ней черной фигуркой скачущего черкеса. Папиросы «Казбек» — это шик! В военном госпитале при выписке по излечении офицеров такими папиросами одаривали. Дымя «Казбеком», сержант поведал, что он здесь недалеко видел самого командарма. Тут поблизости позиции полковой артиллерии. Капитан Иванов ими командует. Оставив машину в укрытии, Берзарин попросил Иванова разрешить ему немножко

«размяться», покомандовать. Командарм взял у капитана схему целей…

— Слушайте команду! — распорядился офицер. Его голос сменился голосом генерала.

Раздалось несколько резких команд. Ударили орудия. Снаряды достигли цели. Это засек и передал капитану наблюдатель. Для начала совсем недурно! Вот так в Берлине командарм Берзарин побывал на должности командира артиллерийской батареи. Не мог не побывать. Ведь артиллерия — бог войны.

Время дорого, и мы с сержантом из 266-й дивизии на прощание пожали друг другу руки[68].

В море людей, занятых тяжким ратным трудом, я — в своей еще чистенькой после госпиталя шинели и свежий после сна без нормы и госпитальных обедов — казался бодрее окружающих.

А они с темными от усталости и недосыпа лицами, в измазанных землей, орудийным маслом пробитых шинелях, в смятых шапках, потому что шапка служила подушкой, в раскисших от весенней воды сапогах, они смотрели на меня презрительно. «Почему этот капитан не знает, где его часть?» — казалось, говорили их взгляды.

Еще один мой берлинский день кончался. Апрельские сумерки от бетонной и кирпичной пыли, от дыма и гари ложились гуще, плотнее.

Начало первой берлинской ночи я провел в расположении какой-то артиллерийской батареи, подремывая на досках зарядного ящика, ежась от сырости. Гудели ноги, начинала ныть спина, от жестких досок побаливали свежие рубцы.

До полуночи пушки молчали, но потом артиллеристы засуетились и вокруг поднялся такой грохот, что я сначала заткнул уши пальцами, а затем, оттого, что заболела голова, замотал ее куском подвернувшегося брезента.

С рассветом, где на попутке, где пешком, двигаясь по бесконечной, казалось мне, восточной окраине, я видел женщин, детей. Они, несмотря на обстрел, толпились у ямы, куда натекла вода, черпали ее в ведра и кастрюли. В другом месте от бомб загорелся дом, возле этого костра метались люди… Какой ужас! А я продолжал искать своих. Полуохрипший от холода и голода, все спрашивал и спрашивал: «Где 248-я дивизия?»

Бродяжничество по Берлину позволило мне продвинуться в изучении немецкого языка; в школе у нас этот предмет был, но лишь в седьмом классе. Успел записать в тетрадку сотню немецких фраз. Подумалось: «В Хабаровске я учился японскому… А здесь буду учить немецкий…»

В поисках своих мне приходилось общаться с немецкими стариками и старухами, особой вражды ко мне я не замечал. Меня несколько удивило, что каждый человек здесь довольно грамотен. Мне растолковали, что в Германии со времен Бисмарка[69] существует общее среднее образование. А Россия в тот период только-только выползала из крепостного права, когда помещики торговали людьми. А некий Чичиков покупал даже мертвые души крестьян.

Вторая ночь застала меня в завалах щебня и битого кирпича. Сюда свозили боеприпасы. Потом всю ночь было сравнительно спокойно — люди разгружали машины, повозки, перетаскивали ящики, слышался какой-то разговор, кто-то надрывно кашлял, и я уснул, устроившись под стеной, на щебенке. Через меня переступали, иногда кто-нибудь задевал сапогом то бок, то ноги, но усталый до предела, я только ворочался, прижимаясь плотнее к стене. Я был уверен, что если останусь живым, то найду своих — я в девятом секторе, здесь немецкие правительственные кварталы. Офицер, с которым я ночью разговаривал, объяснил мне ситуацию. Бои идут не только здесь, но и там, где войска прошли. Есть Берлин наземный, есть Берлин подземный. Гитлеровцы проникают в наш тыл, и там продолжаются боевые схватки.

Рассвет. Я, прижимаясь к развалинам, осматриваю улицу. Можно различить то, что написано на стенах. Я среди выведенных белой краской стрел и надписей нашел знакомую фамилию: «Галай». Дальше еще фамилия: «Артемов». Пришлось снова укрыться в развалинах — кто-то кричал, что прорвались немцы; озаренные пожаром, метались люди; впереди слышалась стрельба, туда торопливо перебегали бойцы с ручными пулеметами, автоматами, карабинами.

Я по проходам среди кирпичей ушел туда, где потише. Наконец выбрался на бульвар, где не стреляли, снова увидел нарисованную русской рукой стрелку и фамилию: «Артемов». Пригибаясь, пошел по стрелке, минуя опрокинутые автобусы, трамвайные вагоны, перелезая через остатки баррикад. Свистели пули, одна цокнула поблизости, выбив искру и подняв клубочек пыли. Я завернул за угол, прижался к стене и вдруг увидел бойца на велосипеде.

Солдат нашего полка! С сумкой из-под гранат через плечо он на велосипеде ехал по мостовой. Я узнал его — это был почтальон нашего полка. Володя Фесенко.

Кричу ему что есть мочи:

— Володя, остановись!

Сердце мое колотится, на лбу выступает пот. Чумазый, с

заострившимися скулами, Володя видит меня, поправляет шапку, улыбается, подъезжает, спрыгивает, волочит за руль свой велосипед.

Мы рядом, обнимаю его:

— Где дивизия? Где полк? Где наши?

Володя отступает от меня:

— А я вас сразу и не узнал. Лицо в щетине… А шинелька — вы что, кирпичи таскали?

Я тороплю его:

— Веди в полк! Живо!

— Штаб на вокзале Галицком, — начал объяснять Фесенко.

Я рассмеялся — в Берлине такого вокзала нет, есть вокзал Ангальтский.

Я сказал Фесенко об этой его ошибке, и он стушевался:

— Да разве, товарищ капитан, все упомнишь. У них тут «линденов» несколько…

— Ничего, Володя, — сказал я примирительно. — Постепенно все названия выучим. Веди в штаб.

Через подворотни, дворы, по каким-то тропинкам, между гор кирпича, обломков стен, лестничных пролетов Володя вывел меня в медсанчасть, где я умылся и мне дали выпить какую-то микстуру. А потом мы с Володей по подвалам выбрались к командному пункту. Через четверть часа я оказался в кругу дорогих мне людей, боевых товарищей. Пришел командир полка, полковник Артемов. Похлопал меня по плечу, сказал:

— Останешься в полку. Когда тебя увезли в госпиталь, нам прислали на твое место офицера Широкова — он окончил академию. На переправе через Одер во время шторма погиб. Штабу дивизии доложу о твоем возвращении. Чем мы заняты сейчас? С 22 апреля маршал Жуков потребовал от Берзарина и других командармов, воюющих в правительственных кварталах, организовать непрерывный круглосуточный бой. Берзарин распорядился: в каждой дивизии иметь дневные и ночные штурмовые подразделения с танками и САУ. Нам придется перестраивать боевые порядки, найти возможность усилить состав штурмовых групп.

Офицеры штаба полка и офицеры из батальонов занялись этим, а я стал приводить себя в порядок. Оказался среди писарей, пишущих машинок, планов-схем города. Звучали позывные: «Волга!», «Ока!», «Волга!» — это штаб дивизии, «Ока!» — это штаб 9-го корпуса. Шли переговоры, уточнялись позиции… А на столе передо мной лежал «Фронтовой листок» на немецком языке. На листке — воззвание Геббельса:

«Браво вам, берлинцы! Берлин останется немецким! Уже движутся отовсюду к Берлину корпуса и армии, готовые защищать столицу, нанести решающее поражение большевикам и в последние часы изменить судьбу нашего города…»

248-я и 301-я штурмуют рейхсканцелярию

Продвижение наших подразделений проходило по лабиринтам улиц и подземными ходами. Трудно передать словами ужас нашего положения — вести бои в мегаполисе с многомиллионным населением. Наш противник — войска СС, жандармы, полиция, фольксштурм; они знали город как свои пять пальцев; они знали подземные коммуникации — они дрались на баррикадах, в домах, в подвалах и в тоннелях метро. У немецких офицеров имелись планы катакомб, были люди, когда-то работавшие в системе водоснабжения и канализации. Поэтому они могли легко просачиваться в наши тылы, наносить внезапные удары.

Там, где вчера были наши бойцы, сегодня могли оказаться немцы.

Наша дивизия в числе других частей и соединений продвигалась к центру Берлина. Справа от нас были части 416-й дивизии. На их долю выпало взять на бульваре Унтер-ден-Линден здание советского посольства. Они с этой задачей справились. Событие не рядовое. Наш Наркомат иностранных дел получил подарок, с лета 1941 года им владели нацисты. Во время войны советские интересы в Германии представляла Швеция. Королевская шведская миссия, находившаяся по адресу Рейхштрассе, 1, как могла, защищала здесь наши права, в этом отношении у поверенного в делах господина Гуго Эрифаста совесть была чиста. С миссией общалась актриса Ольга Чехова[70], которая оказывала помощь русским.

Для воинов 416-й дивизии до Бранденбургских ворот уже было рукой подать…

24 апреля части и соединения очистили от огневых точек врага Александерплац, Берлинскую ратушу, бои шли возле дворца кайзера Вильгельма.

В этот день маршал Г. К. Жуков назначил командующего 5-й ударной армией Героя Советского Союза генерал-полковника Николая Эрастовича Берзарина комендантом и начальником гарнизона Берлина. Эту волнующую весть мы все восприняли с воодушевлением, как признание заслуг всей армии в битве за

Берлин.

Бои не прекращались ни на минуту. Как могучий форт на пути 248-й стоял старинный отель. С крыши здания фашисты просматривали наши позиции и корректировали огонь.

С отелем расправилась саперная рота старшего лейтенанта Карпинского. Не было такого риска, на который он бы не отважился. На этот раз он взял с собой восемь надежных бойцов; каждый из них взял на эту акцию по четыре противотанковые мины и другое снаряжение. Группа эта пробралась в развалины, примыкавшие к отелю, а затем в подвал. В то время как бойцы стрелковых подразделений автоматными и пулеметными очередями отвлекали на себя внимание обороняющихся эсэсовцев, саперы работали в подвалах. Они заложили в фундамент и стены здания мины, а взрывные устройства соединили бикфордовым шнуром. Саперы выбрались из опасной зоны и произвели взрыв огромной силы, который обрушил здание.

Командование полка за эту операцию представило к наградам всех саперов. А их командира, Карпинского, представили к присвоению звания Героя Советского Союза.

Вспоминаю еще одного храброго воина. Он прибыл в полк с пополнением в середине апреля. Это был старший сержант В. П. Барвинский. Поставили его на взвод, где не было офицера. С ним, бывшим партизаном Белоруссии, бойцы выполняли задания дерзко, с инициативой. Массивная кирха на площади близ рейхсканцелярии задерживала продвижение — там находился вражеский гарнизон. И только солдаты Барвинского сумели броском прорваться сквозь огненный заслон и завязать рукопашный бой. Барвинский здесь получил тяжелое ранение, но рубеж бойцы взяли. Командир батальона ходатайствовал перед командиром полка о представлении Барвинского к званию Героя Советского Союза. Указ Президиума Верховного Совета о присвоении В. П. Барвинскому этого звания был получен в июне. Барвинский находился где-то в тыловом госпитале, и мы не имели возможности порадовать мужественного воина с радостным событием.

…29 и 30 апреля. Тиргартен-парк, рейхстаг, Бранденбургские ворота… Все это уже занято нашими войсками.

Кипит в огне жестокого сражения участок на отрезке Вильгельмштрассе, от Бранденбургских ворот до здания гестапо. На этом отрезке почтамт и министерство финансов. Дивизии 5-й ударной армии — 301, 248 и 230-я сражаются здесь. Тут же комплекс зданий, построенный в форме кочерги — это рейхсканцелярия, выходящая парадной частью на Вильгельмплац.

Части 230-й и 248-й дивизий 29 апреля выбили фашистов из почтамта. Я помню подвалы этого объекта. Просторные помещения со многими перегородками. Горы неотправленной корреспонденции. Горы периодических изданий. На многих языках, в том числе и на русском. Журнал с цветным портретом на обложке. Это министр Лей, а журнал называется «Европа трудится». Известно, что в Германию были согнаны рабы из стран оккупированной Европы. И в номере журнала прославляются их «славные» дела и распрекрасная жизнь.

Попали и я, и мои спутники в канцелярию. Тут стояло на столах несколько пишущих машинок. Раньше я не видел машинок с электрическим приводом, здесь увидел. На наше счастье нашлась механическая машинка со шрифтом на кириллице. Она стала нашим трофеем.

К захвату здания гестапо наша дивизия тоже имела отношение. Но там места хватило и для подразделений 301 — й дивизии. Всё смешалось! Подразделения из разных дивизий доносили в вышестоящие штабы о захвате министерства авиации, гестапо и др. Час назад, скажем, в здании находился полк одной дивизии, а час спустя — полк другой дивизии, один и тот же объект попадает в разные донесения.

Но вот на рейхсканцелярию «уперлись штыки» только нашей 248-й дивизии Галая и 301-й дивизии Антонова.

Вот как описывает свое участие в тех событиях спустя шесть десятилетий мой сослуживец по 248-й стрелковой дивизии полковник артиллерии Владимир Алексеевич Жилкин. Странички его воспоминаний я привожу полностью:

> «В боях за Берлин мне пришлось временно исполнять обязанности начальника разведки Второго дивизиона 771-го артполка, так как штатный начальник, старший лейтенант Куликов выбыл из строя по ранению. Кроме своих прямых обязанностей по разведке противника приходилось выполнять и другие поручения командира дивизиона майора Фисуна.
>
> Наш 771-й артиллерийский полк поддерживал пехоту, как правило, огнем с закрытых позиций — для стрельбы прямой наводкой попросту места не хватало. Командование для этих целей, по обыкновению, привлекало танки, САУ и даже орудия более крупных калибров в тех случаях, когда требовалось разрушить прочные укрытия.
>
> При размещении огневых позиций в городе, особенно в его центре, мы сталкивались с

определенными особенностями и даже с трудностями: ведь места позиций приходилось выбирать в скверах, парках, иногда на площадях и даже на перекрестках улиц. Выбирали мы свои позиции с таким расчетом, чтобы гребень укрытия (по артиллерийской терминологии — наименьший прицел. — *В.С.)* позволял вести огонь по целям. В этом и заключалась главная трудность. Особенно тщательно надо было выбирать маршрут перемещения огневых позиций. Проезжая часть улиц загромождалась обломками зданий, прикрыта баррикадами, а там — пулеметчики, фаустники… Поэтому перемещалась артиллерия в основном ночами, но приходилось делать это и в дневное время.

При штурме Берлина стрелковые части эшелонировались, но мы, артиллеристы, такого эшелонирования не соблюдали, несколько дней наш дивизион поддерживал огнем соседей — подразделения 301-й дивизии. Кажется, 29 апреля мы оказались в расположении полков своей дивизии, в зоне вражеского пулеметно-артиллерийского и минометного огня. С наступлением темноты наша 6-я батарея произвела смену позиции, чтобы участвовать в штурме главного объекта немецкой обороны.

Здесь я должен уточнить, что карт Большого Берлина у нас оказалось мало, на всех офицеров не хватало. Командующий артиллерией корпуса пообещал нам, что он выдаст нам некоторое количество карт дополнительно. Указали координаты, и я с двумя автоматчиками отправился в штакор. Это был уже “тыл”. Я стал свидетелем того, как цивильные берлинцы, старые и малые, начали выбираться из подвалов и других укрытий. У афишной тумбы уже толпилось до десятка немцев, они читали наклеенный там приказ коменданта города. Возвращаясь с пачкой карт, полученных в штабе корпуса, я увидел порядочную толпу. Стоял грузовик, и двое наших солдат выдавали немцам хлеб и консервы. Под напором голодной толпы солдаты растерялись. Подбирая немецкие слова, я крикнул, призывая соблюдать порядок. Мгновенно люди вытянулись в цепочку: слова мои подействовали.

В сторонке, не решаясь подойти к толпе, стояла ветхая старушка с девочкой 10–12 лет. Обращаясь ко мне, офицеру, старушка стала что-то лепетать. Фразы ее можно было понять и без перевода — от голода у нее

блестели глаза. Рот у ее внучки был раскрыт, она делала глотательные движения. Я взял у солдат из ящика банку консервов, буханку хлеба и отдал старой женщине. “Данке шён, данке шён”, — шептала старушка, а девочка протянула руку, и на раскрытой ладошке лежали золотые женские часики. Я сделал отрицательный жест рукой, как мог, пояснил, что вот-вот стрельба закончится. Вся толпа стояла тихо и смотрела на меня, как на чудотворца. Снабженцы объяснили мне, что раздача продуктов ведется по приказу советского коменданта. В тот день Берзарин накормить берлинцев не мог, конечно, но он сеял надежду на спасение…

Многое увиденное на своем веку я основательно позабыл, но эту сценку мне не забыть никогда.

Как я уже сказал, двадцать девятого 248-я дивизия оказалась в городском секторе “Цитадель”. Здесь располагался — артиллеристы 771-го артполка это знали точно — Дворец канцлера (так на наших картах именовалась рейхсканцелярия, Имперская канцелярия. — *В.С.*). В ночь на 30 апреля и весь следующий день наш 2-й дивизион наносил огневые налеты на здания министерства финансов, гестапо, главного почтамта и министерства военно-воздушных сил. Настал День 1 Мая! Настроение было приподнятое. 6-я батарея раздобыла банку белой эмали, и лейтенант Киселев на снарядах выводил слова: “Фюреру — капут!”, “Лично Адольфу”… Использовал Киселев и более хлесткие фразы. Огневики понимали, что их надписи никто в стане врага не прочитает, но выплескивали свое озорство! Развлекались.

Никто из артиллеристов не знал, что творится в стане врага. Тем более не знали, что зачинщик всемирной бойни, Гитлер, ушел из жизни и сожжен — это немцы на первых порах скрывали.

Утром 1 Мая впереди нас кипел бой, но мы огня не вели — кто-то из начальства нам объяснил, что якобы командарм 8-й гвардейской В.И. Чуйков и начальник обороны Берлина Гельмут Вейдлинг ведут переговоры. О чем? Конечно, о прекращении бойни.

Пауза продолжалась недолго. Часов в десять утра наш дивизион возобновил огонь по Дворцу канцлера (на моей карте он был закодирован под номером 153) и по ближайшим зданиям. Но, как нам сообщили, последовавшая за огневым налетом атака пехоты не

удалась. Упорно обороняли своего вождя немецкие моряки, эсэсовцы, гестаповцы, летчики, фольксштурмовцы.

Повторная атака, после перегруппировки, была назначена к вечеру. Наша батарея целью для огневого налета избрала правую (восточную. — *В.С.*) часть здания.

Огонь нам пришлось готовить с исключительной тщательностью — артиллеристы учитывали как баллистические, так и метеорологические условия стрельбы. Ведь русские атакующие цепи находились в непосредственной близости от объекта атаки, от фюрербункера.

Вскоре нам поступил сигнал — прекратить артогонь. Артогонь больше не нужен, разгорелся ближний бой — гранатно-штыковой. Там все клокотало, дыбилось, рвалось. Через мою амбразуру в бинокль виден Вильгельмплац, левее видна кирха, по площади и развалинам, перекатываясь, разбегаются тугие клубы дыма цвета светлой глины, бойцы разговаривают между собой, в ходу те же слова: буссоль, прицел, дистанция… Наши батареи облетела радостная весть: советские стрелковые батальоны ворвались в старое здание рейхсканцелярии. Это произошло перед рассветом 2 мая 1945 года. Через четверть часа на наших огневых позициях появился командир дивизиона майор Фисун. Он поздравил огневиков с успехом. Сопротивление врага сломлено. Лицо майора, несмотря на бессонные ночи, на усталость, сияло улыбкой. В шутку или всерьез, он произнес: “Ребята! Пусть наши пушки остынут. Теперь не мешало бы попробовать вкусной горячей каши!” Слова майора развеселили батарейцев».

Владимир Жилкин заканчивает свое письмо мне так:

«Сначала мне и в голову не приходило, что здесь, на Фосштрассе, наши орудия сделали свои последние выстрелы. Последние залпы Второй мировой войны».

Пехотинцы закончили свои неотложные ратные дела чуть позже.

Рейхсканцелярия, где располагалась ставка Гитлера, — это комплекс строений, как я уже сказал, сооруженных в форме кочерги, еще там имелся парк. Под ним и было сооружено огромное бомбоубежище, недосягаемое для бомб, так называемый «фюрербункер».

Дотошный московский корреспондент Лев Безыменский, находясь при политотделе 5-й ударной армии, вычислил размер территории «империи фюрера» на конец апреля 1945 года. Территория эта — кварталы в так называемом 9-м секторе немецкой обороны Берлина. Ее контролировали канцлер и фашисты, составлявшие его свиту. Была она микроскопической. Но гарнизон — мощный, с танками и артиллерией.

«С севера на юг, — сообщил Безыменский в свою московскую редакцию, — протяженность ее составляет 1650 метров — от моста Вейдендамм-брюкке до Принц-Альбертштрассе.

С запада на восток — 1150 метров — от Бранденбургских ворот до площади Шлоссплац.

Правительство Германии, назначенное фюрером в его завещании, состояло из 17 человек. Но только трое из них к 30 апреля находились во Дворце канцлера — Геббельс, Борман и новый министр пропаганды — Вернер Науман».

Рейхсканцелярия оказалась в кольце полков 301-й и 248-й дивизий.

Перед 248-й дивизией простиралась парадная часть дворца, выходившая на площадь Вильгельмплац.

По приказу командира дивизии Н. З. Галая штурмовали фюрербункер 902-й и 899-й стрелковые полки.

В нашем 899-м стрелковом полку лучше других был подготовлен к этой операции стрелковый батальон капитана Виктора Боровкова. Ему придали две артбатареи, ими командовали опытные артиллеристы Буймов и Бойко. Пехотинцы и стрелки с пушками выдвинулись на площадь, изрытую траншеями и заваленную железной арматурой, бетонными плитами, балками. Стрелки пытались прорваться к стенам. Но стены эти, окна, балкон дворца изрыгали огонь, образовалась «тропинка смерти», оттуда непрерывно тащили убитых и раненых. Пушки наши били по огненным вспышкам. И в этом аду люди наши находились подолгу. Видел я связистов, вернувшихся из пекла, — они были в полубезумном состоянии. Что происходило на батареях — невозможно себе и представить. К счастью, и Миша Бойко, и Саша Буймов выдержали всё и даже уцелели. И Виктор Боровков, поднимавший своих людей в атаку, тоже остался цел и невредим, а вот его заместитель капитан Кошурников погиб.

Со стороны дворцового парка рейхсканцелярию штурмовали 1054-я и 1050-я стрелковые полки 301-й стрелковой дивизии. Там, видимо, происходило примерно то же, что и у нас. Трижды проклятый этот объект, рейхсканцелярия, оказался в руках 248-й и 301-й дивизий.

На рассвете 2 мая мы на командном пункте полка, в руинах с видом на Вильгельмплац и рейхсканцелярию, получили приказ: «Прекратить огонь».

Приказ поступил внезапно, хотя его, по логике, и надо было ожидать.

В конце апреля в полк поступило от имени генерала Берзарина такое приказание: «Постарайтесь захватить живыми оставшихся главарей фашистской Германии».

Исполнять приказание в числе прочих, воевавших в правительственных кварталах, должны были бойцы стрелкового батальона Виктора Боровкова.

Штурмовым подразделениям, действовавшим здесь, своевременно передали приказ о прекращении огня. Но… Вот уже 15.00 2 мая. И вдруг — стрельба. Бой за рейхсканцелярию еще не закончился? Неподалеку возник опасный очаг, где стрельба усилилась. Били пулеметы и автоматы, слышались взрывы. Бой не остывал.

— Что там за кутерьма? — возмутился полковник Артемов.

Штабники выяснили, что на позициях батальона Боровкова появилась невесть откуда немецкая бронетехника. Боровков пытается «успокоить» две панцирные единицы: бронетранспортер и прикрывающий его легкий танк. Откуда свалился этот броневой кулак? Оказывается, эта броневая сила, сокрушив огнем и броней баррикаду на выходе из парка Дворца канцлера, оставляя за собой раздавленные орудия и пулеметы, вырвалась из построек над фюрербункером, подавила заслоны и пытается уйти в сторону Ангальтского вокзала. Вот это фокус! Какая-то взбесившаяся кучка нацистов, ринувшись на прорыв, застряла в развалинах. Воины первого батальона, бронебойщики Виктор Горогуля и Сергей Вангелев своим ПТР повредили мотор броневика, а танк подорвался на мине. Фашисты, покинув машины, укрылись в завалах кирпича, за броней, ведут огонь со всех видов оружия. В переговоры не вступают.

Командир полка распорядился:

— Кончайте побыстрее. Помощь нужна?

— Не помешает…

— Ваши координаты? Где вы находитесь?

Комбат доложил, что эта спорадическая схватка происходит на Инвалиденштрассе, на территории три дня назад повторно очищенного от противника квартала. Это примерно в 500 метрах от моста Хандкруг. Командир полка незамедлительно послал туда, Боровкову, взвод автоматчиков под командой старшего лейтенанта Яценко и парторга Пономаренко. Дал им поручение — «спасать» тех чинов немецкой иерархии, которые выскользнули

из рейхсканцелярии. Такое могли себе позволить только крупные шишки. Прибыв к месту схватки, Яценко и Пономаренко сразу же получили от комбата два экземпляра уцелевших беглецов. Комбат сберег пленных в подворотне, приставив надежную охрану. Их состояние было плачевным. То были обер-ефрейтор СС с расквашенной, но уже забинтованной физиономией, и контуженая девица-немка в черном дождевике. Установили, что обер-ефрейтор управлял броневиком, а девица оказалась машинисткой стенографического бюро заместителя министра пропаганды доктора Фриче. Машинная барышня (*tippfraulein)* назвала себя Эрной.

Типпфройляйн Эрна сказала прибывшим сюда офицерам разведки штаба нашего 9-го корпуса, что тут где-то должны находиться Мартин Борман, генерал Монке, шофер фюрера Кемпке, хирург Штумфергер. Что это, бред? А может быть, и не бред?

Размазывая по лицу кровь и слезы, Эрна несколько раз повторила имя Бормана, ближайшего соратника Гитлера, начальника партийной канцелярии НСДАП. По ее словам, Борман уже здесь, на Инвалиденштрассе, принял яд.

— Где, где они? — тормошил Эрну переводчик из разведки. Но она вся дрожала и действительно бредила. Однако из невнятных фраз можно было понять, что эти люди сидели в броневике. Но сейчас? Броневик и танк — это уже груда искореженного металла. А над танком еще поднимался дымок, эту машину доконали трофейные фаустпатроны.

Обер-ефрейтора и типпфройляйн заботливо уложили на носилки, словно это были античные знатные римлянин и римлянка. Корпусные разведчики увезли их к себе. Проводная связь с Боровковым работала плохо, и Артемов многократно повторял свое требование погасить очаг, вывезти в медпункт всё, что еще подает признаки жизни.

— Пленных нет больше, — повторял голос с Инвалиденштрассе. Да их уже и не могло быть. Металл и взрывчатка превратили живую плоть в кровавое месиво.

Всё вокруг утихло. В подвалах близ артемовского КП, где разместилась санитарная рота, врачебный персонал, медсестры и санитары колдовали над ранеными бойцами и офицерами. Неподалеку был пункт, где такую же помощь оказывали раненым немцам. А штабистов потрясла страшная весть: в схватке с прорвавшимися из фюрербункера немцами пали смертью храбрых заместитель командира батальона капитан Кошурников, командир стрелковой роты лейтенант Личугин, помкомвзвода сержант Терехов… А ведь это произошло на рассвете 2 мая! После

того как уже было объявлено о прекращении огня, о падении Берлина.

Следует отметить, что тогда Бормана, так сказать, правой руки фюрера, нигде не обнаружили. Обезображенных, обгоревших трупов было немало. Конкретно персоной видного фашистского функционера по-настоящему никто не занимался.

Однако до сведения любознательных довожу, что почти на протяжении четверти века о судьбе Бормана ходили лишь разного рода толки и пересуды. Были и всезнайки, уверявшие, что Борман улизнул из Германии и живет в Латинской Америке. Такая версия не нашла подтверждения. И только в апреле 1973 года в Берлине, на Инвалиденштрассе, при строительных работах обратили внимание на выброшенные с грунтом человеческие скелетные фрагменты. Судебно-криминальная экспертиза сделала вывод, что найдено захоронение Мартина Бормана. Домыслы и спекуляции прекратились. Генеральная прокуратура Франкфурта-на-Майне, рассмотрев материалы по эксгумации и разного рода свидетельства, определила: в 1945 году у моста Хандкруг был погребен Мартин Борман. Он юридически был признан мертвым.

Хозяева Берлина — генерал Берзарин и его 5-я ударная

Все стволы нашего полка стрельбу прекратили. И противник наш умолк, понадобилось некоторое время, чтобы люди, особенно те, кто сам вел огонь, пришли в себя. Тишина воспринималась по-особенному. Она казалась нереальной. Ее предстояло еще осмыслить. На Вильгельмплац оказалось многолюдно. Шли черные толпы немцев, мужчин зрелого возраста. Нашлось место, к которому они подходили и бросали свое оружие. В моем мозгу запечатлелись почему-то мужчины в гражданской одежде, бросающие автоматы в общую кучу. И уходящие в том направлении, которое им указали.

Накрапывал дождь. Мертвые глазницы окон, стены рейхсканцелярии прикрывал то ли туман, то ли дым. Чуть дальше та же картина — рослые здоровые люди с мертвенно-безразличными лицами и гора оружия. Их никто не конвоирует, они идут туда, куда их вели провожающие. Но толпа эта в пути самоорганизовывалась. Вслед за другими я, спотыкаясь о неровности у воронок, ям, натолкнулся на санитаров с ранеными, добрался до стен дворца. Людей много, движение хаотическое. На первом этаже, в заполненном солдатами коридоре, незнакомый офицер в чине полковника выкрикивал какие-то слова. Догадался я — этот здесь старший. Это — комендант. Он обратил внимание

на меня — я был в черной кожаной куртке с погонами кавалериста (так меня обрядил наш снабженец, майор Косяк). Полковник подумал, очевидно, что я из Смерша — у них погоны окантовывались голубым цветом — чуть посветлее, чем у кавалеристов. Крикнул мне:

— Капитан! Убирайте всех! Убирайте всех!

Я не стал «убирать всех», а решил убраться сам. На выходе из развалин этого страшного объекта увидел командира 3-го батальона нашего полка Михаила Гершгорина, он и его бойцы бились на втором этаже здания. Но и их оттуда выдворили контрразведчики. Увидели мы и покидавшего здание командира полка Сергея Артемова. Нам тут делать нечего. Понимали: вот-вот появятся чины НКВД, прокуратуры, военного трибунала, толмачи-переводчики, корреспонденты, кинооператоры… Эта публика не заставит себя долго ждать. Теперь-то стрельбы нет! «И мы пахали!»

Тому полковнику в роли хозяина, коменданта, тоже не сладко. Надо оттеснить нормальных людей. И надо ждать начальство…

Через это многолюдье я вернулся во двор, где располагался командный наш пункт, наш пункт связи. По дороге услышал звуки громкоговорителя. Неподалеку остановилась машина с армейской радиоустановкой. Остановился и я, прислушался. Различил голос командарма Берзарина: четкие, рубленые фразы первомайского приветствия.

И еще передавалось сообщение Советского информбюро. В нем говорилось:

> «Войска 1-го Белорусского фронта при содействии войск 1-го Украинского фронта после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлином — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.
>
> Берлинский гарнизон, оборонявший город, 2 мая в 15 часов прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен».

Пробираясь к пункту связи, я миновал гору бытового мусора, хлама, щебенки. На куче увидел образец скульптурного искусства. Бюстик, голова. Образ узнаваем — да, это он, фюрер. Статуэтка отлита из черного металла. В чугунных глазницах блестела влага.

Мне показалось, что это человеческие слезы. Фюрера уже не было в живых. Но, подумалось мне тогда, Всевышний дал

чугунному образу слезы раскаяния.

Видимо, от нервного перенапряжения, напомнили о себе мои старые раны. Поэтому на пункте связи я отказался от участия в трапезе. Тогда наш полковой почтальон принес мне свежий номер центральной газеты «Красная звезда». И я очень удивился, что на ее страницах засветилось имя начальника Берлинского гарнизона и коменданта Николая Эрастовича Берзарина. Раньше здесь мелькал довольно узкий круг генеральских имен. Корреспондент «Красной звезды» перед Первомайским праздником из Москвы по телефону беседовал с нашим командармом. И это обширное интервью поместила газета.

В душе моей появился просвет. Наступает время новое, неведомое.

Автографы на стенах рейхстага

Части нашей 5-й ударной армии во второй половине дня 2 мая встретились с воинами 3-й ударной армии, наступавшей нам навстречу.

Сокрушив мощные рубежи обороны гитлеровцев, 3-я ударная наступала к центру города через Маобит и Тиргартен и в конце апреля оказалась на подступах к рейхстагу. Завязался бой с немецким гарнизоном, оборонявшим здание, где до 1933 года заседал парламент Германского государства. В 1933 году здесь возник пожар, и с той поры оно пустовало. Сейчас у рейхстага бой вели в основном части 150-й Идрицкой стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор В. М. Шатилов. В дивизии, в 656-м стрелковом полку, в батальоне капитана С. А. Неустроева находилось Знамя Победы. Это было знамя под номером шесть.

В ходе кровопролитного боя в здание рейхстага первыми ворвались со своими бойцами комбат капитан С. А. Неустроев, взвод лейтенанта Р. Кошкарбаева, отделения сержанта М. А. Егорова и младшего сержанта М. В. Кантарии. Они несли знамя номер шесть, которому и суждено было быть водруженным над куполом рейхстага.

Как мне представляется, военный совет 3-й ударной армии, обсуждая вопрос о поощрении участников штурма рейхстага, руководствовался следующими соображениями. Звания Героя Советского Союза должны быть удостоены знаменосец, комбат Неустроев, его ассистенты — Егоров и Кантария. В случае выбытия из строя одного из ассистентов его заменил бы Рахимжан Кошкарбаев. Резервный ассистент Кошкарбаев достоин награждения орденом Красного Знамени. В штурме участвовали

сотни героев. Каждый получил ту или иную награду.

В послевоенное время однополчане Кошкарбаева сочли, что резервный ассистент знаменосца совершил равноценный подвиг вместе со своими соратниками. Учитывая это, президент Республики Казахстан издал указ от 7 мая 1999 года о присвоении Рахимжану Кошкарбаеву звания «Народный герой» («Халык кахармани»).

Рахимжан Кошкарбаев написал и опубликовал свои воспоминания. Там есть странички с описанием последнего боя у стен рейхстага. Его взвод захватил в плен последних защитников рейхстага — это были французы из дивизии «Шарлемань» и латыши из 15-й пехотной дивизии СС. Рахимжан дрался с этими выродками врукопашную. И победил!

Я, автор этих строк, дружил с народным героем Казахстана Кошкарбаевым и считаю необходимым дать некоторые пояснения насчет знамен.

Командование войсками фронта перед штурмом Берлина устроило некоторую состязательность. Разным соединениям было роздано 24 знамени, на которых нашиты были изображения серпа и молота. У этих дивизий имелась возможность, при захвате того или иного объекта, поднимать над ним знамя в знак победы. 416-я дивизия нашей армии водрузила знамя над Бранденбургскими воротами, 301-я — над рейхсканцелярией. Такого «официального» знамени наша дивизия не имела. Можно было поднять где-либо только самодельное полотнище.

Командир 3-го стрелкового батальона нашего полка Михаил Гершгорин дрался с фашистами на втором этаже рейхсканцелярии, когда рядом взорвалась граната. Он упал, но его тут же подхватили солдаты. Санитарка Неля Цимбал быстро перевязала рану, комбат воспротивился эвакуации и оставался со своими бойцами до конца сражения. Потом, уже на перевязочном пункте санроты, на вопрос врача, не его ли бойцы подняли там победное знамя, ответил:

— Нет! Этой чести не удостоены…

— А кто же удостоен?

— Моих бойцов элементарно прогнали политотдельцы соседней дивизии. Удалили солдат и даже санитарку Нелю. Они же «рыцари»! Привели свою даму, агитаторшу политотдела в чине майора — она и вывесила флаг на всеобщее обозрение. И с этого дня будет купаться в лучах славы. Интервью, репортажи, кинохроника…

Ох уж эти политотдельцы! С какой алчностью они искали почестей, даже им не полагающихся. Теряли при этом чувство меры. Ничего не попишешь: слаб, слаб гомо сапиенс!

Доложили о гершгоринской обиде командиру полка Сергею Артемову. И комполка послал меня к раненому сообщить, что и он, и спасшая ему жизнь санитарка представлены к орденам Красного Знамени…

Полки назвали Берлинскими…

Вторую половину дня 2 мая в Берлине все живое находилось на улицах, площадях, проспектах, бульварах… С неба временами накрапывал дождь, ветер трепал многочисленные белые и красные полотнища.

В разных местах слышались восторженные возгласы и трещали выстрелы — то бойцы палили в воздух в честь одержанных побед над фашистской силой. В одном месте я видел толпу берлинцев. Перед ними выступал изможденный человек в полосатой одежде — бывший заключенный. Жадными глазами, уставившись на оратора, люди, затаив дыхание, ловили слова… Пришло их время, время антифашистов. Коммунисты-тельманцы, левые социал-демократы. Немецкие патриоты. Сколько их погибло в неравной борьбе!

Наступили дни подведения итогов… Вот события одного такого дня.

Утром я увидел расчеты дивизиона, пересекающие Унтер-ден-Линден. Лошади с громыханием волокли 76-миллиметровые орудия. А полевую кухню с кашеваром на передке тащил верблюд[71]. Да-да. Двугорбый бактриан чудом уцелел. Он вышел в ноябре 1942 года из Астрахани, прошел тысячи верст по дорогам войны. И сейчас с равнодушным величием шагал по мостовой Берлина. Его предки веками перевозили караванами из Китая и Индии по Великому шелковому пути в Европу экзотические товары — чай, горчицу, перец, дорогие ткани, ковры…

А нынче? Ах, нынче…
Былому не равно.
Мы нынче в Берлине,
Как странно!

Такими стихотворными строками заканчивал свой рассказ о верблюдах, опубликованный в дивизионке, наш военкор, храбрый пушкарь-наводчик Николай Малых.

Около 17.00 части дивизии стали выстраиваться в линию колонн на Унтер-ден-Линден, вблизи Бранденбургских ворот,

недалеко от здания советского посольства. Кстати, об этом здании. С парадной стороны не было видно повреждений. Видели мы лишь выбитые окна. Но где-то я прочел, что разрушения имелись, и — значительные.

Наш 899-й выстроился. В строю у нас оставалось не более пятисот солдат и офицеров. (Штатная численность стрелкового полка — около двух тысяч человек. На Висле мы имели полностью укомплектованные подразделения. Такова убыль!)

Когда мы построились, дождь прекратился. Но тучи не разошлись. Они спускались на руины, дымились над развалинами зданий. Водяная слизь покрывала Бранденбургские ворота, поврежденные колонны, искореженную квадригу.

Если отойти в сторонку, видны ряды других наших полков: 902-го и 905-го стрелковых, 771-го артиллерийского, других частей и подразделений.

…К месту построения прибыли командир дивизии Галай, его заместитель по политчасти Дюжилов, начальник штаба Коняшко. Они поднимаются на площадку самоходного орудия, грозной САУ с длинным, задранным в небо хоботом пушки.

В обычное время голос Галая хриплый, скрипучий, но сейчас мы слышим его четко и ясно. Генерал поздравляет нас с победой. В ответ разносится по колоннам «ура!». Слово берет наш главный политвоспитатель, полковник Дюжилов.

Он начал с рассказа о боевом пути дивизии. И это, наверное, необходимо. Старослужащих здесь очень мало. Помнящих ноябрь 1942 года и Астрахань — единицы. А ведь дивизия выступила в поход из Астрахани. Свыше двадцати восьми месяцев шла дивизия сквозь огненную пургу по калмыцким степям и дальше на запад… Части дивизии освобождали Ростов-на-Дону, прорывали гитлеровскую оборону на реке Миус, форсировали Днепр, Южный Буг, Днестр…

В жестоких боях полки несли потери. Гибли наши боевые друзья, но уцелевшие продвигались вперед. Из тыла шли на пополнение молодые ребята, они становились умелыми воинами. И вот Висла и Одер. И дивизия пришла в Берлин!

Нас вели к победам замечательные полководцы.

У наших ног — поверженный Берлин.

Как не вспомнить те призывы, которые провозглашались еще в Астрахани, на великой русской реке Волге: «Даешь Берлин!»

Когда Дюжилов закончил свою речь, на его место встал начальник штаба Коняшко. Он зачитал указы о награждениях, приказы с благодарностями.

К знамени 905-го стрелкового полка прикрепляется орден Богдана Хмельницкого, 771-го артиллерийского полка — орден

Александра Невского. 902-й и 899-й стрелковые полки награждены орденами Кутузова. Нашим полкам присвоены наименования Берлинских.

Здесь же, на этом построении-митинге командиры получили для вручения всем своим подчиненным грамоты. Их текст гласил:

«Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища И. В. Сталина от 2 мая 1945 года № 359 за овладение столицей Германии городом Берлин всему личному составу Вашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему участие в боях, объявлена благодарность».

…Митинг окончен. Слышатся отрывистые слова команд. Сейчас офицеры отведут подразделения на свое место. Командир полка Сергей Артемов зовет к своей машине начальника штаба Вениамина Маноцкова и меня — его помощника. Вытащив карту из планшета, Артемов сообщает план передислокации. Наше место — Западный Берлин, академия имени Германа Геринга и район Берлинер-Груневальд. Обязанность — несение патрульной и караульной службы.

Смотрю на командира полка — он за эти дни сильно постарел. И Маноцков — тоже. Последние трое-четверо суток фактически не спали. Мы людей не торопили, собирались к переезду в Западный Берлин суток трое. Еще раз я увидел рейхсканцелярию. За сутки подъезды расчистили, установили шлагбаумы и будки для часовых. Подъезжали машины, выходили из них чины и их обслуга.

Как стало известно позже, 3 мая маршал Жуков, генералы Берзарин и Боков приезжали из Карлсхорста на Вильгельмплац, побывали в рейхсканцелярии. Им доложили, что трупы Гитлера и его приближенных не найдены. Их сожгли и где-то закопали. Генералы пошли во двор и парк, откуда убитых и раненых уже убрали. Им показали остатки потухших костров, где, возможно, были сожжены Гитлер и его жена Ева Браун. Куча пепла не впечатляла. И Жуков заметил:

— На этих кострах немецкие солдаты кипятили воду.

Возникли сомнения насчет «самоубийства» фюрера. Может быть, он ушел в подполье, переждет время, а потом найдет убежище в Испании, Португалии или где-нибудь в Латинской Америке. И кто-то подал мысль о «прочесывании» городских кварталов.

Нам определили координаты, где мы должны работать. Наши подразделения усердно участвовали в этой акции. Осматривали все закоулки подвалов, чердаков, тоннелей. В штабе опрашивали задержанных. Жители одного из кварталов выдали нам бывшего немецкого коменданта Ростова. У Маноцкова во время оккупации

Ростова погиб его родной брат. Работал брат в Доме политпросвещения. И потому гитлеровцы осудили его на казнь: с дощечкой на груди «Большевистский поп» отправили на виселицу. Захватили тетку Гиммлера, начальника гестапо. Всего полгода тому назад она вернулась домой из Америки. Изъяли у нее акции какой-то американской компании.

А одно подразделение вдруг схватило «Гитлера». Длинное прыщеватое лицо, слипшиеся редкие волосы на голове, челка на лбу, усики. Уполномоченный контрразведки «Смерш» допросил его. Кто такой? Хозяин лавочки с Фридрихштрассе. Его знает весь квартал. Явная ошибка! Отпустили его с миром. Вот уж действительно от серьезного до смешного — один шаг.

Полковник Артемов, улыбаясь, заметил:

— Даже если Гитлер и скрылся, то он не такой болван, чтобы шляться со своими идиотскими усиками.

Задержали человека с усиками бойцы батальона Виктора Боровкова. И один штабной шутник в честь этого события сочинил стихи, посвященные Боровкову:

Его солдаты под мостом
Поймали Гитлера с хвостом!

Комбата Боровкова злило то, что смеялся над ним шутник-сапер. Комбат ворчал:

— Не понимаю, что здесь смешного. Сказали нам: ищите! Мы и искали. Это сложнее, чем воткнуть в землю дощечку «Мин нет!». Мины искать всякий может…

В тот же день поиски фюрероподобных личностей прекратили.

Батальоны наши двинулись по широкой Кюрфюрстендамм к новому месту расквартирования — в городок немецких авиаторов, в академию Германа Геринга.

Для полноты повествования могу проинформировать своего читателя о том, где же погребен самоубийца, бывший фюрер Третьего рейха.

Останки военного преступника Адольфа Гитлера и его жены Евы Браун, в конце концов, после ряда перезахоронений, погребены окончательно. Это произошло 5 апреля 1970 года при следующих обстоятельствах. Советские войска, как это и предусматривалось международными договоренностями, до конца 90-х годов XX века находились на территории Германии.

Как известно, позиции, занимаемые в Берлине 5-й ударной армией генерала Берзарина, уже в 1945 году перешли к 3-й ударной армии, которой командовал генерал-полковник Василий

Иванович Кузнецов. Армия и ее штаб несколько раз меняли места дислокации. Контрразведка 3-й ударной армии, завладевшая останками фюрера, всякий раз выкапывала из земли ящик с прахом Гитлера и везла с собой. Затем эти останки оказались в Москве на Лубянке.

В 1970 году председателем КГБ СССР был Ю. В. Андропов. Он — бывший комсомольский вожак, затем партизан; он — интеллектуал и даже стихотворец. Возглавив такое ведомство, Юрий Владимирович занялся гитлеровскими останками. По его приказу ОКР провел операцию под условным названием «Архив». Гроб с прахом фюрера доставили в Германию.

О финале этой истории любознательные граждане узнали в Москве в 2007 году. В столице, на Поклонной горе в декабре была открыта выставка, посвященная девяностолетию ВЧК. 18 декабря 2007 года в газете «Московский комсомолец» был напечатан репортаж с выставки. В нем изложено содержание актов о работе оперативной группы, занимавшейся останками военных преступников. Акты свидетельствуют, что останки фюрера вывезены были в город Шенбек — недалеко от Магдебурга. Автор репортажа процитировал текст:

> «Совершенно секретно. Экземпляр единственный
>
> Акт о физическом уничтожении останков военных преступников
>
> 5 апреля 1970 года. Уничтожение произведено путем сожжения на костре на пустыре в районе г. Шенбек — в двух километрах от Магдебурга. Останки перегорели, вместе с углем истолчены в пепел, собраны и выброшены в реку…»

Близ Шенбека протекает небольшая речушка, приток Эльбы.

Материалы выставки «90 лет ВЧК» открыли тайну «могилы Гитлера», которую некоторые исследователи и публицисты продолжали искать до недавних пор.

Уже после этой публикации в «Московском комсомольце» американские киношники в 2009 году отсняли фильм «Побег Гитлера». Телефильм о том, что Гитлер во время боев в Берлине все же бежал и где-то скрывался. Неужели найдутся зрители, которые пойдут смотреть киноподделку? Значит, есть люди, которые верят: в 1945 году Гитлер спасся. И незачем их переубеждать.

Глава седьмая
ЕГО КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС

Слово о науке ненависти

Город свастик и орлов, гауптштадт Третьего рейха, со своими темными элементами попал, как говорится, в отвратительную ситуацию. Сатанинская власть гитлеровских бонз, власть гестапо провалилась в тартарары. Отправляясь в преисподнюю, фюрер проклял своих подданных и высказал мысль, что без него германская нация и фатерланд не имеют права на земное существование. Но человек, спасший мир от коричневой чумы, провозгласил иное:

> «Гитлеры приходят и уходят, а государство немецкое, народ немецкий остаются».

Сказано это было и к месту, и ко времени. Население Германии, жестоко проученное плодами своего неразумия, стало расставаться с прежними предубеждениями.

Да, мы шли сюда с идеей: «Горе стране насильников и убийц!» Даже на Висле наша ненависть к обитателям коричневого рейха не знала предела. Скажу о себе лично. Моего брата-артиллериста, оставшегося раненым на поле боя под Малоярославцем, фашисты вместе с другими плененными затащили в церквушку и пригвоздили к кресту, поэтому я придерживался принципа: гитлеровцев надо уничтожать. И газеты наши призывали: «Убей немца!» В январе, за польской речкой Пилицей, мы разгромили сборный эсэсовский полк. Солдаты наши жесточайшим образом расправились с остатками того полка, исполнявшего гитлеровские истребительные директивы.

Но уже спустя неделю в наших рядах ненависть к немцам стала остывать, ее градус стал падать. Нравственная атмосфера заметно изменилась на Одере — к нам пришли пополнения из далекого тыла. Молоденькие новобранцы принесли иные настроения. Вот прибыла маршевая рота из Тулы. С «зелеными» солдатиками беседует парторг полка Михаил Новиков. «С каким наказом проводила сына на фронт твоя мамаша?» — спросил он семнадцатилетнего паренька. Тот ответил: «Мне мама, вытирая слезы, сказала, что я буду вооружен и не должен обижать немецких мирных граждан». В другой роте белорусский паренек

из семьи, побывавшей под немцами и пережившей ужасы оккупации, поведал примерно то же: «Родители и офицеры в военкомате нам сказали: “Будьте людьми. Не судите германцев строго — имейте жалость!”».

Великое стояние на Одере. По моему мнению, оно было необходимо и с психологической стороны. Пылавшая в сердцах воинов-освободителей лютая ненависть к «фрицам» и «Гансам», мучителям и палачам, стала понемногу выветриваться. Стояние на Одере было в какой-то мере спасительным для жителей Германии, для Берлина. На солдатские души благотворно действовала всепрощающая сила материнских сердец. Не к лицу русскому человеку быть мстителем и карателем, когда враг повержен. Эмблема — свастика и орел-стервятник — стала меньше раздражать и особых эмоций не вызывала. Наши воины вошли в Берлин нормальными людьми.

Шекспировский масштаб личности

Еще пылали пожары, в развалинах, подземельях и укрытиях трещали «шмайссеры», ППШ, пулеметы, еще падали с неба авиационные бомбы, на площадях и мостовых рвались артиллерийские снаряды и мины, а истинный, подлинный хозяин в Берлине уже имелся. Об этом позаботились те, от кого зависела судьба города: позаботились Верховный главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин и творец победы наших войск в Берлине маршал Георгий Константинович Жуков. При численности населения в 3,5 миллиона городу без полномочного хозяина-распорядителя не обойтись. Всему живому требовались питание, вода, свет и тепло. И транспорт для передвижения. И человеческое внимание.

«Насладившись» войной, своей безумной мечтой о мировом господстве, Берлин молил о явлении человека, который бы спас тех, кто уцелел. И население города его получило.

Получило *коменданта.*

Термин «комендант» прочно вошел в словарь русского языка, хотя привнесен туда извне. Во французском языке это слово означает «командир», «начальник».

Кто лучше других справится в такой, поистине отчаянной обстановке с обязанностями хозяина — коменданта Берлина? Для командования Красной армии это был непростой вопрос.

В подчинении комфронта маршала Г. К. Жукова служило немало умных, толковых, деятельных генералов. Многие из них прошли большую боевую и жизненную школу, умело руководили

войсками. В военных училищах, в академиях их учили премудростям оперативного и тактического искусства, практике комендантской службы. В этом отношении вроде бы проблем не возникало. Однако это только на первый, поверхностный взгляд. А копни глубже — все не так-то просто.

Поверженный многомиллионный Большой Берлин — случай особый, исключительный. Это взятый штурмом главный город огромного европейского государства. Будущий статус его неизвестен. Во всемирной истории войн никогда ничего подобного не происходило. Да, русские войска дважды до этого брали Берлин. В первый раз во время Семилетней войны в августе 1759 года и второй раз — в 1815 году во время коалиционной войны против Наполеона I. Но те войны носили иной характер, и комендантская служба имела иные цели. В тех войнах обычно армии брали штурмом город, жгли, разрушали, грабили его и уходили, захватив трофеи и пленных.

Война отечественная, война против гитлеризма была принципиально иной. Она велась с освободительными целями. И наш солдат-ратник был человеком другого склада. Город этот до последнего времени служил исчадием зла. Быть комендантом в таком месте — не всякому генералу по плечу. Маршал Г. К. Жуков еще в начале войны приметил в своих войсках военачальника на сто процентов пригодного к такой чудовищно трудной роли.

Человек этот — Николай Эрастович Берзарин. В великой трагедии Шекспира «Гамлет» есть одна фраза, услышав которую, публика немеет: «Он *человек* был, *человек* во всем!» Это емкое высказывание вполне подходит для характеристики генерал-полковника, командующего 5-й ударной армией, занявшего должность коменданта Берлина.

Берзарина к такой роли подготовила вся его жизнь. Петербургский мальчишка, полусирота, с младых лет знал, что такое трущобы большого города. Затем перенес многолетние скитания по великим просторам родной страны, из края в край. Надо выжить, надо самому отстоять свое право быть личностью, человеком. Знаменитый писатель и драматург Всеволод Вишневский с восхищением говорил о Берзарине, как о талантливом, высокообразованном военачальнике. «У него есть мае-штаб», — подчеркивал Вишневский. Выбор Жукова писатель приветствовал от всего сердца.

Полководческая деятельность развила в Берзарине лучшие качества русского генерала — нравственные, моральные.

Что еще можно кратко сказать о биографии Берзарина? Удивительно, что зачастую счастливый случай шел ему навстречу. На Дальнем Востоке он встретил прекрасных

наставников — В. К. Блюхера, И. Ф. Федько, Г. М. Штерна и др. Незадолго до германской агрессии японцы, рискнувшие возле озера Хасан вступить с Берзариным в единоборство, крепко его зауважали. Своим военным мастерством он покорил сердца японцев. Романтические глашатаи Страны восходящего солнца совсем молодого военачальника нарекли «Уссурийским тигром».

А чуть раньше развитию дарования администратора, военно-хозяйственного дарования способствовало поприще военного коменданта Иркутска. Там он, управляя гарнизоном, зарекомендовал себя как самобытный комендант. Кстати, в этой должности есть что-то поэтическое. В Хабаровске, например, я помню, у нас комендантом города был полковник Чернояров. Строг, справедлив, остроумен. И офицеры гарнизона в его честь слагали стихи. Из этой плеяды русского офицерства был и Николай Эрастович Берзарин.

Первые эдикты коменданта

Последние очаги войны в Германии и на соседних с ней территориях Европы погасли в середине мая. Наша страна стала готовиться к юридическому оформлению победы, к подписанию акта о капитуляции Германии. Но союзники начали «мухлевать». Оказалось, что они хотят все решить в обход нас и без нас и предпринимают меры, чтобы поставить во главе Германского государства, как это завещал покойный Адольф Гитлер, гросс-адмирала Карла Дёница.

Для англичан этот гросс-адмирал был почти своим — во время Первой мировой войны находился у них в плену. Превосходно! Но гросс-адмирал Дёниц был «свой парень» и для Адольфа Гитлера. Что это означало в 1945 году? Означало то, что он — один из главных военных преступников и его место не в кресле германского канцлера, а на скамье подсудимых.

Дёниц и его военно-морское окружение перевели свой штаб из города Плён во Фленсбург, расположенный на границе с Данией. Там уже обосновался убежавший от фюрера Гиммлер со своим штабом. Все знали, что Гиммлер задался целью стать премьер-министром поверженной Германии под руководством Дёница. Им симпатизировали западные союзники. Всё «зер гут». Дёниц и Гиммлер согласились капитулировать перед Эйзенхауэром.

Эта компания решила переехать в Реймс, город, где до 1825 года короновались французские короли. Не провинциальная дыра, не захолустье. В реймсской школе располагался штаб

Верховного командования англо-американских экспедиционных сил.

7 мая 1945 года в Реймсе в здании этого учебного центра в 2 часа 11 минут утра состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Акт подписали американский генерал Смит и немецкий генерал Йодль. Советский представитель при штабе союзных экспедиционных войск генерал-майор И. А. Суслопаров был приглашен для подписания акта как свидетель. Суслопаров сделал на документе приписку, что это — не окончательное соглашение.

Из этого международного правового документа «торчали уши» интриганства, подлой игры, шулерства.

Попытка провести вокруг пальца наших дипломатов англо-американцам не удалась. Кремль поставил вопрос ребром. Проблема капитуляции Германии должна решаться не на задворках, не за кулисами, а гласно и открыто перед всеми нациями, а именно — в Карлсхорсте, где размещался штаб 5-й ударной армии, возглавляет которую генерал-полковник Н. Э. Берзарин, гросс-комендант Берлина.

Карлсхорст — живописный район Берлина. Вокруг — зеленые лужайки, где растут, по крайней мере, восьмидесятилетние деревья. Нарядные стены домов увиты плющом.

Для своей резиденции Берзарин избрал комплекс зданий бывшего Военно-инженерного училища. Фашистов в свое время выбила отсюда элитная 301-я стрелковая дивизия. Следом за ней с боями шли полки 248-й стрелковой Одесской дивизии, первое формирование которой обороняло Москву. Бойцы 248-й, заняв Карлсхорст, сделали то, что военные люди называют нынче зачисткой.

Из Карлсхорстской резиденции, из здания училища, военный комендант Берлина, он же начальник гарнизона Н. Э. Берзарин начал свои широкомасштабные действия по наведению порядка в освобожденных районах города. Предмайская неделя — великая неделя. Рухнули твердыни рейхсканцелярии, погиб предводитель нацистского рейха. Берзарин, естественно, начал с того, что 27 апреля обнародовал сообщение: он, советский генерал, принимает на себя всю административную и политическую власть в Большом Берлине.

Надо же произойти такому совпадению: в тот день город «впал в кому». Последняя действовавшая берлинская электростанция в Шарлоттенбурге после взрыва мостов немецким вермахтом прекратила давать электричество. В результате прекращения электроснабжения вышли из строя водоснабжение, канализация и газоснабжение, а также все коммуникационные и

транспортные системы. Как это непохоже на падение Парижа, на улицы которого войска немцев-завоевателей вступали под звуки оркестров, а парижане встречали их цветами. Нет, эта война была принципиально иной.

Получив весть о катастрофе с электроснабжением, Берзарин той же ночью бросает свои инженерные части в Руммельсбург, где повреждены и остыли турбины электростанции. В 10 часов 30 минут советские военные инженеры сначала задействовали частичную мощность станции, а потом, под огнем противника, полностью завершили восстановительные работы. Выведенная из строя в ходе боев электростанция в Штеглице усилиями наших инженеров дала ток 1 мая.

Нужно было незамедлительно раскинуть сеть районных и участковых комендатур, подобрать для них людей. И эту задачу комендант города решил. Грамотные, умелые люди в армии нашлись. Но маршал Жуков считал, что профессионализм — это еще не всё. Он дал Берзарину директиву:

> «Мы ожидаем, что в каждом работнике нашей берлинской комендатуры сплетутся в тугой узел все высокие нравственные понятия: долг, порядочность, воля, доброта».

У Берзарина имелась твердая опора — кадровый состав его армии. Нам всем передали требования Жукова и Берзарина. Эти требования сводились к тому, что советский офицер — командир части, подразделения должен быть интеллигентнее своего ремесла, без этого он не годится для серьезного дела за рубежом. Везде и всюду, на всех встречах с командирами и политработниками Берзарин и члены военного совета армии подчеркивали, что теперь надо овладевать функциями офицера-администратора, действуя в рамках международного права.

«Готовы ли вы для этого?» — выступая перед руководящим составом комендатур, спрашивал Николай Эрастович. И отвечал: «Если не готовы, то следует быстро себя подготовить». Затем продолжал: «Работнику комендатуры, администратору надо иметь политическое зрение, нетривиальность восприятия явлений, он должен проявлять чуткость к тонкостям человеческой натуры, к национальным чертам. При этом надо придерживаться принципов интернационализма. Нравственное, умственное богатство определяет работника комендатуры не в меньшей мере, чем профессиональные знания».

Генерал напомнил нам высказывание Льва Толстого: «Случалось ли вам в лодке переезжать быстротечную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет.

Так и в области нравственных требований, надо рулить всегда выше: жизнь снесет».

То, что я скажу ниже, пусть мой читатель не сочтет за нескромность, за хвастовство. Но как мне не гордиться тем, что в тот период командование моей работой было довольно? А член военного совета 5-й ударной армии, генерал-лейтенант Ф. Е. Боков в своих мемуарах «Весна Победы» отозвался о моей «персоне» с похвалой? Федор Ефимович назвал меня персонально в числе тех офицеров, кто на освобожденных территориях Германии неукоснительно действовал в духе международного права, кто относился к населению этой страны с доверием и благожелательностью[72].

Командир артиллерийской батареи тяжелого дивизиона Николай Александрович Борисов (после войны — педагог одной из московских школ, заслуженный учитель РСФСР) на страницах газеты «Маяк» посвятил мне такие строки:

Были небывалые невзгоды,
Смерчевые тучи и дожди.
Мы прошли и сквозь огонь, и воды,
И сквозь трубы медные прошли.

В Лету канул главный наш экзамен,
Отгремели залпы в том бою.
И в Берлине комендант Берзарин
Руку жал усталую твою.

В занятых нашими войсками районах города уцелевшие жители почувствовали, что имеется какая-то надежда на спасение. На своем родном языке они услышали голос русского человека. Голос мира и дружбы.

Комендант распорядился, чтобы в жилые кварталы, не подверженные обстрелам, выдвинулись несколько десятков машин с радиоустановками и дикторы зачитывали на немецком языке распоряжения военных властей. Каждая из радио-установок передвигалась с места на место, рискуя попасть под удар фаустника, и за сутки делала порой по 50–60 передач. Слушающим сообщалось, что Красная армия сражается с фашизмом, а не с немецким народом, что у трудового, честного жителя-берлинца нет и быть не может ничего общего с гитлеровским фашизмом. Немцы должны понять, что русские не испытывают ненависти к немецкому народу, они хотят видеть Германию свободной… «Ахтунг! Ахтунг!» — это был зов жизни.

Политика советских военных властей разъяснялась в

листовках, которые выпускались огромными тиражами и расклеивались по городу.

Армия Берзарина вела смертельные бои в правительственных кварталах, а командарм-комендант издал основной свой правовой акт, эдикт-приказ от 28 апреля 1945 года № 1.

В нем было сказано:

> «1. Населению города соблюдать полный порядок и оставаться на своих местах.
>
> 2. НСДАП (сокращенное название нацистской партии. — *В.С.)* и все подчиненные ей организации распустить и деятельность их запретить.
>
> 3. В течение 72-х часов со времени опубликования приказа должны явиться на регистрацию все военнослужащие немецкой армии, войск СС и СА, оставшиеся в городе Берлине.
>
> 4. Руководящему составу всех учреждений НСДАП, гестапо, жандармерии, охранных отрядов, тюрем и всех других государственных учреждений явиться в районные и участковые комендатуры для регистрации.
>
> 5. Все коммунальные предприятия, как то: электростанции, водопровод, канализация, городской транспорт, все лечебные учреждения, все продовольственные магазины и хлебопекарни должны возобновить свою работу по обслуживанию населения. Рабочим и служащим перечисленных учреждений оставаться на своих местах. В дальнейшем, до особых указаний, выдачу продовольствия из продуктовых магазинов проводить по нормам и документам, существовавшим ранее.
>
> 6. Собственникам банков и управляющим временно всякие финансовые операции прекратить, сейфы немедленно опечатать и явиться в военные комендатуры с докладом о состоянии банковского хозяйства.
>
> Всем чиновникам банков категорически запрещается проводить какие бы то ни было изъятия ценностей…»

В приказе строго оговаривалось требование к населению о немедленной сдаче оставшегося на руках оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, военного снаряжения и имущества.

Зеленые листочки эдикта — листочки приказа номер один… Они густо запестрели на заборах и тумбах, на стенах уцелевших домов, в аудиториях учебных заведений, в театрах, библиотеках, школах.

Люди собирались возле тумб с приказами, высказанное

комендантом обсуждалось, толковалось.

В штабы полков, бригад, дивизий пришли и некоторые другие приказы, распоряжения, инструкции, которые издавались штабом Берзарина под грифами «Для служебного пользования» и «Секретно».

Хочется привести здесь типичный для того времени документ. Он относится к категории приказаний. Приказание коменданта Берлина Н. Э. Берзарина от 7 мая 1945 года № 0180 «Об организации патрульной службы в г. Берлине» в открытой печати не появлялось — его исполнение возлагалось на военнослужащих. Документ гласил:

> «Комендант Берлина *приказывает*:
>
> 1. В целях решительного пресечения мародерства и другого противозаконного поведения ввести всеохватывающее патрулирование в тех районах, где размещены армейские подразделения.
>
> 2. Для несения патрульной службы выделить лучшие силы из числа рядовых, сержантов и офицеров.
>
> 3. Для контроля патрульной службы и поддержания общего порядка в Берлине, а также в целях пресечения грабежей и насилий привлекать всех, без исключения, штабных офицеров всех уровней.
>
> 4. Проводить патрулирование на автомашинах с командой от четырех до шести автоматчиков, а именно:
>
> — от каждого из стрелковых полков: одна машина;
>
> — от каждого дивизионного штаба: две машины;
>
> — от корпусных штабов: три машины;
>
> — от штаба армии: десять машин».

При штабах полков имелись комендантские взводы. У нас в полку командиром этого взвода служил Сергей Астахов, до призыва в армию работавший начальником районной милиции. Он и группа штабников оборудовали грузовик для патрульной службы. Вооружив людей автоматами, Астахов дал знать всей округе, что здесь он не потерпит каких-либо бесчинств. Саратовчанин, лейтенант Володя Жевак, например, в кварталах, занятых нашим полком, через громкоговоритель оповестил жителей на немецком языке, куда им обращаться с сигналами, если кто-либо из военных допустит притеснения.

Потом мы учредили в штабе приемную, где постоянно вместе с дежурным офицером находился переводчик Киселев. На этом пункте жители имели возможность изложить свои просьбы.

Разговоры на том пункте шли не только о текущем, о будничном. Немцев волновало, что будет дальше. Возврат к

«веймарскому» государственному устройству? Немцам Володя Жевак говорил так. Всё это определит международная конференция по Германии. Надо думать, что скажут свое слово немецкие политики, антифашисты.

Уже в мае в Германии роились тысячи газетчиков, радиокомментаторов, обозревателей, они осаждали коменданта Берзарина, районных и участковых комендантов. Я услышал новое понятие «брифинг». В то время оно означало «инструктаж». Берзарину приходилось выкраивать время для брифингов. На одном из них побывал и я как представитель участковой комендатуры — мы несли комендантскую службу в районе Берлинер-Груневальд.

Берзарина корреспонденты спросили, каким он видит внешнеполитический курс Советской страны в отношении Германии. Он ответил четко и определенно: «Мы за единую демократическую Германию».

Единая демократическая Германия — таков в то время был наш ориентир.

Так оно и было бы, если бы не грубое вмешательство извне, не коварство и интриги враждебных немецкому народу сил, прежде всего сил Запада.

Напомним, что о Германии без Гитлера серьезно речь шла в октябре 1943 года в Москве на Конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Их вдохновило то, что советские войска, громя вермахт, форсировали Днепр, ожидалось, что заморские гости заговорят об открытии второго фронта, а они стали разлагольствовать о шкуре еще сильного и яростного зверя. Американская делегация предложила после падения гитлеровского режима разделить Германию на несколько карликовых государств времен курфюрстов.

Затем в иранской столице Тегеране собрались вожди трех союзных во Второй мировой войне держав (28 ноября — 1 декабря 1943 года), где также был затеян разговор о будущем Германии. Уже ржавели в донских степях и на Волге немецкие танки, пушки и автомашины разгромленной и плененной армии Паулюса, а англо-американские генералы чесали затылки, размышляя: начинать драку с гитлеровцами или не начинать?

В Тегеране в присутствии Сталина состоялся любопытный диалог между главами правительств Англии и Америки:

> «*Черчилль*: Я за расчленение Германии. Но я хотел бы обдумать вопрос относительно расчленения Пруссии. Я за отделение Баварии и других провинций от Германии.

Рузвельт: Чтобы стимулировать нашу дискуссию по этому вопросу, я хотел бы изложить составленный мною лично два месяца тому назад план расчленения Германии на пять государств.

Черчилль: Я хотел бы подчеркнуть, что корень зла Германии — Пруссия.

Рузвельт: Я хотел бы, чтобы мы сначала имели перед собой картину в целом и потом говорили о компонентах. По моему мнению, Пруссия должна быть как можно более ослаблена и уменьшена в своих размерах. Пруссия должна составлять первую самостоятельную часть Германии. Во вторую часть Германии должны быть включены Ганновер и северо-западные районы Германии. Третья часть — Саксония и район Лейпцига. Четвертая часть — Гессенская провинция, Дармштадт, Кассель и районы, расположенные к югу от Рейна, а также старые города Вестфалии. Пятая часть — Бавария, Баден, Вюрстемберг. Каждая из этих пяти частей будет представлять собой независимое государство. Кроме того, из состава Германии должны быть выделены районы Кильского канала и Гамбург. Этими районами должны будут управлять Объединенные Нации или четыре державы. Рурская и Саарская области должны быть поставлены под контроль либо Объединенных Наций, либо попечителей Европы. Вот мое предложение».

Сталин хранил ледяное молчание, слушая этот «милый» диалог, означавший превращение территории великого государства в болото, а немецкую нацию в стаю грызущихся между собой псов. Этим псам нужен был хлыст, а хлыст этот находился бы в руках строгого хозяина, дяди Сэма. Действительно, милая перспектива! Перспектива, ради которой на полях сражений рекой льется кровь русских солдат и офицеров.

Американский план поддержал в Тегеране Уинстон Черчилль. Он дополнительно предложил создать некое государственное образование, наподобие лоскутной габсбургской монархии — Дунайскую федерацию.

Сталин прервал свое молчание и задал президенту США несколько вопросов уточняющего характера по американскому плану раздела Германии. Его, например, интересовали функции полицейского комитета, образовать который предлагал Рузвельт.

Советский лидер, обладая немалым дипломатическим

чутьем, не хотел распыляться, встреча «большой тройки» в Тегеране проходила в дни, когда чуть ли не половина Украины, вся Молдавия и часть Белоруссии все еще стонали под пятой немецких оккупантов. Для нашего Верховного главнокомандующего важно было побудить союзников к быстрейшему развертыванию военных операций в Европе под кодовым названием «Оверлорд». Но по всему было видно, что союзники продолжают придерживаться принципа — загребать жар чужими руками.

В Тегеране Черчилль и Рузвельт по репликам Сталина поняли, что советский лидер отрицательно воспринимает их антигерманские замыслы и планы.

И в дальнейшем США и Англия продолжали гнуть свою линию. Они стали носиться с планом, составленным министром финансов США Моргентау. «План Моргентау», одобренный в Квебеке 16 сентября 1944 года, уложился в такую незамысловатую форму: «Эта программа ставит своей задачей превратить Германию в страну, которая по своему характеру превратилась бы в страну полей и пастбищ».

Провозвестники новой эры

Приближался финал Второй мировой… Люди стремились к лучшему устройству жизни. Но не все! За океаном с патологической интенсивностью трудился Совет по международным отношениям при президенте США. Чем же были озабочены члены этого совета, его активнейший деятель Аллен Даллес? Кто он? Аллен Даллес (1893–1969) в начале гитлеровской агрессии против СССР, с 1942 года, руководил политразведкой США в Европе. Он взял на себя роль идеолога холодной войны. В 1945 году, когда еще противоборствующие силы в Европе истекали кровью, Даллес написал книгу «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР». Процитируем пару абзацев из этого труда (директива PL-90):

> «…Окончится война, всё как-то утрясется, устроится. И мы бросим всё, что имеем — всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там (в России. — *В.С.)* хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы

найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением… исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и прославлять так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточничеству, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство. Национализм и вражда народов, прежде всего вражда и ненависть к русскому народу — всё это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Мы будем вырывать духовные корни большевизма, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов».

После гибели Берзарина Германия в ходе политических махинаций оказалась расчлененной на зоны оккупации войсками коалиции. Возникли Бизония, Тризония и т. д. Отсюда и начался развал страны на Западную Германию и Восточную Германию.

Пришлось, в конце концов, создавать два государства — ФРГ и ГДР. Государства оказались жизнеспособными.

Раковой опухолью для Германской Демократической Республики оказался Западный Берлин, где хозяйничали американские и британские военные. Как журналист-международник в послевоенное время я неоднократно посещал Германию. Властям Берлина, столицы ГДР, жить и работать было невероятно трудно. Спецслужбы западных держав, засевшие в Западном Берлине, действовали изобретательно, творя против ГДР преступления. Убийства должностных лиц, похищения людей и другие акции превратились в повседневное явление. И власти Берлина решили отгородиться от террористов. Так в 1961 году возник антифашистский вал, пресловутая Берлинская стена. Повторяю: стена эта строилась вынужденно, чтобы спасти берлинцев от террористов и диверсантов.

Для честного, законопослушного берлинца не было необходимости тайком перебираться через стену, существовало множество пропускных пунктов. Никаких особых затруднений для взаимных визитов людей из одной части города в другую не было. Перебирались через стену в неположенных местах только злоумышленники, воры, террористы и другие асоциальные элементы.

Когда я слушаю сейчас рассказы-страшилки нынешней желтой прессы и других СМИ о Берлинской стене, мне становится смешно. Господа! Почему вы не замечаете, что такую же стену соорудили на Ближнем Востоке, защищая население от злодеев-террористов. Америка взялась за строительство стены на границе с Мексикой. Есть и Великая Китайская стена. Но насчет ближневосточной, китайской или мексиканской стен — молчок. А насчет Берлинской — разговоры не умолкают. Почему? Стена волшебная, что ли? Да! Ее боялись злодеи, но она, судя по архивам, не мешала сановникам из ФРГ продуктивно сотрудничать со спецслужбами ГДР, со «штази». А теперь — конфуз!

Но я отвлекся от своей темы, вернусь к весне 1945 года.

В те изумительно ясные и прекрасные, теплые майские дни Николай Эрастович на очередной встрече с журналистами говорил: «Война в Берлине окончилась, а у нас здесь снова фронт — фронт борьбы за новую жизнь немецкого народа. Как меняются времена!»

Кроме корреспондентов редакций газет, агентств, зарубежных СМИ Николая Эрастовича слушали и приветствовали весьма и весьма известные литераторы, публицисты, кинооператоры, приехавшие в те дни в Берлин, в Карлсхорст. Собрались они сюда,

чтобы присутствовать при подписании акта о капитуляции. Назову только тех, кого видел я: Б. Горбатов, Вс. Вишневский, В. Гроссман, Вс. Иванов, К. Симонов, И. Золин, Л. Славин, Б. Галин, М. Мержанов, Ц. Солодарь, Н. Денисов, П. Трояновский, Л. Высокоостровский, Л. Безыменский, А. Кривицкий, Я. Макаренко, И. Шагин, Р. Кармен и многие другие. Журналисты и писатели, беседовавшие с комендантом Берзариным в Карлсхорсте, зафиксировали его сообщение о состоянии города. Вот о чем поведал им комендант.

Берзарин вместо города получил в наследство от гитлеровского коменданта Вейдлинга хаотическое нагромождение развалин. Во многих районах города уже в первые дни уличных боев немецкие власти бросили своих подопечных на произвол судьбы[73]. А это означало одно: голодная смерть. Остановился городской транспорт, вышли из строя электростанции. Фашисты затопили тоннели метро вместе с оказавшимися там ранеными немецкими солдатами и мирными жителями. Начинались эпидемии.

Берзарин стал комендантом города в дни, когда еще продолжались ожесточенные бои, а штурмовые группы пробивались к рейхстагу и рейхсканцелярии.

Нетрудно представить, каких усилий стоило Берзарину в такой обстановке создавать в районах сеть комендатур. Он их создал!

В черту Большого Берлина в то время входили следующие районы.

На северо-востоке: Панков, Пренцлауер-Берг, Митте, Вайсензее, Фридрихсхайн, Лихтенберг, Трептов, Кёпеник.

На северо-западе: Райникондорф, Велдинг, Тиргартен, Шарлотенбург, Шпандау, Вильмерсдорф.

В южной части города: Целендорф, Штеглиц, Шёнеберг, Кройцберг, Темпельгольф, Нойкёльн.

Во все эти районы Берзарин подобрал и направил ответственных лиц — комендантов. Еще шли бои, а они уже доложили Берзарину о том, что приступили к исполнению своих обязанностей и занимаются урегулированием всех городских дел.

В первые дни Советская военная комендатура через свои низовые звенья передала немецкому населению Берлина из фронтовых запасов почти шесть миллионов тонн муки и зерна, около 100 тысяч тонн крупы, тысячи голов крупного рогатого скота. Комендатура имела 1200 грузовиков, которые круглосуточно перевозили продовольствие населению.

Берзарин указал на ту часть зала, где сидели мы, офицеры полков, временно занятые комендантскими обязанностями. «Это

герои мини-комендатур», — охарактеризовал он нас.

— Один из таких комендантских трудяг-офицеров мне сказал, — подчеркнул Берзарин, — что легче идти в атаку, чем видеть беспомощных изголодавшихся людей.

Кто-то из иностранных репортеров спросил Берзарина, может ли он сравнить положение нынешних берлинцев с положением жителей блокадного Ленинграда. Комендант помрачнел и ответил: «Это сравнивать кощунственно». Помолчав минуту, он взял со стола листок с цифрами и назвал те нормы снабжения населения продуктами питания, которые существовали при гитлеровцах в последние месяцы:

— Житель Берлина получал ежедневно двести граммов хлеба, четыреста граммов картофеля, пятнадцать граммов сахара, тридцать граммов мяса и пять граммов жира… Нам удалось выдать продукты по таким нормам. Всего продовольственных карточек населению еще при грохоте артиллерии выдано более миллиона. Выдача карточек продолжается. В Москве правительство знает об этом. Занимается этим Анастас Иванович Микоян. Он звонил мне и проинформировал, что пришлет дополнительные ресурсы, и мы сможем эти нормы несколько повысить. С апреля в Кёпенике и Рансдорфе хлебозаводы работают на всю мощность.

Берзарин сообщил, что у него есть надежный помощник, христианский демократ, освобожденный из концлагеря, Андреас Гермес. Он занял пост начальника продовольственного управления.

Николай Эрастович закончил свое сообщение такими словами:

— Мне кажется, что большинство берлинцев настолько измучены фашистским режимом и истощены длительной войной и лишениями, что искренне стремятся наладить нормальную жизнь в столице. Вы видите сами, что население взялось за расчистку улиц от завалов и мусора. Пройдет немного времени, и вы Берлин не узнаете. Обо всех новостях вас оповестит радио. Оно работает с 4 мая.

Встреча закончилась аплодисментами. При выходе из комендатуры у ворот я оказался рядом с раскуривавшим трубку писателем Константином Симоновым. С ним единственный раз я встречался летом 1942 года на Волге, в селении Садки, в штабе 4-й танковой армии. Он же здесь взглянул на меня, как на старого знакомого. Пожал руку и спросил:

— Не под вашей ли опекой находится Ольга Чехова?

Я несколько подрастерялся и ответил:

— Никак нет, Константин Михайлович!

Симонов, подумав, произнес:

— Ах, вспомнил, она во владениях полковника Бушина.

Бушин — бывший мой командир полка.

— Подождите, я вам его найду! — сказал я и через несколько минут представил ему Григория Бушина.

Сам я не стал задерживаться, ушел. В моей голове вопрос Симонова застрял. Здесь, в Берлине, мои писари при мне рассматривали кипу фотографий, на которых красовались кинозвезды. Под снимком одной красотки стояла подпись: «Ольга Чехова». Я подумал: наверное, какая-то эмигрантка-бродяжка. Таких особ за границей немало. И вдруг фамилию этой актрисы я услышал из уст Константина Симонова. Значит, она, Ольга Чехова, не бродяжка? Он — признанный драматург и киносценарист, хочет вступить с ней в творческий контакт? С этими мыслями я вернулся в свой штаб. Спросил Гришу Дубовцева, писаря, о той куче фото. Их уже не было. Кто-то унес.

Капитуляция

Подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии было назначено на 8 мая 1945 года. В Военно-инженерном училище для этой церемонии был подготовлен зал. А именно — столовая. Просторное светлое помещение. Туда доставили мебель из рейхсканцелярии — в подвалах гитлеровского бункера кое-что сохранилось в целости и сохранности. Кресла, столы, ковер. Ковер в 120 квадратных метров был взят из кабинета самого фюрера и привезен сюда.

Утром 8 мая в аэропорт «Темпельхоф» для встречи самолетов с делегациями правительств СССР, США, Великобритании, Франции выехали генерал Н. Э. Берзарин, член военного совета 5-й ударной армии Ф. Е. Боков и группа старших офицеров, сотрудников центральной комендатуры, переводчики. Они встретили в аэропорту представителей союзников — маршала авиации Великобритании Артура У. Тедцера, командующего стратегическими воздушными силами Чарлза А. Спаатса, командующего военно-морскими силами союзников адмирала сэра Гарольда Бэрроу.

Из Москвы в распоряжение маршала Жукова прибыл А. Я. Вышинский. Правительство назначило его главным советником главноначальствующего в советской зоне оккупации. В СМИ он нынче изображается неким монстром, но на дипломатическом поприще ему, как ученому-юристу, не было равных. Блестящий оратор, полемист, полиглот (на международных форумах

переводчиков ему не требовалось), он мог выступать перед аудиторией на семидесяти языках. Кажется, на это был способен в последнее столетие только папа римский Иоанн Павел II.

Приземлился еще один транспортный самолет. Из него, под конвоем англичан, вышли со своими адъютантами немецкий генерал-фельдмаршал В. Кейтель, генерал-полковник авиации Г. Ю. Штумпф, командующий военно-морскими силами Германии адмирал флота Г. фон Фридебург.

Все эти делегации уехали в Карлсхорст, где каждую в соответствии со статусом принял маршал Жуков.

На аэродроме, в ожидании французского самолета, остались генерал Берзарин и несколько его сотрудников. Представьте на минуту самочувствие Николая Эрастовича Берзарина в те часы. Он ведь совсем недавно находился в военном госпитале. Там лежал с тяжелейшим ранением. Перенес несколько хирургических операций. Пользовался костылями при передвижении. Каково было его физическое состояние в те часы, если учесть, что он поднялся на рассвете и все это время находился на ногах. Наполеоновскому генералу или Кутузову, наверное, поднесли бы стульчик или, в крайнем случае, барабан. Берзарин оглянулся — присесть не на что. Между тем пульсирующая боль в ноге отдавала в затылок…

Никто не удосужился подумать о самочувствии коменданта, и генерал потихоньку опустился сначала на корточки и, не найдя опоры, сел прямо на бетон, ожидая прибытия французов. У фоторепортера получился уникальный кадр, и снимок обошел страницы многих газет. Но комендант, усевшийся по-узбекски на бетоне, улыбался, что-то говорил окружающим, шутил… И дождался высоких парижских гостей.

Самолетом прибыли генерал Ж. Делатр де Тассиньи и его сотрудники.

…В Карлсхорсте бывшее здание офицерской столовой училища мастера превратили в актовый зал. Здание украсилось государственными флагами Советского Союза, США, Великобритании и Франции.

В назначенное время свои места заняли делегации стран-победительниц, немецкая делегация, многочисленный корпус аккредитованных журналистов. В центре стола внимание присутствующих было приковано к Георгию Константиновичу Жукову. Взоры журналистов привлекал грозный дипломат Андрей Януарьевич Вышинский.

Процедура проходила четко, соответствуя значимости момента. 8 мая 1945 года в полночь, в 24.00, состоялось подписание исторического акта о безоговорочной капитуляции

Германии. Документ вступил в силу с момента подписания.

Европа навеки покрыла себя позором, оказавшись прихвостнем Гитлера. Верно то, что германское ярмо разбивало до крови холку Европы. Но Европа рьяно тащила гитлеровский «воз». Вот красноречивые факты. За годы войны в оккупированных странах фашисты сформировали 59 дивизий и 23 бригады. Вермахт получил от захваченных стран пополнений числом в 1 миллион 800 тысяч человек. Воевали они на Восточном фронте от души, старательно.

Войска из Италии, Венгрии, Финляндии, Румынии, Югославии и Чехословакии участвовали в оккупации нашей страны. Против нас воевали легионы СС из Латвии, Эстонии, Франции, Норвегии, Бельгии, Голландии, Дании, Швеции, «Голубая дивизия» из Испании. Карательные батальоны из Литвы наводили ужас на деревни Белоруссии и Украины. Помогала гитлеровцам дивизия СС «Галиция». Чешские заводы денно и нощно нещадно клепали танки для вермахта. Швейцария вооружала гитлеровских зенитчиков «эрликонами». Болгария воевала против наших братьев-сербов на Балканах, снабжала табаком вермахт. На нашей стороне была только Сербия. Союзница наша Англия активно защищала свои колонии в Африке.

Советский Союз поставил на той войне точку.

«Мини-коменданты»

Как-то проходил я в те дни мимо какого-то строения. Вдруг меня что-то бросило наземь. Я распластался на асфальте, услышав скрежет металла. Опомнившись, я поднялся и, стряхивая пыль с колен, понял: характерный звук войны, визг и скрежет, исходил из обыкновенных складских ворот, обитых железом, — их открывал сторож. Я же несколько секунд назад всем существом, подсознательно, почувствовал смертельную опасность — мой слух уловил звук, напоминающий вой падающей авиабомбы.

Я пошел дальше, а привратник осуждающе посмотрел мне вслед, подумав, видимо, что я того… принял лишнего. Рассказал это нашему полковому врачу Виктору Соловьеву. Он меня выслушал. Нервы шалят? Да, со временем пройдет. Его пациенты, оказывается, обращались к нему с подобными жалобами. Саша Кондратов, например, офицер-минометчик, по ночам скверно спит. Иной раз во сне ему кажется, что на его траншею валится грунт, он начинает кричать, звать на помощь. От крика

просыпаются те, чьи кровати находятся поблизости.

Надо отвыкать от тревог. И в свободное время я удаляюсь куда-нибудь подальше, даже в лес. Слушаю тишину. Ее можно найти — в теплом воздухе, в речных потоках, в солнечных лучах. Саша Кондратов — географ. Он говорит: «Я не устаю любоваться бирюзовым небом, пухлыми белыми облаками; у меня такое чувство, словно это небо мне подарили».

Мне хочется уехать отсюда домой. Я люблю западноказахстанскую осень с ее дождями. В моей родной Александровке, если скот на пастбище, совсем тихо. Хорошо бродить в такое время среди озер и перелесков с ружьем. Нужны плащ с капюшоном и крепкие сапоги. Я уже приобрел туристический топорик. С ним легко разжечь костер в ночи на берегу полноводной нашей речки с перекатами. Язычки пламени образуют в угольной черноте яркий цветок. Словно цветет подсолнечник. Дух во мне там, в обществе земляков, нашел бы покой. Мечты, мечты… Выпало нам наводить порядок в Берлине.

Наш командарм, комендант Берзарин, говорил не раз: «Скоро вы Берлин не узнаете».

Некоторое время в эти слова трудно было поверить. У нас в штабе имелась большая схема-карта города. На карте районы окрашены в разные цвета. В натуре видишь три-четыре цвета. Окраины зеленые, но там много грязно-коричневых пятен — городские трущобы. В центре города преобладает нечто черное. Руины и пепелища. Разбитые коробки многоэтажек, расщепленные деревья. Знаменитый парк Тиргартен пострадал основательно — где были фонтаны, там белеет цементная крошка. Но газоны огородники сделали зелеными, они посадили там разные овощи: петрушку, сельдерей, укроп…

Центральных кварталов нет, они были гигантским полем боя и погибли. Дворцы, роскошные офисы, разнообразные архитектурные ансамбли превращены в ничто. Сюда я попал, насмотревшись на развалины Сталинграда, Минска, Варшавы. Думалось мне тогда, что их не восстановят и за десятилетия, и вообще, не лучше ли строить новые города на новых местах? Но, оказывается, такие рассуждения неграмотны.

Берлин, как видно, оказался лишь в «реанимации». Он воскреснет. И воскресят его человеческие руки.

С утра и до ночи население Берлина трудится. И стар и млад. Мелькают лопаты, кирки. Завалы разбирают руками, часто даже без рукавиц. Выстраиваются люди в цепочку, передают кирпич за кирпичом. Неповрежденные кирпичики укладывают отдельно, в кучи — пригодятся. Люди не смирились с разрушениями. Они любят свой город, хотят его воскресить к жизни. Так приказал

русский комендант. Люди хотят избавиться от прошлого.

…Однажды я стал свидетелем такой сценки. Возле нашего штаба стоит часовой. Подошел к нему пожилой немец в изношенной униформе. Из своей сумки вытащил боевой пистолет «вальтер». Объясняет нашему солдату, что подобрал оружие на свалке, бормочет: «Гитлер капут, кригс капут». А наш часовой прогоняет немца с его находкой.

Я сжалился над «энтузиастом по демилитаризации», отвел его к оружейному складу. Там пистолет у немца приняли, да еще и квитанцию с печатью выдали. Немец ушел, тронутый заботой и вниманием к нему. Главное для немцев — порядок, разумные требования.

И город меняется. Около нашей комендатуры чисто, подметено. Скверики приведены в идеальный порядок. Не прошло и недели — нас перемещают.

В берзаринский период весь Берлин принадлежал нашим войскам. Союзники пришли сюда позже. Полки нашей дивизии передислоцировали в Западный Берлин. Эта часть города пострадала от боев мало. Улицы — все в зелени, плющ и виноград увили стены, балконы, заборы. Штаб дивизии располагался на длинной и просторной Курфюрстендамм, наш полк — близ озера в лесу Груневальд, в городке бывшей Военно-воздушной академии имени Геринга. Городок обнесен внушительным забором.

Академия имени Геринга. Много строений, где жили летчики. Мне в них досталась светлая комната с металлической мебелью: никелированная койка, железный стол, несгораемый шкаф из особо прочного сплава. Впрочем, к нашему приходу кто-то успел выпотрошить содержимое сейфа. Валялись папки с бумагами. На некоторых имелся гриф «Конфиденциально». Я не решился вынести папки в мусорный отсек во дворе. Вдруг кому-то понадобятся конфиденциальность, академические секреты…

Что представлял собой этот городок, где ковались кадры для люфтваффе? Большое число казарм, учебный и административный корпуса, огромный двор, за ним — ангар, далее — небольшая взлетная площадка для легких самолетов. В канун краха ангар использовали в качестве склада для авиационных моторов. Там их хранилось несколько сотен.

Рейхсмаршал Геринг обещал населению, что ни одна бомба противника не упадет на территорию Германии. Пока вермахт воевал на западе, и в самом деле бомб на немецкую землю падало мало. Казалось, так и будет: о войне в Германии знают по сводкам. Скоро, однако, немецкому обывателю, бюргеру, был преподнесен сюрприз. Уже в начале войны против СССР русские

бомбы упали на Берлин. «Летающие крепости», «Ланкастеры», появились в небе над Гамбургом, Лейпцигом, Дрезденом.

Гитлер и Геринг могли грозить своим врагам, но остановить возмездие они были не в силах. И даже академия Геринга не уцелела. Забор академического городка оказался разрушенным авиабомбами, во дворе — до десятка воронок от взрывов. Из окна моей комнаты мне видна воронка, в которой мог бы развернуться грузовик.

Выйти из городка можно было, не пользуясь воротами. В одном месте, среди клумб и газонов, рухнул Ю-88. Упал с бомбовым грузом, взорвался, разрушив бетонную стену. Не знаю, насколько это соответствует истине, но здешние немцы из обслуги уверяли нас, что экипаж этого Ю-88 таким способом покончил жизнь самоубийством. Самолет упал здесь в последних числах апреля.

Сейчас известно, что последний раз «юнкерсы» и «мессершмитты» взлетали на боевые задания 30 апреля. Я помню тот день. Мы видели, что в небе идут самолеты. Высоко — американские. И они… сбросили бомбы. На наши позиции! Страшно ли нам было? Нет! Авиация наших «друзей». А почему они бомбят нас? Намеренно? По ошибке? Думай, как хочешь.

Ругань неслась в адрес наших офицеров, которые держали связь с союзной авиацией. К счастью, нашему полку эта бомбежка ущерба не нанесла.

* * *

Знатоки говорят, что бомбометание самолетами с большой высоты для пилота — одно удовольствие. А теоретической основой в этом «удовольствии» служит французская крылатая фраза: «À la guerre comme à la guerre!»

Без пощады! Милости не жди!

Поэтому можно считать, что казус с бомбежкой в Берлине в конце апреля 1945 года англо-американской авиацией наших боевых порядков — дело обычное, рядовое. Недоразумение, от которого никто не застрахован.

Думается, что в этом казусе даже имеется некий дьявольский баланс. Нас бомбят. И мы тоже не без греха. Хотя и с разницей во времени.

Память уносит меня в предвоенное время, когда англичане и американцы в наших союзниках не значились. Англичанин? Американец? «И не друг, и не враг, а так…» — это слова из песни Владимира Высоцкого. И приходилось действовать по обстановке.

В конце 1930-х — начале 1940-х годов наш летчик, офицер-моряк, оказавшись в качестве стажера в немецкой авиации, однажды бомбил англичан. Сожалея о своем грехе, он сам мне об этом поведал.

Расскажу все по порядку.

До определенного времени для Германии выгодно было с нами не ссориться. И у меня, призывника, в то время появился друг на Украине. Виновницей данного события оказалась родная сестрица Мария — из степной Актюбы она поехала на родину нашей мамы, на Украину, в Черкассы, и там вышла замуж за парубка по имени Михаил Братко. Он имел младшего братишку, Гаврюшу, моего ровесника, с которым мы подружились. Правда, виделись мы всего два раза, но активно переписывались. Мария нашу почтовую связь поощряла по родственному признаку и по должности — она трудилась в почтовом отделении начальницей. Ее муж, М. Е. Братко, стал впоследствии видным ученым-аграрием, Героем Социалистического Труда.

Гаврюша был старательным школяром, по успеваемости на школьной скамье равных ему не было. Поклонник Чкалова и Коккинаки, он в местном аэроклубе сумел освоить азы летной науки. Аттестата об окончании восьмилетки было достаточно, чтобы поступить в военно-морское авиационное училище. «Учусь сбрасывать в воду мины и торпеды», — писал он мне из Севастополя.

Бравый сокол, курсант-моряк как-то вырвался на побывку в Черкассы. На улицах родного города увидели его в черной морской фирме, с «крабом» на фуражке. Шик! Мужественное лицо, внимательный взгляд отличали его от прежнего Гаврюши, бледного и сгорбившегося, вечно торчащего в библиотеке. А тут — такой здоровяк! Увидев такого красавца-моряка, девушки цепенели.

И вдруг наш Гаврик исчез, запропастился. Как говорится, от него — ни слуху ни духу. Подошел 1941 год. Прошла зима, минула весна. Настало лето. И тут немецкий вермахт начал разбойничать на советской земле. Пожар войны добрался до Днепра. Сестрицу мою, Марию, с детишками Васей и Олей успели эвакуировать в Закавказье. От Марии на фронт идут мне письма. Я спрашиваю ее: где мой дружок Гаврюша? Она не знает. С потерей этого хлопца я смирился. Сколько их сгинуло бесследно!

Тут я должен забежать вперед и повторить слова Гоголя: «Отыскался след Тарасов!» Находясь в Берлине, взял первый свой отпуск, поехал в Черкассы и там мы с Гавриилом Братко встретились. Увидел я его с седой прядью волос на голове и с погонами капитана 3-го ранга на мундире.

Дождавшись, когда уляжется волна расспросов, я увез Гавриила в мемориал, в имение гетмана Хмельницкого. Мы нашли там корчму, восстановленный краеведами казачий ресторан XVI века, и там в уютном закутке капитан 3-го ранга рассказал мне о своих странствиях, а я о своих.

Двадцать второе июня сорок первого… Трагическая дата. В тот день Гавриил Братко, пилот Хе-100, принимал лечебные процедуры в военно-морском клиническом госпитале в… Германии.

— Пилот люфтваффе? — удивился я. — Поразительно! Держи меня, упаду!

— Я, можно сказать, — усмехнулся мой приятель, — стал жертвой германофильства.

Его «германофильство» состояло в том, что он «заболел» авиацией, увлекся иностранными языками, немецким — особенно. Его учитель, педантичный и сухой Андрей Оттович Цвейн, на выпускном вечере произнес:

— У тебя, дорогой, есть лингвистическая одаренность. В разговоре даже проскакивает берлинский акцент. Талант. Его нельзя зарывать в землю.

Однажды в училище морских авиаторов прибыл кадровик из Главного морского штаба и стал выявлять ребят, неплохо знающих немецкий язык. Гавриил обмолвился, что сейчас он учит и английский.

Прослушав прочитанные курсантом по памяти стихи Гёте, кадровик попросил его перейти на английский, рассказать, что он видел в Москве. Он знал, что курсантов возили туда и знакомили с техникой, закупленной в Германии. Наше государство приобрело тогда в Германии военные самолеты «мессершмитт» Ме-109, «юнкере» Ю-88 и «хейнкель» Хе-100.

И скоро наш герой оказался в загранкомандировке, в казармах города Хагенов. Его облачили в элегантную униформу пилота люфтваффе. Было ли на сей счет какое-либо соглашение между властями Германии и СССР или это входило в плановую стажировку — Братко не знал, он стал, как и другие новички-иностранцы, летать. В новичках ходили несколько славян. Один представился болгарином, другой — словаком, третий — хорватом. С хорватом Братко быстро побратался, а болгарин и словак вели себя, как бандиты и циники. Немецкие пилоты подонков презирали. Как-то в разговоре с инструктором Братко похвалил болгарина за хороший немецкий язык. Немец хмуро произнес: «Неумный трепач».

— Но летает он прилично, — заметил Братко.

Немец поморщился.

Гавриил не стал возражать — неэтично. Инструктору виднее, какова кому цена.

Этот немец, капитан Йеп, немного знал русский язык. Братко слышал, что жена у него эмигрантка из России.

Братко однажды пытался перебросить с капитаном русскими фразами. Но тот отмахнулся:

— Руссише? Никс ферштейн…

Гавриил принес офицеру извинение. Тот понимающе улыбнулся: «По родине скучаете… Ностальгия — тяжкая ноша».

С этого дня, когда надо было обменяться мнениями, они говорили на английском. О чем они говорили? Гаврюшу волновал предстоящий налет на Лондон. И он однажды, когда они оказались в лесу на прогулке, спросил капитана об этом.

— Мы будем во флагманской группе. Она будет действовать с больших высот, 7–7,5 тысячи метров. Там меньше опасности, перехвата «харрикейнами». Не достигает огонь зениток малого калибра. Сопровождают нас, «лунатиков», истребители Ю-88.

— «Лунатики»? — спросил Братко.

— Да. Ты же их видел. Это самолеты, на которых намалевана эмблема — силуэт филина.

— Трудно мне будет? — спросил Братко.

— Не очень… Проделать несколько манипуляций… Наложить перекрестие прицела на объект бомбометания, с учетом поправки на ветер и удерживать в таком положении, пока машина не достигнет заданной высоты. А затем… на кнопку сбрасывания бомб. И сразу же — выход из пикирования.

— А что получится у того болгарина?

— Шайзефлигер… Позорная кличка. Дерьмовый летчик. Но и такие нужны. Не у всех же железное сердце. Оно у избранных…

— Питание? — спросил я Гавриила.

— Мне нравилось. Калорийно, вкусно. Запомнился первый обед. Передо мной была тарелка вареного гороха с мелко нарубленными кусочками свинины. Иной раз проголодаюсь — вспоминаю такое блюдо — оно серо-зеленого цвета, повторяю, сытное, вкусное.

Взаимоотношения с немцами были нормальными. И все же нашего земляка не покидало чувство, что он находится в чужеземном рабстве. Периодику стажерам доставляли аккуратно, стоял в комнате и радиоприемник. Но Гавриил изданий в руки не брал, радиоприемник не включал. Этому правилу он следовал, чтобы лучше сохранить зрение, не слышать словесной мути о происках англо-американских плутократов, о превосходстве одной расы над другой, об исторической миссии Германии и прочем «возвышенном». На досуге читал справочники, словари,

смотрел фильмы и кинохронику.

Иногда к летчикам приходили высокие чины и люди в штатском. Однажды Братко видел Геринга, приезжавшего к стажерам с Мартином Борманом. Немецкий ас Хайнц Грауденц (асом в Германии считается летчик, сбивший не менее пяти самолетов противника) шефствовал над стажерами-иностранцами. Он объяснил, что немецкие авиаторы глубоко уважают Геринга. Он — ас, молодым офицером летал на «эльфауге», не в ладах с Гиммлером, выступал против концлагерей.

Некоторое время стажеры-иностранцы летали с инструкторами, потом их включили в экипажи.

После нескольких тренировочных полетов на двухмоторном бомбардировщике Хе-100 инструктор сказал, что надо готовиться к боевым вылетам.

Первый и последний для Братко вылет состоялся в марте 1941 года, объектом бомбового удара стал район Лондона. Его экипаж Хе-100 состоял из шести человек.

Штурмовая эскадра «юнкерсов» и «хейнкелей» из семнадцати машин, следуя на высоте три тысячи метров, достигла своего объекта в полночь. Впереди шли истребители прикрытия. Черноту весенней ночи вдруг разрезали кинжалы прожекторов. А внизу заполыхали огни пожарищ. До того как эскадру настиг заградительный меткий и сильный огонь зениток, Гавриил увидел в небе перекрестия снопов яркого света и кувыркающиеся крестики самолетов. Ждали «харрикейнов» — английских истребителей.

Проводя противозенитный маневр, штурмовики поднялись до 7,5 тысячи метров и разгружались от бомб с горизонтального полета.

К эскадре дотянулись снаряды мощных зениток. Справа и слева — черные хлопья зенитных разрывов.

Самолет Братко сбросил бомбовый груз на какое-то скопление построек, где уже разливалось огненное море и поднимались столбы дыма и гари. Сразу же машину сильно тряхнуло. По сигналам командира он понял, что взрывом зенитного снаряда их самолет поврежден. Загорелся правый мотор. Поднялся над машиной дым. Замолчал пулемет стрелка.

Командир резко бросил машину в боковое скольжение. Дым исчез. Дальше самолет шел на снижение к береговой черте. В сполохах огня она была видна. Спустя несколько мгновений в наушниках стажера прозвучала команда — покинуть самолет. Ясно: вот-вот взорвутся бензобаки. Взорвется машина. Прыгая из самолета, наш стажер ударился о хвостовую конструкцию.

Показалось, что треснул коленный сустав, ногу и все тело пронзила острая боль. Парашютная система сработала, а приземления он не помнил.

Очнулся Гавриил в помещении, на досках, покрытых серым полотнищем. Ему сделали уколы. В зале были люди, говорившие на малопонятном языке. У Братко хватило познаний, чтобы определить: произносятся фразы голландские. Значит, он спасся, избежал английского плена. На санитарной авиетке его доставили в Берлин.

Из уст Братко я услыхал названия мест, хорошо мне знакомых. Дёбериц, Олимпишесдорф. В Олимпишесдорфе — крупный военный клинический госпиталь. Туда и попал раненый советский летчик-стажер.

— Как ты вернулся домой, на родину? — спросил я.

— Тут проблем не было. Мой инструктор и уцелевшие члены из «моего» экипажа навещали меня в палате, пока я не встал на ноги, приходили они и на Унтер-ден-Линден. Рассказывали мне, что, покинув горящий самолет, удачно приводнились у берегов Голландии. Правда, несколько часов находились в воде, в спасательных жилетах, пока их не обнаружил патрульный катер. Остались живы и еще будут летать на задания. Переживали за меня. Это были уже первые дни войны.

— Тебя не склоняли к измене родине? К предательству? — спросил я.

— Нет. Немцы, с которыми я общался, от души желали мне благополучного возвращения домой.

Скажу, что с обменом дипломатов и прочих лиц возникли немалые трудности. В Москве в германском посольстве находилось около сотни сотрудников, а советских граждан в Берлине — более тысячи. Немцы предлагали обменять своих на такое же число русских.

После нудного торга они наконец согласились с предложением посла Деканозова: обменять всех на всех!

Обмен состоялся на турецко-болгарской границе, на мосту на реке Марице близ турецкого городка Эдирне. Туда доставили персонал германского посольства во главе с господином Шуленбургом и советских граждан во главе с Владимиром Деканозовым. В Эдирне советских людей пересадили в новый железнодорожный состав. Под присмотром турецкой полиции наши люди добрались до границ Армении.

Гавриил Братко, истосковавшийся по родине, уже в поезде Баку — Москва жадно набросился на газеты. Сообщения с фронтов были правдиво-страшными. Огромные территории, в том числе и земли Украины, сдали, и они стонали под пятой

германских оккупантов. Поэтому Гавриил Братко, вчерашний стажер, пройдя медкомиссию, отказался от дальнейшего лечения и попросил сразу же отправить его в авиацию действующей армии. Воевал Братко в должности командира эскадрильи до победного конца. Его эскадрилья закончила боевой путь на острове Рюген.

Изложенная выше история показывает, с какими сложными коллизиями доводилось сталкиваться в жизни моим одногодкам.

Как-то утром, проходя мимо обломков Ю-88, я заметил играющих детишек. Они таскали клочья желтой обшивки. Двое мальчишек из кусков фюзеляжа сооружали шалаш. Девочки с худенькими личиками резвились со скакалками. Давно не стриженный голубоглазый паренек приметил, что за ним наблюдают. Оставив у обломков самолета свой трехколесный велосипед, он подошел ко мне с недоверием и любопытством. Рассеянно заморгал глазами. Засветились молочные зубки.

— Вас волен зи? — осмелился он задать вопрос. (Мол, что вы хотите?)

Я спросил мальчика, как его зовут. Он ответил:

— Ганс.

Мы несколько лет проклинали «фрицев», «гансов»… И вот вижу я милого мальчонку Ганса. Я желаю ему добра. За ним — будущее. Каково оно? Нашему полку выделили место для патрулирования — Берлинер-Груневальд. Как это замечательно. Врач мне советовал прогулки в лесу. Лесной воздух — лекарство от нервных болезней. Лес — праздничный. Могучие сосны золотились на солнце. И еще там шумели липы, каштаны…

Отправляясь сюда, мы знали, что лес имел хозяина. Хозяином здесь был высокопоставленный вельможа гитлеровского режима, а именно — Геббельс.

Наша штабная машина свернула с шоссе, некоторое время двигалась лесом. Шлагбаум. Здесь уже наши часовые. Справа и слева на высоких постаментах — бронзовые олени в натуральную величину. Дальше — снова заросли. Мы остановились перед белым фронтоном геббельсовской виллы.

Вилла сильно пострадала, наполовину разрушена. Левое крыло дворца уцелело, а справа — остатки колонн, рухнувшие пролеты мраморных лестниц.

Старшим среди нас, штабных офицеров, был начальник артиллерии майор Борис Толстов. Он предложил осмотреть озеро, которое раскинулось перед нами. Озеро Шляхтензее. Майор взял меня за руку и, показывая на озеро, воскликнул:

— Вон орудуют наши!

Толстов уже побывал здесь на рекогносцировке вместе с

полковым инженером Сергеем Бирюковым, командиром саперного взвода Иваном Кононенко. Решили обследовать этот район, тут есть места заминированные. Я поинтересовался, обследована ли саперами вилла. Толстов еще сведений не имел. Этим и занимаются сейчас бойцы на озере.

В сотне метров от берега плыли две лодки с бойцами. Командиром на первой лодке сам Иван Кононенко. Он стоит, выпрямившись на корме, длинным шестом прощупывает дно. Солдаты вглядываются в толщу воды — не мелькнет ли что подозрительное. Время от времени саперы извлекают со дна всякую всячину: на берег выгружены неразорвавшаяся мина, моток проволоки, кусок якорной цепи…

На сегодня работу решили прекратить, чтобы продолжить ее на другой день.

Иван Кононенко показал нам строения, где будут временно жить саперы и стрелковые подразделения, выделенные для охраны территории геббельсовской дачи.

Саперы наловили еще до нашего прибытия рыбы и угостили нас вкусной ухой. К вечеру мы вернулись в свой штаб, доложили командиру полка о той работе, которую ведут саперы.

Во времена, когда мы сражались на Днестре, в газетах промелькнуло сообщение какого-то пресс-агентства о бомбардировке англичанами Берлина и, в частности, Груневальда. При этом якобы бомбы угодили в дачу Геббельса. Прочитав информацию, я не особенно поверил написанному. Знал, что газетчики могут и соврать. Газетная ложь называется «уткой»[74]. Побывав лично в лесу, увидев дачу Геббельса, я поверил той информации: видны и давние развалины, есть и свежие руины. Работала не авиация, а артиллерия. От развалин несло гарью и тлением.

В комнату ко мне постучали. Я отозвался. Вошел Борис Толстов. Он предложил завтра ехать на озеро Шляхтензее не автомашиной, а на мотоциклах. Я отказался. Беда с этими мотоциклами. Они сводят наших офицеров с ума. Четырех своих офицеров мы похоронили, а с десяток остались калеками. Я решил предложить командиру полка проект приказа, запрещающий офицерам полка пользоваться мотоциклами.

Полковник С. Г. Артемов приказ о мотоциклах подписал без особого энтузиазма. Мне сказал:

— Запретами, мой дорогой, мало чего добьемся. Есть потребность организовать курсы мотоциклистов и шоферов. Следовало бы при этом создать экзаменационную комиссию. Тогда бы мотоциклетная аварийность сократилась. Выехав на трассу на своем БМВ, я однажды, в плотном потоке машин,

мчащихся с огромной скоростью, увидел обгоняющего всех нас американского мотоциклиста из МР — военной полиции. Негр вырвался вперед, лавируя среди всех видов транспорта на магистрали. При этом он, сидя в седле своего железного коня, курил сигару. Руль находился в одной руке. Вот это — класс езды!

Артемов сказал мне, что многие офицеры и сержанты, готовясь к демобилизации, хотят увезти с собой домой даже изношенные «цундаппы». Отличные машины. Они очень пригодились бы в российской глубинке, где царит бездорожье. В коляску можно погружать картошку, капусту, различную мелочь.

Сам Артемов, имеющий за плечами семь классов неполной средней школы и краткосрочные офицерские курсы, слетал в Москву, в академию. Собеседования не выдержал и теперь тоже живет с чемоданным настроением. И с начальником штаба полка майором Вениамином Маноцковым мы скоро тоже распрощаемся. Он лег в госпиталь. Обострилась стародавняя болезнь горла. Потерял способность есть, пить, даже разговаривал только шепотом. Так что мне обеспечена участь «врио» — временно исполняющего обязанности выбывшего из строя начальника. Меня эта перспектива совсем не обрадовала.

Перестрелки закончились. И во всю мощь заработали канцелярии, в том числе и военные. Командарм Берзарин распорядился, чтобы мы представили к правительственным наградам, орденам и медалям всех участников боевых действий на пути от Одера до Берлина и штурма Берлина. А это — многие сотни реляций. И каждая должна соответствовать статусу награды и форме. Работники штаба, его строевой части, трудились чуть ли не круглосуточно.

Одновременно разрабатывалась документация — на увольнение в запас военнослужащих старших возрастов. Надо было уволить женский персонал. Такая работа проводилась и в высших штабах. Касалась она и тех особ, которых солдатская молва именовала ППЖ. Переводилась эта аббревиатура как «полевая походная жена». Для них во фронтовом стрелковом запасном полку создали особый лагерь — не всякий большой чин, избавляясь от ППЖ, опускался до того, что отвозил свою временную подругу в общую команду отправляемых на родину солдат. Кто побывал в этом «лагере», запомнил печальные лица «вдовушек». В нашем полку не было ни одной ППЖ. Были только пары, вступившие в брак по любви. Артемов имел жену, врача нашей санчасти, начальник оперативного отдела штаба дивизии Анатолий Щинов женился на девушке из медсанбата, наш начальник продфуражного снабжения Сеня Гульман женился на

медсестре Жене Новиковой… Все такие молодые семьи я не стану перечислять. Только комдив отвез свою подругу в лагерь. Она, Галя Сукачева, связистка, приехав в Харьков, ушла в церковную среду, в христианскую общину. Там матушка Галина стала простой монахиней. Она — «отставная генеральша», приняв постриг, продолжала любить своего временного покровителя и, простившись с ним, отказывала женихам, в повторный брак не вступала. А женихи находились. Среди них были молодые, перспективные парни. Мать хотела видеть свою дочку счастливой. «Надеялась, что ты привезешь с фронта мне внучонка», — причитала она. Не дождалась. Галя не уступала. Отвечала матери: «Сердцу не прикажешь». Как связистку мы Галину уважали, она была внимательна и добропорядочна. Долго звучал в ушах ее приятный голос: «Я — “Волга”, я — “Волга”»…

Стрелковые части переводились на механизированную тягу. И потому конский состав предстояло отправить в народное хозяйство. Мы разработали маршруты отправки коней своим ходом через территорию Польши. Там создали систему конных депо для отдыха перегоняемых лошадей. Туда завезли корма, дежурили ветеринарные работники. Польское бандитское подполье нападало на такие пункты, и в такой стычке был убит Герой Советского Союза майор Скопенко. На Дону я некоторое время находился в его подчинении. Хороший был человек, храбрый воин.

Отлучиться из штаба полка я не имел возможности несколько дней. Только ночами, отправляясь ко сну, вспоминал берега Шляхтензее, которые цвели всеми цветами радуги. Один раз саперы прислали на нашу кухню центнера два рыбы. В тот день повара накормили нас ухой.

Пообедал в офицерской столовой и навестивший нас районный комендант Григорий Бушин. Он спросил меня, почему я, представив его Константину Симонову, ушел. Ведь Симонов хотел со мной переговорить о своих издательских планах. Бушин сообщил, что Симонов просил его передать мне, что он и его друзья, военные корреспонденты, имеют намерение выпустить в Москве не меньше трех сборников под названием «В редакцию не вернулся»[75]… Это очерки о журналистах, погибших на полях сражений. Симонов ждет от меня материал для первого такого сборника. Я напомнил Бушину имя Ольги Чеховой, о которой при мне заговорил Симонов. Бушин поморщился и, убедившись, что рядом никого нет, произнес хрипло:

— Эта коварная дама лишает многих покоя. Я назвал бы ее современной Матой Хари[76]. Много у нее общего с той шпионкой, которая так прославилась в годы Первой мировой

войны.

Сравнивая Чехову с Матой Хари, Бушин не преувеличивал.

Кинозвезда Ольга Чехова и Смерш

Эмигрантка из России, Ольга Константиновна Чехова стала в Германии знаменитой киноактрисой, помимо этого имела певческий голос — меццо-сопрано. По-видимому, ее завербовал Владимир Георгиевич Деканозов, бериевский земляк. В Берлине он, матерый чекист, с легкой руки Вячеслава Молотова с ноября 1940 года сидел в кресле посла. Она активно служила нашей Чека, внедрилась в немецкое сопротивление нацистскому режиму. Сотрудничала с «Красной капеллой»[77], полковником Генерального штаба, графом Шенком фон Штауффенбергом и другими запредельно храбрыми людьми. Может, ей не совсем доверяли, но она оказывала им некоторые услуги[78].

При всем этом Ольга Чехова — талантливая личность, актриса от Бога. Обласканная властями, она появлялась в обществе фюрера и министра пропаганды, бывала в обществе людей, тесно связанных с Гиммлером и Канарисом.

Кинофильм «Любовь на ринге» с ее участием не сходил с экранов кинотеатров Третьего рейха. Когда наши войска ворвались в Берлин, ее разыскали и схватили агенты ОКР «Смерш». В багажном отсеке боевого самолета доставили в Москву. Там ею занимались могущественный шеф Смерша В. С. Абакумов и генерал НКВД В. Н. Меркулов.

Всеволод Николаевич Меркулов имел дар драматурга. Мало кто знал, что под псевдонимом Всеволод Рокк с пьесами выступает генерал внутренних войск! И Ольге Чеховой пришлось выслушивать его рассуждения о проблемах реализма в киноискусстве, о системе Станиславского. Остросюжетная драма Всеволода Рокка «Инженер Сергеев» стояла в репертуаре МХАТа и пользовалась немалым успехом у молодежи, особенно студентов технических вузов. В ней, кроме интриги, трудно было не усмотреть «большой политики». А интрига… Автору не пришлось высасывать ее из пальца, он жил в атмосфере гораздо более изощренных интриг и провокаций.

Ольга Чехова попросила текст пьесы у автора и накануне прочла ее. Она с похвалой отозвалась о сюжетной линии драмы. Насчет интриг… Меркулов в них сам запутался и при Н. С. Хрущеве на суде получил соответствующую статью УК РСФСР и был расстрелян.

И не только о системе Станиславского беседовали они.

Меркулов сказал Ольге, что когда-нибудь он включит в свою новую пьесу сюжет о «разносе», который он получил 17 июня 1941 года от руководства. Под сомнение было взято агентурное сообщение «О. Ч.» о том, что «…все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Меркулов, правда, не сказал гостье дословно, что это был за «разнос». А произошло следующее. Его препроводительную записку по этому поводу украсила резолюция: «т. Меркулов может послать ваш источник к е… матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст.».

Ольга Чехова осенила себя крестом. Взволнованно заговорила со слезами на глазах:

— Всеволод Николаевич! Клянусь. Моим источником там, в Берлине, был сам фюрер…

— Уточните, — усмехнувшись, попросил генерал.

Ольга вздохнула:

— Не хвастаюсь. Но от моих взглядов Адольф превращался в того простоватого ефрейтора его родного 16-го запасного баварского полка, среды обитания его окопной юности. Тогда связист Адольф Шикльгрубер получил Железный крест первого класса. В тот день конца мая 1941 года на нашем свидании я томно сказала Адольфу, что страшно тоскую по российской родне. В припадке нежности ему захотелось утешить мое чувство ностальгии. Сбиваясь, заговорил: «Дорогая, это произойдет очень, очень скоро». Он схватил мои руки и прижал к своей груди. Продолжил: «Мы разрешим проблему жизненного пространства для Германии не позднее 1943–1945 годов. А выступим в поход в четыре часа утра 22 июня. В воскресенье…»

Сказав это, Адольф страшно побледнел, задрожал…

Меркулов усадил взволнованную Ольгу Константиновну на диван. Налил ей стакан воды. Генерал-драматург прекрасно понимал ее состояние.

22 июня… Повтор наполеоновского числа повлек за собой эффект грозового разряда: актриса, в ту ночь страдавшая бессонницей, потеряла сознание. Привела ее в чувство горничная.

Меркулов доложил о беседах с актрисой своему руководителю Л. П. Берии. Большую часть из сказанного выше, правда, я узнал не от Бушина. И значительно позже. Полковник проинформировал меня только о поездке Ольги в Москву в общих чертах.

Через какое-то время выяснилось, что Чеховой в Москве делать нечего. Ее вернули в Германию и передали в распоряжение комендатуры генерала Берзарина. С ней беседовал Константин

Симонов, но творческих точек соприкосновения не нашел.

Феномен доверия

Военный совет 5-й ударной армии, генерал Ф. Е. Боков пришли к выводу, что О. К. Чехова может принести комендатуре немалую пользу. Ведь стоит задача невероятной сложности — привлечь к сотрудничеству с советской администрацией в Берлине немецкую интеллигенцию. На ловца и зверь бежит. В наших штабах увидели знаменитую актрису. Ее связи с творческой интеллигенцией обширны. Ее лично знают многие артисты, художники, писатели, музыканты, композиторы, режиссеры. К ее слову интеллигенция прислушается. Она согласилась помогать.

Беседуя с Боковым, она поблагодарила политработников за доверие и заботу:

— Мне хочется помочь тем мастерам кино, например, кто боится, что с точки зрения содержания теряет все основные признаки искусства. Мы боимся, что восторжествует так называемая массовая культура. Западное общество ею болеет. Порой, понимая все это, мне становится страшно. Агрессивная музыка, высокие децибелы, слабые тексты. Нельзя допустить, чтобы ими была озвучена Новая Германия. Нужен духовный ренессанс.

Федор Ефимович заверил киноактрису, что она найдет коллег, которые активно будут работать вместе с ней.

Что предприняли? Актрисе вернули виллу, приведя ее в образцовый порядок. Она наняла персонал для обслуживания ее гостей. С реквизитом пока неважно, но это она берется решить самостоятельно. Она подобрала помещение для косметической фирмы, которую возглавит. Прически, маникюр, педикюр, массаж. Бомонд воскресает, а имя Чеховой завораживает. Бушин поведал мне, что материальная база для работы Ольги Константиновны создается. На первые встречи с ней уже приходили сценаристы, режиссеры, художники, с которыми она связана прежними знакомствами. Она устраивает обеды, а где обед, вечеринка, там и диспуты. Интеллигенция — штучный товар. Подход нужен.

Но есть у сотрудников комендатуры Бушина трудности, им требуется помощь. Возник досадный тупик. Во время таких дружеских приемов требуются деликатесы. Москва помогает, даже состоялся чартерный рейс. Привезли первосортные продукты, кондитерские изделия. Но…

Бушин стал мне говорить о коктейлях.

— На наших складах совсем нет вин. Ольга Константиновна и ее друзья не привыкли к разбавленному спирту… Что предпринять, ума не приложу, — сказал он.

Я опустил глаза. Этого мне еще не хватало — искать виноделов и виноторговцев для какой-то стервы. И мы расстались с Бушиным. Но он запомнил то, что я не ответил «нет!». Потому сказал мне: «Спасибо».

Мы нашли некоего господина, пивного барона, и тот согласился выполнить наш заказ. Но для этого нужен транспорт и требуются валютные средства для поездки во Францию. Там он найдет любые вина и в любом количестве. Его условия: возместить все расходы и обеспечить прибыль от этой акции в объеме 15 процентов суммы сделки.

С предпринимателем договориться не удалось по той простой причине, что мы не имели свободно конвертируемой валюты. О наших контактах с пивоваром я даже не стал информировать Бушина.

И надо же такому произойти! С озера Шляхтензее приехал полковой инженер и по секрету сообщил одному только мне о том, что его ребята обнаружили место, где хранятся немалые запасы винных емкостей, принадлежавших доктору Йозефу Геббельсу. Вначале я даже подумал, что инженер-капитан меня «разыгрывает». Я был просто потрясен. Приказал Бирюкову и его подчиненным этот факт сохранить в секрете. «Молчать всем!» — распорядился я.

Решил сначала разобраться, а потом докладывать командиру полка.

История находки оказалась простой. Саперы трудились, обследуя на лодках озеро. Конечно, Шляхтензее не Байкал, но зеркальная его гладь обширна. Траление в дальнем заливчике дало неожиданный результат: саперы зацепили деревянную бочку. Выволокли ее на берег, осмотрели и пришли к выводу, что наполнена она вином. Глубина озера вроде бы и невелика, до 15 метров, но пасмурная погода не давала возможности увидеть дно. Недалеко от места, где нашли бочку, наткнулись на ящики. Ящики с бутылками! В тот день извлекли более сорока ящиков.

Бутылки открывать не стали. Нашли в роще сторожку лесника-садовника. Один из саперов позвал этого немца. Пришел пожилой бюргер, помятый, в плисовых штанах и обуви военного образца. Производил впечатление невыспавшегося человека. Он, взглянув на ящики и бочку, подтвердил: да, это добро принадлежало хозяину дачи, его затопили в начале апреля — он сам был этому свидетелем. На глаза русским солдатам не стал

лезть — все расскажет тогда, когда его попросят. Такое время теперь настало.

Лесник помог рассортировать ящики. Их пока вытащили всего лишь четыре десятка. В них — виски, джин, коньяки, ликеры, шампанское. На это указывают надписи на ящиках. А в одном ящике оказался обыкновенный немецкий шнапс. Двадцать бутылок.

— А что любил пригубить покойный хозяин дачи? — поинтересовался комвзвода Иван Кононенко.

Лесник, подумав, ответил тихо:

— Коктейли. Если хотите, я вам сотворю один из них…

Предложение вызвало одобрение. Саперы с живым интересом наблюдали, как это делается. Надо смешать в определенных пропорциях разные напитки. В данном случае потребовались вермут, фруктовая шипучая жидкость, виски. Тут надо было долить в стакан содовой… И лимон не помешал бы. Но чего нет — того нет. Кононенко разлил друзьям понемногу каждому. Напиток оценили по высшему баллу. У «дегустаторов» из уст вырывались фразы:

— Хайль! Доктор философии знал в напитках толк!

Кононенко политически только крякнул.

А шнапс саперов не привлек. Лесник посоветовал им начать с муската. Его, это вино, можно употреблять без отрыва от работы. Немец сбил сургучную печать, открыл пробку. И началось дегустирование. После этого саперы сообщили о находке своему начальнику, полковому инженеру Сергею Бирюкову. Тот доложил коменданту геббельсовского комплекса Борису Толстову. Роль участкового коменданта майору Толстову, начальнику артиллерии полка, понравилась. Он — астраханец, его отец служил егерем в Астраханском заповеднике, в приморской части дельты Волги. Майор любил рассказывать о своем детстве, о чудесных владениях его отца, где Борис рос и воспитывался. Борис ревностно взялся охранять всю живность на Шляхтензее, рыбные косяки в озере, лебединые вольеры и прочее, прочее…

… Мы с Сережей Бирюковым сразу же рассказали командиру полка о свалившихся на нашу голову неожиданных трофеях. Полковник Артемов не испытал радости от нашего сообщения. Докладывать в штаб дивизии? Начальников там много. И каждый начнет претендовать на свою долю. Заместители комдива, начальники служб, контрразведка…

Пойдут ненужные разговоры, вмешаются прокурор Сугак, председатель трибунала Эпштейн.

— Вот что, друзья, — сказал Артемов. — Не втаскивайте меня в эту эпопею. Договоримся так: вы мне ничего о трофейных

ящиках не говорили и я от вас ничего не слышал.

— А полковнику Бушину сказать можно? — осторожно осведомился я.

— На фронтах Первой мировой войны была песенка «Погиб поручик от дамских ручек», — ответил Артемов. — В Польше калишская история Бушину вышла боком. Ты тогда его выручил. Что ж, выручай и теперь.

Да, калишскую историю я не забыл. Но тут другое дело — Бушин выполняет программу берзаринской администрации. Теперь у Бушина дипломатическая миссия.

На другой день я связался с полковником Бушиным и порадовал его информацией, что мы отпустим ему для кинозвезды Ольги Константиновны Чеховой необходимую ей продукцию. Бушин так обрадовался, что не находил слов для благодарности. Он настоял, чтобы не только он сказал нам «спасибо», но и лично несравненная актриса. Они приедут вместе. Не на автомашине, а на автобусе центральной комендатуры. Этот автобус не имеют права досматривать дорожные патрули.

Они приехали. Спутница Бушина, Ольга Чехова, оказалась женщиной средних лет, нормального роста, за стеклами очков — лучистые глаза. Имела вид подчеркнуто деловой женщины. Волосы были закручены в сложный крендель. Или это парик, или шиньон? Облачена была в белоснежную блузку, синий жакет. Черная юбка плотно облегала все, что положено облегать. Ухитрилась все же облачиться! А я боялся, что наша солдатня ничего ей не оставила. Рассказывают, например, что супругу японского посла совсем оголили. Посол, господин Осима, пожаловался прокурору гарнизона. Пришлось приносить извинения. Я представил гостям майора Толстова, которого артистка одарила сногсшибательной улыбкой.

Я не ошибся, решив, что для общения с именитой гостьей больше чем кто-либо подходит 33-летний артиллерийский офицер, майор Толстов. Рослый человек, вид солидный — форма на нем сидит щегольски, сапоги сверкают, соревнуясь с солнцем. Он умеет вести лирические разговоры. Но Бушин и Чехова торопились, им надо было без промедления возвращаться на виллу актрисы. Автобус солдаты быстро загрузили — вошло чуть больше десятка ящиков. И пара бочонков с вином.

Чехова, глядя в улыбающиеся глаза майора, рассыпалась в благодарностях:

— Извините, господин майор. Вы так любезны! Спасибо вам превеликое… — Ольга Чехова вся искрилась. — Я с мужем была здесь однажды. Кругом цвели чайные розы…

А он, не выпуская из своих ладоней ее рук, говорил, что ждет

ее с полковником. Он хочет показать ей озеро, показать лебедей… И ящики он сохранит для нее…

Они укатили.

После этого я еще несколько раз видел Ольгу Чехову. Артистка не была и не могла быть одинаковой — и внешне, и внутренне. Но было и неизменное. Глаза ее искрились, но не лукавили. В общении с работниками комендатуры она была всегда мудрой, спокойной, откровенной. Несомненно, сравнивать ее с Матой Хари не следовало. И полковник Бушин, с которым мы обменивались мнениями, со мной согласился.

— Она, Ольга Константиновна, наша, родная, русская, — заключил Бушин.

Не стреляйте в белых лебедей!

А нас увлекла озерная романтика.

— Хорошо, что за озером и лебедями присматривает надежный человек, майор-артиллерист. Пушкари рассказывали, что он при танковой немецкой атаке как-то остался один со своей пушкой. Обрушил огонь на броню. И танки отступили. Вот какой он, — восхищенно рассказывал мой земляк минометчик Ваня Черненко. — А Груневальд сберечь надо. Чудесный у немцев получится оздоровительный лагерь. Случайных людей к лесу, к речкам и озерам допускать нельзя. Помнишь, до войны в нашем поселке назначили директором лесхоза мужика по фамилии Секира, то есть Топор. Что из этого вышло? Понемногу товарищ Топор чуть ли не все деревья изничтожил.

— Тоже сравнил, — возразил ему какой-то солдат. — Топор-Секира, наверное, из срубленного леса что-то построил. А тут найдутся типы, которые перепортят природу из злости…

Мы перезванивались с Бушиным, и он обещал еще раз привезти Ольгу Константиновну, чтобы показать ей наши владения. Нам, штабным офицерам, Борис Толстов говорил только о лебедях:

— Люблю их! Школьником разводил голубей, оставил их только потому, что поступил в артиллерийское училище. А вот уйду в отставку, разведу не голубей, а лебедей. Знаете ли вы, что пара лебедей слита воедино. Они не могут жить в разлуке. И если кто останется без пары — улетает и прячется в глухих зарослях и там умирает. А перед смертью можно услышать прощальный голос птицы. Отсюда и пошла крылатая фраза: «Лебединая песня».

Суровый человек майор. Какие тяжелые сражения с танками

выдержал! А теперь мы видим его как мечтателя. Что на душе у этого романтика от артиллерии — один Господь знает. Командир полка не вдается в рассуждения, определяет: «Нервы шалят». Но поддался на уговоры Толстова, и мы приехали к нему, как он просил нас, на рассвете. Пошли по тропинке к берегу и увидели Толстова. Он сидел на пеньке и рассеянно бросал гальку в воду. Услышав наши шаги, поднялся и обрадованно поприветствовал.

Мы сели в лодку, и майор погнал ее к заливчику, где плавали лебеди. Пара лебедей. На этом озере, пережившем такую бурю, как война, они уцелели и продолжали жить гордой отшельнической жизнью. Птицы совершенно не обращали внимания на лодку и людей. Они даже направились сначала к нам, но в сотне метров застыли на воде, одинокие, неподвижные. Сюда ударили солнечные лучи. И птицы от этого света порозовели, подставив свои бока яркому солнцу. Мы сидели в лодке молча, вдыхая запах водорослей.

— Вот в такое время пусть к тебе в гости и приедут Бушин и актриса, — посоветовал командир полка. — У тебя, Борис, есть отличный повар. На этой даче кинозал в хорошем состоянии, даже оборудование уцелело. Посоветуйся с Ольгой Константиновной, как все это лучше использовать. Главврач наш, кажется, твой земляк?

— Да, — ответил Толстов. — Земляк и одноклассник. Только он после десятилетки пошел в медицинский.

— Ты и его пригласи, Виктора Соловьева. Он поклонник всяких искусств. Пригласи медсестер, пусть споют Ольге частушки и припевки. Голосистую медсестру нашу Нину Кузьмину хвалила сама Клавдия Шульженко.

Мы уехали в свой штаб, там узнали, что Бушин и Ольга Константиновна звонили по телефону, искали Толстова. Оказывается, Ольга Константиновна подобрала и отправляет нам дюжину коробок с кинолентами Голливуда. В основном это картины с участием Чарли Чаплина. Есть и шедевр киноискусства — «Тарзан», о котором наши воины уже были наслышаны, где главную роль сыграл олимпийский чемпион по плаванию Джон Вейсмюллер. И щедрый подарок этот мы получили.

А ночью ответственный дежурный штаба полка принял из района озера Шляхтензее тревожную радиограмму. Там случилась беда — произошло нападение на пост вооруженных людей. Лебеди убиты и стали добычей налетчиков. Кто они? Диверсанты? Мародеры? Наверное, первое предположение — ближе к истине.

Такой пакости мы не ожидали. Значит, расслабляться нам рановато. В полку все были взволнованы, читая изданный по

этому поводу приказ С. Г. Артемова.

А Толстов? Я никогда не видел, чтобы майор был таким растерянным. Он на поле боя видел кровь, смерть, сам имел ранения, контузии. Теперь же он совсем потерял над собой контроль. Разговаривать не мог, по лицу текли слезы. В штабе я пригласил его в офицерскую столовую. Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом, спросил тихо:

— Как они могли их убить? Божественные существа…

Через несколько дней нам, взамен Целлендорфа с его академией Генриха Геринга и озером Шляхтензее, высшее командование подобрало другой район для дислокации. Район Олимпийской деревни. Район военного лагеря Дёбериц. Дивизия получила все условия для жизни и учебы, для гарнизонной службы. В Дёберице было всё — казармы, административные здания, полигон, площадь для подготовки к парадам, другие постройки — склады, баня, столовые. Санитарная часть полка и ее начальник — капитан медицинской службы Виктор Соловьев даже мечтать не смели о таком медицинском комплексе. Вполне приличная больница, а рядом в более просторных помещениях разместился медико-санитарный батальон.

Капитан Соловьев дежурил, когда в ординаторской появился майор Толстов. Он пытался сесть на стул, но упал. Соловьев позвал санитаров, которые положили Толстова в больничную палату. Врачи пытались оказать майору какую-то помощь, но ничего не успели сделать. Майор умер, не приходя в сознание.

При вскрытии тела умершего сделали заключение: в организме цианиды. Записки майор не оставил, имелись основания думать, что он покончил с собой.

Похоронили майора-артиллериста на военном участке кладбища Олимпишесдорф. Многие батарейцы за лафетом с гробом шли в слезах. А старшего лейтенанта Сашу Буймова, бесстрашного истребителя немецких танков, друзья вели под руки, он не держался на ногах.

Виктор Соловьев, земляк Бориса Толстова, написал в Астрахань письмо его семье, супруге Ане с дочкой. Аня приезжала, посетила могилу мужа и забрала его вещи. Не знаю уж, как Виктор истолковал молодой вдове уход из жизни Бориса. У нас, хорошо его знавших, она ни о чем не спрашивала.

Район Западного Берлина, где комендантом зоны был Борис Толстов, отошел к американцам. Жалею я, что артиллерист-майор не дожил до того дня, когда он мог бы с честью и достоинством передать свои владения войскам США. Я видел батальон, вступивший в академию имени Геринга. На их грузовиках белой краской нанесена была художником голова лошади. Мне

объяснили, что подразделение относится к кавалерийской бригаде.

Наш майор при своей жизни распростился с лебедями на озере Шляхтензее. Вряд ли «кавалеристы», «джи-ай», стали бы возиться с птицами.

В академии имени Геринга они развернули торговлю ширпотребом, сюда тучами хлынули люмпен-девицы. Узнал я еще об одной особенности в поведении американцев. Если берзаринские коменданты провозгласили неприкосновенность жилища берлинцев, то «джи-ай» в этом им отказали. У них патруль, какой-нибудь верзила-негр, мог вламываться в немецкую квартиру в любое время суток. Немцам вообще было запрещено пользоваться запирающими устройствами. Всё бесхозное подлежало реквизициям. Лебеди были обречены — так или иначе, от них не осталось бы ни пуха ни пера.

Глава восьмая
«БЕРЗАРИН — ОСВОБОДИТЕЛЬ И ДРУГ…»

Долг, воля, доброта

Первый советский комендант Большого Берлина Николай Эрастович Берзарин находился на этом уникальном посту 54 дня. Именно такой отрезок времени отпустила ему судьба. Таким оказался его «комендантский час».

Это были бесподобные дни для всех, кто жил в ту эпоху. Ничего подобного никогда не было и не будет. Это были дни, когда, наконец, отгремели залпы и на многострадальную землю Европы снизошел покой и воцарился мир. Так уж повелось, что люди в своих хрониках, летописях, ученых трудах, в произведениях литературы и искусства исследуют и прославляют победы на ратном поле, выделяют имена подвижников, победителей. И, наверное, в той или иной мере, такой подход оправдан.

Но как оценить, с чем можно сравнить свершения человека в те дни, когда над истерзанной войной землей только-только встает заря мирной жизни? Человек-творец, человек, жаждущий счастья, воевал, разрушал, когда это было неизбежно. Однако он прибегает к оружию и вынужден вступать в единоборство со злыми темными силами не по своей воле, его вынуждают на это обстоятельства, и он воюет потому, что ему нужен мир.

Всякие аналогии, сравнения, как известно, рискованны. Но я решаюсь назвать здесь имя военного гения, Наполеона Бонапарта. Если поразмыслить, он ведь вел войны тоже… ради созидания! Он был в этом уверен. И Наполеон не так уж высоко ценил свои, несомненно, исторические победы. Он писал, что его многочисленные победы на полях сражений будут, в конце концов, забыты людьми. Наполеон в заточении, автор мемуарных сочинений, обдумывая финал своих деяний, задавался вопросом: что же останется от его дел в памяти поколений? И дал на свой вопрос ответ: никто и никогда, а Франция в особенности, не забудет созданный им, Наполеоном, кодекс… Кодекс Наполеона, открытые им правовые аспекты, основы норм существования общества конца XVIII — начала XIX столетия. В такой самооценке Наполеон не ошибся. Мы можем добавить, что к его кодексу люди

обращаются и поныне.

В XXI столетии граждане Франции, обсуждая на своем референдуме проект конституции Европейского союза, имели для своих умозаключений базу, наполеоновский кодекс… Страна Бонапарта и Шарля де Голля брезгливо забраковала самодельное творение стряпчих из натовского Брюсселя.

Думается, что вопросы, сродни тем, которые мучили в конце жизни Наполеона, ставили перед собой и Петр Великий, и Александр Суворов, и Бисмарк, наши военные деятели, прежде всего Георгий Жуков… Они искали и находили на своем жизненном пути заметные и ценные вехи, не связанные с полководческой деятельностью. Ибо, как, наряду с гениями человечества, пророками, утверждает Альфред де Виньи — война осуждена Богом и проклинаема даже теми людьми, которые непосредственно участвуют в ней и которых она приводит в тайный ужас…

Русские воевали, ненавидя войну, ненавидя ее зачинщиков той ненавистью, к которой звало слово наших пророков — Льва Толстого, Федора Достоевского. Но вот отгремели залпы, погасли пожарища. Обозначился переход нашей державы на рельсы мирного строительства. Жаждали мира и соседние с нами народы. И оказалось, что в наших вооруженных силах, заброшенных в зарубежную даль, есть личности, которые вполне готовы сменить мечи на орала в изменившейся обстановке. Таким человеком предстал перед миром Николай Берзарин, лидер-освободитель немецкой столицы от гитлеризма. Человек, отмеченный самыми высокими наградами родины.

Те стратегические боевые операции, которые войдут в историю как высокие образцы военного искусства, для него теперь не имели никакого значения. Его верный ближайший соратник Федор Боков как-то сообщил нам, ветеранам 5-й ударной, что Николай Эрастович, страдавший от незаживших ранений, говорил о себе невоенном, о себе, как человеке, вышедшем в отставку — только бы ее приняли. Даже блестяще осуществленные Висло-Одерская и Берлинская операции, являющиеся частью сталинско-жуковского плана уничтожения нацизма, для него, Берзарина, означали всего лишь этапы невыносимо тяжких трудов. Он вспоминал Северо-Запад России, Прибайкалье, Приморье — милые его сердцу пейзажи. «Отставником пойду работать на конный завод», — говорил он[79].

В Берлине комендант Берзарин, узнав, что в одной из дивизий большая группа студентов-иркутчан уезжает домой, посетил этих заслуженных воинов и в прощальной речи с

огромной душевной теплотой отозвался об этом крае, о Байкале с Ангарой. Эти места не могут служить ареной военных действий, они священны. Они олицетворяют красоту всей земли, красоту России, для которой превыше всего доброта, честь, долг.

Потом уезжали студенты-третьекурсники — воины, призванные из Новгородчины. Берзарин и их проводил самолично. Вспомнил таинственный Селигер, гору предков — Ореховну. Места эти изумительно красивы, и кощунством, издевательством над природой стало то, что их коснулась саперная лопатка оккупанта. Он, Берзарин, мечтал вернуться на родину и первым делом приехать на побережье Селигера, в окрестности деревни Свапуша, пройти через лесные заросли к бревенчатому домику, где бьет из-под земли небольшой родничок. Здесь рождается Волга, главная река России. Командарм общался там с простыми, смелыми людьми и там всем своим сердцем понял, что такое нравственность. И потому фашистам не удалось преодолеть этот священный рубеж. Немцы ушли отсюда побежденными.

Война — это кровь, грязь, страдания…

Во время войны было много случаев, когда потерявшие друг друга члены семьи воссоединялись. Бывало, что сын потерял отца; братья, чьи судьбы разбросала по белому свету война, наконец встретились или один из них узнал, что домой пришла «похоронка»…

А я поведаю об одном факте.

На подходе с боями к Берлину генерал-майору Николаю Захаровичу Галаю, нашему комдиву, передали, что в соседней дивизии, в одном из стрелковых батальонов, служит и опален огнем сражений его родной отец. Комдив-сын рванулся к нему — он с начала войны не знал, где его папаша — их родная деревушка была захвачена фашистами.

Лихолетье порвали семейные связи, и их не удавалось восстановить.

Генерал встретился с командованием дивизии, и те скоро доставили ему, сыну Захара, поседевшего усатого бойца с медалью «За отвагу» на груди. Он ушел в партизаны, а селение враги сожгли. Отряд партизан, в котором оказался Захар, в подходящее время вступил в ряды Красной армии…

Встреча генерала Галая с отцом не стала сенсацией и все же вышла трогательной, кое-кто из присутствующих даже прослезился. Пока писари готовили документ о передаче солдата генералу, сам боец куда-то исчез. Через полчаса старый воин вернулся к сыну с вещмешком, где находилось все его движимое и недвижимое имущество.

— Куда ты ушел, я беспокоился, — заметил генерал.

— Понимаешь, сын, я отправился на поиски котелка и алюминиевой ложки, — ответил боец. — Свои пришлось отдать новобранцу, тот еще не обзавелся… Не знаю, как быть, но у меня нет котелка…

— У нас, батя, в дивизии мы подберем тебе посудинку, — ответил сын. — Поехали!

Отец стал бойцом в дивизии, командовал которой его сын-генерал. Без котелка он, конечно, не остался. И скоро отправился домой, восстанавливать хозяйство своей сельхозартели. В родной Белоруссии.

Провожая своих солдат домой, Берзарин, дав им напутствие, говорил, что они с маршалом Жуковым считают себя посланцами народов России и вынуждены еще на некоторое время остаться здесь, потому что призваны показать здесь ее великодушие, дать представление о ее высокой духовности.

Каждая историческая эпоха порождает, условно говоря, свой собственный «кодекс Наполеона». В Германии этот «кодекс», можно сказать, начинается с приказа первого советского коменданта Берлина генерала Н. Э. Берзарина от 28 апреля 1945 года № 1.

Следующим эпохального значения шагом в правовой сфере стала принятая 5 июня 1945 года Декларация о поражении Германии и взятии верховной власти в Германии правительствами СССР, США, Великобритании и Франции. Мы в своем штабе полка увидели схему зон оккупации. Район Большого Берлина подлежал самостоятельному разделению на четыре зоны.

Декларацию подписали маршал Жуков, генерал армии Эйзенхауэр, фельдмаршал Монтгомери, генерал Делатр де Тассиньи. Как любят говорить политики, в тот день были поставлены все точки над «i».

При подписании декларации произносились красивые речи. Собравшиеся почтили память недавно умершего президента США Делано Рузвельта. Узнали трогательную подробность: американский лидер скончался, когда художник рисовал его портрет. У Рузвельта в тот день был готов конспект речи, которую он хотел произнести на следующий день по радио. В речи говорилось:

> «Больше, чем конца войны, мы хотим конца всех войн. Да, конца этого зверского, нечеловеческого, совершенно не практического метода урегулирования разногласий между правительствами… Мы должны приложить все силы к тому, чтобы победить сомнения,

> страхи, невежество, алчности, сделавшие возможным этот ужас».

Слова… слова… К тому времени у американцев уже имелась атомная бомба, которую они готовы были применить к тому, кто осмелится перечить янки. Жуков, конечно, не строил никаких иллюзий. Жуков, Вышинский отлично знали, что янки могут говорить красивые слова, сверкая белозубыми улыбками, охотно говорить о миролюбии, положив на свой стол заряженный кольт… Их идол, их «божество» — полицейские дубинки, стальные наручники, петля на шее пленного…

3 ноября 1945 года — всего через два месяца после капитуляции Германии — на рассмотрение Комитета начальников штабов США поступил Доклад № 329 Объединенного разведывательного комитета. Его первый параграф гласил:

> «Одобрить приблизительно двадцать целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки СССР».

Преданные гласности в XXI веке секретные документы Пентагона свидетельствуют о чудовищном коварстве США. 14 декабря 1945 года Объединенный комитет военного планирования издал директиву 432/д. В директиве сказано:

> «Наиболее эффективным оружием, которое США могут применить для удара по СССР, — являются имеющиеся в наличии атомные бомбы».

4 апреля 1949 года было объявлено о создании организации Североатлантического договора (НАТО). По плану «Троян» объектами атомного удара должны стать уже не 20, а 70 советских городов. План «Дропшот» намечал устроить в нашей стране 300 новых Хиросим[80].

Комментарии, как говорится, излишни. Лишь героический труд всех тех, кто привел СССР к ядерному паритету с США, избавил нас от последствий таких планов, как «Троян» или «Дропшот».

Советский Союз усилиями Горбачева и К° похоронен. Руки у НАТО развязаны. Глобалисты уже преподнесли свои подарки Ираку, Югославии, Афганистану, Ливии и т. д. Они не стесняются. Наши «друзья» живут стремлением смести с лица земли русских. В 2010 году состоялась акция — Всероссийская перепись населения. Официальные данные — русское население

продолжает катастрофически сокращаться. Русский народ вымирает. Так, может быть, вождям глобализма, НАТО и не надо особенно напрягаться, готовя для России атомные и прочие бомбы? Все же бомба стоит денег, и немалых. И без этого население России благополучно вымрет в обозримом будущем?! Беда эта пришла в XXI веке.

Нас, конечно, интересовала судьба войск, штурмовавших Берлин. Она прояснилась. Некоторые воинские части, пока идет процесс демилитаризации и денацификации в Германии, временно останутся на месте. Останется и наша 5-я ударная армия.

Люди «первого часа»

Главноначальствующий военной администрации Германии маршал Жуков подписал приказ от 10 июня 1945 года, которым разрешил деятельность политических партий[81]. Немецкая прогрессивная общественность восприняла эдикт русского маршала как проявление доверия демократическим силам Германии. Тем самым было положено начало новой жизни немецкого народа. Тысячи и тысячи немцев-патриотов, при нацистах томившихся в тюрьмах и концлагерях, не стали мешкать: они видели — настал их час! Они немедленно включились в работу!

Тех честных и самоотверженных немецких граждан, которые сразу же включились в работу, стали называть «людьми “первого часа”». Эти патриоты-энтузиасты стали опорой советского коменданта Берзарина, опорой районных и участковых комендатур.

Ожили левые организации, с большой активностью стали действовать социал-демократы. Мне лично приходилось бывать на таких собраниях, и после этого у меня надолго оставалось ощущение того, что я становился участником праздника.

В Берлине впервые было осуществлено единство самых массовых организаций трудящихся — родилось объединение свободных немецких профсоюзов.

Вскоре возникли Христианско-демократический союз (ХДС), Либерально-демократическая партия (ЛДП), Культурный союз демократического обновления Германии («Культурбунд»), организации молодежи и женские комитеты.

Таким образом, в строительстве новой жизни в Большом Берлине, наряду с коммунистами-тельманцами, приняли участие социал-демократы, члены профсоюзов и антифашистски

настроенные буржуазные деятели. Их объединяла общая задача — совместно, в едином блоке преодолеть последствия нацистского режима. Интересы каждой прослойки населения должны быть подчинены общим интересам. Настрой был таков: в строительстве новой Германии обязаны участвовать все, независимо от политических и религиозных взглядов.

В Берлин стали возвращаться эмигранты-антифашисты, члены возникшего на территории Советского Союза в июле 1943 года национального комитета «Свободная Германия». Вернулись на свою родину бесстрашные борцы с нацизмом поэт-антифашист Э. Вайнерт, соратники Э. Тельмана — В. Пик, В. Ульбрихт, В. Флорин, Г. Соботка, Э. Хериле и А. Аккерман. Они имели четкую, научно обоснованную внутриполитическую программу, выполнение которой должно было привести к торжеству идей мира, демократии и социализма.

До создания союзной военной комендатуры и появления в Берлине военных контингентов и оккупационных властей Америки, Англии и Франции власть в Большом Берлине в течение мая — июня целиком и полностью находилась в руках советского военного командования[82].

…Воинские части гарнизона по утвержденным графикам готовили западные районы Берлина к передаче их войскам союзников. Район Тиргартена с рейхстагом отходил под власть англичан.

Командованию 94-й гвардейской стрелковой дивизии из комендатуры было сообщено, что полкам соединения следует 20 мая прибыть к рейхстагу. Там гвардейцы 94-й встанут в почетный караул… Состоится церемония снятия с купола рейхстага Знамени Победы для отправки его в Москву. Гвардейские полки под звуки маршей пришли в центр города. Вот Бранденбургские ворота, вот рейхстаг, на котором полощется на ветру Красное знамя с серпом и молотом. Слышались команды, отдаваемые командирами.

Снимал Знамя Победы сводный взвод лейтенанта Бойченко. Вместо него взвод водрузил на куполе рейхстага государственный флаг Союза ССР. В тот же день Знамя Победы было доставлено на аэродром. Святой символ проводил в Москву комендант Берлина генерал Николай Эрастович Берзарин.

Выступая на страницах областной ярославской газеты, участник штурма Берлина, полковник В. А. Жилкин, касаясь дальнейшей судьбы Знамени Победы, пишет:

> «…Сопровождали священную реликвию в Москву посланцы 3-й ударной армии. Они прибыли в столицу

нашей страны на Центральный аэродром. Там Знамя Победы было встречено Почетным караулом частей Московского гарнизона. Из рук знаменосца Ильи Сьянова его приняли назначенный знаменосец Герой Советского Союза старший сержант Ф. А. Шкиров и его два ассистента, тоже Герои Советского Союза гвардии старшина И. П. Панышев и сержант П. С. Маштаков.

Однако, к великому сожалению, было решено на Парад Победы это знамя не выносить. Прямо с генеральной тренировки Знамя Победы было отправлено в Центральный музей Вооруженных сил СССР, где оно хранится и сегодня.

Дело в том, что “дивизионные патриоты” по своей инициативе нанесли на полотнище наименование своего соединения: “150-я Идрицкая дивизия”. Поэтому организаторы такого масштабного мероприятия, как Парад Победы, сочли, что использовать знамя в этой акции нельзя. В боевой операции по взятию рейхстага участвовала не только 150-я дивизия, но и другие части и соединения. Данное Знамя Победы на парадах стало использоваться только с 9 мая 1965 года, когда в сознании общественности представление о водружении на куполе рейхстага победного стяга устоялось. И каких-либо нареканий в адрес 150-й дивизии уже не было — страсти остыли».

Шли годы и вдруг… в 2007 году священная реликвия, Знамя Победы, попало в поле зрения Государственной думы. Предложено было это знамя «усовершенствовать». Нашелся либерал-демократ, бывший генерал, по фамилии Сигуткин. Он предложил убрать с полотнища не только наименование Идрицкой дивизии, но и изображение серпа и молота, а взамен нанести американскую белую звезду.

Глумление над Знаменем Победы вызвало шквал возмущения, прежде всего со стороны участников Великой Отечественной войны. Мерзкую затею осудили средства массовой информации. Например, газета «Донская искра» возню вокруг Знамени Победы назвала «отнюдь не похмельным синдромом генералишки-недотепы, а продуманной акцией либералов, окопавшихся во властных структурах».

В то время вышла в свет книга председателя совета ветеранов 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Д. А. Наливалкина «Исповедь о прошлом и настоящем»[83]. От имени ветеранов 5-й ударной автор гневно осудил подлые намерения врагов России.

Гнусный проект «закона» Сигуткина оказался выброшенным на свалку. Президент Российской Федерации В. В. Путин отклонил «закон», оскорбляющий самое святое, что имеет наша родина, — Великую Победу над германским фашизмом.

Берлин берзаринский

Для Берзарина нежданным-негаданным оказалось то, что у него, кадрового офицера, будет болеть голова от мыслей по поводу работы городского общественного транспорта, да еще в чужой стране. И тут у него голова действительно «заболела». Город, попавший в одночасье под каток военной машины, лишился транспортного обслуживания, надземного и подземного. Выбиты из рабочего состояния трамвайно-троллейбусные и автобусные парки. Снаряды и бомбы изуродовали рельсовые пути, бетонные магистрали, уничтожили линии электропередач. Это произошло в полисе, где до войны обитало более трех миллионов жителей. Около трехсот тысяч из них, бросив жилье и имущество, бежали и укрылись в пригородах, но эти человеческие особи теперь возвращаются.

Без городского транспорта — в городе всему «каюк». Люди Берзарина в первые дни работы комендатуры в аварийном режиме добыли ток, введя в действие некоторые мощности электростанций, день ото дня энергетическое сердце города крепло. Но как выйти из катастрофического положения с городским транспортом?

Специалисты центральной комендатуры, оценив обстановку, разработали конкретные планы-задания для районных комендатур. И те развернули мобилизацию сил и средств. И буквально в считаные часы находившаяся в коме транспортная проблема стала подавать признаки жизни.

Чудо? Фантастика? Нет, это реальный факт. Надо обратить внимание на то, из кого состояли берзаринские кадры и рабочая сила. Кто был подручным, исполнителем коммунально-хозяйственных замыслов Берзарина? Его офицеры. Именно офицеры невозможное превращают в возможное. Таку генералов обстояло дело с петровских времен. Поэт Афанасий Фет, все молодые годы тянувший лямку офицера-строевика, в своих «Воспоминаниях» изложил такую мысль: «…Никакая школа жизни не может сравниться с военной службой, требующей одновременно строжайшей дисциплины, величайшей гибкости и твердости хорошего стального клинка в сношениях с равными и привычку к мгновенному достижению цели кратчайшим

путем»[84].

Это было сказано о военнослужащих царского периода. А что такое царская армия, мы знаем по произведениям Александра Куприна и других классиков русской литературы. Но даже в те времена с их пороками армия, ее кадровый костяк, олицетворяла лучшее, творчески богатое, наиболее деятельное, что есть в народной толще.

У Берзарина были отборные офицеры Красной армии, командиры ее ударных сил. А это уже нечто особенное. Они способны были творить за чертой возможного.

Рабочие руки коменданту дал немецкий народ. Что в высшей степени характерно для немцев — их умение работать. Да, *умение работать* отличает немцев от всех прочих наций.

По моему мнению, здесь имело место счастливое сочетание двух факторов. Организаторами восстановительных работ в освобожденном городе были берзаринские русские офицеры-ударники, а исполнителями их приказов-распоряжений — умеющие подчиняться и трудиться получившие мир и надежду берлинцы. Имея такие факторы, можно, как говорится, свернуть горы. Возникли бригады рабочих, возглавляемые энтузиастами, которые, взявшись за дело, совершали невероятное в обычных условиях, даже немыслимое.

Итак, электростанции ожили, но городской транспорт мертв. Его спасет срочная реанимация. 13 мая комендант отдает приказ ремонтникам, готовым действовать в режиме атаки. В тот же день генералы Берзарин и Боков с группой своих сотрудников опускаются в галереи «унтерграунда». А там уже гремят отбойные молотки, летят искры электросварки. Немцы работали так, что комендант остановился в приятном изумлении.

Работы продолжались и тогда, когда коменданта и его офицеров окружили люди. Решили устроить небольшой перекур у того места, где авиабомба пробила перекрытие тоннеля, сюда пробивались солнечные лучи. Получилось летучее совещание. Берзарину рассказали о ходе работ, о неотложных нуждах. Техники, материалов, оборудования рабочие не просили. Им сообщили, что в дополнение к продуктам по карточкам до окончания работ им выделят русскую сгущенку, мясные консервы, картофель, муку, кофе, табачные изделия. Физические нагрузки велики, это учитывается.

В конце беседы рабочий-диггер, назвавшийся Карлом, парень лет восемнадцати, несмело спросил у своих русских собеседников об… Алексее Стаханове. Чем в России занят богатырь-шахтер? Берзарин в ответ кивнул в сторону Федора Бокова, лицо которого осветилось теплой улыбкой. Коснувшись рукой плеча Карла,

Боков сказал, что Алексей Стаханов был и остался горняком — он окончил Промышленную академию и, получив диплом горного инженера, руководит сейчас в Караганде коллективом одной из угольных шахт, в его подчинении находится тысяча рабочих с инженерно-техническим персоналом. Алексей Стаханов имеет чин «генерал-директора».

— С войной покончено, Карл, — заключил генерал Боков, — ты пойдешь учиться и тоже станешь «генерал-директором», как Стаханов!

Слова Бокова вызвали веселое оживление у присутствовавших при беседе ремонтников. Они стали поздравлять Карла, своего будущего «генерал-директора».

Вернувшись в свою резиденцию, Николай Берзарин и Федор Боков время от времени делились впечатлениями от посещения метро. Боков говорил, что коль уж у немцев дошло до разговоров о Стаханове, то насчет метро можно быть спокойным. И оказался прав. Через 24 часа в комендатуру с «подземного фронта» доложили, что берлинский «унтерграунд», его основные ветки заработали, поезда с пассажирами пошли… Подземка имеет 57 станций, к концу мая отремонтируют 52. Остальные — попозже.

14 мая стал действовать трамвайный транспорт. Возобновили работу первые автобусные линии.

Город должен жить полнокровной трудовой жизнью. И комендант Берзарин 15 мая издает приказ, которым населению разрешалась свобода передвижения начиная с 5.00 до 22.30. В тот же день берлинцы узнали о том, что отменяется затемнение. Опустилась ночь, и город озарили электрические огни, а квадраты окон окрасил золотом свет электроламп. Годами берлинцы жили, боясь огня. Жизнь по эталонам каменного века канула в прошлое.

16 мая коменданту Берзарину из районных комендатур доложили, что в городе начали работать с частичной мощностью заводы по производству газа и водопроводные станции. Вместе с ними заработала и канализация.

Зарождение самоуправления на новых принципах

Три недели Берзарин в Берлине был единоличным правителем. Такое положение нормально при чрезвычайных обстоятельствах. Жизнь стала входить в нормальное русло. И теперь надо постепенно передавать власть в руки самих немцев. У коменданта в аппарате уже работает бывший министр германского правительства времен Веймарской республики

Андреас Гермес. Он антифашист, содержался в гитлеровском концлагере, был приговорен к смертной казни, спасся случайно — лагерь освободили русские солдаты. Андреас Гермес зарекомендовал себя прекрасным хозяйственником, авторитетным человеком в деловых кругах. На днях, по просьбе Берзарина, он представил коменданту на подпись хорошо подготовленный документ, которым регламентировалась свободная частная торговля всеми товарами. Коммерсанты вздохнули с облегчением, они активизировались. Ассортимент товаров в магазинах, в том числе и продовольственных, расширился.

— Порядочные люди в Берлине есть, — говорил Андреас Гермес, — надо их вывести из летаргического состояния.

Такие люди в комендатуру пришли, внесли предложения по вопросам управления Берлином. С участием Берзарина в Карлсхорсте состоялось совещание с обстоятельной дискуссией. Большинство предложений комендант одобрил. Органу управления городом оставили традиционное название — магистрат.

Консультации с представителями различных политических направлений продолжались пять дней. 19 мая в здании страхового общества на улице Парохиальштрассе было проведено первое — учредительное — заседание магистрата. В его состав вошло 20 человек. Семь мест заняли члены КПГ, пять — СДПГ, два — ХДС и шесть — беспартийные. В магистрат прошли люди разных профессий, известные своей неподкупностью и принципиальностью. Коммунистов оказалось очень мало и в магистрате, и в районных органах самоуправления — нацисты подвергли компартию поголовному истреблению.

Обер-бургомистром решили назначить Артура Вернера. Его имя в городе хорошо знали. Он — признанный ученый, инженер-архитектор. При сгинувшем режиме беспартийному профессору жилось неуютно. И он согласился занять ответственный пост градоначальника. Ему дали четырех заместителей. Кто они? Карл Марон в прошлом состоял председателем рабочего спортивного союза «Фихте». Андреас Гермес до прихода к власти нацистов занимал пост министра в правительстве Германии. Пауль Швенк в свое время был депутатом городской палаты и ландтага. Карл Шульце — рабочий.

Собравшиеся на заседание люди увидели в президиуме коменданта Берлина, русского генерал-полковника Николая Берзарина. Внешность всевластного человека вызывала симпатию. Присутствующие на заседании увидели в хорошо сшитой генеральской форме невысокого человека, плотно сбитого,

подтянутого. У него пытливые, внимательные глаза, вдохновенное волевое лицо с глубокой ямочкой на подбородке, густые размашистые брови. Волосы волнистые, с сединой. Он понимает немецкую речь.

Генерал Берзарин сделал краткий доклад. Он изложил свое видение событий и задач магистрата. Доктор Вернер выступил с заявлением. Он сказал:

— Мы хотим построить демократическую республику. Гитлер сделал Берлин городом развалин. Мы его сделаем городом труда и преуспевания. Красная армия обеспечила Берлин продовольствием на много месяцев. При помощи русских во многих районах восстановлены электрическое освещение, водоснабжение и канализация. И мы благодарим за это советское командование…

Магистрат, его управления и отделы стали создавать районные органы управления, выдвигать квартальных и домовых старост, на которых были возложены обязанности по организации расчистки улиц и восстановительных работ в важнейших отраслях сложного и громоздкого хозяйства города. Всюду звучал призыв: «Берлин должен жить!»

Первое официальное заседание нового магистрата состоялось 20 мая. Магистрат обсудил вопросы финансов, налоговой службы, социального обеспечения. К тому времени центральная комендатура успела с помощью немецких активистов-антифашистов создать полицию, органы прокуратуры. Любопытно, что несколько недель в Берлине пустовали все тюрьмы, не работали органы юстиции. Наша комендантская служба была поставлена так, что в них и не было нужды. Войска в своей деятельности руководствовались приказанием Берзарина от 4 мая 1945 года № 00175, в котором командующий 5-й ударной армией требовал от личного состава частей и соединений соблюдения «человеческого достоинства, высокой бдительности и дисциплины военнослужащих» в контакте с войсками союзников и в отношении населения побежденной страны.

Штаб армии выпустил приказание командарма Берзарина от 7 мая 1945 года «Об организации патрульной службы в г. Берлине», которое мной уже комментировалось.

26 мая Берзарин издает приказ по войскам 5-й ударной армии, образующим берлинский гарнизон, — «О повышении бдительности в связи с нападением на советских военнослужащих со стороны шпионов и диверсантов».

Наши патрульные были не в состоянии выполнять ту работу, которой занимаются блюстители порядка среди гражданского населения. Комендатура решила эту задачу за пару недель. И в

день первого заседания магистрата у подъездов, где заседали члены берлинского правительства, стояли на страже молодые красавцы в форме полицейских времен Веймарской республики. Таких ребят мы уже встречали на улицах в униформе оливкового цвета, в черных касках. Они ловко козыряли нам, советским офицерам. Мы им охотно отвечали.

Суды и прокуратура также приступили к работе 20 мая. Благонадежные юристы нашлись.

Здравоохранение города в то время находилось в руках профессора Фердинанда Зауэрбруха. Берзарин знал этого подвижника медицины с апреля, когда накал боев сдвинулся к центру столицы. Тогда по его ходатайству командование 5-й ударной от армейской медицинской службы направило своих представителей в 20 больниц города. Они помогли немецкому профессору организовать экстренное лечение женщин, стариков и детей — жертв артиллерийско-минометных обстрелов и бомбардировок с воздуха. Пострадавшие получили из армейских аптек лекарства. С тех пор контакты профессора и командарма были постоянными.

Теперь Зауэрбрух, как должностное лицо, проинформировал коменданта об участившихся случаях заболевания жителей дизентерией. Назвал очаги инфекции. Распространились случаи заболевания сыпным тифом. В госпитализации нуждались тысячи больных. И снова потребовалось вмешательство армейских медслужб. Заручившись поддержкой коменданта, профессор, получив полномочия и от магистрата, проинспектировал все окружные санитарно-лечебные учреждения города, назначил ответственных лиц в работе по ликвидации очагов инфекций.

При Берзарине почти все медицинские учреждения Берлина возобновили свою работу. Стали принимать и лечить пациентов 96 больниц, из них 4 детские, 10 родильных домов, 146 аптек, 6 пунктов скорой помощи, в которых работало 654 врача. Около 800 специалистов медицины в тот период занималось частной практикой.

В магистрат летели сигналы: не хватает врачей! Зауэрбрух предложил выход из положения. Он знал, что в ходе Берлинской операции в составе вермахта находились военные врачи. Некоторые из них сделали стойку «хенде хох!», а некоторых просто пленили. Теперь они томились недалеко от Берлина в лагере военнопленных. Выслушав Зауэрбруха и посоветовавшись с Жуковым, Берзарин отдал приказ, разрешающий освободить из плена врачей. Их обязали работать в берлинских лечебницах.

Сенсацией для горожан стало то, что 25 мая возобновились занятия в Государственной инженерной школе Гаусса. Пять дней

спустя вернулись к занятиям дети и учителя общеобразовательных школ. Ребята не только делились между собой мыслями о пережитом в ходе боев, но и обсуждали итоги футбольных матчей между местными командами — футбольные поля ожили еще 20 мая. Некоторые школьники из верующих семей уже побывали на богослужениях в кирхах. Комендант снял все ограничения, установленные национал-социалистами в отношении религиозных конфессий.

В комендатурах трудились люди военные, и темп их деятельности не совпадал с темпом работы магистрата. Между комендатурами даже возникла некоторая состязательность в решении задач по программе «Берлин должен жить!». Поэтому порой появлялись берзаринские приказы с оценкой дел в городе. 21 мая на совещании в Карлсхорсте Берзарин высказывает свое неудовольствие и настаивает на использовании всех возможностей непрерывного улучшения состояния города.

А началось всё с приказа от 3 мая 1945 года № 8. Генерал Н. Э. Берзарин излагает в нем неотложные меры по улучшению обеспечения города электроэнергией, указывает на недостатки в работе городских транспортных средств, систем водоснабжения и коммунальных служб, в том числе бань и прачечных. В приказе названы фирмы, обязанные заниматься этой работой, им выдаются необходимые материальные ресурсы. Органам берлинского самоуправления, комендатурам стало работать намного легче с тех пор, как в городе появились средства массовой информации.

На другой день после первого официального заседания Берлинского магистрата вышел первый номер городской газеты «Берлинер цайтунг» с немецкой ответственностью. Трансляции Берлинского радио стали звучать с утра до поздней ночи, как всегда.

22 мая открылись двери для посетителей-клиентов во всех почтовых конторах. Во все концы страны пошли письма, открытки, бандероли, другие почтовые отправления.

Конторы, учреждения, предприятия и организации работали по московскому времени.

Заявление И. В. Сталина в Кунцевский райком ВКП(б)

Еще месяц назад Берлин жил по законам и ритмам нацистского Третьего рейха — он был его столицей, «гауптштадтом» Гитлера. Темную ночь сменило утро нового дня. Точнее — не дня, а эры. Провозвестниками новой эры стали

русские люди, победившие власть тьмы и насилия.

Намерения новых властей прекрасны, вдохновляющи. Но в чем состоит их философия? Их идеология? Какую цель имеют новые власти?

Взоры населения обратились к партиям. Прежде всего к коммунистической и социал-демократической. Они лидируют в обществе. Они подверглись жестоким репрессиям со стороны нацистов, хотя и не в равной мере.

Встречи, съезды, собрания, конференции… Волнуется интеллигенция. Она, интеллигенция, духовный вождь нации. Этот «вождь» осрамился при нацизме, потянувшись к кормушкам, расставленным фюрером и Геббельсом. Теперь пришлось каяться. 3 июня в Берлине было созвано собрание, посвященное памяти репрессированных, жертвам фашизма. Разный люд собрался. На нем присутствовал Н. Э. Берзарин. На участников встречи большое впечатление произвела речь вице-бургомистра Андреаса Гермеса. Он, познавший оковы концлагеря, где нацистский «народный трибунал» вынес ему смертный приговор, говорил о недопустимости измены гуманистическим идеалам. Гермес, выражая мнение своей партии ХДС, назвал покаяние основой будущего строительства новой жизни.

Покаяние! С этого, конечно, надо начинать. А дальше? Дальше власть надо употреблять ради развития нравственности, духовности.

…В конце мая офицерам войск 5-й ударной армии разрешили уйти из казарм и снимать жилье у горожан, в первую очередь семейным. У меня семьи не было, однако я тоже ушел в город, найдя себе комнату в доме на Риттерштрассе. Владелица этого пятиэтажного дома, дама лет шестидесяти, охотно приняла меня в число квартиросъемщиков, поскольку я предложил хозяйке расплачиваться продуктами питания. Принес пять килограммов муки, кило сахара. И в придачу — пять кусков мыла для соблюдения гигиены.

Жил я на «хозяйском», первом этаже (у немцев с него начинается счет; тот этаж, который мы считаем первым, у немцев называется нижним и в счет не идет). Тогда же в соседней комнате поселился молодой немецкий репортер, принятый на работу в радиовещательный центр. Звали его Эрвин Хёпке. По вечерам я стал приглашать его к себе на огонек. У меня было чем его приветить. Полковой отдел продфуражного снабжения выдавал офицерам дополнительное питание: кофе, сахар, кондитерские изделия, масло. Мы с Эрвином подружились. Он немного говорил по-русски, а читал свободно.

Эрвин, принадлежа к репортерскому корпусу, по долгу

службы бывал в Карлсхорсте на встречах и брифингах. Он был в курсе новостей политической и культурной жизни. От него я узнал, что 17 июня состоится партийная конференция социал-демократов. В ней будет участвовать Отто Гротеволь. Социалисты согласились тесно сотрудничать с КПГ, которая уже обнародовала свой программный документ — воззвание, где провозглашалась цель уничтожения остатков гитлеризма и установления в стране демократического строя. Берлин должен быть образцом совместной работы всех антифашистов! Должен быть… Только вот городская организация СДПГ колебалась. Эрвин пояснил мне: «Там окопались “меньшевики” — Эрнст Рейтер, Франц Нейман, Отто Зура… Эта американская фракция будет ставить палки в колеса». Я не стал слушать дальнейших рассуждений Эрвина, заметив: «Пошли они подальше!» Меня больше интересовали театральные афиши на столе Эрвина.

Одну афишу Эрвин принес из ратуши Шёнеберг, она возвещала о концерте в Гражданском зале. Камерный оркестр под управлением Ганса Бенды дирижировал первыми публичными выступлениями артистов. Первая ласточка! Их будет много. В газете военных властей «Теглихе рундшау» есть информация о встрече Берзарина с театральными работниками — с Эрнестом Легалем, Густавом Грюндгенсом, Виктором де Кова. Они обсуждали вопрос открытия Немецкого театра на улице Шуманштрассе. И 10 июня город запестрел афишами — там премьера. Одна такая афиша красовалась на стене комнаты репортера. Рядом с ней висела другая афиша — в Штёглице, в «Титания-паласте» 26 мая состоялся первый концерт оркестра Берлинской филармонии с дирижером Лео Борхардом. А 27 мая зрители, в том числе и мой приятель Эрвин, увидели первое послевоенное представление в театре «Ренессанс».

Июнь обещал быть особенно насыщенным программами культурной сферы, потому что деятели культуры по рекомендации Берзарина создали палату деятелей искусств. Инициатором выступил Пауль Вегенер, его поддержали театральные труппы и доверили ему руководство палатой.

Ожидалось открытие оперного сезона. Условились, что временно оперный коллектив будет выступать на сцене «Театра-дес-Вестенс»…

Немецким артистам, музыкантам хотелось выступить перед русскими воинами, независимо от всяких графиков. Они специально готовили программы для персонала комендатур. Помню, что показывали, например, сцены из «Аиды», из оперетты «Сильва». Я присутствовал при этом. Представьте себе неискушенного в искусстве человека, офицера стрелкового полка,

который прошел с боями от Астрахани до Берлина, попавшего в зал, где звучала музыка… Я пережил восторг.

Выслушав мои откровения, Эрвин заметил:

— Все это неплохо. Волнует меня будущее. Оно не безоблачно. Концерты, театральные постановки… Я все же ощущаю ущербность. Звучат везде нотки покаяния, порой лицемерного покаяния. Долго они будут звучать? А если оккупационные власти европейских стран, заокеанских сил выступления законсервируют? Русских я исключаю.

— Не надо хмурить брови, Эрвин, — успокаивал я его. — Поживем — увидим.

— Ты спокоен, потому что со своими ребятами уедешь домой. Красную армию ждут в России, страна разорена, некому работать. А нас что ожидает? Завтра в Берлин нахлынут оравы «тихих» американцев, веселых французов, педантичных британцев. Они обживутся, пиявками присосутся к телу Германии. Наловчатся делать деньги. Какая сила избавит нас от сапога оккупанта? Ему станут прислуживать местные «меньшевики», изображая на физиономиях раскаяние.

Откровенно говоря, у меня не находилось доводов для возражений. В тот момент наша хозяйка принесла только что снятый с плиты кофейник. Я тотчас достал бутылку коньяку. Мы принялись за кофе, доливая в напиток коньяк. Перешли на разговор о литературных шедеврах, о Ремарке, о Маяковском. Эрвин поделился своими творческими планами. Он пробует переводить русскую поэзию и уже частично перевел поэму Владимира Маяковского «Хорошо!». Потом он напишет книжку на тему «Сделаем войну историей».

От Эрвина я узнал, что после Гражданской войны, установившей в России власть Советов, в Берлин эмигрировали 300 тысяч русских людей. В городе появились целые кварталы русскоязычного населения. Имелись русские рестораны и магазины, театры, выпускались газеты, журналы. Центральная площадь столицы Германии — Александерплац названа в честь российского государя…

— А Иван Тургенев? — спросил я.

— Иван Тургенев, — ответил мне мой собеседник, — тоже «немец». Он проучился в местном университете два семестра… В Германской столице жил и работал последние месяцы жизни композитор Иван Глинка… Жил здесь с 1932 по 1937 год писатель Владимир Набоков. Берлин Набоков невзлюбил. Говорил о «мертвой тошноте» в глазах чиновников. А улицы города смотрели на него «мертвыми глазами старых гостиниц». Максим Горький антипатии к городу на Шпрее не ощущал.

Горьковский журнал «Беседа» выходил в Берлине с 1923 по 1925 год, пользовался спросом, так как в нем печатались материалы разной идеологической ориентации.

Эрвин посоветовал побывать в Потсдаме — бывшей резиденции германских монархов.

— Ты в окрестностях Потсдама найдешь русское селение, Александровка называется, — сказал он. — Избы, построенные в псевдорусском стиле. Березовые аллеи. Селение построил на свои капиталы купец и промышленник Павел Павлович Рябушинский, поселил там русских беженцев-фронтовиков. Они и сейчас там доживают свой век. Те, кто в ходе Гражданской войны испугался Советов и эмигрировал. Некоторые хотят приобрести советское гражданство.

Эрвина откровенно увлекала русская поэзия советского периода: Маяковский, Пастернак, Твардовский. Однажды он прочитал кое-что из своих переводов. Запомнились мне строки:

Ленина сердце —
в груди революции…

Переводчик сжал авторскую фразу до предела. А у Маяковского она длиннее, просторнее:

Вечно будет ленинское сердце
клокотать
у революции в груди.

— Ты понимаешь, — говорил мне Эрвин, — что при переводе на немецкий язык Маяковский, как мне кажется, звучит еще с большей силой.

Действительно, в тех стихах, которые прочел мне переводчик, такая сила чувствовалась.

— Так и должно быть, — отвечал я. — Маяковский — новатор. У него собственная энергетика стиха. Немецкий язык ее хорошо улавливает. Он — поэт грядущего. Актуально для немцев, стоящих на пороге больших перемен. Философы, пророки у немцев есть: Маркс, Энгельс, Бебель, Либкнехт. Ницше, наконец, с его теорией любви к дальнему. Мы все учимся у немецких титанов мысли. Вы идейно вооружены, есть возможности потеснить ваших «меньшевиков». Немцы на повороте истории. Этот поворот может дать народу не только новое будущее, но и новое величие.

Я рассказал, что уже читал в прессе статьи одного из лучших

писателей современности Иоганнеса Бехера. Президент «Культурбунда», корифей поэзии освещает теоретические проблемы литературы. Будем у него учиться. Он верит в победу сил добра и светлых талантов.

Ко мне пришел мой друг — бывший партизан Виктор Ключков. Он вернулся из поездки в селение Заксенхаузен, фашистский концлагерь, где 14 апреля 1943 года погиб Яков Джугашвили. Лагерь собираются превратить в международный музей — там содержались военнопленные из двадцати семи стран. Это недалеко — 30 километров.

Но меня волновали не музейные проблемы. Мозг мой сверлил вопрос: где начальник лагеря Кайндль? На его руках кровь Якова. Наконец узнал. «Палача приголубили янки», — сказал Ключков. Гестаповец Кайндль пленным англичанам и американцам создавал комфорт, а советского офицера-артиллериста умертвил[85].

Эрвин, сидевший у меня за чашечкой кофе, поинтересовался:

— Скажите, пожалуйста, мог ли Сталин при его авторитете вызволить сына из плена?

Что-либо существенное сказать Эрвину мы не могли. Много позже, после смерти И. В. Сталина, в своем вузе я услышал рассказ на эту тему из уст генерала армии С. М. Штеменко[86]. Ему задали вопрос:

— Правда ли, что после пленения фельдмаршала Паулюса с участием Сталина обсуждался вопрос об обмене его на Якова Джугашвили, находившегося в немецком плену?

Сергей Матвеевич ответил:

— Такой вопрос обсуждался, и дважды в моем присутствии. Версия о том, что якобы Сталин не согласился, заявив: «Я фельдмаршала на солдата не меняю» — неверна. Это — выдумка журналистов. Поймите, что упоминание о «солдате» в таком контексте звучит мелкотравчато, пошловато. Не сталинский это уровень мышления. А на самом деле происходило следующее. В свое время, узнав о пленении Якова, Сталин, соблюдая установленный порядок, обратился с соответствующим заявлением к первому секретарю Кунцевского райкома партии Евгению Ивановичу Налоеву (в этом райкоме он состоял на учете). Бюро рассмотрело заявление, и было принято какое-то решение. Райком имел сведения, что, находясь в плену, Яков ведет себя как сильная личность, как патриот своей родины. И вот встал вопрос об обмене.

— Тот день, ту встречу со Сталиным я хорошо помню, — продолжал Штеменко. — Сталин ходил по кабинету. Обычно в таких случаях говорят, что он время от времени останавливался у

своего длинного стола и что-то делал со своей курительной трубкой, которую не выпускал из рук. Возможно, и трубки в руках не было. Он ходил по кабинету и как бы беседовал сам с собой. Из сказанного выходило так: «Все семьи во время войны переживают невзгоды, страдают, несут жертвы. Теряют родных и близких, сыновей, дочерей, братьев, сестер… Семья Сталина не является исключением».

Не закончив своих мыслей по этому поводу, Сталин остановился, окинув взглядом присутствующих, сделал жест рукой. «Ну, идите, — закончил он, отпуская всех нас. — Я еще подумаю».

Так случилось, что на следующий день в кабинете Сталина оказались почти все лица, что и на вчерашней аудиенции. И прерванный разговор повторился. Сталин рассуждал все так же. Мол, во время этой страшной войны почти все советские семьи страдают, они теряют своих родных и близких. Семья Сталина не является исключением.

Мы подумали, что окончательного ответа не будет и на этот раз, настроение Сталина осталось без изменений. Нет, перемена произошла. Сталин окинул нас взглядом и сказал решительно:

— Если им, немцам, нужен их фельдмаршальчик, то *обменять* можно. Речь может идти о Тельмане! Пусть отдадут Эрнста Тельмана.

И больше разговоров у Сталина на тему обмена я не слышал. Уверен, что мнение Сталина так или иначе было передано немецким властям. Согласия не получили. Обмен Паулюса на Тельмана не состоялся…

Спортивные страсти

Нас передвигают. Мне пришлось оставить квартиру и вернуться в казармы.

Нам сказали, что намечена передислокация. Командир полка уже летал на самолете на остров Узедом. Кажется, нам суждено перебраться туда. К тому же интенсивность занятий по программе боевой и политической подготовки требовала от офицеров постоянного присутствия в полку.

Комдив Галай, как и командиры других дивизий, выполняя приказ Берзарина, потребовал от командиров частей активизации спортивной работы. Занятия спортом мы включили в учебные планы. Некоторые дивизии провели у себя в городках футбольные матчи, встречи по боксу, волейболу, теннису. В мире немецкого спорта блистали имена Ханса Собека, Арно Кёльблина, доктора

Карла Дирна и других «звезд». В магистрате стало функционировать Управление по спорту. Возник Комитет по спорту. Ханс Собек и его коллеги подружились со спортсменами из воинских частей.

Берзарин, в свое время увлекавшийся джигитовкой, наметил провести конноспортивные состязания. Берзарин говорил Федору Бокову:

— Артур Ульбрихт на днях затеял разговор об ипподроме. К годовщине 5-й ударной хорошо бы иметь готовый ипподром. Парад — это само собой. К нему добавить бега, скачки. Устроить праздник на ипподроме с фейерверком, скачками через барьеры породистых лошадей. Я запросил справочники о конном спорте в довоенной Германии. Разговаривал с маршалом Буденным. Семен Михайлович ответил: «Найдем, дорогой мой, спортшколу, подготовят трехлеток. Пришлю инструктора, тут есть: Николай Титов, образованный спортсмен-педагог, жокей. Из семиреченских казаков…»

К Берзарину зачастили офицеры союзных войск. Для коменданта явилось приятной неожиданностью то, что генерал де Голль возвел его в достоинство командора ордена Почетного легиона.

На стадионе от французов я услышал, что их нынешний лидер Шарль де Голль титуловал коменданта Берлина — *Le tigre*[87]…

— Русский богатырь, кованный из чистой стали с головы до ног, — характеризовал французский лидер Николая Эрастовича.

Французское командование с воодушевлением приняло предложение коменданта Берлина о проведении матча между русскими и французскими армейскими футбольными командами. Заместитель командира полка по политчасти майор Андрей Суслин, побывав в политотделе, привез всем нам пригласительные билеты на футбольный матч Франция — Советский Союз.

Получив билет, я вместе с другими сослуживцами поехал на стадион. На трибуне, где я устроился, рядом со мной оказались дивизионный прокурор подполковник Сугак с секретарем прокуратуры Надей Деюн и следователем Петром Самсоновым. Самсонов поинтересовался, подготовил ли я досье для отправки Международному трибуналу. Что за досье? В нашем штабе имелись два акта с описанием злодеяний немецких оккупантов. Они составлялись в то время, когда полк занимал освобожденные города и села. В Донбассе, в одном селе, фашисты перед отступлением при прочесывании местности захватили крестьян, собиравших в лесочке дрова. Это были старушки, старики, дети.

87 человек. Их назвали партизанами и расстреляли. Хоронили убитых бойцы нашего полка. А в Николаеве морской десант захватил элеватор. Немцы не могли выбить десантников оттуда. Их уничтожили, применив химические снаряды. Мы с Самсоновым договорились, что вместе заедем в наш штаб и я отдам ему акты.

Мы разговаривали о делах, а многотысячная масса зрителей шумела и колыхалась. Кроме немецких болельщиков на трибунах присутствовало немало военнослужащих союзных войск. Шумно вели себя французы. Их было очень много. Я высматривал среди них болельщиков из Парижа — парижане ведь выделяются тем, что из «ничего» творят элегантность. Но на матче все поголовно вскакивали с мест, кричали: «Оле! Оле! Виват!» Мячи влетали в ворота часто. Однако игра, к всеобщему удовольствию, закончилась вничью. Обе команды получили от советского коменданта призы.

Французы встали с мест и запели. Но это была не «Марсельеза». За своей спиной я слышал русскую речь, хотя у говоривших флажки в руках были французские, трехцветные. Я обернулся и, отрекомендовавшись журналистом, спросил усатого господина с таким флажком, о чем поют парижане. Он мне любезно ответил:

— Мы поем «Партизанский гимн». А что в тексте? Начинается гимн словами: «От леса и до леса, по краю обрыва идут отважные мстители…»

Ого-го! У них и гимн уже имеется…

А где же гимн советских партизан? Правда, у нас есть «Брянский лес», «Партизанская бородушка». Но этого прискорбно мало. Белорусы скромничают. Боевыми делами они вполне заслужили торжественных песнопений. Но пока их не слышно.

Захотелось познакомиться с этим учтивым господином. Я извинился и спросил:

— С кем имею честь?

Он ответил:

— Личный представитель генерала де Голля.

В серьезность этого ответа я не поверил. Если он личный представитель, то наверняка находился бы рядом с Николаем Эрастовичем…

Как мне кажется, в то время в воздухе ощущалось что-то такое, что коренным образом нарушит привычный ритм жизни Берлина. Что-то сломается. Приближалось время, когда, согласно договоренностям в верхах, Германия и Большой Берлин будут разделены на зоны оккупации.

В те дни маршал Г. К. Жуков и генерал-полковник Н. Э.

Берзарин приняли прибывшего из Лондона высокого гостя, им был депутат парламента лейборист Зиллиакус. Ему понравилась работа советских военных комендатур и он дал такую оценку: «Я восхищен работой советских оккупационных властей, которые с таким вниманием и таким гуманизмом налаживали жизнь в своей зоне, предоставив демократическим силам полную свободу действий. Русские генералы, стоящие во главе военной администрации, произвели на меня хорошее впечатление. Это люди, полностью компетентные в своей области, они всемерно помогают немецкому народу в восстановлении экономики и гордятся успехами, достигнутыми под их руководством».

В искренности столь высокой оценки работы маршала Жукова, генерала Берзарина и их соратников со стороны английского парламентария сомневаться не приходилось. В его словах отражено то, чему он стал свидетелем и очевидцем.

У Николая Эрастовича в тот день была и своя, личная радость. Он получил письмо от семьи. И была записочка от дочки Ириши. Дочка сообщила, что она воспитывает полугодовалого персидского котенка по кличке Пушок. Котенок уже умеет разговаривать с ней, и сейчас Ириша обучает его игре на пианино. Кошачьи лапки извлекают из инструмента мягкие звуки.

Все скучали по своим родным. Тосковал и генерал.

Нам дали срок — до конца июня подготовить свои районы Западного Берлина к передаче войскам союзников.

Трагедия на Шлоссштрассе — Вильгельмштрассе

Резиденция военного коменданта находилась в районе Лихтенберг на улице Альт-Фридрихсфельде. Штаб 5-й ударной армии оставался там же — в Карлсхорсте, в здании Военно-инженерного училища.

Будучи главным военным комендантом Большого Берлина, генерал Берзарин оставался командующим войсками армии. Везде успевал. Как он выдерживал эти колоссальные нагрузки в работе — одному Богу известно. Но он был молод, дела, которые ему удавались, прибавляли сил, увлекали.

Он просыпался рано, когда только-только падали на землю первые солнечные лучи. Комплекс физических упражнений, холодная вода — и он готов к работе дотемна. Лимузин стоит в гараже. Его повседневное средство передвижения — мотоцикл. С давних пор. Во время Ясско-Кишиневской стратегической операции на реке Прут комфронта Федор Иванович Толбухин, увидев командарма на мотоцикле, сделал ему замечание.

— Николай Эрастович, — сказал он командарму-мотоциклисту, — я учился шоферскому искусству во время Первой мировой войны. Молодежь увлекалась тогда воздухоплаванием. Идеалом для нас был летчик Нестеров. Штабс-капитан Петр Нестеров. Меня тянуло к «летунам». Соколом я не стал. Ради чего вы рискуете? Вы даже не пользуетесь шлемом. В мотоциклетном полку это считается серьезным нарушением правил езды. У вас есть бронетранспортер, другая надежная техника…

— Я экономлю время, — пытался объяснить свое пристрастие Берзарин.

— Нам, например, не нужна эта экономия, а ваша жизнь нужна. Генерал за рулем — нонсенс, — заключил Федор Иванович.

Улыбнувшись, командарм приложил руку к козырьку фуражки. Свой мотоцикл тогда он отдал в батальон связи. Без мотоциклетного руля ему все время чего-то не хватало. И он снова оседлал эту машину. На 1-м Белорусском фронте с мотоциклом он не расставался. Отказаться от него — значит работать вполсилы.

По Берлину он вначале ездил в синем танкистском комбинезоне.

Но донимали военные патрули дорожной службы. И тогда он стал ездить на своем «харлее» в генеральской форме. Чаще всего он надевал белый китель. Рядом с ним, в коляску, обычно садился сержант-ординарец.

Движение по улицам еще не было упорядоченным. На дорогах хозяйничали регулировщицы с флажками, а на сложных развязках — офицеры и сержанты. Сожженные машины на обочинах, обгорелые пни, кучи кирпича и бетона — вот что такое бывшие улицы и проспекты Берлина. Расчистка завалов идет, но работы еще непочатый край. Всюду торчат обгорелые стены построек с черными провалами окон. Часто даже очищенная полоса проезжей части дороги — в рытвинах и ухабах. Мотоциклисту приходилось лавировать.

Однажды, как обычно побывав на объектах, определенных заранее, комендант за рулем мотоцикла с автоматчиком Петром Лаховым в коляске направился в Карлсхорст… И из переулка вдруг вынесло на магистраль груженный металлоломом студебекер. Инстинкт самосохранения сработал — Берзарин каким-то чудом вывернулся из-под борта. Пронесло. Сержант Лахов в Карлсхорсте доложил своему командиру о ЧП, надеясь, что последует расследование. Но тот пожал плечами, пробормотав: «Генералу виднее».

Прошло несколько дней.

Трагедия произошла утром 16 июня. Как это было?

Генерал-лейтенант Ф. Е. Боков вспоминает:

> «Поздно вечером 15 июня я зашел в кабинет командарма. Из штаба мы часто уходили домой вместе. Наши коттеджи располагались по соседству. Николай Эрастович был в прекрасном настроении, по дороге много шутил и смеялся. Через несколько суток он должен был лететь в Москву на Парад Победы и с нетерпением ждал этого часа.
>
> — Очень соскучился по семье, по маленькой дочурке, по Москве, — говорил он. — Так хочется видеть наш стольный город мирным, без затемнения и зениток.
>
> — Сейчас июнь, самое чудесное время: ее улицы утопают в зелени, всюду цветы, — поддержал я разговор.
>
> — Да разве важно, какой месяц? Москва всегда прекрасна! — воскликнул Николай Эрастович почти с юношеским задором.
>
> Мы договорились встретиться на приеме демократических женщин и попрощались. А утром дежурный по штабу позвонил мне домой и срывающимся голосом доложил:
>
> — Товарищ член военного совета, убит генерал Берзарин!»[88]

Чуть позже генералу Бокову сообщили, что генерал Берзарин погиб в автокатастрофе. Так было доложено в Москву.

На имя главы Советского государства И. В. Сталина была отправлена телеграмма такого содержания:

> «Сегодня, 16 июня в 8 ч. 15 м. в городе Берлине от катастрофы на мотоцикле погиб Герой Советского Союза, командующий 5 Ударной армией и комендант города Берлина — Берзарин Николай Эрастович.
>
> Смерть произошла при следующих обстоятельствах. В 8.00 тов. Берзарин на мотоцикле с коляской выехал в расположение штаба армии. Проезжая по улице Шлоссштрассе со скоростью 60–70 км, у перекрестка с улицей Вильгельмштрассе, где регулировщиком пропускалась колонна грузовых автомашин, Берзарин, не сбавляя скорости и, видимо, потеряв управление мотоциклом, врезался в левый борт грузовой автомашины “форд-5”.
>
> В результате катастрофы Берзарин получил пролом

черепа, перелом правой руки и правой ноги, разрушение грудной клетки, с мгновенным смертельным исходом. С ним вместе погиб, находившийся в коляске, его ординарец красноармеец Поляков.

Учитывая особые заслуги перед Родиной генерал-полковника Берзарина Н. Э., а также нежелательность оставления могилы в последующем на территории Германии, прошу Вашего разрешения на похороны тов. Берзарина в Москве, с доставкой самолетом.

Семья тов. Берзарина, состоящая из жены и двух детей, проживает в Москве».

Телеграмму подписали командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Г. К. Жуков и член военного совета фронта генерал К. Ф. Телегин.

В текст телеграммы вкралась неточность. Офицер, в спешке готовивший текст телеграммы в Москву, не знал, что в тот трагический день ординарца Полякова, вне графика, сменил Петр Лахов. В автокатастрофе вместе с командармом погиб сержант Лахов.

Через ТАСС все газеты и радиостанции страны сообщили своим читателям и слушателям, общественности о трагической гибели первого советского коменданта Берлина, Героя Советского Союза, генерал-полковника Николая Эрастовича Берзарина.

Наша дивизия размещалась в военном городке, в лагере Дёбериц. На плацу парадные расчеты готовились к Параду Победы в Москве, а штабы были заняты рутинными повседневными делами. И тяжкая весть поразила нас как удар грома. Выше я уже говорил, что у меня имелись некоторые деловые связи с дивизионной прокуратурой. Прокуратура находилась поблизости, надо было только выйти из городка и пересечь шоссе. Я пошел в прокуратуру, нашел своего знакомого капитана юстиции Самсонова. Поинтересовался подробностями трагедии. Наверняка он знает что-то, чего нет в печати. Самсонов рассказал мне, что органы прокуратуры фактически отстранены от разбирательства. В служебном кабинете люди Абакумова, контрразведчики из Смерша, изъяли рабочие тетради коменданта, всю другую документацию. Прокуратура знает о случившемся в общих чертах. Произошло необъяснимое: в то время как по узкому проезду на большой скорости двигался мотоцикл с генералом за рулем, регулировщик на перекрестке дал сигнал встречному движению, колонне грузовиков. Железная махина студебекера ударила бортом мотоциклиста.

Место катастрофы оказалось людным. Среди очевидцев

нашелся даже майор медицинской службы. Врач и кто-то из прохожих пытались оказать помощь пострадавшим. Погибли оба — и генерал, и его ординарец Петр Лахов.

Мой приятель, следователь прокуратуры Самсонов сказал мне, что, по свидетельству врача-майора, Николай Эрастович при оказании ему первой помощи на несколько секунд пришел в сознание и произнес слова о том, что шофер не виноват…

Ночью мне позвонил с Берлинского радио поэт-переводчик, репортер Эрвин Хёпке. Он выразил соболезнование нам — берзаринцам. А для него, берлинца, это просто личное горе. Генерал погиб на боевом посту, сознание этого приглушает остроту боли. И еще Эрвин пообещал сделать все от него зависящее, чтобы сохранить надолго в памяти поколений образ этого героя. Процитировал на немецком языке слова Фридриха Ницше из его трактата «Так говорил Заратустра»: «…Моей любовью и надеждой заклинаю тебя: блюди героя в сердце своем! Свято чти свою высшую надежду!»

…16 июня в садоводствах Берлина были срезаны все розы: общим числом 15 тысяч. Уже во второй половине дня гроб стоял в главной советской штаб-квартире в Карлсхорсте. В зале, где пять недель назад Берзарин присутствовал при подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии, а потом до утра отмечал Победу.

Оператор берлинской киногруппы Михаил Шрейдеров, ныне покойный, вспоминал: «Я получил задание снять, как генерал лежит в гробу. Но снять крупным планом было невозможно — слишком свежи были ужасные шрамы на лице. Хирургам пришлось практически сделать хирургическую операцию, так как голова в результате аварии оказалась сплющенной».

На снимках видно, что маршал Жуков стоял в траурном почетном карауле, помогал нести гроб, а 17 июня шел за грузовиком с открытыми бортами, увозившим тело на аэродром. По-видимому, Жуков тогда же и улетел в Москву с прахом покойного.

Авария или убийство?

Страшную фразу «убит Берзарин» 16 июня 1945 года первым из командования услышал, подняв телефонную трубку, член военного совета Ф. Е. Боков. Услышал он ее из уст дежурного по штабу.

Убили любимого командарма, военачальника редкой доблести, боевого нашего товарища и заботливого воспитателя.

Черная мысль о возможном тщательно подготовленном злодействе глубоко засела в каждом из нас. Против таких личностей, как Берзарин, противник готов применить что угодно — яд, кинжал, пулю. И удар автомобиля тоже порой смертелен. Гипотетически это могло стать фактом и в данном случае. Людям хочется знать истину. Они обращаются к нам, ветеранам 5-й ударной, с просьбой высказать свое мнение. Может быть, катастрофа все-таки подстроена фашистскими подонками? Она рукотворна? Неясности в деталях случившегося порождают слухи, предположения, домыслы и в наши тревожные дни. Недруги пользуются этим, вбрасывают в общественное мнение свою порцию тумана.

Я заканчивал работу над этой рукописью перед праздником Победы. Мой товарищ, следящий за сообщениями зарубежной прессы, стал встречать там фамилию «Берзарин». Нашлись авторы, утверждающие, что роковое столкновение мотоцикла с грузовиком — не нелепая случайность. Его сотворили гиммлеровские диверсанты. Назван «Вервольф» («Оборотень»). Структура «Вервольфа» создавалась командованием вермахта в конце той войны в террористических целях, для убийств советских военнослужащих, теснивших части германской армии. Гитлер и его банда замыслили тогда организовать против советских воинских частей партизанские операции.

Помню такое. Понимали: «Вервольф» не ансамбль песни и пляски. Командование 1-го Белорусского фронта призвало тогда своих воинов к бдительности. Политорганы позаботились о наглядной агитации. Разъяснялось, что в занятых нашими войсками районах надо ожидать вооруженных нападений со стороны вервольфовцев. Как-то наша колонна двигалась по шоссе. На одном из перекрестков я увидел прибитый к столбу фанерный щит и на нем — стихотворный текст:

Смотрит на тебя немка ласковым оком.
Гляди, боец, как бы тебе это не вышло боком.

Наивно сказано, но понять можно. Бойся женщины! Ротозейство, как правило, выходит боком. Шло время, мы наступали, проходили населенные пункты, но донесений о терактах из подразделений не поступало. Мы повеселели. Потери, конечно, от ударов в спину имелись. Но не от немцев, а от… поляков. Польское бандитское подполье орудовало изощренно и беспощадно. Возглавляли его «лондонские» прохвосты. Я уже называл имя своего сослуживца, Героя Советского Союза майора Скопенко. Где-то в Краковском воеводстве его убили поляки.

Посланный по делам в Варшаву, я был предупрежден комендатурой вокзала, что ночами бандиты подстерегают русских и стреляют. Находясь в гостинице, я услышал взрыв мины или бомбы, а до утра время от времени доносились выстрелы.

Польские нацисты уничтожили героя-интернационалиста, генерала Кароля Сверчевского. Рыцарь без страха и упрека, он любил Россию и свою родину — Польшу. Некоторые ветераны 5-й ударной знали его как командира 248-й дивизии, оборонявшей Москву.

Но у гитлеровцев с партизанским движением получился пшик. У них не нашлось партизанских талантов, вроде Ковпака, Вершигоры или Заслонова. И подходящая идея отсутствовала. Потому-то организация «Вервольф» оказалась выкидышем.

Свидетельствую: после капитуляции Германии, например, из личного состава нашей 248-й дивизии в Берлине от рук диверсантов не погиб ни один человек. Вообще же без потерь не обошлось. Двух бедолаг, офицера и рядового, убитых где-то в трущобах города, мы похоронили. Расследование показало, что их застрелили английские патрули. Имело место нечто «романтическое». Эти двое в подпитии, возле ресторана, не поделили с ревнивыми англичанами уличных девок. В потасовке поплатились жизнями. Дивизионное начальство наложило взыскание на заместителя командира полка по политчасти за упущения в воспитательной работе. В ротах, батареях и командах бойцы уяснили: с любовью не шутят! Здешнюю «любовь» — к черту!

Относительно факта убийства патрулями в английском секторе наших, офицера и рядового, могу еще добавить такое. О ЧП было доложено в штаб Жукова, представителю Москвы — А. Я. Вышинскому. И он отдал приказ о расследовании.

Следователи занялись прежде всего персоналом ресторана, близ которого нашли трупы. Выявлены были свидетели, а вслед за ними — английские военнослужащие, участники драки. Мне рассказывали, что в английской воинской части был выставлен личный состав подразделения. Приехал Вышинский со следователями и свидетелями. Было проведено опознание преступника. Убийца тут же был арестован.

Вернемся, как говорится, к нашим баранам. Однажды, это, кажется, было в лагере Дёбериц, уполномоченный контрразведки «Смерш» Никита Брюховской выступил перед офицерами штаба нашего полка с информацией о морально-психологической обстановке в Берлине. Брюховской процитировал выбранные места из почтовой переписки (переписка в те времена всюду проходила через цензуру). Немец в солидном возрасте пишет

своему родственнику в другой город: «Союзники по антигитлеровской коалиции передерутся». В другом письме выражается надежда, что битва между англичанами и американцами, с одной стороны, и красными войсками — с другой произойдет в ближайшее время. Познакомил Брюховской и с содержанием письма нашей соотечественницы. Некая особа, приехав к мужу, офицеру в чине майора, из подмосковного свиносовхоза сообщила своей подруге-односельчанке следующее: «Живу, как в сказке. Меня обслуживает горничная. Она по утрам подает мне в постель кофе. А днем укладывает прическу».

От Брюховского мы услышали фамилию Гелен. Генерал Рейнхардт Гелен воскрешает агентурную сеть, существовавшую при Гитлере. Действует он под псевдонимом Густав.

Гелен… Со времен Сталинградской битвы Гелен возглавлял Восточный отдел абвера. Он имел в своем распоряжении специальные диверсионные отряды. Отряды эти действовали в составе отдельных армейских частей.

Таких как Гелен союзные оккупационные власти высоко ценили. Их лелеяли, о них заботились. «Мы ждем от этого типа всяких пакостей», — предупредил нас смершевец.

Можно думать, что Гелен и его подручные, конечно, рады были бы раздавить, испепелить советского коменданта. Но в берзаринские дни они спасали собственную шкуру. Гелен, мне кажется, тогда и сам еще не очухался. В начале того лета у него еще дрожали поджилки от страха. Он только что убежал из дымящегося Берлина. Не знаю, удирал ли он оттуда в женском платье или его вывезли в бочке с нечистотами. Но он успокоился и перестал дрожать лишь тогда, когда увидел за Эльбой танковые колонны войск США и Англии.

Американская разведка спрятала Гелена подальше от людских глаз в Пуллахе, небольшом селении возле Мюнхена. Туда же свезли архив и картотеку геленовского Восточного отдела. Гелен пришел в себя, может быть, к осени.

Всякие мерзости Гелен стал творить тогда, когда в Берлине уже действовал Союзный контрольный совет, где представители четырех союзных держав вели дебаты о денацификации и демократизации оккупированной Германии.

В Пуллахе обосновались родственники и приятели Гелена. Он поехал в Вашингтон, изложил программу своей будущей работы, которая хозяевам понравилась. «Он вездесущий и всезнающий», — восхищались пентагоновцы. Да, для борьбы против сил прогресса и мира Гелен вполне годился.

В Пуллахе скоропалительно были сколочены террористические диверсионные группы. Им давали поэтические

наименования: «Эдельвейсен пиратен», «Золотая пятерка» и т. п. Агенты из этих групп быстро попадали в ловушки, их выдавали властям зачастую немецкие патриоты. Смерш незамедлительно пускала оборотней в расход. Судопроизводства не требовалось, достаточно было протокола, составленного в контрразведке. Сам Гелен скоро понадобился на Рейне канцлеру Аденауэру, он возглавил шпионскую службу.

Туго приходилось эмиссарам из Пуллаха! Германская общественность тогда была настроена против них. Люди настрадались.

А куда же девались бывшие члены НСДАП? Те, кто не запятнал себя злодеяниями? Им было не до жиру — быть бы живу. Но имелись «геноссе», состоявшие в нацистской организации формально. Что с ними? Им дали шанс показать себя с лучшей стороны. Покончить с былыми заблуждениями и предрассудками. Вот такие шли в НДП, в национал-демократы. Здесь они могли начать свою биографию с чистого листа.

Порядочные, честные граждане жаждали вернуться к нормальному существованию. Активнейшие из них шли в ряды людей «первого часа», этих людей привлекали выдвинутые прогрессивными представителями общества идеи четырех «Д». Четыре «Д» — это денацификация, демилитаризация, декартелизация, демократизация. В дома жителей советской зоны оккупации вошел несущий свободу и процветание «алфавит». Он сметал все коричневое.

В зонах берзаринских комендатур с мая 1945 года день ото дня крепли связи войсковых объединений с зарождающимися немецкими местными органами самоуправления, крепли добрые отношения личного состава частей с антифашистскими группами и населением.

Считалось нормальным, что даже для главного коменданта, начальника гарнизона специальной охраны не требуется. И Николай Эрастович ею не пользовался. Говорить же о его беспечности — глупо. Берзарин тонко чувствовал окружающую его общественную атмосферу. И не случалось опасных ЧП.

Наконец, скажу слово насчет версии о возможности чудовищного преступления со стороны советских спецслужб. В прессе публикации на такую тему встречались.

В то время спецслужбы наши возглавляли Берия, Меркулов и Абакумов. В 1950-х годах, после смерти Сталина, их привлекли к уголовной ответственности. За нарушение законности и прочие «фокусы».

По делам маршала Берии, генералов Меркулова и Абакумова прошли судебные процессы. Власти обеспечивали гласность. За

это отвечали редакторы, а я как раз состоял на ответственных должностях в органах печати. Глава государства, первый секретарь ЦК партии Н. С. Хрущев видел в журналистском корпусе свою мощную опору. Его зять Алексей Аджубей был главным редактором правительственной газеты «Известия». Журналисты считали его своим уважаемым лидером.

Алексей Аджубей смог поднять авторитет прессы, всех СМИ, на невиданную высоту. Судите сами. Редакторам стали больше доверять, их стали чаще поощрять. Их даже стали приглашать на пленумы ЦК КПСС, знакомить с протоколами политбюро. Несколько журналистов были удостоены Ленинских премий, о чем раньше газетчики и мечтать не могли. Все гражданские учреждения, ЦК и Совет министров работники СМИ посещали без пропусков, по служебным удостоверениям.

Вся эта, грубо выражаясь, лафа кончилась с выдворением из Кремля Хрущева, а Аджубея — из редакции «Известий». Брежневцы первого нарекли «волюнтаристом» и «кукурузником», а второго — «авантюристом».

Но вернусь к 1953 году, к судебным процессам. Помню, нас, редакторов, собрали на семинар. И там дали для ознакомления текст обвинительного заключения по делу Берии. «Заключение» это уложилось в солидный том. Туда вошли и материалы по Меркулову. Чтобы выслушать это сочинение Генпрокуратуры, редакторы просидели в зале, сделав краткий перерыв на обед, десять часов. Берия обвинялся в измене родине, шпионаже и т. п. Перечислялись различные мелочи, вплоть до любовных похождений опального маршала.

В этом жутком многостраничном документе имелись страницы о визитах Берии в Восточную Германию. Ни одного слова о событиях в Берлине 16 июня 1945 года я не услышал.

Кстати, информировали нас сверх меры. Нам прочли несколько позже и записку приговоренного к расстрелу Л. П. Берии, в которой он ходатайствовал о помиловании. Свое заявление осужденный адресовал Г. М. Маленкову. Гласность без границ? Против нее никто не возражал. Давай-давай!

Известно мне и содержание материалов судебного процесса над В. С. Абакумовым. Какой-либо информации по поводу гибели Н. Э. Берзарина в них нет. И можно сделать вывод, что конкретной вины в этом руководителя ведомства под названием «Смерш» нет. И не могло быть. Смершевцы… Образы лучших из них замечательно воссоздал писатель Владимир Богомолов.

Даю справку. Главное управление контрразведки «Смерш» образовано постановлением ГКО от 14 апреля 1943 года, по окончании Сталинградской битвы. Но готовить для него кадры

начали раньше. Пресловутых «гэпэуров», как их называл Л. Д. Троцкий, отбраковывали. Брали на учебу молодых, грамотных ребят с боевым опытом. И наш штаб одного такого послал. Я подобрал. Писарь-сержант Ваня Реутов, составляя боевое донесение, задумчиво рассуждал, разговаривая сам с собой: «То, что нет, — нельзя сказать. То, что сказано, — истина».

— Откуда это изречение? — невольно заинтересовался я.

Сержант рассмеялся:

— Вроде бы из Картезия Декарта…

Ну и ну! Передо мной — философ с медалью «За отвагу» на груди.

Накануне от меня из штаба дивизии попросили одного человека для отправки в разведшколу. Эврика! Я побеседовал с сержантом, хорошо знал его биографию, парня из села Сороки, из Оренбуржья. Предложение мое ему пришлось по душе. Потом я его встретил в звании капитана. Главное управление «Смерш» прекратило свое существование в мае 1946 года. А Реутов был уже сотрудником редакции областной газеты «Волжская коммуна». Он был скуп на разговоры, но два ордена Красного Знамени свидетельствовали, что он серьезно занимался своим делом. Вот такие ребята составляли костяк кадров Смерша.

Насчет В. С. Абакумова. Его жестоко наказали за деяния, не относящиеся ко времени его работы в контрразведке.

Генерал-лейтенант Ф. Е. Боков ряд лет, до самой своей кончины, руководил ветеранской организацией 5-й ударной армии. Помню заседание, посвященное семидесятилетию со дня рождения Н. Э. Берзарина. Присутствовали корреспонденты газет. Один из репортеров проявил интерес к Карлсхорсту, спросил Бокова:

— Скажите, пожалуйста, генерала Берзарина все-таки убили? Был, наверное, заговор?

Генерал Боков ответил так:

— Нет, нет и нет! Это было бы убийством политическим. А такие кровавые преступления совершаются в отношении лиц, которых некие силы хотят убрать со своей дороги. Убрать потому, что они представляют для них серьезную опасность или мешают им провернуть какую-то акцию. Во времена берзаринского «комендантского часа» подобной обстановки не существовало. Крайне озлобленных оппонентов у Берзарина тоже не было. Он в те дни, работая бескорыстно, до самозабвения, творил добро. Он имел тысячи и тысячи подлинных преданных друзей и сторонников. Можно ли вести речь о каком-то заговоре? Николая Эрастовича мы потеряли. И это прискорбно; нам больно. Дорожно-транспортные происшествия, к сожалению, — горькая

реальность. Заглох мотор, отказали тормоза… А человек погиб. Расследованием занимались специалисты.

Федор Ефимович Боков поведал нам, что во время войны у нашего командарма был мотоцикл «харлей». Из тех машин, что американцы поставляли в Советскую страну по ленд-лизу. А в Берлине нашим бойцам, офицерам и генералам очень понравился трофейный мотоцикл «цюндапп» KS-750. Крупная машина, за ней утвердилась кличка «зеленый слон». В июне в гараже командарма появилась эта машина, ее доставили Николаю Эрастовичу в подарок. В то утро командарм отправился в путь на подаренной ему машине. В Бессарабии у него был «цюндапп», но он отдал его в батальон связи.

— О ходе расследования причин катастрофы, — заключил Федор Ефимович, — меня постоянно информировал прокурор 1-го Белорусского фронта полковник юстиции Котляр, которого я уважал за честность, за эрудицию, за принципиальность.

Вывод Котляра и его коллег был однозначным: несчастный случай. У этого опытного юриста, тонкого аналитика подобных происшествий, сомнений не было. Котляр высказался так:

— Федор Ефимович, — сказал он мне, — мы все вокруг слышим: «Как же это так: столь трезвомыслящий человек, генерал, словно подросток, так легко сложил свою голову. Из-за простенького увлечения. Возможно ли подобное?» Отвечаю: возможно.

Это — остатки психологии человека войны. Скорость. Маневренность… Эта привычка к риску до безрассудства и привела нашего генерала к трагическому финалу. Подчеркиваю: сие есть несчастный случай.

Судачить, домысливать кощунственно. Наш командарм сплетен ужасно не любил.

Мне, автору, остается повторить проникновенные слова, взятые у Пушкина, что его смерть «…была мгновенна и прекрасна». Таковую принял в XX столетии и другой славный сын нашей отчизны, полковник Юрий Гагарин — Колумб космоса. На фотографиях лица и того и другого светятся улыбками. Они схожи.

Вместо послесловия
НЕОСТЫВАЮЩИЕ СИМПАТИИ БЕРЛИНЦЕВ

Всеобщая скорбь по поводу тяжелой утраты

Маршал Жуков, ошеломленный страшной вестью, внезапно потерявший своего талантливейшего соратника и друга, проинформировал о несчастном случае Москву, лично Верховного главнокомандующего, генералиссимуса И. В. Сталина. Последовал приказ — похоронить прах Героя Советского Союза, генерал-полковника Николая Эрастовича Берзарина в столице государства, на Новодевичьем кладбище.

Прощание в Берлине с останками погибшего генерала было кратким и немноголюдным. Гроб провожали ответственные лица из штабов фронта и армии, несколько командиров корпусов, дивизий и полков.

Среди провожающих был и православный священник. Он прочел над гробом покойного генерала молитву:

> «…Даруй, Господи, им Царствие Небесное и жизнь вечную… Мир их праху. И упокой, Господи, души рабов Твоих — воинов, на поле брани живот свой положивших за волю, народ и Отечество. Аминь…»

Священник был приглашен по распоряжению маршала Г. К. Жукова.

Мы, бойцы и офицеры, воевавшие под знаменами 5-й ударной, как и других частей и соединений Берлинского гарнизона, еще толком не пришли в себя, пережив величайшее в истории войн сражение за советскую жизнь, за нашу честь. Нас переполняла гордость за то, что в лице Николая Эрастовича, своего командующего, мы имели пример личной храбрости, полководческой мудрости, воплотившего в себе образ человека, на которого самые достойные могли равняться.

Наши полки принесли во имя победы тяжелейшие жертвы, и немилосердной судьбе было угодно, чтобы последней нашей жертвой в Берлине стал командарм. Потеря его, как близкого и родного человека, означала для каждого из нас слезы и скорбь.

Считаные послевоенные недели своей жизни этот русский военачальник, выполняя наказ отечества, посвятил служению

чистому святому делу устройства будущего великой германской нации. Тем самым он заслужил высокое уважение жителей ее столицы, с которыми лично общался. И в те горестные часы и дни немецкий народ душевно скорбел вместе с нами.

Обер-бургомистр Берлина доктор Артур Вернер выразил чувства большинства немецкого народа в телеграмме соболезнования, направленной в адрес главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии и главноначальствующего СВАГ маршала Г. К. Жукова. В телеграмме говорилось:

> «Имя генерал-полковника Берзарина как освободителя Берлина на все времена вошло в историю нашего города. Берлинское население благодарно покойному не только за спасение от тирании гитлеровского режима, но и за то, что в нем оно имело действительно великодушного друга, который воспринимал все его страдания, заботы и чаяния с открытым сердцем. Высокая активность и инициатива, с которой ушедший от нас генерал-полковник Берзарин привел в движение и преуспел в деле восстановления Берлина, являются для жителей Берлина постоянным поводом для благодарности покойному».

Масштаб личности коменданта кое-кто из журналистов пытался определить словами «легендарный командарм». Но это затертое слово не подходило покойному. В Германии вообще обходились без легендарных командармов. И потому, скажем, в речи доктора Артура Вернера среди довольно богатой лексики оно, это понятие, не было использовано.

Никто из знавших и ценивших Николая Эрастовича, как мне кажется, не воспользовался по отношению к нему понятием «легендарный командарм».

Кого же в лице Н. Э. Берзарина потеряли Вооруженные силы СССР в то трагическое берлинское утро 16 июня 1945 года? Материалы того периода, преданные гласности впоследствии, позволяют внести некоторую ясность.

И мы попробуем разобраться.

Засекреченная характеристика

О содержании этого уникального документа в то время знали очень немногие. Скажем прямо — единицы. Зарегистрирован он был в спецчасти штаба фронта (по секретному делопроизводству)

за № 00037 11 апреля 1945 года по категории «Совершенно секретно — особой важности».

С содержанием таких документов разрешалось знакомить крайне ограниченное число должностных лиц. Порой — всего лишь одну персону; то была серия «К».

Возможно, конкретно с данным документом были ознакомлены лица не ниже командармов и членов военных советов.

Что это за лист? Чем вызвана такая его секретность? Ведь это всего лишь «Боевая характеристика» генерала-командарма.

Здесь требуются некоторые комментарии. Но в начале необходимо воспроизвести полностью, дословно весь текст. И тогда кое-что прояснится.

> «Боевая характеристика на Командующего 5-й Ударной армией генерал-лейтенанта Берзарина Николая Эрастовича
>
> Генерал-лейтенант Берзарин Н. Э. боевой и волевой командарм. Грамотный генерал в военном отношении.
>
> Природу современного боя понимает правильно.
>
> Вследствие умелой подготовки войск к наступательной операции и организации четкого взаимодействия их, войска армии 14 января 1945 года, прорвав сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону противника на фронте Грабувфецилювка, продвинулись до 12 км, форсировали реку Пилица и, взломав в этот же день вторую полосу обороны по южному берегу р. Пилица, обеспечили ввод в прорыв 2-й Гвардейской танковой армии.
>
> В результате стремительного наступления войска армии на третий день вышли на оперативный простор и, громя вновь введенные в бой части противника, с хода прорвали Померанские укрепления, первыми вышли на р. Одер, форсировали ее и, отражая многочисленные атаки крупных сил противника, в трудных условиях обстановки, удержали захваченный плацдарм.
>
> В ходе наступательных боев войска армии с боями прошли свыше 500 км, освободили 35 городов, уничтожено и захвачено: 41 552 солдат и офицеров, танков и самоходных орудий — 123, орудий разного калибра — 632, автомашин — 1842 и большое количество другого вооружения и боеприпасов.
>
> Лично решителен, энергичный и культурный генерал, требовательный к себе и подчиненным.

Делу партии Ленина — Сталина и социалистической Родине предан.

Вывод: Должности командующего ударной армией соответствует.

Командующий I Белфронтом,

член Военного Совета фронта

Маршал Советского Союза

Г. Жуков

Генерал-лейтенант

Телегин

11 апреля 1945 года».

Ради чего для боевой характеристики была введена высочайшая степень секретности? Берзарин — командующий 5-й ударной армией. Он разработал и представил руководству страны план штурма и взятия рейхсканцелярии, ставки самого фюрера. План этот был одобрен. Была полная ясность: рейхсканцелярию возьмет 5-я ударная армия.

Но командующим этой армией мог быть кто угодно. Имена сверкают, как звезды. Одни из них — спасли Москву, другие — Ленинград. Одни из них подняты как знамя, являясь признанными победителями в Сталинградской битве. Они — в зените славы.

Но какое из имен засверкает в финале?

Обратим внимание на дату «11 апреля 1945 года», когда была подписана «Боевая характеристика» на человека, где сделан вывод: «Занимаемой должности соответствует».

Наверное, сомнений в этом ни у кого не было. Но вопрос существовал: соответствует или не соответствует? И сколько в то время, в апреле, в наших вооруженных силах лиц, которые «соответствовали»?

Таких было, по моим прикидкам, не менее десятка полководцев.

И спросим себя: о чем же собственно была речь?

Отвечаю. Речь шла о выборе человека-полководца, военачальника, которого в последние дни существования гитлеровского рейха можно поставить рядом с тем, кто на колени разгромленный рейх обрушил.

Кого можно поставить рядом с маршалом Жуковым? Кто

станет его правой рукой?

Кто станет комендантом? Кто сможет плавно перевести ввергнутую в гуманитарную катастрофу Германию на мирную жизнь?

Всестороннее обсуждение на всех уровнях показало, что единственной кандидатурой на этот пост может рассматриваться только один воин-вождь, это — Николай Эрастович Берзарин.

Вывод был однозначным: Берзарин — военачальник, в личности которого, в его биографии нет темных пятен. На службе в Советской армии он не совершил ни одного поступка, достойного осуждения.

Когда маршал Жуков и его соратники проанализировали его деятельность на посту командующего 5-й ударной армией, они не нашли ничего, в чем его можно было бы упрекнуть.

Что касается боевых дел на завершающем этапе Великой Отечественной войны, то ни одну армию в Вооруженных силах СССР нельзя было сравнить с берзаринской армией.

Мемуаристы отмечают, что члены политбюро ЦК КПСС, члены правительства вначале не поверили, что такое явление, как Берзарин, было реальностью в суровую годину борьбы с немецко-фашистской агрессией…

Но вооруженные силы страны — живой организм. Им присущи беды, страдания. И вот 5-я ударная попала в полосу несчастья. Прощаясь с дорогим человеком, воины частей и соединений поклялись сохранить замечательные традиции, которые помогали им жить и побеждать.

Кто они, берзаринцы? Это личный состав частей и соединений, которых вел к победе Николай Эрастович. Перечислим эти славные воинские коллективы:

580-я авиаэскадрилья;

Полевой хирургический госпиталь № 4166;

4-я Апостоловско-Венская Краснознаменная стрелковая дивизия;

8-й Кишиневский ордена Красной Звезды отдельный полк связи;

40-я гвардейская Енакиево-Дунайская орденов Красного Знамени и Суворова II степени стрелковая дивизия;

44-я гвардейская Одесская орденов Красного Знамени и Богдана Хмельницкого II степени пушечно-артиллерийская бригада;

54-я гвардейская Макеевская орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова и Кутузова II степени стрелковая дивизия;

60-я гвардейская Павлоградская орденов Красного Знамени и Суворова II степени стрелковая дивизия;

89-я гвардейская Белгородско-Харьковская орденов Красного Знамени и Суворова II степени стрелковая дивизия;

94-я гвардейская Звенигородско-Берлинская орденов Красного Знамени и Суворова II степени стрелковая дивизия;

96-я гвардейская Иловайская орденов Ленина, Красного Знамени и Суворова II степени стрелковая дивизия;

109-я гвардейская Борисовско-Хинганская дважды Краснознаменная ордена Суворова II степени стрелковая дивизия;

248-я Одесская Краснознаменная ордена Суворова II степени стрелковая дивизия;

266-я Артемовско-Берлинская Краснознаменная ордена Суворова II степени стрелковая дивизия;

271-я Горловская Краснознаменная ордена Богдана Хмельницкого II степени стрелковая дивизия;

295-я Херсонская орденов Ленина, Красного Знамени и Суворова II степени стрелковая дивизия;

301-я Сталинская ордена Суворова II степени стрелковая дивизия;

315-я Мелитопольская орденов Красного Знамени и Суворова II степени стрелковая дивизия;

320-я Енакиевская Краснознаменная ордена Суворова II степени стрелковая дивизия;

416-я Таганрогская Краснознаменная ордена Суворова II степени стрелковая дивизия.

Солдаты, сержанты, старшины, офицеры и генералы, служившие в этих частях и соединениях, оставив службу в вооруженных силах, с чувством гордости говорили о себе: «Мы — берзаринцы!»

5-я ударная армия покидает Берлин

Скоро штабы частей и соединений 5-й ударной получили приказ о вступлении в должность командарма генерала Александра Васильевича Горбатова. В войсках о нем ходила добрая молва. Командарм с богатым опытом, воевал еще в Гражданскую войну, знали его Михаил Фрунзе, Семен Буденный и другие первые наши военачальники. Ценил его и Георгий Константинович Жуков.

Нас интересовало: кого же посадят в кресло коменданта? Сильную личность? Скорее всего — нет. Обстановка меняется, она не для самобытных личностей. Найдут какого-нибудь Башмачкина или Поприщина. Грядет их время — «время бюрократии». Зазвучали в радиопередачах, замелькали на

страницах газет словечки: «зона», «сектор»…

Родилось скандальное, уродливое дитя — Союзная комендатура. Ей нужен четырехголовый уродец, ему-то и суждено задавать тон в оккупированном городе.

Да, свято место пусто не бывает. Пост коменданта в советской зоне оккупации доверили генерал-майору А. Г. Котикову. Продержался он на этой должности долго, до 1949 года. Фронтовикам имя Котикова ничего не говорило. А. Г. Котикова знали только в 61-й армии как начальника политотдела. Из политотдела — в коменданты. Вот это трюк! Но… креатура Андрея Вышинского. Теперь наступил их сезон: главноначальствующими были маршал В. Д. Соколовский, а затем маршал В. И. Чуйков.

Штаб 5-й ударной армии, оставив Карлсхорст, переместился в город Шверин и занял там дворец, редкой красоты замок кюрфюрстов. Замок пустовал, его привели в порядок. По сравнению с ним я ничего более прекрасного не видел. Чудо архитектуры, строительной эстетики.

А что стало с резиденцией штаба нашей армии в Карлсхорсте? Власти Берлина распорядились ею по-умному. В ней ведь бесценные реликвии — обстановка здания, где подписан исторический акт о капитуляции Германии. Следовательно, комплекс этой резиденции должен сохраниться и охраняться государством. Быть культурно-просветительным учреждением, музеем — вот его предназначение.

Для немцев музей — нечто больше, чем музей. Ни одна страна в Европе не заботится так о музейном деле, как Германия. Музей там — это храм, где каждый экспонат, каждая реликвия считается святыней.

Западный Берлин отдан войскам США, Англии, Франции. И туда стали стекаться бывшие немецкие фашисты, реваншисты, недобитые усташи, хортисты, белогвардейские подонки, украинские националисты. Берлинцам отводилась роль статистов.

Чем же кроме боевой и политической подготовки занимались войска? В Берлине — четыре комендатуры. А, как известно, у семи нянек — дитя без глазу. У меня создалось впечатление, что работал только английский комендант. В его секторе находился парк Тиргартен. На высоком флагштоке у колонны Победы, возведенной немцами в честь разгрома французских войск императора Наполеона III в 1871 году, печально и зловеще болтался государственный флаг Великобритании.

А на территории Тиргартена, где деревья оказались угробленными артиллерией, а бассейны с их скульптурными

композициями разрушены, образовалась огромная барахолка-толкучка. Неисчислимые толпы людей там чем-то торговали, что-то обменивали.

Комендант, генерал-англичанин, периодически устраивал на этом торжище облавы. Окружив пространство боевыми танками, английские солдаты производили аресты в толпе. Часто в эти сети попадали и люди из нашего полка. Взяв переводчика, я ездил иногда в английскую комендатуру с «освободительной» миссией. Один раз, ссылаясь на недовольство происходящим А. Я. Вышинского, я поинтересовался у чинов английской комендатуры, на каком основании задерживают здесь людей. Англичанин ответил, что, мол, в парке ночью найден труп убитого человека и они теперь разыскивают преступников. Было понятно, что правонарушений наши солдаты не совершали, а задерживали их с целью выуживания сведений о русских воинских частях. Бедняг допрашивали английские разведчики, а по возвращении в свою часть ими занимались смершевцы. И у всех была работа.

К осени 5-я ударная армия ушла из Берлина. Частям и соединениям армии поручили временно выполнять функции пограничников. Зеленых фуражек не выдали, а на постах разместили. Мы охраняли морское побережье, выполняли план демилитаризации, то есть уничтожали производственные мощности, выпускавшие вооружение и боеприпасы для вермахта, люфтваффе, для германского морского флота.

Нам определили место для работы — остров Узедом на Балтийском море. На острове — секретная база «Пенемюнде». Тут находился ракетный центр, возглавляемый Вернером фон Брауном[89]. Вдоль побережья располагались десять стартовых площадок. Ночами, оставляя огненные языки, с них уходили в небо Фау-2.

В 1945 году фашисты стали терроризировать Лондон. Однако серийная ракета Фау-1 пролетела всего лишь 325 километров.

С потерей стартовой базы на западе крылатую ракету стали запускать с Пенемюнде. Отсюда до Лондона более тысячи километров. Ракету поднимали на самолете и запускали уже над морем. Таинственный остров. Таким его сделали нацисты. Он расположен на самом краю немецкой земли, по соседству с Рюгеном, другим клочком суши среди моря. Рюген фашисты использовали в качестве заповедной зоны отдыха для высших чинов рейха. А на Узедоме они разместили заводы по выпуску самолетов-снарядов «фау».

Пусковые площадки для «фау» находились где-то в Голландии, оттуда Фау-1 полетели на Лондон. А в сентябре 1944

года модернизированный вариант самолета-снаряда Фау-2 отправился туда же. Если Фау-1 летел низко и его можно было сбить, то Фау-2 имел значительно большие высоту и скорость. Истребители перехватить его не могли. Да и радости от сбитого «фау» мало: он все равно падал и взрывался.

5-я ударная армия, двигавшаяся к Зееловским высотам в апреле 1945-го, подвергалась ударам «фау». Эти самолеты-снаряды воспринимались глазом, как два спаренных друг с другом самолета. Так оно и было — под «мессершмиттом» находился похожий на самолет «фау», только без мотора, весь набитый взрывчаткой. Взрыв такого «самолета» бойцы нашего полка наблюдали и на Кюстринском плацдарме. «Мессершмитт» направил беспилотный «фау» на переправу, и самолет-снаряд врезался в берег Одера. За километр разнеслась взрывная волна. Конечно, в эпицентре взрыва все было разворочено.

Теперь полку предстояло уничтожить заводы по производству «фау». Сверкали огни электросварки, ухали взрывы. Цехи находились под землей. Их разрушили. Взорвали электростанцию, железнодорожные сети. Ликвидировали сотни тонн жидкости, предназначенной для заправки двигателей «фау». Подразделения полка с заданием по очистке острова справились месяца через два. Ломать — не строить!

Мне показывали «фау». Повезли на берег моря. Миновали покрытые лесом песчаные холмы и нагромождения валунов и остановились у проволочных заграждений. Оставили машину, прошли немного и увидели бетонную прямоугольную площадку. На ней виднелось пусковое устройство с направляющими балками. Поблизости располагался небольшой бетонный погреб, где укрывалась стартовая команда. В полусотне метров, там, где на берег накатывали волны моря, распластался искореженный «фау», близ него — оперенная стальными пластинками головка ракеты. «Фау» с виду — простой одномоторный самолет, только без пропеллера. На конце фюзеляжа вместо руля поворота различалась сигарообразная труба. В ней сжигалось горючее, двигающее снаряд. Горючее рассчитывалось на определенную дистанцию. Кончалось горючее — снаряд падал. Видно, образец самолета-снаряда, лежащий перед нами, не был удачным. Он не взлетел, взорвалось горючее, и снаряд остался на земле. Подобным «фау» гитлеровцы угостили нас под Кюстрином.

Кстати, о ракетном топливе. На острове Узедом Вернер фон Браун хранил его в огромных цистернах, скрытых в лесу. Возле них мы, как положено, учредили посты. Среди часовых, к сожалению, оказались любители алкоголя. Уходя на пост, они тайком запасались пустыми канистрами, заполняли их и после

смены доставляли трофейную жидкость в свои каптерки. Ее основу, как оказалось, составлял этиловый спирт, подкрашенный марганцовкой. В химическом взводе спирт этот перед употреблением очищали, а в других подразделениях этим пренебрегали, но расходовали. И скоро цистерна «высохла».

Тогда выпивохи взялись за соседнюю емкость. Жидкость здесь оказалась с иной химической формулой. Произошло массовое отравление с летальными исходами. За сутки погибли 12 человек. Случай этот изрядно напугал наших солдат, до сих пор ехидно хихикавших над увещеваниями командиров.

Напугал, но не всех. В те горестные дни я заглянул в офицерское жилье, где обитал военный инженер Михаил Виноградов, мой знакомый по боям на Днестре. Тот самый инженер, которого год назад «воспитывал» сам Берзарин.

Получилось тогда так. Командарм приехал к нам на полевые занятия, которые проходили во втором эшелоне. Генерал увидел бредущего по полю офицера в подпитии. Остановил машину и взял его в салон. Завез на командный пункт полка и беседовал с ним. Сначала спросил его имя, отчество и фамилию. Услышал: «Михаил Сергеевич Виноградов».

Командарм сказал ему, что его поведение предосудительно. Нельзя шататься на учениях в таком непривлекательном виде.

— Вы злоупотребили спиртным, — сказал ему командарм. — Перехватили через край. Вы знаете номер своего сапога?

— Знаю, — промямлил Миша Виноградов.

— Прекрасно, — сказал командарм. — Почему же вы не знаете своей нормы, усаживаясь за стол?

Михаил не потерял чувства стыда. Находясь рядом с генералом, он протрезвел. Поднялся и стал просить прощения… Миша Виноградов с тех пор «завязал». Продержался около года. Самое страшное, что я увидел сейчас, перед ним возвышалась бутыль со смертоносным горючим. Рядом стоял недопитый стакан. И в нем — жидкость, погубившая группу людей.

Заплетающимся языком Миша пояснил мне, что данный вид ракетного топлива пригоден закаленному славянину для приема внутрь. Надо только начинать с небольших доз. Постепенно организм адаптируется…

Когда я поведал командиру полка о своем визите к инженеру-оружейнику, он схватился за голову. Воскликнул: «Кошмар!»

Артемов рассудил здраво:

— Ругать таких людей бесполезно. Это изломанные войной, но живые души. Они ходили в атаки и контратаки. Пережили немыслимое напряжение, сейчас мечутся, пьют все без разбора. Им надо уходить к семьям, на родину. Привезите Виноградова

сюда, и мы с ним поговорим.

Виноградова привезли, он был почти трезв. Начал просить командира полка:

— Сергей Григорьевич! Я устал. Не владею собой. Отпустите меня домой…

И тут же Виноградов написал рапорт с просьбой о демобилизации.

Виноградов убыл из полка вместе с другими демобилизованными. Снабдив их документами, я поехал в прокуратуру — дезертировал один наш связист. В прокуратуре пришлось посидеть в приемной, мой юрист куда-то отлучился. Увидел на столике подшивку газет, стал читать. По горизонтали. Заметил материал о Квантунской армии, которая разбита советскими войсками. О Хиросиме и Нагасаки. Как все это далеко! Обзор материалов о подготовке к судебному процессу над главными военными преступниками — это я прочел бы, но вернулся мой юрист.

Военный юрист капитан Самсонов в качестве дипкурьера побывал уже в Нюрнберге, готовился к новой ходке в том же направлении.

— Хочешь, и тебе добуду пропуск на проезд туда. Производит впечатление…

— А кто меня отпустит с работы? — ответил я.

Самсонов поведал, что корреспондентов в том городе не счесть. Ищут сенсаций. Слетелись как мухи на мед.

Да, каждое слово арестанта, нацистского бонзы, теперь — сенсация.

Кейтель, Геринг, Гесс, Кальтенбруннер… Они в застенке, и в этом сложность. Но порой информация просачивается через адвокатов. Геринг — апостол люфтваффе. Что думает о бомбилах США бывший шеф нацистских бомбил? Геринг на эту тему дал ответ.

— Люфтваффе не выходило из рамок параграфов «Права войны». А вот теперь мир увидел истинное обличье «гуманистов» США. Они стерли с лица земли Дрезден. Теперь сожгли жителей Хиросимы и Нагасаки. Германскую авиацию обвиняют в жестокостях. Люфтваффе, конечно, согрешило. А что вытворяют англоамериканцы? Чем мы хуже их? — спросил Геринг. — По военным преступлениям «гуманные» янки и томми обогнали всех. Кто и когда отдаст под суд этих виновных?

На вопрос Геринга мог бы ответить только Всевышний…

С острова Узедом полк вернулся в Грейсфальд и Штальзунд. Там и произошло расформирование ряда дивизий. Расформировали и нашу, 248-ю. Это произошло перед Новым,

1947 годом.

Берлинские друзья и соратники первого советского коменданта чтет память героя

Берлинский магистрат не забыл 5-ю ударную, берзаринскую армию. Полвека тому назад, создав Немецко-русский музей в Берлине-Карлсхорсте, магистрат воздвиг памятник всему XX веку. Уникальные исторические экспонаты, реликвии не оставляют равнодушным посетителя — специалиста, находящегося в командировке, туриста, студента, учащегося, всякого любознательного человека. Высок научно-познавательный уровень работы этого учреждения. В нем трудятся талантливые энтузиасты-историки, бескорыстные распространители знаний о политике и культуре современного общества и проблемах многонационального Берлина, одного из центров Европейского союза.

Осуществлены содержательные публикации. Назову одну из них — книгу Лутца Присса «Николай Э. Берзарин: Берлинские диспуты: Симпатии объединяются на его стороне». Издание осуществлено фондом Розы Люксембург и Обществом Россия — Германия. Книга переведена на русский язык и издана в Москве в 2004 году.

Для того чтобы посетитель мог легче ориентироваться в тематике экспозиций, устроители музея создали большую рельефную карту-макет Большого Берлина. Макет оборудован лампочками, загорающимися в нужную для экскурсовода минуту. На этой карте можно проследить весь ход операций русских войск по взятию Берлина.

В залах музея экспонируются фотографии советских солдат и офицеров, отличившихся в боевых схватках при последнем штурме города. Выставлены скульптуры, картины.

Впечатлительный человек может оцепенеть, оказавшись в зале, где был подписан представителями стран антигитлеровской коалиции в побежденной Германии акт о безоговорочной капитуляции нацистского государства. В зале всё сохраняется в том виде, в каком оно было в мае 1945 года. Блестит натертый паркет, зеленеют скатерти на столе, сияют лаком кресла. Посетитель в летах не может не подумать, увидев обстановку, мебель: увы, вещи намного долговечнее, чем люди. И мебель фараона Тутанхамона красуется в Каирском музее. К счастью, молодежь такие мысли не посещают.

Весьма богаты и содержательны экспозиции, где

представлены биографические материалы, касающиеся генерала Н. Э. Берзарина. Директор музея доктор Петер Ян затратил немало энергии, чтобы собрать материалы о Берзарине — и у себя на родине, и из российских архивов. Господин Герт Порше подготовил подборку дат и фактов о воссоздании инфраструктуры Берлина. Подборка помещена в книге «Николай Э. Берзарин: Берлинские диспуты…». Он пользовался надежными источниками, и я, автор данного повествования, часто обращался к публикациям доктора Порше, чтобы освежить свою память.

Посетителям демонстрируются кинохроника той эпохи, документальный фильм с показом процедуры подписания акта о капитуляции. Человек, посетивший этот музей, уходит отсюда обогащенным. Посетители благодарны персоналу музея за продуманные композиции, за все то, что он сделал и делает, чтобы люди не забывали историю и серьезно задумывались над ее уроками. Сколько лет политики, средства массовой информации твердили, что вот-вот наступит время, когда человечество покончит с войнами. За войны винили только русских и немцев. Наступил XXI век. И разразилась чудовищная по масштабам война в Ираке, на территорию этой страны, под фальшивым предлогом, вторглись войска США и их многочисленных союзников. Раздираемый противоречиями мир не в состоянии покончить с кровавыми конфликтами. Во всех частях света очаги войны тлеют, они время от времени загораются весьма опасно, льется кровь. Природных ресурсов достаточно не у всех, у кого есть сила, тот пытается предпринять попытки перераспределить их в свою пользу с помощью оружия, под дырявой ширмой борьбы с «международным терроризмом».

Существует международное право, есть договоры и соглашения. Но разве правовых документов не было перед Второй мировой войной? Они были и есть. Коварные властители не могут жить без войн. Более двух тысяч лет тому назад жил мудрый человек, философ Сенека. Он резонно винил в развязывании агрессивных войн порочного правителя и его окружение.

> «Я покажу тебе, — писал Сенека, — чего не хватает высшим мира сего, чего недостает тем, которые имеют всё. Им не хватает человека, который говорил бы им правду. Высокопоставленный чиновник в присутствии лживых советников теряет всякую чуткость. Он перестает отличать истину ото лжи, потому что вместо правды он вынужден слушать только лесть. Ему нужен человек, который говорил бы ему, какие из донесений — ложны, а какие — нет. Разве ты не видишь, как перед этими

> властелинами разверзается бездна? И происходит это потому, что они слишком часто доверяли ничтожным тварям. Никто из окружающих властелина не подает ему совет по внутреннему убеждению; они лишь соревнуются в подхалимстве, стремясь лживой лестью превзойти друг друга. И как часто случается, такие властители теряют всякое представление о своих истинных силах, начинают считать себя непревзойденными гениями, впадают в ослепление, затевают ненужные конфликты и ведут войны, которые в конце концов становятся опасностью для всего мира. Однажды прогневившись, они нарушают мир, столь полезный, сколь и необходимый, который потом уже никто не может восстановить. Они проливают реки крови, пока наконец-то кто-то не прольет их собственную кровь… Так они навлекают громадные несчастья и на самих себя, и на свои страны».

Эти строки, содержащие мысли великого римского провидца, я нашел в мемуарах отставного генерала вермахта Вальтера фон Зейдлица «Дважды приговоренный к смертной казни». Это было в марте 1975 года в Лейпциге, где на Международной книжной ярмарке презентовалась и моя книга «Секрет Сталинграда». Там видный деятель немецкой культуры Хёпке, автор труда «Власть ради духа», познакомил меня и с самим автором. В книгоиздании, в прессе и других средствах массовой информации дули ледяные ветры холодной войны. И нам было о чем поговорить. Говорили мы о книгах Генриха Бёлля и Юрия Бондарева, о Шолохове и Ремарке, о роли фронтовиков в антивоенном движении, в укреплении дружбы между СССР и Германией. Фон Зейдлиц перед этим побывал в Карлсхорсте, и мы, естественно, вспомнили о Берзарине.

— В Сталинграде я сдал русским оружие своего корпуса без истерики, — сказал мне фон Зейдлиц. — Потом, в лагере военнопленных, мне часто снился не Сталинград, а почему-то Демянский котел, где основным нашим «оппонентом» выступал Николай Берзарин, при имени которого в картотеке Генштаба имелась пометка «Уссурийский тигр». Он, конечно, великий мастер атаки на широком фронте. Как это ему удавалось? Не знаю. Но странно, что не об этом я спросил бы его, если б мы встретились. Демянск… У меня имелись все данные для победы. Победы моей группировки войск, но почему-то все разваливалось в последние часы перед боем. В потусторонние силы я не верю. Лешие, русалки, кикиморы — оставим их для детей. Однако в этом проклятом месте что-то решительно восставало против

меня. Офицеры штаба не могли читать карты. На маршах у офицеров отшибало память, они теряли ориентировку и водили свои подразделения по кругу. Офицеры и солдаты жаловались на зрительные и слуховые галлюцинации. Вернувшись из России в Германию, я нашел в научной литературе исследования о так называемых геопатогенных зонах. Но что можно объяснить этой теорией в военном искусстве? Берза-ринские дивизии тоже состояли из людей. У Берзарина мощь электромагнитного поля разве не ощущалась?

Фон Зейдлиц сказал мне, что он на свои вопросы, касающиеся проклятого «немецкими богами» Демянска, где пали на поле боя тысячи немецких и русских солдат, еще будет искать ответы. Но я объяснил фон Зейдлицу, что присутствие неких потусторонних сил в Демянске, на Валдае не исключается. Это наиболее чувствительное место России, святое место, там начинается Волга. Волга у древних греков называлась Ра — река Солнца, река Истины! В Индии, в Калькутте, в древних ведических[90] санскритских рукописях это место упоминается. Его посещали монахи-брахманы. Они искали то место, где человеческая душа соприкасается с небом. Отсюда начиналось хождение купца Афанасия Никитина за три моря… И этим все сказано. Но я, встречаясь с ветеранами, выяснил, что в боях в районе Демянска у самого Берзарина наблюдался прилив творческой энергии, люди в подразделениях не ощущали дискомфорта, им геопатогенное поле даже помогало. Случались веселые моменты: немецкие транспортные самолеты, сбрасывая окруженным частям контейнеры с продовольствием, порой ошибались и такой груз попадал в расположение берзаринских батальонов. Наши солдаты имели возможность полакомиться немецкими сухариками, сушеными овощами: картошкой, морковью, луком. В контейнеры закладывали и шоколад. Ротные кулинары, имея выловленную в Селигере рыбу, готовили уху, приправляя ее трофейными овощами. Получая в свои котелки уху, солдаты-красноармейцы возносили хвалу «благодетелям» — верховному шефу люфтваффе Герману Герингу и его подопечному на российской земле Вальтеру фон Зейдлицу. Распространился слух, что якобы в одной такой трапезе принял участие и командарм. Что ж, такое могло произойти.

Мы с бывшим генералом вермахта вспомнили еще кое о чем.

— А как поживает наш Красногорск? — задал мне вопрос фон Зейдлиц.

Да, генерал не забыл подмосковный Красногорск, где содержались немецкие военнопленные. Там советский суд в 1944 году приговорил его к расстрелу за то, что его войска злодейски

сожгли русскую деревню. Комиссия, опросив уцелевших крестьян, составила акт, передала его в прокуратуру. Генерала привлекли к ответственности. Но к тому времени Вальтер фон Зейдлиц примкнул к немецкому сопротивлению и стал руководителем антифашистского Союза немецких офицеров. Друзья приговоренного обратились в Верховный Совет СССР с ходатайством о помиловании своего лидера. Их просьбу удовлетворили. В тот же период Имперский суд в Берлине заочно приговорил Зейдлица к смерти за измену фюреру. Об этих своих злоключениях и рассказал Зейдлиц в своих мемуарах «Дважды приговоренный…».

В лагере фон Зейдлица знали как человека со скрытым талантом художника-ювелира. Это видно по изготовленным им сувенирам. На дереве он выгравировал фигурку оленя и еще сделал изящный портсигар. Изделия эти предназначались для передачи И. В. Сталину, ко дню рождения генералиссимуса. Их с любопытством рассматривают ныне посетители музея, который функционирует в Красногорске по улице Народного ополчения, в доме 15, где располагался штаб военнопленных.

Я рассказал фон Зейдлицу о нынешнем Красногорске. Сидя в кресле, он слушал меня, опустив голову. В Германии приговор Высшего имперского суда в отношении Вальтера фон Зейдлица-Курцбаха был отменен только в 1996 году.

Драгоценные реликвии

На рубеже XX–XXI столетий христианской эры мы стали свидетелями явления, похожего на удивительную сказку: имя талантливого русского самородка, полководца и администратора Николая Эрастовича Берзарина оказалось популярным в обширном анклаве европейской цивилизации, в Германии. Процесс слияния двух немецких государств в одно целое породил диспут: быть или не быть имени Берзарина в общеберлинском списке исторических личностей, почетных граждан германской столицы.

Проблема не из простых. Это явствует из такой справки.

Традиция почетного гражданства восходит в Берлине к 1813 году, к эпохе, когда со Шпрее выметали наполеоновских вояк. Первым удостоился этой чести 6 июля 1813 года пламенный христианский проповедник, пастор Готлиб Риббек. До 1946 года городские депутаты и магистрат, действовавшие до того времени на весь Берлин, присвоили это звание шестидесяти четырем лицам. Официально является почетным гражданином Берлина

российский император Николай I (1796–1855), подавивший Польское восстание 1830–1831 годов и революцию в Венгрии 1848–1849 годов. Говорить о том, что факт почетного гражданства русского человека в Берлине льстит национальному самолюбию, не стану. Но в конце концов национальное самолюбие все же представляет некую ценность…

Вначале оно присваивалось здравствующим особам, что соответствовало статусу, смыслу почетного гражданства. Но со временем вошло в практику давать это звание в исключительных случаях особо заслуженным людям и посмертно.

Статус «Почетный берлинец» («Ehrenburger Berlins») дан был Берзарину посмертно властями ГДР в 1975 году.

В силу особых обстоятельств после окончания Второй мировой войны на территории Германии возникло два суверенных государства — ФРГ и ГДР.

Столицу Третьего рейха после войны постигла подобная участь — Западный Берлин отправился в самостоятельное «плавание», а Восточный Берлин превратился в столицу Германской Демократической Республики. После окончательного административно-политического разделения города западноберлинская палата депутатов с 1946 года пожаловала звание почетного гражданина двадцати девяти лицам. Восточный Берлин, столица ГДР, имел 24 почетных гражданина.

Ветер холодной войны унес с географической карты государство ГДР. На карте возникло одно государство — ФРГ. В 1992 году раздельно существовавшие списки почетных граждан из Восточного и Западного Берлина были объединены. Из списка Восточного Берлина общеберлинский сенат взял в объединенный список только семь исторических имен. Имена двадцати двух граждан, в том числе и имя генерала Н. Э. Берзарина, в этот список не вошли.

Исключение Берзарина из списка почетных граждан Берлина вызвало протест части берлинского общества. Выразил протест доктор Франц фон Хаммерштайн, председатель объединения «Берлинские друзья народов России». В защиту доброго имени русского генерала, первого военного коменданта Берлина, многократно и решительно выступал бургомистр района Берлин-Фридрихсхайн, член руководства СДПГ Гелиос Мендибур. «Нам не мешает, — говорил он своим согражданам и оппонентам, — то, что Берзарин был советским офицером и коммунистом, его гуманизм и его помощь берлинцам связывают нас с ним».

Беспокойство вызывала не только судьба почетного гражданства Берзарина. В Берлине существовала площадь Берзарина, такое название получила в свое время бывшая

Балтенплац. Сенат, где большинство голосов принадлежало партии ХДС, пытался упразднить новое название этой площади. С ХДС солидаризировались депутаты от партии СвДП. Чтобы опорочить имя Берзарина, в ход пустили досужие домыслы, ложь и клевету. Например, депутат от фракции ХДС в берлинском парламенте Гюнтер Тёпфер распространил ложный слух о том, что якобы 27-я армия, имея генерала Берзарина на посту главнокомандующего, в 1940 году на территории Прибалтики творила злодеяния; персонально генерал депортировал людей в Сибирь, в городах публично сжигал книги.

Но вот в Немецко-русском музее в Берлине-Карлсхорсте появились архивные документы, из которых видно, что Берзарин в 1940 году служил на Дальнем Востоке, переведен на северо-запад России только в 1941 году. Сановный фальсификатор, лжец, что называется, сел в лужу, то есть был изобличен.

По вопросам о заслугах генерала Н. Э. Берзарина в послевоенном восстановлении жизнедеятельности германской столицы газета «Берлинер цайтунг» в мае 1995 года пригласила своих читателей на дискуссию. Свыше пятисот человек приняли участие в бурно проведенных дебатах.

Разумеется, мнения высказывались разные, нередко противоречащие друг другу. Но большинство берлинцев, очевидцев и участников событий весны 1945 года, доказывали очевидное: «Берзарин спасал людей от голода и болезней после падения гитлеровского режима, снабжая их продуктами питания, помогая больным и пострадавшим». Среди ораторов находились и люди, выжившие благодаря помощи комендатур. Не молчали и личности с менталитетом Гюнтера Тёпфера, но их оказалось очень мало.

Одними дебатами, спорами, обсуждениями дело не ограничивалось. Как искренний друг России, действовал западно-берлинский пенсионер, инженер по технике снабжения Герт Порше. В 1995 году он, как свидетель берзаринского времени, предпринял поиск документов, подтверждающих заслуги Берзарина в спасении берлинцев от голода, от эпидемий, вызванных катастрофой всех систем жизнеобеспечения. Он выявил конкретные факты, когда в медицинские учреждения направлялись продовольствие и медикаменты из армейских фондов.

Гитлеровцы взрывали в Берлине мосты. Они не считались с тем, что для населения эта мера будет иметь катастрофические последствия. Против этого возражал даже Альберт Шпеер, министр вооружений. В записке, адресованной самому фюреру, он писал 13 марта 1945 года: «Подготавливающиеся в Берлине

взрывы мостов повлекут за собой, например, то, что вследствие этого Берлин нельзя будет снабжать продовольствием. Кроме того, промышленное производство и жизнь людей в городе на годы стали бы невозможными. Эти взрывы принесут с собой смерть городу». И что же? Гитлеровские генералы разрушали всё, что можно разрушить. Закончились сражения. Кто восстанавливал в Берлине мосты?[91] Саперы 5-й ударной армии. Кто восстанавливал линии метрополитена? Немецкие рабочие, но кормила их Советская армия, материалы дала она же. Инженер Герт Порше на основе своей профессии и своего многолетнего инженерного опыта оценивал действия генерала Берзарина с самой лучшей стороны.

Инженер Герт Порше искал и нашел адреса проживающих в Москве членов семьи Берзарина. Дочь генерала Лариса Николаевна и ее муж Петр Александрович Курцев отозвались на весточку от немецкого друга. Петр Курцев возглавлял в 1945-м армейский военный госпиталь. Персонал госпиталя лечил тех пациентов-берлинцев, которых порой доставляли в палаты. Охотно общалась с господином Порше и младшая дочь генерала, Ирина Николаевна Лазук. В общении им помогали сотрудники российского посольства в Берлине.

Несомненную научную ценность представляет составленная господином Порше хроника жизни и деятельности военачальника, коменданта Берлина генерала Н. Э. Берзарина. Даты и события строго документированы.

Исследования Герта Порше позволили организовать в 1995 году выставку на тему «Берлин, 1945». Выставка наглядно и убедительно свидетельствовала, что ко 2 мая город оказался на краю пропасти. Сотням тысяч жителей Берлина грозила смерть от голода и эпидемий. Но город был спасен. Город имел коменданта, начальника гарнизона, принявшего власть на себя. Власть ради возрождения к жизни. Ему принадлежит девиз: «Берлин должен жить!»

К сожалению, на выставке «Берлин, 1945» лишь побочно было отмечено, что советские военные власти провели комплекс мероприятий в отношении обеспечения населения освобожденного от нацистов города продуктами питания. Важные инициативы коменданта Берзарина остались неосвещенными.

Инженер Порше и его единомышленники сумели доказать немецкой общественности, что деятельность коменданта Берлина генерала Берзарина оставила в истории города заметный след. Их предложения были приняты во внимание законодателями и властями Берлина.

Здравомыслие восторжествовало. Одна из красивейших

площадей города — Берзаринплац сохранила свое название, которое она носила в послевоенные годы. Находится площадь Берзарина в берлинском районе Фридрихсхайн.

И еще одно важное событие произошло в культурной жизни Большого Берлина — 20 марта 2002 года имя Николая Эрастовича Берзарина было вновь внесено в список почетных граждан Берлина. 11 февраля 2003 года сенат Берлина с подачи правящего бургомистра Клауса Воверайта подтвердил: Николай Эрастович Берзарин — почетный гражданин города Берлина. За это проголосовали Социал-демократическая партия (*CLGU)* и Партия демократического социализма. Против голосовали христианские демократы. Знаменательно, что произошло это именно в тот день, когда Соединенные Штаты Америки и их сателлиты начали агрессивную войну против Ирака. Запылал от ударов «высокоточного» американского оружия Багдад. В руины превратился город, существовавший тысячелетия, город древнейшей на земле культуры.

В тот день депутат бундестага Федеративной Республики Германия госпожа Гезина Лёч, умная и энергичная женщина, призвала федеральное правительство отказаться даже от косвенной поддержки этой грязной войны.

Призыв Гезины Лёч нашел широкую поддержку немецкой общественности. Проблема войны и мира для немцев — не абстрактное понятие. Берлин отстаивает мир. Довольно каяться! Миролюбие Германии выдержало исторический экзамен.

Имя генерала Николая Эрастовича Берзарина служит символом мира и свободы[92].

Приложение 1

Награды генерал-полковника Николая Эрастовича Берзарина

1. Удостоен высшей степени отличия в СССР — звания Героя Советского Союза. При этом вручены орден Ленина, знак особого отличия — медаль «Золотая Звезда» № 5656 и грамота Президиума Верховного Совета СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года.
2. Орден Ленина (второй).
3. Орден Красного Знамени.
4. Орден Красного Знамени (второй).
5. Орден Суворова II степени.
6. Орден Суворова I степени.
7. Орден Кутузова I степени.
8. Орден Богдана Хмельницкого I степени.
9. Орден Красной Звезды.
10. Медаль «XX лет РККА».
11. Другие медали.
12. Правительство Франции присвоило советскому генералу, коменданту Берлина Н. Э. Берзарину звание командора французского Почетного легиона. Свидетельство от 9 июня 1945 года.

Приложение 2

Берлин 1945 года: даты и факты

16 апреля — Красная армия начинает Одерско-Берлинскую стратегическую боевую операцию по взятию столицы гитлеровской Германии.

21 апреля — советские войска в ходе наступления ворвались в Берлин.

24 апреля — командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Г. К. Жуков назначает генерал-полковника Н. Э. Берзарина комендантом и начальником гарнизона Большого Берлина. Под Большим Берлином подразумевается территория Берлина, определенная законом об образовании городской общины Берлина от 20 апреля 1920 года и насчитывающая 20 городских районов.

27 апреля — комендант Н. Э. Берзарин издает приказ № 1 о принятии на себя всей административной и политической власти в Берлине.

28 апреля — Н. Э. Берзарин издает приказ о запрещении деятельности национал-социалистической партии, ее филиалов и организаций. С целью противодействия Красной армии войска вермахта разрушают город, взрывают мосты и коммуникации, обеспечивающие жизнедеятельность. Бомбардировки и артобстрелы выводят из строя водоснабжение, канализацию и газоснабжение, также все коммуникационные и транспортные системы во всех городских районах. Последней прекратила выработку электроэнергии электростанция в Шарлоттенбурге.

28 апреля — в 10 часов 30 минут саперам войск Берзарина удалось ввести в действие с частичной мощностью только электростанцию в Руммельсбурге.

29 апреля — войска 5-й ударной армии вклинились в немецкую оборону в район рейхсканцелярии и блокировали этот объект.

30 апреля — глава немецкого государства А. Гитлер в бункере под рейхсканцелярией покончил жизнь самоубийством. В Берлин из Москвы прибыла группа членов ЦК КПГ во главе с В. Ульбрихтом. Группа ставит перед собой задачу сделать Берлин образцом совместной работы всех антифашистов.

1 мая — комендатура организует госпитализацию и лечение берлинцев — больных и пострадавших от обстрелов и бомбардировок. Советские воинские части, невзирая на обстрелы

и бомбардировки, восстанавливают частичные мощности турбин поврежденной электростанции в Штёглице.

2 мая — немецкий военный комендант Берлинского гарнизона отдает приказ войскам вермахта о капитуляции подчиненных ему частей и соединений.

4 мая — возобновились передачи новостей по новым программам Берлинской радиостанции. Комендант Берзарин издает приказ для войск гарнизона № 00175, в котором требует от военнослужащих строгого соблюдения дисциплины и порядка. Каждый должен соблюдать «человеческое достоинство победителя». Намечаются принципы установления контактов с персоналом союзников, обращения с населением побежденной страны. Приказ призывает к бдительности.

5 мая — из информации от районных комендатур явствует, что на территории, занятой советскими войсками, находится 2 миллиона 700 тысяч жителей. Комендатура устанавливает для них нормы временного продовольственного обеспечения.

7 мая — начальником продовольственного снабжения назначен А. Хермес, член ХДС, бывший узник гитлеровского концлагеря. Комендант издает приказ № 0180, требующий строгого пресечения случаев мародерства и других преступных действий со стороны военнослужащих Красной армии.

В ночь с 8 на 9 мая — в берлинском пригороде Карлсхорсте состоялось подписание представителями войск антигитлеровской коалиции и представителями побежденной Германии акта о безоговорочной капитуляции.

11 мая — прибывший в Берлин заместитель председателя советского правительства А. И. Микоян обсуждает с Н. Э. Берзариным и А. Хермесом проблемы оказания помощи населению Берлина в обеспечении продовольствием. А. И. Микоян одобряет действия Г. К. Жукова и Н. Э. Берзарина, выделивших на эти цели 6 миллионов пудов муки и зерна, около 100 тысяч тонн крупы, тысячи голов крупного рогатого скота для забоя. Н. Э. Берзарин с участием В. Ульбрихта и других деятелей принимает группу лиц, кандидатов в члены Берлинского городского управления. Намечаются планы работы нового органа управления.

13 мая — во всех районах Берлина восстанавливается движение трамваев, налаживается работа первых автобусных линий. Вводится новая система карточек на продукты питания, утверждаются меры по гарантированному созданию фондов продовольствия. Комендатура издала приказ № 5 о восстановлении в полном объеме электроснабжения в городе. Берлинский камерный оркестр под управлением Ганса Бенды в

Гражданском зале ратуши Шёнеберг дает первый публичный концерт.

14мая — введены в действие первые линии метрополитена. По предложению коменданта маршал Г. К. Жуков отдал распоряжение: 14 мая в 20.00 интендант фронта должен доложить военному совету свои соображения о возможных нормах и порядке выдачи населению Берлина молочных продуктов, а также о возможности передачи самоуправлению Берлина минимально необходимого молочного скота из числа трофейного. Объявляется приказ № 2 об отмене светомаскировки. Свободное передвижение населения в Берлине разрешается с 5.00 до 22.30.

16 мая — начинают работать с частичной мощностью заводы по производству газа. Повсеместно действует водопровод. Заработала городская канализация.

18 мая — открылись юридические конторы. Подобраны и приступили к работе специалисты в судах. Комендант издал приказ № 3, разрешающий в городе свободную частную торговлю всеми товарами.

19 мая — начали работать кадры, подобранные для нового органа управления Берлина, которому сохранили традиционное название — магистрат. На принципах конституции, принятой в Германии 31 июля 1919 года (в Веймаре), восстанавливается работа Берлинской полиции (положениями этой конституции руководствуются новые органы прокуратуры и судебная система). Полицейские получают униформу времен Веймарской республики. Состоялось совещание театральных работников (Эрнест Легаль, Густав Грюндгенс, Виктор де Кова и др.). Решены вопросы об открытии Немецкого театра. Н. Э. Берзарину докладывают, что для доставки населению продуктов питания задействовано 1200 военных грузовых автомашин. Из фронтовых запасов на немецкие продпункты доставлено дополнительное продовольствие для выдачи по карточкам.

20 мая — состоялось организационное заседание нового Берлинского магистрата, для которого утверждены объемы финансирования, лимиты на топливо и т. д. Комендант заслушал информацию ответственных лиц о работе полиции, судов и прокуратуры. Даны консультации. Состоялся первый после победы футбольный матч армейских футболистов оккупационных воинских частей СССР и Франции. Комендатура пригласила на стадион свыше десяти тысяч зрителей. Н. Э. Берзарин издал приказ № 4, согласно которому в Большом Берлине все учреждения, а также торговая сеть работают по московскому времени.

21 мая — вышел в свет первый номер городской газеты «Берлинер цайтунг». В течение дня с Берлинской радиостудии транслируются информационные передачи.

22 мая — открылись почтовые конторы, жители города получили возможность пользоваться почтовыми услугами (принимались письма, открытки).

23 мая — ответственность за работу санитарно-лечебных учреждений в Берлине возложена на профессора Зауэрбуха. Он провел совещание медработников. Берзарин поставил задачи по улучшению санитарного состояния города. Ему доложили, что сделано три миллиона профилактических прививок, удалось предотвратить эпидемии.

24 мая — создается новая противопожарная служба.

25 мая — возобновляются занятия в Государственной инженерной школе Гаусса.

26 мая — советские спецслужбы обнаружили факты оживления подпольных диверсионно-террористических групп «Вервольф». Комендатура Берзарина издает по этому поводу приказ № 0211, призывающий военнослужащих гарнизона к повышению бдительности. Первый концерт Берлинской филармонии с дирижером Лео Борхардом в «Титания-паласте», Штёглиц.

27 мая — первое театральное представление в театре «Ренессанс».

29 мая — Н. Э. Берзарин объявляет о снятии всех ограничений в проведении религиозных праздников, установленных национал-социалистами. Коменданту докладывают, что в Берлин возвратились 300 тысяч человек, покинувших город в ходе уличных боев.

1 июня — Берлинское управление по делам школ проводит мероприятия по восстановлению школьного образования. В берлинских общеобразовательных школах возобновляются занятия.

8 июня — Берлинская служба здравоохранения поставлена в известность, что по ее запросу все военные врачи могут быть освобождены из советского плена и вернуться на работу в лечебные учреждения.

10 июня — маршал Г. К. Жуков, главноначальствующий Советской военной администрации в Германии сообщил Н. Э. Берзарину, что СВАГ издала приказ № 2, разрешающий деятельность политических партий. Открытие Немецкого театра на Шуманштрассе. Образовано Управление по спорту.

15 июня — избран и начал функционировать Берлинский комитет Социал-демократической партии Германии. Оперный

театр Берлина временно функционирует на сцене «Театра-дес-Вестенс». Комендант Берлина, генерал-полковник Н. Э. Берзарин проводит международную пресс-конференцию. Комендант излагает прессе свои замыслы и планы, отвечает на вопросы журналистов.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. Э. БЕРЗАРИНА

1904, 1 апреля (новый стиль) — в столице России, Санкт-Петербурге, в рабочей семье, Берзариных (отец — токарь на Путиловском заводе, мать — швея) родился сын Николай. У него были три сестры и брат.

1913 — учеба на вечерних курсах в городской начальной школе. Здесь же обучался переплетному делу.

1917 — смерть отца.

1918 — смерть матери.

14 октября — вступление добровольцем в Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА). Николай Берзарин — красноармеец-пулеметчик.

Ноябрь — участие в боевых операциях против белогвардейцев и англо-американских интервентов в Архангельской области (по сентябрь 1919 года).

1919 — участие в боевых операциях Красной армии в Центральной России.

1920 — военное обучение в Курске, Петрограде, Смоленске.

1921, март — участие в подавлении Кронштадтского антиправительственного мятежа.

1922 — завершение учебы в военной школе в Смоленске.

1923–1924 — начальник пулеметной команды и командир пулеметного взвода в 5-м Амурском стрелковом полку 2-й Амурской стрелковой дивизии. Участие в боевых действиях против бандформирований в Сибири и на Дальнем Востоке.

1925 — вступление в брак с Натальей Ильиничной Просенюк. Слушатель Высших командных курсов Наркомата обороны СССР «Выстрел» в городе Солнечногорске Московской области.

1926 — окончание курсов «Выстрел». Рождение дочери Ларисы.

1927 — начальник учебной части Курсов усовершенствования командного состава (КУКС) в Иркутске (по 1933 год).

1928 — военный комендант Иркутского гарнизона (по 1933 год).

1929 — участник боев против белокитайцев в период советско-китайского конфликта на КВЖД.

1932 — секретарь парткома КУКС (по 1933 год).

1933 — служба в штабе Амурской группы войск в Краснознаменной Дальневосточной армии в городах Хабаровск и Ворошилов-Уссурийский.

1935 — командир 77-го стрелкового полка 26-й стрелковой дивизии.

1936 — командир 26-й стрелковой дивизии.

1937 — главный инструктор штаба Приморской группы войск Дальневосточного фронта. Командир (офицер) для поручений командующего группой войск.

1938 — попытка НКВД возбудить уголовное преследование Н. Э. Берзарина по «делу» осужденного командарма 1-го ранга И. Ф. Федько. Дело прекращено из-за отсутствия состава преступления. Рождение дочери Ирины.

Июль — август — командир 32-й стрелковой дивизии. Дивизия нанесла поражение войскам Японии у озера Хасан (японская агрессия началась 29 июля, завершилась 11 августа).

Декабрь — командир 59-го стрелкового корпуса ОКДВА.

1940, 26 мая — присвоение воинского звания «генерал-майор».

Июль — заместитель командующего 1-й армии Дальневосточного фронта.

1941, 28 мая — перевод в Прибалтийский особый военный округ. Приступает к формированию новой 27-й армии.

22 июня — вторжение войск гитлеровской Германии в пределы Советского Союза. 27-я армия получает приказ на участие в отражении гитлеровской агрессии. Генерал Берзарин получил сообщение, что отправленные по железной дороге в столицу Латвии Ригу личные вещи всех членов семьи и документы утрачены.

Декабрь — командующий войсками 34-й армии Северо-Западного фронта.

1942, октябрь — заместитель командующего войсками 61-й армии.

1943, 4 января — командующий войсками 20-й армии Западного фронта.

17 марта — в ходе боевых действий у города Вязьма на Смоленском направлении получил тяжелое ранение.

30 мая — командующий 39-й армией Калининского фронта.

18 августа — выписка из военного госпиталя по окончании лечения. Исполняющий обязанности командующего войсками 20-й армии Западного фронта.

8 сентября — присвоение воинского звания генерал-лейтенант (постановление СНК СССР).

Октябрь — 39-я армия передается Прибалтийскому фронту.

1944, 30 мая — командующий 5-й ударной армией 3-го Украинского фронта.

Конец августа — Ясско-Кишиневская стратегическая

операция. 5-я ударная армия выполняет задачу фронтового значения. Освобождение столицы Молдавии Кишинева.

Сентябрь — октябрь — 5-я ударная армия передается 1-му Белорусскому фронту.

Ноябрь — декабрь — войска 5-й ударной армии на рубеже реки Вислы оказывают помощь повстанцам польского генерала Бур-Комаровского.

1945, январь — войска 5-й ударной армии форсируют Вислу и занимают боевые позиции на Магнушевском плацдарме.

Февраль — войска 5-й ударной армии действуют в направлении главного удара в Висло-Одерской наступательной операции.

16 апреля — начало наступления на Берлин 1-го Белорусского фронта (командующий Г. К. Жуков) и 1-го Украинского фронта (командующий И. С. Конев). Н. Э. Берзарин излагает свой план разгрома ставки Верховного командования вермахта в Берлине.

20 апреля — присвоение воинского звания генерал-полковник (постановление СНК СССР).

21 апреля — 5-я ударная армия первой из армий 1-го Белорусского фронта вступает в район Марцан на восточной окраине Берлина. *24 апреля* — маршал Г. К. Жуков назначает генерал-полковника Н. Э. Берзарина комендантом и начальником гарнизона Большого Берлина.

2 мая — германский комендант Берлина генерал Г. Вейдлинг отдает приказ о капитуляции германских войск в столице рейха.

В ночь с 8 на 9 мая — подписание в Берлине-Карлсхорсте акта о безоговорочной капитуляции Германии.

16 июня — трагическая гибель генерала Н. Э. Берзарина в результате столкновения транспортных средств. Катастрофа произошла на пересечении Шлоссштрассе и Вильгельмштрассе (в настоящее время — Ам-Тирпарк и Альфред-Ковалькештрассе).

ЛИТЕРАТУРА

Антонов В. С. От Волги до Берлина. М.: Патриот, 2003.

Антонов В. С. Путь к Берлину. М.: Наука, 1975.

Арсеньев В. К. В дебрях Уссурийского края. М.: Мысль, 1987.

Белобородов А. П. Всегда в бою. М.: Воениздат, 1978.

Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1982.

Боков Ф. Е. Весна Победы. М.: Воениздат, 1979.

В редакцию не вернулся: Сборник. М.: Политиздат: Т. 1, 1964; Т. 2, 1967.

Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1973.

Вишневский В. В. Дневники военных лет[1943–1945 годы]. М.: Советская Россия,1979.

Воробьев Ф. Д., Паротькин И. В., Шиманский А. Н. Последний штурм. М.: Политиздат, 1970.

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3: В 2 кн. М.: Воениздат, 1971.

Геббельс Й. Дневники 1945 года: Последние записи. Смоленск: Русич, 1998.

Говорят герои Великой Победы: Диалог поколений: [Сборник интервью и воспоминаний участников Великой Отечественной войны]. М.: СВР-Медиа, 2010.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 3 т. М.: Агентство печати «Новости», 1988.

Картунова А. И. Блюхер в Китае. М.: Наука, 1979.

Клишко З. Варшавское восстание. М.: Политиздат, 1969.

Конев И. С. Записки командующего фронтом: 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987.

Корнейчук А. Фронт: Пьеса // *Корнейчук А.* Собрание сочинений: В 4 т. Л.: Искусство, 1976–1977. Т. 2.

Крон А. А. Офицер флота // *Крон А. А.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 3.

Куличкин С. П. Генштаб полагает. М.: Патриот, 1995.

Левашов М. Комендант Берлина. М.: Советский писатель, 1965.

Лемберг А. М. Неевклидова синева: стихи и поэма. Алма-Ата: Жазушы, 1985.

Ленев Г. М. Конец фашистского логова. М.: Советская Россия, 1973.

Леонов Л. Нашествие: Пьеса // *Леонов Л.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: Художественная литература, 1982–1984. Т. 7.

Мержанов М. И. Так это было. М.: Политиздат, 1971.

Меллентин Ф. В. Танковые сражения 1939–1945 годов: Боевое применение танков во Второй мировой войне. М.: Центрполиграф, 2006.

Наливалкин Д. А. Исповедь о прошлом и настоящем. М.: Правда-Пресс, 2008.

Ортенберг Д. И. Время не властно. М.: Советский писатель, 1979.

Перел Я., Присс Л., Халлен А. Николай Э. Берзарин. Берлин: Елефантеи Пресс, 1999.

Правда о Кронштадте: Сборник. Прага: Воля России, 1921.

Присс Л. Николай Э. Берзарин: Берлинские диспуты: Симпатии объединяются на его стороне. Берлин: Гуманитарный фонд Розы Люксембург, 2004.

Рослый И. П. Последний привал в Берлине. М.: Воениздат, 1983.

Руденко С. И. Крылья Родины. М.: Международные отношения, 1985.

Симонов К. М. Русские люди: Пьеса // *Симонов К. М.* Собрание сочинений: В 6 т. М.: Художественная литература, 1966–1970. Т. 6.

Слово товарищу Сталину: Сборник архивных документов. М.: Палея, 1995.

Собко В. Н. Рана моя — Берлин // *Собко В. Н.* Вторая встреча. Рана моя — Берлин: романы. М.: Советский писатель, 1980.

Соколов Б. В. Жизнь и смерть красного маршала. М.: Вече, 2003.

Соловьев С. П. Замыслы и планы. М.: Воениздат, 1964.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999.

Хоменко А. А. Записки генерала ГРУ. М.: Московские учебники, 2008.

Шолохов М. А. Они сражались за Родину: Главы из романа // *Шолохов М. А.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература, 1985–1986. Т. 7.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968.

Эврич П. Восстание в Кронштадте. М.: Центрполиграф, 2007.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Командарм Михаил Николаевич Тухачевский. *1920-е гг.*

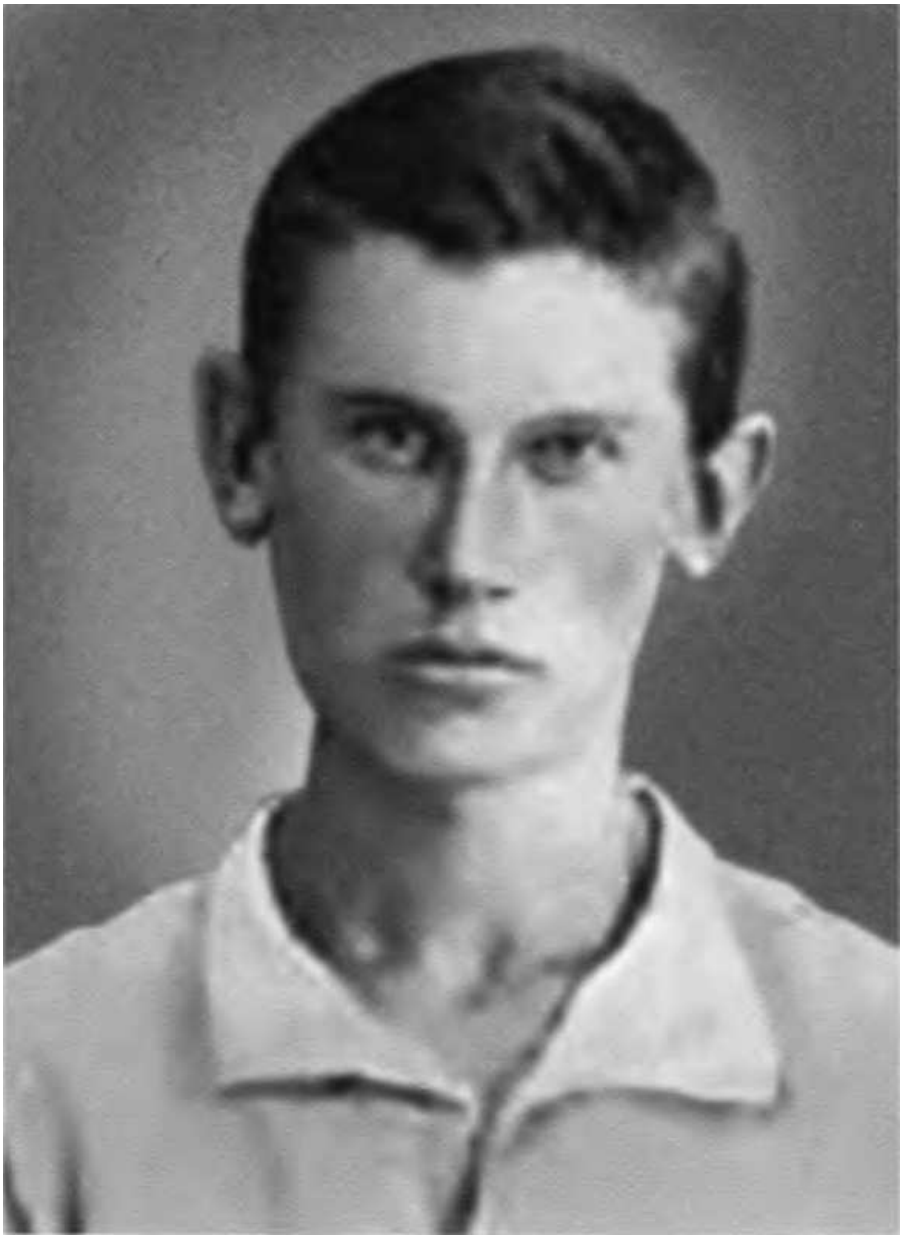
Один из вожаков восстания в Кронштадте, писарь линкора «Петропавловск» Степан Петриченко. *1920-е гг.*

Мятежные матросы Кронштадта. *Март 1921 г.*

Краском Николай Берзарин. *1923 г.*

Штурм частями Красной армии позиций восставшего Кронштадта. *Март 1921 г.*

Представители высшего командного состава РККА П. Е. Дыбенко и И. Ф. Федько на боевых позициях. *1921 г.*



Комиссар А. А. Фадеев, участник штурма Кронштадта, будущий классик советской литературы. *1920-е гг.*

Врач И. В. Русаков, погибший на льду Финского залива при оказании помощи раненым. *1910-е гг.*

Николай и Наталья Берзарины. *Конец 1920-х гг.*

Наталья Ильинична и Николай Эрастович с дочерьми Ларисой и Ириной. *1938 г.*

Группа командиров частей и соединений Иркутского гарнизона. *Внизу третий слева* — Н. Э. Берзарин, военный комендант. *Конец 1920-х гг.*

Маршал В. К. Блюхер. *1930-е гг.*

Начштаба Дальневосточного фронта Г. М. Штерн. *Конец 1930-х гг.*

Контратака японцев в сражении на озере Хасан. *Июль 1938 г.*

Пулеметчик-красноармеец, получив ранение, продолжает бой. *Август 1938 г.*

Высота взята! Советские воины поднимают на сопке победный стяг. *Июль 1938 г.*

Командарм Н. Э. Берзарин на учениях. *Дальний Восток, 1940 г.*

Наша оборона в начале войны выглядела не слишком внушительно. *1941 г.*

Главнокомандующий войсками Северо-Западного направления маршал К. Е. Ворошилов. *1941 г.*

Призывники-казахстанцы 1921 года рождения, отправленные служить в войска Дальневосточного фронта. *Стоит третий слева* — В. Е. Скоробогатов. *Октябрь 1940 г.*

Казахстанцы В. С. Колесников (слева) и А. Е. Скоробогатов (справа) воевали в армии Берзарина на Валдае. Геройски погибли в октябре 1941 года.

Генерал Н. Э. Берзарин (в центре) на Северо-Западном фронте. *1942 г.*

Младший лейтенант А. Кондратов сопровождает на сборный пункт взятых в плен на Валдае немецких солдат и офицеров. *1942 г.*

Командир и на передовой должен иметь подобающий внешний вид. *Июль 1942 г.*

Военно-морской летчик Гавриил Братко с племянницей Галиной. 1*940-е гг.*

Генерал-полковник В. Д. Цветаев.

В 1948–1950 годах — начальник Военной академии им. Фрунзе

Генерал-майор С. С. Бирюзов. *1941 г.*

Маршал С. К. Тимошенко и генерал армии Г. К. Жуков. *1941 г.*

А. Гитлер вручает Железный крест генералу В. фон Зейдлиц-Курцбаху, отличившемуся в боях при деблокировании Демянского котла. *1942 г.*

Генерал В. фон Зейдлиц-Курцбах, один из наиболее одаренных полководцев немецкой армии. *1940-е гг.*

В. фон Зейдлиц-Курцбах и Ф. Паулюс на боевых позициях под Сталинградом. *1942 г.*

Фельдмаршал Паулюс (сидит) и генерал фон Зейдлиц-Курцбах (крайний справа), находясь в лагере для военнопленных, выступили против Гитлера. *1944 г.*

Сын главы Советского государства, офицер-артиллерист Яков Джугашвили в немецком плену. *1941 г.*

«Капитаны — вот кто знает правду о войне!» (Э. Хемингуэй).

Разведчик В. И. Ключков (слева) и В. Е. Скоробогатов (справа). *1940-е гг.*

После тяжелого ранения Николай Эрастович не сразу встал на ноги.

Но встал! *Март 1943 г.*

Маршал С. К. Тимошенко (второй слева) и генерал Н. Э. Берзарин (крайний справа) в освобожденном Кишиневе.

Конец августа 1944 г.

Генерал Николай Эрастович Берзарин, командующий войсками 5-й ударной армии, первый советский комендант Берлина. *1945 г.*

На командном пункте стрелкового полка на Днестре: сержант Г. Легкодымов, майор С. Косяк, майор А. Хоменко, капитан В. Маноцков. *1944 г.*

Подразделения 248-й стрелковой дивизии в центре Одессы. *10 апреля 1944 г.*

Немецкий писатель Генрих Бёлль.

В 1944 году находился в войсках генерала Г. Фриснера на Днестре.

Поняв, что такое Россия, стал большим другом Советского Союза

Король Михай I и маршал Йон Антонеску, военно-фашистский диктатор в Румынии в 1940–1944 годах

На командном пункте 5-й ударной армии. *1945 г.*

Герой Советского Союза Сагадат Нурмагамбетов при форсировании Одера командовал пулеметной ротой

Сотрудник армейской газеты В. Н. Собко, украинский советский писатель. *1945 г.*

Под огнем противника войска 5-й ударной армии форсировали Одер. *1 февраля 1945 г.*

Офицеры-берзаринцы у штабного блиндажа: Б. Толстов, Н. Полтавец, И. Божко, фельдшер В. Лизогуб, шифровальщик В. Жевак. *Март 1945 г.*

Генерал Н. Э. Берзарин (*в центре*) докладывает в Ставке план действий 5-й ударной армии в Берлинской стратегической операции. *Апрель 1945 г.*

А. А. Власов и Г. Н. Жиленков на приеме у Й. Геббельса.

Им казалось, что у них есть шанс остановить наступление советских войск на Берлин. *1 марта 1945 г.*

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

НА КОМАНДУЮЩЕГО 5-Й УДАРНОЙ АРМИЕЙ

Генерал-лейтенанта БЕРЗАРИНА Николая Эрастовича.

Генерал-лейтенант БЕРЗАРИН Н.Э. боевой и волевой командир. Грамотный генерал в военном отношении.

Природу современного боя понимает правильно.

Вследствие умелой подготовки войск к наступательной операции и организации четкого взаимодействия их, войска армии 14 января 1945 года, прорвав сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону противника на фронте Грасувецилювка, продвинулись до 12 км., форсировали реку Пилица и, взломав в этот же день вторую полосу обороны по южному берегу р.Пилица, обеспечили ввод в прорыв 2-й Гвардейской танковой армии.

В результате стремительного наступления войска армии на третий день вышли на оперативный простор и громя вновь введенные в бой части противника, с ходу прорвали Померанские укрепления, первыми вышли на р.Одер, форсировали ее и отразив многочисленные атаки крупных сил противника, в трудных условиях обстановки, удержали захваченный плацдарм.

В ходе наступательных боев, войска армии с боями прошли свыше 500 км., освободили 35 городов, уничтожено и захвачено: 41.552 солдат и офицеров, ~~танков~~ и самоходных орудий -123, орудий разного калибра - 632, автомашин -1842 и большое количество другого вооружения, снаряжения и боеприпасов.

Лично решителен, энергичный и культурный генерал, требовательный к себе и подчиненным.

Делу партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА и Социалистической Родине предан.

ВЫВОД: Должности командующего ударной армией ~~соответствует~~.

КОМАНДУЮЩИЙ I БЕЛОРУССКИМ ФРОНТОМ
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
Г.ЖУКОВ

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ТЕЛЕГИН

"11" апреля 1945 года.

Боевая характеристика

Генерал-лейтенант Федор Ефимович Боков, член военного совета 5-й ударной армии

Генерал Афанасий Павлантьевич Белобородов

Дрезден после налетов англо-американской авиации 13–14 февраля 1945 года. Развалины Фрауэнкирхе

Отважный артиллерист Владимир Жилкин. *Февраль 1945 г.*

Виктор Боровков.

Его батальон сразился в Берлине у рейхсканцелярии с фашистами, среди которых находился М. Борман

Перед подписанием акта о капитуляции:

генерал-полковник Г. Ю. Штумпф, генерал-фельдмаршал В. Кейтель, адмирал Г. фон Фридебург. *8 мая 1945 г.*

Государственная актриса Третьего рейха О. К. Чехова оказывала неоценимую помощь Советскому Союзу

Летчик люфтваффе капитан Йеп. Ольга Чехова не могла забыть его до конца жизни

В министерстве иностранных дел в Берлине.

Слева направо — Г. Геринг, А. фон Риббентроп, А. Гитлер, О. Чехова. За спиной фюрера — В. Кейтель. *1939 г.*

Фюрер и киноактриса Ольга Чехова

Ольга Чехова на творческой встрече с военнослужащими вермахта

Верблюд-бактриан Володя пришел с батарейцами 771-го артполка в Берлин к Бранденбургским воротам. *Май 1945 г.*

В мае 1945 года комендант Н. Э. Берзарин сказал: «Берлин будет жить!»

Комендант Н. Э. Берзарин встречается с жителями германской столицы

Маршал Г. К. Жуков и генерал-полковник Н. Э. Берзарин (за ним) на ступенях поверженного рейхстага

Отправка Знамени Победы на родину.

В почетном карауле — 94-я гвардейская стрелковая дивизия. *20 мая 1945 г.*

Регулировщица Галя, увидев коменданта, представилась: «Руководитель дорожного движения!»

Миллионам берлинцев требовалась пища. Советские интенданты взялись за решение этой проблемы.

Н. Э. Берзарин (*крайний слева*) на Берлинском стадионе перед футбольным матчем армейских команд Франции и СССР

На приеме у военного коменданта Н. Э. Берзарина берлинский священнослужитель

Военный комендант Берлина генерал Н. Э. Берзарин

Маршал Г. К. Жуков и его соратники провожают в Москву гроб с останками Николая Эрастовича Берзарина. *Июнь 1945 г.*

notes

Примечания

1

Император Павел I своим указом от 28 февраля 1801 года повелел перенести в Санкт-Петербург существовавший на острове Котлин чугунолитейный завод. В том же году 3 апреля на заводе было отлито первое пушечное ядро. Заводчане этот день считают днем рождения предприятия, названного впоследствии акционерным обществом «Путиловские заводы». Владелец завода, русский предприниматель Н. И. Путилов стал расширять производство, построил сталелитейные мастерские, начал выпуск железнодорожных вагонов. В дальнейшем Путиловский завод превратился в крупнейшее в России и Европе машиностроительное предприятие.

2

Зубатовщина — одна из форм политики подавления охранкой рабочих организаций в 1901–1903 годах. Инициатор — С. В. Зубатов, жандармский полковник, автор идеи «полицейского социализма».

3

Георгий Аполлонович Гапон (1870–1906) — священник. Под патронажем полиции организовал общество «Собрание русских фабрично-заводских рабочих». В январе 1905 года на Путиловском заводе незаконно были уволены четверо рабочих. Руководство общества, возглавляемое Гапоном, начало забастовку. Было проведено массовое шествие рабочих 9 (22) января 1905 года к Зимнему дворцу с целью предъявить царю петицию о нуждах рабочих, которое закончилось расстрелом рабочих. Это Кровавое воскресенье послужило началом первой русской революции 1905–1907 годов.

4

Радола Гайда (Рудольф Гейдль, 1892–1948) — чехословацкий генерал. Один из организаторов мятежа Чехословацкого корпуса в мае 1918 года. Командовал Сибирской армией адмирала Колчака. По возвращении из России в Чехословакию возглавил фашистское движение. После разгрома гитлеровской Германии был арестован, по приговору народного трибунала казнен как военный преступник.

5

Александр Васильевич Колчак (1873–1920) — командующий Черноморским флотом, адмирал. 18 ноября 1918 года в Омске произвел переворот, сверг власть Уфимской директории и установил военную диктатуру. Его войска потерпели поражение в сражениях с РККА. Арестован и расстрелян по решению Военно-революционного комитета Иркутска 7 февраля 1920 года.

P. S. Кстати, по приказу генерала Р. Гайды 15 января 1920 года адмирал А. В. Колчак был арестован на иркутской станции 23-летним штабс-капитаном А. Г. Нестеровым, заместителем командующего войсками политцентра.

6

Юзеф Пилсудский (1867–1935) — маршал Польши, деятель правого крыла Польской социалистической партии. В 1919–1922 годах — «начальник Польского государства». В 1920 году руководил военными действиями против советской России. В 1930 году — премьер-министр.

7

Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) — Маршал Советского Союза (1935). Из дворян. Член ВКП(б) с 1918 года. Окончил Александровское военное училище (1914). Участник Первой мировой войны, в Гражданскую войну — военный комиссар Московского района, командующий 1-й армией, в 1920 году — командующий Кавказским и Западным фронтами. При подавлении Кронштадтского мятежа — командующий 7-й армией, возглавлял войска Тамбовского района при ликвидации ан-тоновщины. После этого возглавлял Военную академию РККА, войска ЛВО, ПриВО. С 1936 года — первый заместитель наркома обороны. Крупный теоретик военного дела — его труды оказали значительное влияние на развитие военной науки и практики военного строительства.

8

Конвент (Национальный конвент) — высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики (действовал с 1792 по 1795 год). Подкуйко в своем пассаже словом «Конвент» обозначил первое большевистское правительство, его военное ведомство.

9

Фуро (платье-футляр) — узкое платье по фигуре.

10

Федор Федорович Раскольников (Ильин) (1892–1939) — российский политический деятель, дипломат, литератор. Член РСДРП с 1910 года. Учился в Петербургском политехническом институте, позднее — в гардемаринских классах. Был секретарем «Правды» (1912–1913). После Февральской революции — заместитель председателя Кронштадтского совета, редактор газеты «Голос правды». Во время июльских событий был арестован, но вскоре по требованию матросов освобожден. Участвовал в Октябрьском вооруженном восстании, в отражении наступления на Петроград Керенского — Краснова. Заместитель наркома по морским делам (с 1918 года), член РВС Восточного фронта, член РВС Республики. Командующий Волжско-Каспийской военной флотилией (1919–1920). Командующий Балтийским флотом (1920–1921). Полпред в Афганистане (1921–1923). Ответственный редактор ряда журналов, издательства «Московский рабочий» и др. (1924–1930). Полпред в Эстонии, Дании, Болгарии (1930–1938). Заочно исключен из партии, из-за границы не вернулся. Погиб в Ницце.

11

Текст Кронштадтской резолюции впервые был опубликован в Праге в 1921 году. — См.: Правда о Кронштадте: Сборник. Прага, 1921. С. 7–8.

12

Александр Николаевич Козловский (1861–1940) — генерал, звание получил в ходе революционных событий в феврале 1917 года. Перешел на службу в РККА, начальник артиллерии Кронштадта накануне мятежа. Возглавил бунт матросов. В западной прессе его называли «новый Юденич». После падения Кронштадта бежал в Финляндию.

13

Степан Максимович Петриченко (1892–1945) — старший писарь линкора «Петропавловск», главный руководитель мятежа. Был кадровым матросом с 1914 года.

14

Иван Федорович Федько (1897–1939) — герой Гражданской войны, кавалер четырех орденов Красного Знамени. Командарм 1-го ранга (1938). Родился в селе Хмелове на Полтавщине. Окончил реальное училище. В 1915 году был призван в армию. На фронте — в пулеметной команде. Окончил Киевскую школу прапорщиков. В 1918 году оказался на территории, оккупированной австро-германской армией. Сформировал Черноморский особый отряд, который вступил в бой против немцев и гайдамаков. Из Особого отряда сформировал полк, вступил в РККА. В апреле 1918 года — главнокомандующий Восточным фронтом. После войны служил на Дальнем Востоке, командовал Приморской группой войск. Здесь судьба свела его с перспективным командиром Н. Э. Берзариным. В 1938 году Федько — первый заместитель наркома обороны СССР.

15

III конгресс Коминтерна состоялся в Москве 22 июня — 12 июля 1921 года. Выступали В. И. Ленин, Н. И. Бухарин. Под руководством Ленина был подготовлен проект тезисов, в котором впервые была разработана тактика Единого рабочего фронта.

16

Николай Иванович Бухарин (1888–1938) — академик, литератор, политик. Редактор газеты «Правда» (декабрь 1917–1929), член Исполкома Коминтерна (1919–1929). Плодовитость Бухарина как литератора и ученого была фантастической. Оказавшись в 1936 году за тюремной решеткой, он за год написал произведений разных жанров в объеме около пятидесяти печатных листов: «Философские арабески», «Социализм и культура», семь глав мемуаров «Времена» и томик стихов. Осужден к расстрелу. Реабилитирован в 1988 году.

17

Смена политических ориентиров в СССР после смерти И. В. Сталина серьезно повлияла на морально-политическое состояние общества. Длительное время возглавлявший писательскую организацию страны, классик советской литературы Александр Александрович Фадеев 13 мая 1956 года покончил жизнь самоубийством, оставив следующую предсмертную записку:

> «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли благодаря преступному правительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет.
>
> Литература — это святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, из самых "высоких" трибун — таких, как Московская конференция или XX-й партсъезд — раздался новый лозунг "Ату ее!". Тот путь, которым собираются "исправить" положение, вызывает возмущение; собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравлен-ности и потому не могущих сказать правду, — и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же "дубинкой".
>
> С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создали и еще могли бы создать!
>
> Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это "партийностью". И теперь, когда все можно было бы исправить, сказалась примитивность, невежественность — при возмутительной дозе самоуверенности — тех, кто должен был бы все это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Единицы тех, кто

сохранил в душе священный огонь, находятся в положении париев и — по возрасту своему — скоро умрут. И нет никакого уже стимула в душе, чтобы творить…

Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, наделенный богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеалами коммунизма.

Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня, — кем наш чудесный народ вправе был гордиться в силу подлинности и скромности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература — это высший плод нового строя — унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды.

Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни…

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством. Но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей.

13. V.56.

А. Фадеев».

В адрес покойного вождя А. А. Фадеев бросил слово «сатрап». Справедливо это или нет? Судить не станем. Слово «сатрап» звучит резко, но что в нем низкого? Это — греческое слово, взятое из древнеперсидской лексики. Так в ту эпоху называли правителя провинции, или сатрапии. Российские политики, полемизируя, словом «сатрап» обычно обозначают деспотичного

администратора. В фадеевские времена при роспуске Российской ассоциации пролетарских писателей (РАППа) драматург Николай Эрдман сочинил эпиграмму:

По воле грозного сатрапа
Не стала РАППа.
Не радуйся, что умер РАПП,
Ведь жив сатрап.

18

Василий Константинович Блюхер (1890–1938) — Маршал Советского Союза. Учеником В. К. Блюхера считал себя маршал Г. К. Жуков. Они впервые встретились в Бузулуке в 1923 году. Г. К. Жуков рассказал об этом так: «Я был очарован душевностью этого человека. Бесстрашный боец с врагами Советской республики, легендарный герой, В. К. Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого… чудесного товарища и талантливого полководца». — См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: В 2 т. М.: АПН, 1974. Т. 1. С. 91.

19

Участницы молодежного «хетагуровского» движения, названного по имени его застрельщицы Валентины Хетагуровой. В 1937 году это имя облетело всю страну. Валентина обратилась в печати и по радио с призывом к девушкам страны участвовать в освоении Дальнего Востока, ехать в Комсомольск-на-Амуре и на другие стройки. Какой быт ожидал девушек-новоселов? Общежития: комната на четыре персоны. И работа: маляр, штукатур и т. п. В магазинах можно было свободно купить недорогие ткани. А это означало, что можно одеться и по сезону, и по моде. Были организованы дома культуры, клубы-кинотеатры — власти об «очагах культуры» заботились.

20

Харизма — в переводе с греческого «милость», «божественный дар». Харизматическая личность — человек, обладающий исключительной одаренностью, его авторитет основан на мудрости, героизме, святости.

21

Среди крупнейших городов страны Иркутск занимает особое место. Город основан в 1686 году и с тех пор это — административный, культурный и торговый центр Восточной Сибири, один из центров золотодобычи. В начале прошлого века в нем насчитывалось 110 тысяч жителей, около 50 процентов — чиновники и торгово-промышленные служащие, около четырех тысяч — ремесленники, семь тысяч — рабочие. На Ленских приисках работало свыше 7,6 тысячи старателей. На территории края дислоцировались Иркутский гарнизон, другие воинские части, иркутское казачество. 25 процентов городского населения — переселенцы из центральных губерний, ссыльнопоселенцы. В 1918 году Иркутский гарнизон поддержал мятеж Чехословацкого корпуса.

22

После подписания Хабаровского протокола все военнопленные и арестованные в связи с конфликтом на КВЖД были отпущены на свободу, а советские войска выведены с территории Китая. Последний отряд вернулся в СССР 25 декабря 1929 года. Вскоре нормальная работа КВЖД была восстановлена. Но КВЖД еще долго беспокоила страну. В 1931 году Маньчжурия была окончательно оккупирована Японией. В 1935 году после многочисленных провокаций в районе дороги КВЖД была продана Маньчжоу-Го. Вопрос решило историческое событие — образование КНР. 15 сентября 1952 года в Харбине правительство СССР безвозмездно передало правительству народного Китая права на управление КВЖД со всем принадлежащим дороге имуществом.

23

Ерофей Павлович Хабаров (по прозвищу Святитский) (ок. 1610 — после 1671) — русский крестьянин, мореход и землепроходец. Родился в крестьянской семье в Устюге, переселился в Якутию. В 1640–1653 годах с небольшим отрядом казаков совершил поход в Даурию, в Приамурье. Составил чертеж реки Амур, карту пройденных земель. На Амуре появилось основанное казаками селение Хабаровка. В 1858 году — военный пост, затем — город Хабаровск.

24

Григорий Михайлович Штерн (1900–1941) — известный советский военачальник. Родился в семье врача в местечке Смела, ныне Черкасская область, Украина. В Красной армии — с 1919 года. В 1923–1925 годах — на Туркестанском фронте. В 1937–1938 годах — главный военный советник в республиканском правительстве во время национально-революционной войны в Испании 1936–1939 годов. С мая 1938 года — начштаба Дальневосточного фронта. Руководил действиями советских войск в районе озера Хасан в 1938 году. В 1939 году возглавлял фронтовое управление во время боев в районе реки Халхин-Гол (11 мая — 31 августа 1939 года). С февраля 1941 года — начальник ПВО Наркомата обороны СССР. Герой Советского Союза, награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалью «XX лет РККА». 7 июня 1941 года был арестован и обвинен в беспечности (15 мая 1941 года на Красную площадь приземлился немецкий самолет Ю-52). На самом деле в Красной армии того времени было крайне слабое техническое оснащение ПВО: нехватка постов воздушного наблюдения, зенитных орудий, истребителей-перехватчиков и т. п. Вместе с генералом Штерном был предан военному суду заместитель наркома обороны П. В. Рычагов. Штерн реабилитирован 25 августа 1954 года.

25

Павел Васильевич Рычагов (1911–1941) — генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза. Участник войны испанского народа против фашистов (1936–1939), боев с японскими захватчиками в Китае (1937–1938). С 1938 года — командующий ВВС Приморской группы Дальневосточного фронта. С февраля 1941 года — заместитель наркома обороны СССР.

26

Степан Михайлович Серышев (1889–1928) — поручик царской армии. Один из создателей Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Затем военный атташе в Японии.

27

Александр Евдокимович Корнейчук (1905–1972) — украинский советский драматург, общественный деятель, академик АН СССР (1943), Герой Социалистического Труда. Три раза награждался государственными премиями СССР, в том числе за пьесу «Фронт». Отмечен также Международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами».

28

Василий Иванович Качалов (Шверубович) (1875–1948) — народный артист СССР. Родился в семье священника. На сцене — с 1896 года. Актер высокой интеллектуальной культуры, огромного обаяния; был первым исполнителем ряда ролей в пьесах А. П. Чехова, М. Горького. Создал выдающиеся образы в произведениях У. Шекспира, А. С. Грибоедова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Всю свою жизнь посвятил МХАТу.

29

Кревс (от кривичи) — так в Латвии называют русских. Кривичи — группа восточнославянских племен, обитавших в VI–X веках в верховьях Западной Двины, Днепра, Волги. Занимались земледелием, скотоводством, ремеслом. Главные города Смоленск, Полоцк, Изборск. В XI–XII веках территория кривичей — в Смоленском и Полоцком княжествах, северо-западная часть — в новгородских владениях.

30

См.: *Гальдер* Ф. Военный дневник: В 3 т. М.: Воениздат, 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 26.

31

Главпур — Главное политическое управление Реввоенсовета.

32

Василий Иванович Кузнецов (1894–1964) — генерал-полковник (1943), Герой Советского Союза (1945). В Великую Отечественную войну командовал Витебской армейской группировкой войск, 3-й армией, а также 21, 58, 1-й ударной армией, 63-й, 1-й гвардейской армиями, заместитель командующего 1-м Прибалтийским фронтом, с 1945 года — командующий 3-й ударной армией.

33

Ниже публикуется знаменитый Приказ народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 года № 227 за подписью И. Сталина, получивший название «Ни шагу назад!». Пункты приказа о создании заградотрядов и штрафных подразделений исполнялись там, где этого требовала обстановка. Мне, автору этой книги, в то время довелось со своим учебно-стрелковым батальоном оборонять позиции за Доном, у хутора Ближняя Перекопка. Выполняя приказ № 227, мы только усилили охрану тыла, выставив на перекрестках дорог и на холмах дополнительные посты. Вот его полный текст (см.: Слово товарищу Сталину: Сборник архивных документов / Сост. Р. И. Косолапов. М., 1995):

> «Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге и у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Части войск Южного фронта, идя за паникерами, оставили Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.
>
> Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток.
>
> Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много земли, много населения, что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должен понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территорий, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончать отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев, — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить

врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии и минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части, соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После свежего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости

или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых. Теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов, и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать дальше на восток, что от того отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий, и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в

военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах».

См.: *Белобородов А. П.* Всегда в бою. М., 1978. С. 244.

35

См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: В 3 т. М., 1988. Т. 1. С. 293.

36

ОКХ (от нем. *ОКН, Oberkommando des Heeres)* — главнокомандование сухопутных сил вермахта с 1939 по 1945 год.

См.: *Бирюзов С. С.* Когда гремели пушки. М., 1961 — http://militera.lib.ru/memo/russian/biryuzov1/index.html

38

Василий Иванович Чуйков (1900–1982) — Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944–1945). С сентября 1942 года и до конца войны командовал 62-й армией (8-я гвардейская армия), прославившейся в Сталинградской битве. После войны работал заместителем и первым заместителем главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии. Некоторое время был главнокомандующим Группой советских войск в Германии.

39

Сергей Семенович Бирюзов (1904–1964) — Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, Народный герой Югославии. С апреля 1944 года — начштаба 3-го Украинского фронта, один из организаторов побед в Ясско-Кишиневской операции. Погиб в авиационной катастрофе 19 октября 1964 года под Белградом (Югославия).

40

Михаил Семенович Воронцов (1782–1856) — князь, генерал-фельдмаршал. Генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии (1823–1844).

41

О названии «Миус» существует легенда, гласящая, что речка с таким названием носит имя сподвижника Степана Разина, казака Миуски, богатыря сказочной силы и храбрости.

42

См.: *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. СПб.: Полигон; М.:АСТ, 1999. http://militera.lib.ru/h/tippelskirch/index.html

43

Евгений Александрович Шевалёв (1879–1946) — профессор медицины, невролог, психиатр, психолог и физиолог. Ученик и сподвижник В. М. Бехтерева. Являясь главным врачом психоневрологической больницы № 1 в Одессе, остался в оккупированном городе, сохранил свою лечебницу, оказывал врачебную помощь нуждающимся. Он спас жизнь многим своим пациентам. Ему, а также его сыновьям-медикам Андрею и Владимиру международной гуманистической организацией присуждено почетное звание «Праведник народов мира». Их подвиг отражен в киноповести Владимира Скоробогатова «Профессор Шевалёв».

44

В 1979 году Генрих Бёлль посетил Москву. Он был принят в Госкомиздате СССР. Я присутствовал при этой встрече и сказал немецкому писателю, что, как и ему, мне довелось воевать в Молдавии. Только по другую сторону фронта. Бёлль радушно пожал мне руки и сказал: «Стрельбы вроде нет. Но страшно жить. Идет холодная война. Боюсь за Россию. Выступаю с этой мыслью в печати. Дошло до того, что на моей родине некоторые читатели называют меня “русским писателем”».

45

Наш разведчик, гамен… В других полках таких юных добровольцев называли сынами полка, гаменами… (от фр. *gamin* — уличный мальчишка).

46

Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1796) — русский полководец. Гордое прозвище Задунайский заслужил победами в Русско-турецкой войне (1768–1774), командуя армией в боях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. До этого молодой генерал П. А. Румянцев участвовал в Семилетней войне. Он — один из героев битвы при Кунерсдорфе (1759), после которой корпус З. Г. Чернышева взял Берлин.

Имя Н. Э. Берзарина в учебниках истории может быть поставлено рядом с такими именами прославленных русских генералов, как П. А. Румянцев-Задунайский, З. Г. Чернышев, М. Д. Скобелев.

См.: *Бирюзов С. С.* Когда гремели пушки. М., 1961 — http://militera.lib.ru/memo/russian/biryuzov1/index.html

48

Броды — город на северо-востоке Львовской области. В середине июля 1944 года под Бродами бандеровцы совместно с гитлеровцами устроили «генеральное сражение» частям Красной армии. Наши воинские части разбили здесь восемь немецких и бандеровских дивизий, захватили в плен трех немецких генералов — Гауффе, Линдемана и Недтвига. На этом направлении была разгромлена и пресловутая дивизия СС «Галиция». Решающий вклад в эти победы внесла 38-я армия под командованием генерала Кирилла Семеновича Москаленко.

49

Гмина — основная единица территориального деления Польши.

Повят — единица территориального деления второй ступени, в его составе несколько или более десяти гмин.

51

Варшавская Прага — исторический центр Варшавы.

52

Михаил Ефимович Катуков (1900–1976) — маршал бронетанковых войск (1959), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В битве за Берлин командовал 1-й гвардейской танковой армией.

53

Что такое солдат, какова его роль в обществе и в чем его призвание, великолепно рассказано в книге французского писателя Альфреда Виктора де Виньи «Неволя и величие солдата». Мне представляется, что Г. К. Жуков, посвящая свои мемуары «Воспоминания и размышления» именно *солдату*, имел в виду оценку солдата гениальным де Виньи. В переводе на русский язык роман вышел в Ленинградском отделении издательства «Наука» в 1968 году.

54

Дюнкеркская операция — эвакуация союзных (английских и части французских и бельгийских) войск из района французского города Дюнкерк в Англию 26 мая — 4 июня 1940 года. Англо-французские войска были разгромлены вермахтом. Прошло почти пять лет. Союзники воевать «стесняются». Один наш солдат, переводчик Алик Циммерман, рассуждал так: «Второй фронт вроде бы есть, но проку от него как от козла молока».

55

Фольварк — небольшая усадьба, поместье.

См.: *Меллентин Ф. В.* Танковые сражения 1939–1945 годов: Боевое применение танков во Второй мировой войне — http://militera.lib.ru/h/mellenthin/index.html

В этом марше есть такие слова:

Еще Польша не погибла,
Доколь живы будем…
Все, что прежде потеряли, —
Саблями добудем…

Благодаря победам Красной армии над фашистской Германией Польское государство получило 108 тысяч квадратных километров территории, не принадлежавшей ей до войны. Это четыре Крыма! Везет же людям! А у России, у «наследников» Победы, отобрали Крым с его диорамой «Оборона Севастополя». Что сказал бы о нынешних правителях России светлейший князь, генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин-Таврический?

См.: Трипольская трагедия: Сборник. Харьков, 1923.

59

Капитану Борису Андреевичу Толокнову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Всего за всю историю 5-й ударной армии (с 1942 года) в ее частях и соединениях звания Героя Советского Союза получили 240 человек.

60

В переводе см.: *Геббельс Й.* Дневники 1945 года: Последние записи. Смоленск: Русич, 1998.

61

На примере Жиленкова, Власова и других видно, что «пятая колонна» предателей подобна чертополоху и корни свои после жестоких ежовских чисток комсостава Красной армии сберегла. Полностью искоренить чертополох чрезвычайно трудно. Лично я, рожденный в селе, знаком с растением чертополох. Мой отец Ефим Миронович был сельским агрономом. Я, подросток, видел, как настойчиво он боролся с этим «сложноцветным», как он его именовал. Отец подолгу возился с лопатой и топором, вырубая кусты чертополоха. Казалось бы, делянка тщательно обработана, но спустя какое-то время из земли вновь вылезают его побеги.

В человеческом обществе — то же самое. Тот же Николай Жиленков, воронежский беспризорник, родившийся в 1910 году. Дали ему приличное образование. Вырос до секретаря райкома ВКП(б). В анкетах писал: «В оппозиции не участвовал, колебаний и отклонений от линии партии не имел». Началась война. Его, секретаря Ростокинского райкома партии города Москвы, определили на генеральскую должность — членом военного совета 32-й армии. Жиленков уже в 1941 году сдался в плен фашистам и стал активно им помогать. От расплаты предатель не ушел. Его вместе с Власовым судили, и он попал под 58-ю статью УК РСФСР, предусматривающую исключительную меру наказания.

Подробнее см.: *Андреева Е.* Генерал Власов и русское освободительное движение. М.: Странник; Горбачев-фонд, 1995. (Духовное наследие Власова является близким и родным Горбачев-фонду и Е. Андреевой.)

63

Целеустремленная пропаганда, промывание мозгов средствами массовой информации способны превратить человека в безвольную скотину. Китайский писатель, лауреат Нобелевской премии Гао Синьцзян издал роман «Душа горы». Главный герой романа пытается укрыться в безлюдных теснинах гор, чтобы спастись от человеческой тупости и глупости. Манкурты, быдло — вот что нужно глобалистам, наследникам нацистов, пытавшимся сконструировать свой «мировой порядок».

См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1988. Т. 3. С. 218.

65

Что за оружие немецкий шестиствольный миномет, названный солдатами-фронтовиками «ванюшей»? Это — пусковая установка для залпового огня. Стрельба велась турбореактивными снарядами (фугасными, зажигательными, дымовыми). Имелись у немцев и установки из десяти стволов. Одни были на колесах, другие — на гусеничном ходу. Дальность стрельбы «ванюш» — 2,2–7,8 километра. Масса снаряда — 34–127 килограммов. Реактивный многоствольный немецкий миномет значительно уступал «катюше» по мощности и эффективности.

См.: *Руденко С. И.* Крылья победы. М., 1985. С. 328.

67

За проявленный героизм в боях при прорыве вражеской обороны в районе Зееловских высот Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года воины 5-й ударной армии Г. А. Авакян, И. Г. Деметрашвили, И. С. Зайцев, Г. Н. Харламов были удостоены звания Героя Советского Союза. На Зееловских высотах в районе Франкфурта-на-Одере открыт музей и установлен памятник нашим бойцам и офицерам, павшим при штурме этого страшного рубежа.

68

Машина времени преподносит людям не только радости. Приносит она и печали, скорбь. 6 октября 2006 года над 266-й стрелковой Артемовско-Берлинской Краснознаменной ордена Суворова дивизией склонилось знамя с траурными лентами. Ушел из жизни последний воин, сражавшийся в рядах ее прославленных полков. Артиллерист Анатолий Михайлович Иванов. На его батарее в апреле 1945 года отдавал команды пушкарям Николай Эрастович Берзарин.

Мы прощаемся с ушедшими от нас однополчанами. И вот уже никого не осталось в 266-й. В разные эпохи меняется понятие о долголетии. Кстати, в XIX веке жизнь была короче. Когда Лев Толстой приступил к созданию эпопеи «Война и мир», после битв с Бонапартом минуло 52 года. Писатель искал и не нашел в живых ни одного участника Отечественной войны 1812 года. А участников Московской и Сталинградской битв мы еще встречаем, хотя с той поры прошло более шестидесяти лет… Великая Победа навсегда останется в памяти поколений. А вот слово ветерана нашей армии, поэта Леонида Кривощекова:

Мы в строю боевом
С бездной огненных лет
И, как прежде, от мая до мая,
Мы уходим,
Уходим за павшими вслед,
Сыновьям ордена оставляя.

Мы должны
Сыновьям о себе рассказать.
Помоги нам, крылатая песня —
Всех живых, неживых
Поименно назвать,
Всех безвестных
Вернуть из безвестья…

69

Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен (1815–1898) — князь, первый рейхсканцлер Германской империи (1871–1890), генерал-фельдмаршал. В результате ряда войн завершил объединение Германии. Один из организаторов Тройственного союза (1882), направленного против Франции и России, но вместе с тем считал, что война с Россией для Германии была бы крайне опасной. Ввел исключительный закон против социалистов, при этом провозгласил некоторые социальные реформы, в частности, в сфере образования. «Железный канцлер», как его называли, был классиком политического маневра. Широко известно его высказывание: «Если хочешь одурачить мир, скажи ему правду».

70

В мае 2005 года в печати проскочила заметка следующего содержания:

> «На днях прошел по “ящику” чудный сюжет об Ольге Константиновне Чеховой (1897–1980) — русской актрисе, имевшей правительственные награды Третьего рейха и СССР. Она имела в мужьях лучшего летчика люфтваффе рейхсмаршала Геринга (а в тетках — вдову А. П. Чехова Ольгу Леонардовну). Вдуматься только: имела прямое дело со Сталиным и Гитлером (одновременно!), да это же грандиозные личности были; о которых лет через семьсот начнут догадываться, кто они такие, что было в подоплеке, в знаменателе! Ай да Сталин! Как заплел хвосты врагам Советской власти и кого подтягивал к борьбе за дело рабочего класса!»

Любопытная информация.

Не знаю, как О. К. Чехова общалась со Сталиным, но мне точно известно, что с руководителем советской контрразведки В. С. Абакумовым она имела доверительную переписку. Она получила в шведском посольстве в Берлине пакет из Москвы с письмом Ф. Паулюса, находившегося в советском плену, и передала его жене фельдмаршала, проживавшей на юге Германии. В пакете имелась письменная просьба Абакумова — получить ответ от адресата, передать его шведам. Это поручение Чехова выполнила. Паулюс получил письмо от жены. Обратите внимание — это было в 1944 году! За этот подвиг О. К. Чехову наградили орденом Ленина, Абакумову пожаловали орден Кутузова 1-й степени. Организатор акции, советник посольства СССР в Швеции А. П. Плотников, также получил государственную награду.

После этого Паулюс активно включился в борьбу против Гитлера. 14 августа 1944 года он заявил, что Германия должна устранить Гитлера и установить новое государственное руководство. Сохранился текст обращения Паулюса к немцам, подписанный 26 октября 1944 года. В книге Дм. Волкогонова «Триумф и трагедия» приводится часть этого документа:

> «26 октября 1944 года.
> Генерал-фельдмаршал фон Паулюс.
> *Немцы*!

Я чувствовал, что мой долг по отношению к родине и возложенная на меня, как фельдмаршала, особая ответственность обязывают сказать своим товарищам и всему нашему народу, что теперь остался только один выход из нашего кажущегося безвыходным положения — разрыв с Гитлером и окончание войны.

Наглой ложью является утверждение г-на Гиммлера о том, что с немецкими солдатами в русском плену обращаются бесчеловечно, что с помощью кнута и под дулом револьвера их заставляют выступать с пропагандой против своего отечества. В Советском Союзе с военнопленными обращаются гуманно и корректно».

Паулюс провел в Советском Союзе десять лет, очень тосковал по Германии. В конце февраля 1952 года С. Н. Круглов докладывал Сталину: «В ночь на 26 февраля 1952 года у содержащегося на спецобъекте под Москвой военнопленного фельдмаршала германской армии Паулюса Фридриха произошел обморок с кратковременной потерей сознания… Оказана необходимая медицинская помощь. Питанием обеспечивается вполне удовлетворительно. Вместе с Паулюсом проживают и обслуживают его: личный ординарец солдат Шульте и личный повар военнослужащий Жорж. Вследствие длительного пребывания в плену и неизвестности решения вопроса о его репатриации в последнее время он стал проявлять нервное беспокойство».

«Высочайшее» решение — репатриировать на родину — после необходимых формальностей было, наконец, принято.

Что еще должен знать здесь мой читатель? Чехова — русская аристократка, проживавшая на чужбине, не забывала своих корней, ей был присущ природный патриотизм. Это видно из ее мемуаров «Мои часы идут иначе». Любимица кинозрителей сыграла роли в 145 фильмах. Так же талантливо сыграла она роли по оказанию специфической помощи в годы Великой Отечественной войны своей стране, народу. Смысл существования она видела в неустанном творческом поиске. В деяниях. В этом счастье. В ее книге есть слова: «Каждую секунду, минуту и час, прожитые вами без счастья, вы потеряли безвозвратно».

В мемуарах она неоднократно упоминает Карлсхорст — советскую комендатуру, с сотрудниками которой она общалась. Командарм, комендант держал ее на приличном расстоянии от своего кабинета. Василий Иванович Качалов, народный артист СССР, с которым Н. Э. Берзарин был знаком с весны 1941 года, пытался по телефону «растопить лед», звонил из Москвы в

Берлин, разговаривал с Николаем Эрастовичем. Мол, посодействуйте… Последовал холодный ответ: «У этого прекрасного дитяти заступников, нянек хоть отбавляй. Говорите, Василий Иванович, о ком-нибудь другом, — заметил комендант. — По моему распоряжению, Василий Иванович, ее обслуживает адъютант-москвич, образованный офицер в чине полковника. Что ей еще требуется?» Качалов растерянно извинился и разговор прервался. Народный артист сердцем понял смысл слов, сказанных глубоким почитателем его таланта, комендантом. Генерал — человек весьма щепетильный, и он не желает ходить в няньках после Канариса и Абакумова.

71

В «Российской газете» за 4 февраля 2010 года (№ 23) была опубликована корреспонденция Вадима Давыденко «Теперь горбатые». Она посвящена 248-й дивизии, сформированной в Астраханской области. В этом войсковом соединении, прошедшем с боями до Берлина, в качестве артиллерийских тягачей использовались двугорбые калмыцкие верблюды. Несколько таких животных уцелели, дошли до столицы Третьего рейха. Астраханцы решили увековечить память о верблюдах-бактрианах в бронзе. В газете напечатали эскиз будущего памятника. Состоялся сбор пожертвований на его сооружение в Ахтубинском районе.

См.: *Боков Ф. Е.* Весна Победы. М., 1979. С. 205–207.

73

Через несколько дней, когда капитуляция Берлинского гарнизона стала фактом, мы узнали подробности падения Берлина, в том числе и о контактах нашего командования с нацистскими главарями. Узнали и фамилии тех генералов: начальника штаба сухопутных войск Ганса Кребса, начальника округа обороны Берлина Ганса Вейдлинга. 2 мая утром Вейдлинг подписал приказ о прекращении сопротивления. Текст приказа гласил:

> «30 апреля фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то, что иссякли боевые запасы, и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление.
>
> Приказываю: немедленно прекратить сопротивление.
>
> *Вейдлинг*
>
> *(генерал артиллерии, бывший командующий зоной обороны Берлина)».*

Приказ этот был объявлен всеми радиостанциями Берлина.

Генерал Кребс, вернувшись с переговоров, доложил Геббельсу о неудавшейся попытке вести торг. Кребс, а затем и Геббельс с семьей покончили жизнь самоубийством. Они ушли из жизни, слыша раскаты преисподней.

74

В наши дни в прессе, радиопередачах, на телевидении, в Интернете и других СМИ часто попадается словечко «пиар». Что оно означает? Слово происходит от аббревиатуры *PR* — от первых букв английских слов «паблик рилейшен» («общественные связи»). Этим термином охватываются все способы «раскрутки» политических деятелей. СМИ, особенно телевидение, словом «пиар» характеризуют умение сотрудника СМИ пролезть в нужное место и к нужным людям, устанавливать связи и много чего еще. Существует еще «черный пиар», охватывающий войну компроматов, заказные статьи, теле- и радиопередачи, шельмование противников, распространение ложных слухов и др.

75

Политиздат выпустило три сборника очерков «В редакцию не вернулся». В первом сборнике напечатан мой очерк «Без газеты жить не могу» — о погибшем корреспонденте дивизионной газеты Константине Воронове (см.: В редакцию не вернулся: Сборник. Т. 1. М., 1964. С. 217–225). Во втором сборнике — мой очерк (в соавторстве с А. Хамидуллиным) «Сын коммуны» — о журналисте Ниязе Абдрашитове (см.: В редакцию не вернулся: Сборник. Т. 2. М., 1967. С. 199–208).

76

Мата Хари — сценическое имя нидерландки Маргареты Гертруды Зеле (1876–1917). В начале XX века завоевала шумную славу как исполнительница экзотических танцев, особенно во Франции, а также в Германии. В Первую мировую войну Франция и Германия стали непримиримыми врагами. Французская разведка использовала Мату Хари в своих целях. Но ее завербовали и спецслужбы кайзеровской Германии. Пришлось несчастной разведчице изворачиваться, оказывая услуги враждующим сторонам. История Маты Хари закончилась печально, ее предал близкий ей человек. Попавшая в жернова спецслужб, Мата Хари была безжалостно казнена во Франции. Ее трагическая биография интенсивно эксплуатировалась литераторами и киношниками. Григорий Бушин не мог не вспомнить имя героини шпионажа из эпохи его военной юности.

77

«Красная капелла» — подпольная антифашистская организация в Берлине. Коммунисты и антифашисты организовали борьбу в подполье сразу же после прихода Гитлера к власти в 1933 году. Название организации дал абвер. Сначала их называли «Пианистами», если обнаруживали несколько участников — называли «Красной капеллой». Вот некоторые из лидеров и участников:

Арвид Харнак — родился в 1901 году, из семьи потомственных интеллигентов. В 1924 году получил юридическое образование и докторский диплом. Также учился в США, получив экономическое образование. Стал убежденным марксистом-ленинцем. К 1936 году работал в различных государственных учреждениях Германии. Возглавлял организацию антифашистов.

Харро Шульце-Бойзен — родился в 1909 году, внучатый племянник гроссадмирала фон Тирпица. Имел чин обер-лейтенанта, служил в имперском министерстве авиации. Второй лидер.

Эрика фон Брокдорф («Красная графиня») — родилась в 1922 году, жена графа Кая фон Брокдорфа, также участника Сопротивления. Служила в имперском бюро труда. Ее квартира неоднократно использовалась для радиосвязи с Москвой.

Ильза Штебе (Альта) — родилась в 1911 году, журналистка, работала корреспонденткой в Варшаве, с 1939 года — в министерстве иностранных дел. Исключительно мужественная женщина.

Ганс Копи — родился в 1916 году, токарь, основной радист организации.

Члены организации имели разные убеждения и партийную принадлежность. Среди них были коммунисты, социал-демократы, пацифисты, христианские демократы, просто верующие люди и т. д.: например, коммунист Вальтер Хуземан и его жена Марта, полковник вермахта Эрвин Гертс, журналист Вильгельм Гуддорф, инженер Ганс Генрих Куммеров, скульптор Курт Шумахер и его жена Элизабет.

Впервые их засекли в ночь с 25 на 26 июня 1941 года. Аресты и казни произошли в декабре 1942 года. Всего было вынесено 52 смертных приговора. Мужество героев… 28 из них были посмертно награждены самыми высокими боевыми наградами СССР.

78

Имя Ольги Чеховой встречается в мемуарах В. М. Бережкова, первого секретаря советского посольства в Берлине в 1940–1941 годах. Он писал: «…На больших приемах какой-нибудь новый слух облетал с молниеносной быстротой, хотя его, конечно, передавали под “строгим секретом”. Тут можно было познакомиться с крупными промышленниками, высшими представителями нацистской иерархии, с такими тогдашними кинознаменитостями, как Ольга Чехова, Пола Негри, Вили Форет. На таких приемах всегда было людно и шумно…» (см.: *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. М., 1982. С. 37).

С Ольгой Чеховой беседовал писатель Вадим Собко. Он записал с ее слов стихотворение, автором которого был Харро Шульце-Бойзен (один из лидеров «Красной капеллы»):

Перед последним рубежом
Мы подводим жизни итог.
Спросим себя в этот час роковой:
А стоило жизнь так пройти?

Ответ один, он такой простой:
Мы были на верном пути.

Когда смерть держит тебя в когтях,
Жить хочется, как назло.
Но нет сожалений ни в мыслях, ни в снах:
Нас правое дело вело.

Топор и веревка нас не страшат —
Не выигран ими спор.
Пусть судьи суд свой неправый вершат,
Не вечен их приговор.

Полковник Бушин сказал мне, что Ольга Чехова на его вопрос о том, как же она спаслась от ареста, пояснила: «Самое поразительное в истории “Красной капеллы” то, что в ней *не нашлось предателя.* Радиообмен. Это уязвимое место. Организация после первых арестов еще действовала более полугода, даже больше. Ведь были же события, обозначенные “20 июля”»… (полковник фон Штауффенберг 20 июля 1944 года совершил покушение на Гитлера).

79

См.: Н. Э. Берзарин. Автобиография. 26.4.1936. ЦАМО РФ. Оп. 1 864 326.

80

См.: *Овчинников Вс.* Тайны Пентагона: План «Дропшот» намечал в нашей стране 300 новых Хиросим // Российская газета. 2010. 29 июля. № 167.

81

См.: Архив МО. Фонд Полевого управления Группы советских войск в Германии. Оп. 1951. Д. 17. Л. 462–464.

82

После гибели Н. Э. Берзарина командующим 5-й ударной армией и комендантом Берлина был назначен генерал-полковник А. В. Горбатов. После него во главе Центральной комендатуры Берлина были сначала генерал-лейтенант Д. И. Смирнов, а затем генерал-майор А. Г. Котиков.

Генерал-лейтенант Ф. Е. Боков был перемещен на работу в Советскую военную администрацию в Германии. Он стал членом военного совета Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Задачи СВАГ были изложены в Положении о Советской военной администрации в Германии, утвержденном Совнаркомом СССР 6 июня 1945 года. В этом документе указывалось, что СВАГ «…имеет своей задачей осуществление контроля за выполнением Германией условий безоговорочной капитуляции, управление советской зоной оккупации и проведение в жизнь согласованных решений Контрольного Совета по главным военным, политическим, экономическим и другим вопросам, общим для всей Германии».

83

См.: *Наливалкин Д. А.* Исповедь о прошлом и настоящем. М., 2008.

См.: *Фет А.* Воспоминания. М.: Правда, 1983. http://az.lib.ni/f/fet_a_a/text_0170.shtml

В 1977 году указом Президиума Верховного Совета СССР Я. И. Джугашвили был посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Подвиг российского патриота не был предан забвению.

86

Сергей Матвеевич Штеменко (1907–1976) — генерал армии. Всю войну находился на ответственных должностях в Генштабе, сопровождал Верховного главнокомандующего И. В. Сталина в его поездке на Тегеранскую конференцию 1943 года (28 ноября — 1 декабря). Вместе с маршалами Г. К. Жуковым, А. М. Василевским и другими полководцами непосредственно участвовал в планировании операций по разгрому вооруженных сил фашистской Германии и милитаристской Японии. Обладал феноменальной памятью, в любое время суток мог детально проинформировать И. В. Сталина о положении на фронтах.

87

По-французски *le tigre* — тигр. Так французы называют отчаянных людей. К таким личностям относится сам де Голль. Интересно, что этим же кодом — тигр — обозначили Берзарина и японцы, и немцы. Не удивительно, тигр — это красота, мощь, храбрость, то есть качества, особо ценимые в военной среде, и не только в военной… У Берзарина трудно найти какие-либо отрицательные черты. Это был натуральный генерал, в нем не было фальши.

88

См.: *Боков Ф. Е.* Весна Победы. М., 1979. С. 397. В немецкой печати Н. Э. Берзарина называли великим сыном советского народа.

89

Вернер фон Браун (1912–1977) — немецкий, а с конца 1940-х годов — американский конструктор ракетно-космической техники. Член НСДАП, штурмбанфюрер СС. После войны он и его конструкторское бюро в полном составе стали работать в США, оснащая Америку ракетами для нападения на СССР.

90

Веды *(санскр.* — знание, учение) — памятники древнеиндийской литературы конца II — начала I века до н. э. Ведическую литературу составляют сборники гимнов и жертвенных формул. Из них ученые делают выводы, что Индия есть древняя сестра Руси, с которой ее связывает тесное родство.

91

ИТАР-ТАСС опубликовало следующее сообщение:

«Именем первого советского коменданта Берлина генерал-полковника Николая Берзарина назван мост (“Nikolai-Bersarin-Brucke”) через речушку Вуле в восточной части города в столичном районе Марцан. Именно в этом историческом месте 21 апреля 1945 года на перекрестке улиц Ланцбергер-аллее и Цосенерштрассе первые советские подразделения пересекли тогдашнюю границу Берлина, пробиваясь к рейхстагу в центре столицы Третьего рейха. Инициатива переименовать мост, который до сих пор назывался Вуле-брюкке, принадлежит районным властям Марцана.

Владимир Смелов. 31.05.2005 г.».

В ветеранских организациях не раз шел разговор о том, что властям Приморского края Российской Федерации давным-давно следовало бы назвать одну из сопок у озера Хасан — Безымянную или Заозерную — Высотой генерала Берзарина. Там воевала с японцами его 32-я дивизия. Но дальше разговоров дело не пошло.

По инициативе ветеранов 8-й гвардейской армии именем В. И. Чуйкова названо одно из недавно обнаруженных астрономами в мироздании небесных тел. Думается, что этот прекрасный поступок гвардейцев вдохновит на нечто подобное и ударников-берзаринцев. Имя Николая Берзарина заслуживает того, чтобы сиять в веках.